

Комитет по культуре Санкт-Петербурга
Государственный историко-художественный
дворцово-парковый музей-заповедник «Гатчина»
Российское историческое общество
Союз музеев России

Гатчинский дворец в истории России

Конференция, приуроченная к 150-летию
Российского исторического общества
и 250-летию Гатчинского дворца

Материалы научной конференции
1–3 декабря 2016

Директор СПб ГБУК «ГМЗ «Гатчина»

В.Ю. Панкратов

Координация и общая подготовка издания:

С.А. Астаховская, Е.В. Минкина

Гатчинский дворец в истории России. Конференция 1–3 декабря 2016 года приурочена к 150-летию Российского исторического общества и 250-летию Гатчинского дворца. – Санкт-Петербург: Свое издательство, 2016. – 400 с., ил.

ISBN 978-5-4386-1167-7

Гатчинский дворец, один из крупнейших пригородных дворцов Санкт-Петербурга, на протяжении ста двадцати лет был резиденцией императорской фамилии и неразрывно связан с историей и культурой России. Здесь проходили пышные праздники и торжественные собрания, военные парады и веселые охоты; здесь впервые для публики исполнялись новые музыкальные произведения и испытывались новейшие технические изобретения. В годы царствования императора Александра III, покровительствующего исследователям старины и избранного почетным председателем Императорского Русского исторического общества, Гатчинский дворец также стал местом регулярных встреч монарха с русскими историками.

Книга адресована в первую очередь специалистам и музейным работникам, но будет интересна также широкому кругу читателей, интересующихся проблемами истории и искусства.

В оформлении обложки использована фотография А.Ю. Морозова

ISBN 978-5-4386-1167-7

Архитектурные родственники (ретроспективный взгляд на Гатчинский и Мраморный дворцы)

Обычно термин «родственник» применяется к живым существам: в первую очередь к людям, реже – к животным и растениям. Применительно к людям родственниками принято называть лиц, связанных между собой кровным родством и происходящих один от другого или от общего предка. Думается, что иносказательно данный термин вполне уместно использовать и для архитектуры. Автор на основании своей многолетней работы в Мраморном дворце попытался выявить общее, родственное, в то же время подчеркнув особенности неповторимых архитектурных памятников галантного века Екатерины Великой – Гатчинского и Мраморного дворцов.

Оба дворца возводились по заказу императрицы Екатерины II, которая и была инициатором появления этих прекрасных зданий. Автором обоих проектов являлся придворный архитектор, итальянец Антонио Ринальди (1709–1794). Строились они практически одновременно: Гатчинский – в 1766–1781 годы, а Мраморный – в 1768–1785 годы, да и предназначались одному и тому же фавориту императрицы – графу Г.Г. Орлову (1734–1783), в том числе как вознаграждение за заслуги. «С моей же стороны я никогда не забуду, сколько я всему роду вашему обязана»¹, – писала Екатерина в одном из своих писем. Судьбе было угодно навеки соединить три известных имени своего времени – императрицы, впоследствии именуемой Великой, одного из самых известных ее фаворитов и знаменитого придворного архитектора – в каменной громаде этих двух резиденций. Следовательно, используя метафору, можно говорить о том, что все они являлись их общими коллективными родителями. Отсюда и вытекает вывод о том, что эти архитектурные сооружения – «братья-погодки», причем старшим из них является Гатчинский дворец.

Таким образом, определившись с их родством, зададимся вопросом: «Похожи ли братья?» Для людей это прежде всего внешнее портретное сход-

¹ Павленко Н.И. Екатерина Великая. М.: Молодая гвардия, 1999. С. 360.

ство и отличительные черты характера. Попробуем перенести данные критерии на объекты нашего внимания. Историк Б.М. Матвеев дал им такую характеристику: «Мраморный и Гатчинский дворцы в их первоизданном виде представляются своеобразными посланиями в вечность, которыми обменялись Екатерина Великая и Григорий Орлов, а «начертал» их придворный архитектор императрицы»².

Примечательно, что в обоих дворцах сохранились мраморные барельефы с портретом архитектора. По установившейся традиции их авторство приписывают Ф.И. Шубину. Скульптурный портрет Ринальди в Гатчинском дворце некоторые исследователи связывают с письмом зодчего к императрице от 14 июня 1767 года³, в котором он сообщает государыне, что граф Григорий Орлов пожелал видеть его портрет на одном из каминов своего дома. «Ваше Императорское Величество, то, что Его Сиятельство граф Орлов подумал о помещении моего портрета с надписью на одном из каминов дома, который я имею честь ему строить есть милость, которая удивила бы не только меня, знающего ей цену, и которую, как я понимаю, я мало заслуживаю<...>»⁴. Где первоначально размещался данный барельеф? Вопрос пока остается открытым. В.М. Белковская выдвигает свою версию: «<...> с большой долей вероятности можно предполагать, что овальный мраморный рельеф в обрамлении с надписью замечательно вписывался в торцовую стену Белого зала <...>»⁵. Однако с таким утверждением категорически не согласна научный сотрудник, хранитель скульптуры и бытовой коллекции Гатчинского дворца Е.Н. Хмелева. Она справедливо замечает, что в опубликованном В.М. Белковской письме говорится не просто об изображении Ринальди, а о «портрете с надписью». Но у мраморных барельефных изображений архитектора как в Гатчинском, так и в Мраморном дворцах никакой надписи нет. Вероятнее всего, речь идет о третьем скульптурном портрете итальянского зодчего⁶.

² Матвеев Б.М. Образы Петербурга. Мистика и реальность. М.: Центрполиграф, 2009. С. 8.

³ Оригинал письма хранится в АВПРИ. Ф. 14/1, 1767, ex. R-92.

⁴ Белковская В.М. К портрету А. Ринальди // Императорская Гатчина: Материалы научной конференции. СПб.: ООО «Фортекс групп», 2003. С. 57.

⁵ Там же. С. 57.

⁶ Подробнее об этом см.: Хмелева Е.Н. Портрет Антонио Ринальди в Гатчинском дворце // <http://history-gatchina.ru/article/rinaldi.htm> (Дата обращения 29.08.16)

Мы не будем вступать в дискуссию по этому вопросу, так как это тема отдельного исследования. Сейчас барельеф с изображением архитектора можно увидеть в Проходной комнате Гатчинского дворца между Аванзалом и Белым залом. В своей книге о Ринальди Д.А. Ключарианц отмечает: «В одну из стен этой маленькой Проходной был вделан мраморный барельефный портрет Ринальди, такой же, как на Парадной лестнице Мраморного дворца. Он был помещен здесь уже в павловское время и, надо думать, являлся своеобразной подписью автора дворца»⁷.

В Мраморном дворце барельеф с портретом Ринальди сразу был помещен в одну из стен лестничного павильона: «В нижнем этаже в прямом нише вставлен в стене портрет из белого мрамора круглой *архитектора Ринальди*, а по лестнице до среднего этажа в четырех нишах статуи из белого мрамора, из них представляют первая *утро*, вторая *день*, третья *вечер*, а четвертая *ночь*»⁸. В ходе реконструкции дворца, проведенной А.П. Брюлловым в 1840-х годах, указанная ниша была ликвидирована, однако барельеф с портретом итальянского зодчего сохранился на прежнем месте. Изображение Ринальди – это первое, на что падает взгляд входящего во дворец. Согласимся, что и здесь его можно рассматривать как «своеобразную подпись автора». Но почему эта «подпись» располагается на столь заметном месте? Логичнее было бы поместить здесь изображение владельца дворца или императрицы, по велению которой здание строилось. Однако этого не произошло. Подчиняясь законам моды, Гатчинский и Мраморный дворцы были искусно наполнены различными аллегориями. Парадная лестница «Здания благодарности» (именно такое название было высечено над парадным входом в Мраморный дворец) представляла перед современниками как аллегория жизненного пути человека. Главным действующим лицом здесь должно было выступать время. Учитывая широкое распространение аллегорий среди аристократии второй половины XVIII века, можно предположить, что Ринальди, помещая свой портрет перед Парадной лестницей, выступает здесь не как архитектор, а как своеобразный проводник

⁷ Ключарианц Д.А. Антонио Ринальди. Л.: Стройиздат, 1984. С. 91.

⁸ РГИА. Ф. 539. Оп. 1. Д. 284. Л. 72. «Описание Мраморного дома покоям в их уборах и вещам, так же и службам с приложением планов, поднесенное от Полковника Буксгевдена 1785 года». Полностью опись Мраморного дворца 1785 года опубликована в кн.: Трубинов Ю.В. Архитекторы Мраморного дворца. Мистификации и реальность. СПб.: Композитор – Санкт-Петербург, 2013. Приложение. С. 254–335.

по реке Времени, ибо в античности Время нередко изображали в виде пожилого человека, убеленного сединами. Не случайной была и последовательность размещения скульптур, олицетворяющих четыре времени суток. Утро воспринималось как рождение человека, его детство, но оно также являлось аллегорическим выражением весны. День – юность и зрелость (лето). Вечер – старость (осень). Ночь ассоциировалась со смертью, загробным миром (зима). В настоящее время эта последовательность нарушена. Согласно концепции А.Е. Ухналева⁹, когда в 1998 году скульптуры возвращали из центрального здания Русского музея в Мраморный дворец, первой была поставлена Ночь, а дальше все расположилось «по солнцу». Объясняя причину перестановки скульптур, Ухналев пишет: «Иконографическая традиция требовала, чтобы серия начиналась с Ночи – дочери Хаоса и матери светозарного дня. Скорее всего, статуи «Утро» и «Ночь» были с самого начала поставлены неверно, хотя доказать это теперь уже невозможно <...> в 1998 году статуи были возвращены на свои исторические места, причем решено было исправить допущенную в XVIII веке ошибку <...>. Теперь, в соответствии с иконологической традицией, серию открывает «Ночь»¹⁰. Но возникает большое сомнение, что, выполняя заказ императрицы, можно было что-то напутать. Также не будем забывать, что язык аллегорий просвещенным людям того времени был значительно ближе, чем нам, живущим в XXI веке.

Поднимаясь на третий этаж, мы видим еще две скульптуры, которые связаны с весенним и осенним равноденствиями. Морфологически они означали расцвет и закат деятельности человека. А завершалась эта линия времени на потолке лестничного павильона действующим циферблатом настоящих часов. Так в убранстве Парадной лестницы Мраморного дворца гениальный итальянский архитектор «зашифровал» реку Времени.

Возвращаясь к скульптурному изображению архитектора Ринальди в Гатчинском дворце, отметим, что Д.А. Ключарианц подчеркивает: «Мраморный барельефный портрет Ринальди, *такой же, как на Парадной лестнице Мраморного дворца*» [курсив мой – В.А.]. Но это не так. Достаточно просто посмотреть на эти изображения. Становится видно, что угол наклона циркуля,

⁹ Ухналев А.Е. Мраморный дворец в Санкт-Петербурге. Век восемнадцатый. СПб.: Левша. Санкт-Петербург, 2002.

¹⁰ Там же. С. 156, 158.

зажатого в руке архитектора, в обоих случаях различен, равно как и изображенные складки одежды на плечах мастера. При дальнейшем внимательном сравнении обнаруживаются другие отличия, не столь ярко бросающиеся в глаза, а именно: овал лица, форма носа и ушной раковины. Следовательно, их нельзя рассматривать по схеме «оригинал–копия», а лишь только, да и то с оговорками, как «авторское повторение».

В обоих зданиях мы находим еще один своеобразный автограф придворного архитектора – барельеф с изображением перекрещивающихся веточек с включенными в них цветками. Эта композиция получила условное название «цветка Ринальди». В Гатчинском дворце эти «цветки» расположены на северной стене Белого зала Гатчинского дворца под барельефами «Кидиппа на колеснице» и «Драка амуров». Обратим внимание, что они очень напоминают композицию похожего мотива в Мраморном зале Мраморного дворца. Хотя вполне вероятно, что итальянский архитектор, включая растительный мотив в убранство парадных залов обоих дворцов, лишь следовал своеобразной традиции искусства второй половины XVIII столетия. (Примером тому может служить аналогичный «цветок» на фасаде католической церкви Св. Екатерины Александрийской на Невском проспекте. Храм начал строиться в 1762 году по проекту Ж.-Б. Валлена-Деламота, а достраивался уже под руководством Ринальди).

Не лишним будет обратить внимание и на следующее обстоятельство: в эту эпоху получает распространение мода на башенные часы с боем. Заказ на изготовление часов для Гатчинского и Мраморного дворцов получили мастера Авраам Сандос и Иосиф Басселье, которые «<...> разработали и собрали механизм часов применительно к индивидуальным условиям и особенностям места их установки в башенных объемах обоих орловских дворцов»¹¹. Судя по всему, часы Гатчинского и Мраморного дворцов были запущены одновременно, несмотря на то, что строительные работы в последнем еще не были завершены.

Руководство Гатчинского музея-заповедника к 200-летию юбилею своего города решило восстановить башенные часы с колокольным звоном. В 1992 году в Санкт-Петербургском институте ядерной физики была создана группа во главе с Ю.П. Платоновым, которой поручалось восстановление

¹¹ Трубинов Ю.В. «Бельведер» Мраморного дворца в Петербурге // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 2001. М.: Наука, 2002. С. 471.

башенных часов Гатчинского дворца. В состав группы вошли конструктор В.В. Иванов, инженер М.П. Гурьев, научный сотрудник физик С.С. Василенко и фотограф Т.Н. Качанова. Используя свой многолетний опыт восстановления старинных башенных часов, они разработали проект и подготовили чертежи для часового механизма Гатчинского дворца. Однако, познакомившись поближе с историей строительства двух дворцов, Платонов пришел к выводу о необходимости визуального осмотра Часовой башни Мраморного дворца в надежде, что это поможет в их дальнейшей работе по воссозданию часов в Гатчине. Летом 1992 он вместе с Василенко впервые посещает Мраморный дворец. «От часов ничего не сохранилось, лишь циферблат со стрелками, к которому вел электропривод <...> За стеной часовой комнаты мы заметили засыпанные мусором металлические уголки. <...> в электричке он [т.е. Платонов. – В.А.] вдруг понял, что металлические уголки – это перевернутая рама часов. <...> Уже через два дня было решено отложить готовый проект в сторону и уделить особое внимание часам Мраморного дворца»¹².

Тогда, в начале 1990-х годов, Русский музей только начинал осваивать помещения Мраморного дворца. Первоочередными задачами являлись даже не реставрационные, а косметические ремонтные работы, которые необходимо было провести в срочном порядке после выезда из здания ленинского музея. Вопрос о воссоздании часов на том этапе даже не стоял. Этим можно объяснить факт, почему архивные изыскания и натурные обмеры помещений проводились в основном командой Платонова. Они позволили выяснить, что механизмы часов в обоих дворцах были одинаковой конструкции. Таким образом, была подтверждена правильность принятия окончательного решения начать восстанавливать гатчинские часы по образцу частично сохранившихся часов Мраморного дворца. С этой целью было тщательным образом обследовано не только помещение часового механизма в Мраморном дворце, но и практически весь чердак этого здания.

Во время одного из посещений Часовой башни Мраморного дворца был обнаружен вексельный механизм, скрытый небольшим зацементированным люком в полу. Когда-то он приводил в действие стрелки второго циферблата,

¹² Василенко С.С. О быстротечности жизни и вечности Времени. (К истории воссоздания башенных часов Гатчинского дворца и не только...) Гатчина: Изд-во ПИЯФ РАН, 2007. С. 38.

находящегося на парадной лестнице Мраморного дворца. Дело в том, что при большом сходстве часовых механизмов количество циферблатов во дворцах было различным. В Мраморном первоначально их было два: один помещался на главном восточном фасаде башни дворца, выходящем в курдонер, а второй был вмонтирован в потолок купола Парадной лестницы. В описи Мраморного дворца читаем: «<...> над оным куполом в болведере покой, в нем поставлены большие часы с тремя колоколами медными, от которых для показания часов и минут циферные доски с вызолоченными литерами вставлены, одна на двор, а другая внутрь купола парадной лестницы <...>»¹³ Циферблат, расположенный на потолке Парадной лестницы, был демонтирован во время реконструкции Мраморного дворца А.П. Брюлловым в середине XIX века, так как он мешал установке живописного плафона «Суд Париса» художника И. Криста, перенесенного из другого помещения. Что же касается Гатчины, то здесь было целых четыре циферблата. Они располагались на башне, которая и носит название Часовой.

Рассматривая проблему восстановления часов в Мраморном дворце, Ю.В. Трубинов отмечает: «В общей сложности было найдено 19 деталей, имевших отношение к механизму башенных часов, среди которых оказались валы барабанов боя, заводная ручка, зубчатые шестерни, рычаги и сегменты колес разного диаметра... и другие элементы специального назначения»¹⁴.

Как уже отмечалось выше, удалось найти старую часовую раму с частично сохранившимися следами позолоты на ее бронзовой обшивке. В итоге применительно к часам Гатчинского дворца детали часового механизма были выполнены по сохранившимся и отреставрированным деталям механизма башенных часов Мраморного дворца, а при полном отсутствии некоторых отдельных деталей пришлось прибегнуть к их авторским разработкам. В конце 1993 года часовой механизм гатчинских часов был запущен, а в феврале 1994 года на башне дворца были установлены четыре циферблата. Они отличаются от циферблата Мраморного дворца тем, что имеют меньший диаметр (1700, вместо 2100 мм) и отсутствием арабских цифр.

¹³ РГИА. Ф. 539. Оп. 1. Д. 284. Л. 72 об. «Описание Мраморного дома покоям в их уборах и вещам, так же и службам с приложением планов, поднесенное от Полковника Буксгевдена 1785 года».

¹⁴ Трубинов Ю. В. Указ. соч. С. 475.

Успешное завершение работ по воссозданию часов в Гатчине позволили в 1995–1996 годах приступить к разработке проекта реконструкции часового механизма и в Мраморном дворце. Работы по воссозданию часов Мраморного дворца облегчались тем, что очень многое было сделано ранее, во время работы над восстановлением башенных часов в Гатчинском дворце. Проект реконструкции предусматривал использование отреставрированной рамы часового механизма XVIII века, а также восстановленных фрагментов отдельных деталей. В результате проведенной реконструкции родной циферблат часов Мраморного дворца ввиду достаточной ветхости был заменен современной копией. Внутренняя сторона старого циферблата хранит следы реставраций, произведенных как в советское, так и в более раннее время. На что, в частности, указывают различные шлицы шурупов, скрепляющие его составные элементы. Помимо этого, сегментарное окно, служившее для технического ухода и корректировки (юстирования) времени часовых стрелок, крепится при помощи надежных «советских» петель, которые, возможно, были установлены вместо крепежа типа «пятник», или пятниковых петель. Исследование диска циферблата XVIII века показало, что основа его выполнена из медных пластин толщиной 12 мм, а крестовина – из стальных уголков. Высота арабских цифр (бронза, позолота) – 150 мм, а высота римских цифр, также выполненных из бронзы, 300 мм. Диаметр циферблата – 2100 мм¹⁵.

Были воссозданы не только помещение для часового механизма, но и звонница на смотровой площадке бельведера. Часовой механизм был запущен в марте 1998 года, а в мае 1999 года были установлены колокола. Колокола Гатчинского и Мраморного дворцов имеют одинаковый вес: часовые – по 320 кг, и четвертные – 128 кг и 80 кг. Правда, отлиты они в разных местах. Если гатчинские колокола отлиты на предприятии «Вера» в Воронеже, то отливка колоколов для филиала Русского музея была произведена фирмой «Пятков и К°» из Свердловской области.

Возвращаясь к истории создания Гатчинского и Мраморного дворцов, отметим, что оба они воплотили в себе принципы раннего русского классицизма, однако внешне отличаются друг от друга. Внешний вид Мраморного двор-

¹⁵ Исследование первоначального диска циферблата Часовой башни Мраморного дворца произведено совместно с ст.н.с. Ю.В. Трубиновым и при участии рабочего В.М. Сергеева в апреле 2016 г.

ца дошел до нас фактически без изменений, за исключением каменной ограды курдонера, разобранный в 1844 году в связи с реконструкцией по проекту А.П. Брюллова, чего нельзя сказать о его «старшем брате». «Башни, примыкающие к нынешнему Центральному корпусу, были надстроены в 1850-х годах и стали на один ярус выше. До этого они имели четыре этажа... Одноэтажными были боковые каре»¹⁶.

При описании дворца в Гатчине нередко употребляют определение «дворец-замок». Действительно, Гатчинский дворец напоминает своими очертаниями средневековый замок, особенно это хорошо видно со стороны парка. Данное сходство во многом обусловлено наличием двух башен – Часовой и Сигнальной. Д.А. Кючарианц считает такое сравнение не случайным, проводя аналогии Гатчинского дворца с замками в Ричмонде и Хэмптоншире. «Возможно, такое решение было навеяно путешествием в Англию, которое Ринальди совершил еще до приезда в Россию. Не могло не повлиять на Ринальди и общее для того времени увлечение средневековой архитектурой Англии»¹⁷.

Помимо этого, любой замок по определению должен иметь потайную лестницу, тайную комнату и обязательно подземный ход. Последний как раз и существует в реальности. Он ведет от дворца к Серебряному озеру и назван по имени нимфы Эхо. Впечатление о дворце как средневековом замке усиливает наличие рва, однако он, скорее всего, выполнял лишь функцию своеобразного ограждения парадного двора, а не служил фортификацией (каменный бастион появился позже, уже при императоре Павле I).

Мраморный дворец хоть и не похож на средневековый замок, однако имеет несколько характерных элементов последнего в своем внутреннем убранстве – правда, не все они связаны с именем А. Ринальди. Речь идет о фактически последнем владельце Мраморного дворца – великом князе Константине Константиновиче. О том, что великий князь был личностью творческой, в какой-то степени даже романтической, говорят и его личные апартаменты в Мраморном дворце, которые начали формироваться с конца 70-х годов XIX века. В покои великого князя можно попасть не только с улицы, через входную дверь, ведущую в его личный подъезд, но и через «тайный ход», по каменной

¹⁶ Спащанский А.Н. Григорий Орлов и Гатчина: история фаворита императрицы и его загородного имения. СПб.: Коло, 2010. С. 62.

¹⁷ Кючарианц Д.А. Указ. соч. С. 79–80.

винтовой лестнице. И чтобы не зависеть от погодных условий, одну из черных, или служебных лестниц, спроектированных Ринальди для слуг, Константин Константинович приспособил под свою личную лестницу. «Тайной» она называется потому, что ее дверь со стороны покоев оформлена в виде большого зеркала. В личных апартаментах своей резиденции великий князь не только работал, но и занимался творчеством, а также устраивал литературно-музыкальные вечера. Чаще всего такие встречи проходили в Готической (Музыкальной) гостиной. Это помещение расположено между Библиотекой и рабочим Кабинетом великого князя.

На северной стене Готической гостиной скульптором А. Адамсоном вырезана из дуба в строгом готическом стиле фигура царя Давида. Под скульптурой этого ветхозаветного персонажа в дубовой панели находится потайная дверь, ведущая в коридор, а из него – в прихожую.

Еще одна потайная дверь-шкаф находится в Кабинете великого князя. Она ведет в крохотную молельню, расположенную между кабинетом и коридором. В ней при великом князе находились минейные образа и по православному обычаю всегда теплилась лампадка. Личная молельня является еще одним из примеров средневековых веяний.

Подводя промежуточные итоги, следует заметить, что чисто внешне «архитектурные братья» не очень похожи, но за этой непохожестью кроется глубинное сходство. Они похожи не столько внешне, сколько судьбами. За свою долгую историю Гатчинский и Мраморный дворцы неоднократно подвергались реконструкциям – это были естественные процессы, связанные в первую очередь со сменой владельцев. После смерти князя Григория Орлова императрица Екатерина II выкупила у наследников дворцы. Гатчинский практически сразу же был подарен сыну – великому князю Павлу Петровичу, а Мраморный в 1796 году – внуку, великому князю Константину Павловичу.

Реконструкции проводились многими архитекторами, но обычно упоминают Винченцо Бренну (для Гатчины) и А.П. Брюллова (для Мраморного дворца). Причем обоим зодчим вменяют в вину тот факт, что они, дескать, исказили уникальные интерьеры, созданные Ринальди. При этом критики забывают о том, что и Бренна, и Брюллов стремились максимально удовлетворить вкусам своих именитых заказчиков: первый – наследника престола (впоследствии императора Павла I), а второй – императора Николая I, когда он перестраивал Мраморный для великого князя Константина Николаевича.

Не стоит забывать и тот факт, что мода на архитектурные стили не стоит на месте, она меняется, что тоже необходимо было учитывать как Бренне, так и Брюллову.

Возвращаясь к начальному этапу истории дворцов, отметим, что после смерти графа Г. Орлова одному будет уготована роль загородной императорской резиденции, а второму – великокняжеской. Так продолжалось до событий октября 1917 года, когда к власти пришло первое советское правительство, которое с самого начала издавало декреты, призванные охранять художественные ценности и реставрировать архитектурные памятники прошлого, имеющие общероссийское значение. Хотя в большинстве случаев реальность была далека от деклараций, содержащихся в этих документах, тем не менее в 1918 году бывший императорский дворец в Гатчине становится музеем и до начала Великой Отечественной войны существует именно в этом статусе.

В 1919 году в здании Мраморного дворца разместилась Российская Академия истории материальной культуры, переименованная в 1926 году в Государственную Академию истории материальной культуры – ГАИМК. В преддверии празднования 20-летия Великой Октябрьской социалистической революции принимается Постановление Совета Народных Комиссаров и ЦК ВКП(б) и Президиума Ленинградского Совета от 2/Х-36 года об освобождении Мраморного дворца «для организации музея т. Ленина»¹⁸. После реконструкции внутренних интерьеров дворца, проведенных коллективом под руководством архитектора Н.Е. Лансере, внутренний облик дворца был кардинально изменен. Парадные залы, сохранившие остатки былой роскоши, не соответствовали строгой экспозиции ленинского музея, поэтому практически все они утратили свой интерьер: паркет перестилали, камин разбирали, золоченую лепнину уничтожали, покрывая ее толстым слоем побелки, искусственный мрамор закрашивали. Исключение составили лишь Парадная лестница и Мраморный зал. Правда, и здесь не обошлось без реалий «социалистического реализма». Барельеф с портретом А. Ринальди в лестничном павильоне был наглухо задрапирован кумачом, а перед ним установлена скульптура Ленина. Из ниш на площадках между этажами исчезли скульптуры XVIII века, которые были переданы в Русский музей. Для Мраморного зала было сделано исключение – музею Ленина требовалось большое красивое светлое

¹⁸ Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1936. Д. 44. Л. 104.

помещение, где юных октябрят принимали в пионеры. Поэтому здесь изменения интерьера были минимальными: демонтировали два камина работы А.П. Брюллова, в Аничков дворец передали настенные бра, и, наконец, старый, еще ринальдиевский наборный паркет был заменен простым стандартным дубовым паркетом. В ноябре 1937 года Мраморный дворец открыл свои двери уже как ленинский музей.

Во время Великой Отечественной войны Гатчинский дворец сильно пострадал. Осуществить полную эвакуацию ценных экспонатов не удалось. Часть оставшихся экспонатов была укрыта в подвалах дворца, крупные скульптуры были зарыты в парке. До начала 1944 года дворец находился на оккупированной врагом территории. Отступая, немцы повредили здание. Многие ценные экспонаты были отправлены в Германию.

В отличие от своего «старшего брата», Мраморный дворец не понес таких сильных разрушений в годы войны. По воспоминаниям телефониста музея Ленина Н.Д. Богданова, он, являясь идеологическим учреждением, подчиненным Смольному, благодаря мощному фундаменту и толстым стенам был использован для размещения резервного телефонного узла, связывающего Ленинград с Москвой. Поэтому здание тщательно охранялось и было хорошо замаскировано от налетов вражеской авиации.

Когда в послевоенный период происходят возрождение архитектурных памятников и ликвидация последствий войны, начинаются работы и в Гатчинском дворце, но назвать это реставрацией трудно – просто принимались меры для того, чтобы здание можно было использовать. В 1950-е годы здесь размещалось Военно-морское училище, а затем сюда перевели закрытое учреждение ВНИИ «Электростандарт». Самое страшное заключалось в том, что в 1960 году Гатчинский дворец был снят с учета ГИОП. Это означало, что больше он не числился в списках памятников архитектуры. Эту чудовищную ошибку исправили уже в 1970-е годы. В 1976 году «закрытый ящик» освободил здание. Архитектором М.М. Плотниковым был разработан проект воссоздания парадных залов 2-го этажа Главного корпуса.

Дальнейшая схожесть линий судеб двух дворцов прослеживается и в последней четверти XX века, когда они вновь начинают обретать, казалось, безвозвратно потерянный облик дореволюционной эпохи. 8 мая 1985 года состоялось открытие первых восстановленных интерьеров Гатчинского дворца. Посетители смогли увидеть парадные залы XVIII века: Аванзал, Мраморную

столовую, Тронную Павла I. Это был первый шаг в возрождении дворца. Весной 2016 года были открыты Греческая галерея, комната Ротари, Светлый переход, Ротонда и комнаты за Греческой галереей.

Вслед за старшим братом вскоре изменения коснулись и младшего. 6 декабря 1991 года, когда мэр Санкт-Петербурга А.А. Собчак подписал распоряжение № 695-р, согласно которому Мраморный дворец передавался на баланс Государственного Русского музея, началась планомерная реставрация здания. Однако причины, которые вызвали необходимость реставрационных и реконструкционных работ в Мраморном дворце, в отличие от Гатчины, заключались не в разрушениях, связанных с военными годами и не с пребыванием «закрытого ящика». В Мраморном уникальные интерьеры уничтожались осознанно, ради музея Ленина, в угоду коммунистической идеологии.

В год 100-летия музея императора Александра III, а именно так изначально назывался Государственный Русский музей, на Парадную лестницу Мраморного дворца были возвращены 6 мраморных скульптур работы Ф.И. Шубина и его учеников. В апреле 2009 года состоялось торжественное открытие Зимнего сада Мраморного дворца. А из последних восстановительных работ следует отметить открытие в 2015 году Знаменной, Гостиной и Ротонды, а в 2016 году – Парадной столовой.

Как видим, период рубежа XX–XXI веков, несмотря на серьезные финансовые трудности, вдохнул новую жизнь в историю этих дворцов. Выше уже отмечалось, что в обоих архитектурных памятниках, благодаря многочисленным перестройкам, от замысла Ринальди осталось сравнительно немного, поэтому реставрационные и реконструкционные работы направлены на воссоздание интерьеров более позднего времени. В Гатчинском дворце они связаны с периодом правления императора Александра III, а в Мраморном – с именами великих князей Константина Николаевича и Константина Константиновича. Открытие новых парадных залов в очередной раз свидетельствует о том, что планы по воссозданию былой красоты внутреннего убранства сегодня успешно реализуются.

Удельные имения «Ливадия» и «Массандра» в эпоху императора Александра III (1881–1894)

Годы царствования Александра III (1881–1894) совпали по времени с невиданным доселе в России курортным бумом в Крыму, а частые августейшие визиты в летнюю резиденцию в Ливадии стимулировали интерес публики к строительству новых усадеб и имений на Южном берегу Крыма. Мощное развитие в эти годы на полуострове получили виноградарство, виноделие, плодоводство, преобразились сады и парки. Образцом южнобережного «райского сада» для новых и старых хозяев крымских владений стал Ливадийский парк, в переустройстве которого значительную роль сыграла супруга Александра III, императрица Мария Федоровна, в девичестве датская принцесса Мария Дагмара. Ее любимыми цветами были розы, и на Южном берегу Крыма «царица цветов» во всем своем великолепии и многообразии форм и расцветок удовлетворяла цветочные пристрастия императрицы.

Вначале коротко о Ливадии. Имение было приобретено Департаментом уделов Министерства императорского двора в июне 1860 года у наследников скончавшегося графа Льва Севериновича Потоцкого, а в марте следующего года состоялось юридическое оформление купчей. В последующие два года по проекту архитектора высочайшего двора Ипполита Антоновича Монигетти были возведены Малый дворец (он назывался дворцом великих князей, а позднее – дворцом наследника), дом садовника, дом управляющего, кухня, казарма для рабочих, свитский и фрейлинский дома, новая оранжерея, теплицы, купальни на берегу моря. Затем был выстроен и Большой дворец. Одновременно со строительством зданий происходила коренная реконструкция парка и прилегающей территории. Расширялись и прокладывались пешеходные аллеи, новые дороги для проезда конных экипажей и верховой езды. Питомник от дворца перенесли и расширили, а на его месте разбили газон с вечнозелеными растениями. Руководство парком и садовыми работами возлагалось на старшего садового мастера Л. Гейслера и его старшего помощника Вильяма (Василия) Гуфа (принят на работу 1 сентября 1860); заведовал виноградниками и виноделием Готлиб Лютц (в русском варианте Константин Лютц).

Австрийский живописец Рудольф Альт, приглашенный Марией Александровной в Крым в 1863 году для фиксирования готовых построек, запечатлел на 20 акварелях наиболее живописные уголки имения. Примерно такой и увидели впервые Ливадию будущий император Александр III и Мария Федоровна, прибыв в имение 10 июня 1869 года в составе всей императорской семьи во главе с императором Александром II и императрицей Марией Александровной. Родители заняли Большой дворец, а их высочества поселились во вновь построенном специально для наследника дворце, который ему очень понравился и на долгие годы остался одним из любимых мест отдыха.

Наследник с супругой с удовольствием гуляли по парку и сравнивали зеленое убранство имения с тем, что они видели меньше месяца назад в Петербурге. В мае там состоялась первая Международная выставка садоводства, организованная силами Императорского Российского общества садоводства. В смотре приняли участие экспоненты из 11 стран, в том числе из Англии, Бельгии, Германии, Голландии, Греции. Михайловский манеж был превращен в роскошный сад. За две недели работы выставки ее посетило почти 50 тыс. человек. В экспозиции были представлены цветущие и листовые растения, овощи и плоды, как в свежем состоянии, так и в консервах, декорационные предметы комнатного, оранжерейного и воздушного садоводства, садовые орудия и инструменты, а также проекты садов и оранжерейных построек – всего 750 предметов. Мария Федоровна на выставке отметила коллекцию роз придворного садовника из Царского Села Карла Фрейндлиха, который по решению международного жюри и занял первое место в конкурсе¹.

И вот теперь она увидела розы Ливадии. Одна только розовая пергола чего стоила! О ней следует сказать особо. По желанию императрицы Марии Александровны в первые годы преобразований в Ливадии было решено установить металлическую перголу, но выписывать ее пришлось из Франции, поскольку на месте не нашлось достаточного количества чугунных труб². Пергола была обсажена плетистыми розами, в основном дикорастущими китайскими видами. Удивительно, но пергола и часть роз посадок 1866 года сохранились

¹ Арбатская Ю.Я. Династия садоводов Фрейндлих и их розы // Биологическое разнообразие. Интродукция растений (Материалы Пятой Международной научной конференции, 15–17 ноября 2011 г., г. Санкт-Петербург, Россия). СПб., 2011. С. 25.

² ГАРК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 22. Л. 186.

до сегодняшнего дня, так что в этом году исполнилось ровно 150 лет первым розам Ливадии, которые каждую весну благоухают на радость посетителям.

Побывала чета наследника и в соседней Ялте. Такое знаменательное событие не могло пройти мимо городских властей. Им устроили пышный прием, на котором Александр и его брат Алексей пожертвовали по 300 рублей только что учрежденному Ялтинскому благотворительному обществу³. Кстати, в том же году было основано Собрание виноделов, садоводов и сельских хозяев Ялтинского уезда, целью которого было «усовершенствование местного садоводства и виноделия». Впоследствии Ялтинское общество садоводов и виноделов, как оно стало называться с 1874 года, сыграло важную роль в развитии виноградарства на Южном берегу Крыма, что входило в круг первостепенных интересов будущего императора Александра Александровича. Высочайшим покровителем общества с 1878 года стал родной брат наследника, великий князь Сергей Александрович, а первым президентом был директор Императорского ботанического сада Николай Егорович Цабель.

До весны 1881 года наследник неоднократно бывал в Ливадии в основном с отцом, решая вопросы управления государством. Согласно завещанию Марии Александровны Ливадия после ее смерти должна была перейти в пожизненное распоряжение и владение Александру II, а в случае его кончины – наследнику цесаревичу. Таким образом, весной 1881 года, когда император погиб от рук террористов, новым владельцем Ливадии стал Александр III, и вскоре в имении начались перемены.

1 июля 1882 года был назначен новый главный садовник Вильгельм Гуф (в русском написании Василий), служивший в императорском имении с 1861 года. По личному указанию Марии Федоровны он в первую очередь занялся розами. Документы свидетельствуют, что весной 1884 года в парке и возле дворца было высажено 2000 кустов, осенью того же года – еще 500 кустов. В следующем, 1885 году – 300 экземпляров, а начиная с 1886-го каждый год высаживалось по 1000 кустов в розовом саду, в парке и вокруг дворцов⁴.

³ Савочка А.Н. Становление и развитие общественных благотворительных организаций в Ялтинском уезде (вторая половина XIX – начало XX века) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Т. 23 (62): спецвыпуск «История Украины». Симферополь, 2010. С. 157.

⁴ Арбатская Ю.Я., Вихляев К.А. Ливадия – цветочная корона Дома Романовых. Симферополь: Бизнес-Информ, 2013. С. 159.

Главный садовник В. Гуф был озабочен не одними лишь розами. В 1880-х годах были проведены значительные работы по изменению видового состава пейзажных картин в парке, немало пришлось потрудиться и по наполнению питомников. В Ливадии их было три: при оранжереях, у кладбищенской церкви и плодовый питомник при огороде. За несколько лет количество молодых саженцев хвойных и лиственных декоративных деревьев и кустарников увеличилось настолько, что имение стало продавать посадочный материал на сторону. Сначала это были кипарисы, туи, орехи, затем фруктовые саженцы.

Главной достопримечательностью Ливадии при императоре Александре III стали не столько дворцы и иные постройки, сколько красавец-парк. За 30 лет со времени приобретения имения в царскую собственность в парке было произведено колоссальное количество посадок, композиционных переустройств, изменений в ассортименте растений. Если бы Л.С. Потоцкий появился в Ливадии в 1890-х годах, он не узнал бы свой парк. Пейзажные картины из лиственных и хвойных пород сменяли одна другую, цветочные клумбы и партеры блистали разноцветием, воздух был напоен благоуханием тысяч ароматных роз.

Приезды августейшей семьи происходили почти каждый год и всегда сопровождалась всевозможными иллюминациями и фейерверками. Для этого в имении находился большой запас средств – более 200 фонарей из цветной бумаги, почти 300 разноцветных стеклянных шаров (красных, зеленых, синих, белых и оранжевых), около 10 тысяч стаканов из цветного стекла. В Ялте закупались стеариновые свечи, баранье сало, нитки и вата для факелов⁵.

Городские власти Ялты такое дорогостоящее удовольствие себе позволить не могли, но праздничные торжества проводили. Император и императрица непременно бывали в городе, причем прибывали из Ливадии, как правило, на яхте. В порту к их приезду развешивалось столько цветочных гирлянд и венков, что городское хозяйство не могло обеспечить требуемое количество растений, и приходилось обращаться за помощью в другие садовые заведения. Остановимся лишь на двух эпизодах из череды таких историй.

В 1886-м году ялтинский городской голова барон Врангель обращается с письмом в Никитский сад: «Осмеливаюсь обратиться с покорнейшею просьбой, коли возможно, приготовить к 20 или 21 марта по возможности больше гирлянд из зелени, так как их необходимо до 600 сажен, или же снабдить до-

⁵ Арбатская Ю.Я., Вихляев К.А. Указ. соч. С. 162.

статочным количеством декоративной зелени для изготовления гирлянд, венков и декорирования пристани, чем премного буду обязан»⁶. Ответ был положительным: «В Императорском Никитском саду будет приготовлено к 16 марта 3 воза разной зелени, а к 21 марта 30 сажен гирлянд из зелени для декорации набережной и пристани»⁷.

1891-й год. Вновь письмо директору Никитского сада от городского головы: «По случаю ожидания прибытия в Ялту Высочайших особ, городское управление озабочено мерами к украшению города. Недостаток цветов в Городском саду, при всех стараниях, не может быть пополнен из частных в городе садов, так же не особенно обильных цветами. Затруднительность в исполнении предстоящей задачи по украшению города местными средствами вынуждает меня обратиться к Вам с покорнейшей просьбой оказать любезное содействие, дозволив нам взять из Никитского сада возможное количество цветов (роз) для украшения города»⁸. И в этот раз просьба была удовлетворена.

Благодаря визитам императорской семьи в Ливадию соседняя Ялта стала превращаться в настоящий европейский курорт. В 1882 году в Ялте появился собственный городской сад, были разбиты роскошные цветники близ гостиниц «Эдинбургская», «Россия», «Франция», «Центральная». На набережной появились альбиции, магнолии, каменные дубы, каштаны, тополя, платаны.

В Ялте было учреждено Общество содействия благоустройству курорта Ялты, которое два раза в месяц собиралось на свои заседания, где обсуждались вопросы озеленения, водопровода, освещения улиц, устройства терренкуров⁹ и обеспечения ботанических табличек под растениями в парках общественного пользования, организации лодочных и конных прогулок. В 1899 году общество даже предлагало городскому управлению устройство мусоросжигательных печей вместо практикуемого выбрасывания мусора в море, но санитарная комиссия отклонила это предложение¹⁰. Тем не менее весьма

⁶ Архив НБС-ННЦ. Оп. 1. Д. 389. Л. 121.

⁷ Там же. Л. 121а.

⁸ Архив НБС-ННЦ. Оп. 1. Д. 420. Л. 1.

⁹ Терренкур – метод санаторно-курортного лечения, предусматривающий дозированные физические нагрузки в виде пешеходных прогулок, восхождений в гористой местности по определенным, размеченным маршрутам.

¹⁰ Отчет Комитета Общества содействия благоустройству курорта Ялты с окрестностями между Ливадией и Массандрой за 1899 год. Ялта, 1900. С. 3.

показателен такой случай: «Вчера утром Магарачский рассыльный Яков Вороной был арестован городовым на бульваре недалеко от здания Присутственных мест за то, что он выбросил в море пучок соломы из пустого мешка, в котором он принес в Ялту несколько бутылок вина, заказанных покупателем в Магарачском подвале. Под арестом Якова Вороного продержали до 1 часу дня, после чего отпустили, объявив, что с него будет взыскано 10 р. штрафа»¹¹. На Всероссийской гигиенической выставке в Санкт-Петербурге в 1893 году Ялта за санитарное состояние, благоустройство и организацию курортного дела была награждена малой золотой медалью.

В 1889 году Удельное ведомство приобрело для Александра III у наследников князя С.М. Воронцова еще два крымских имения – Массандру и Ай-Даниль. Массандра и прежде была любима практически всеми русскими монархами. Императрица Мария Федоровна привозила сюда детей, подолгу гуляя среди скал и виноградников. Сам Александр III, бывая в Крыму, нередко навещался в Массандру, отмечая чистый воздух и горный простор этих мест. Мария Федоровна в своих письмах из Крыма нередко писала о прогулках в Массандровских гротах с сыном Георгием, больным туберкулезом. Теперь бывшее владение Воронцовых прибавилось к другим резиденциям императорской семьи в Крыму – Ливадии и Ореанде. Массандра славилась роскошным Нижним парком, Ай-Даниль – прекрасными виноградниками.

29 апреля 1889 года на должность управляющего Массандрой и Ай-Данилем назначается полковник Виктор Константинович Афанасович. На этой службе полковник пробыл лишь полтора года – до 18 сентября 1890 года. Виктор Константинович был страстным садоводом, числился почетным членом Императорского Российского общества садоводства, а в 1886–1889 годах избирался секретарем общества¹². Прибыв на новое место службы в Массандру, Афанасович был ошеломлен пышной южной растительностью. Вот как он описывает свои впечатления: «Когда мне пришлось, приехав в Массандру, подойти к занимаемому ныне мною дому и увидеть целых два фаса двухэтажного дома буквально засыпанных цветами китайской глицинии, я долго стоял, не трогаясь с места: какое-то обидное чувство сжимало сердце за мои бывшие клематисы и тому подобные бедные цветочки; восхищение здесь смешивалось

¹¹ Архив НБС-ННЦ. Оп. 1. Д. 103. Л. 147.

¹² Вестник Садоводства, плодоводства и огородничества. 1908. № 7. С. 340.

с чувством обиды за родной Север, за которым, как за родным, хотелось бы признать все хорошее, а тут и само пристрастие должно было умолкнуть»¹³.

Приведенная цитата – лишь мизерная часть большого детального описания всех растительных богатств Массандры, написанного первым управляющим удельного имения и опубликованного в «Вестнике садоводства, плодоводства и огородничества» в 1890 году. Практически это единственный документ, характеризующий состояние имения в момент покупки его в собственность императорской семьи.

Как следует из текста, Виктор Константинович Афанасович прибыл в Крым, будучи больным человеком. Место управляющего он «выпросил» в Управлении уделов, чтобы поправить здоровье в «стране винограда, роз и кипарисов». Буквально с первых строк автор статьи сокрушается по поводу запущенного хозяйства по причине, как он полагает, «пожизненного» владения имением прежними хозяевами: «...несколько лет такого владения по результатам смело может равняться одному из нашествий вандалов или иноплеменных языцев. <...> Бедные мои имения, отбив таковое иго, которое право не легче татарского, наконец, попали к хозяину, который решил привести их не только в порядок, но и настолько усовершенствовать, чтобы по праву гордиться не одним их состоянием, но и доходностью»¹⁴.

По данным Афанасовича, в Массандре в ту пору числилось 617 десятин, в Ай-Даниле – 444 десятины, причем виноградники в первом случае занимали 30 десятин, во втором – 44,5. Парк в Нижней Массандре, площадь которого составляла 80 десятин, был «сильно запущен, но очень хорош, в особенности в его части, примыкающей к морю». Уже в первый год владения удельным ведомством было запланировано увеличить площадь виноградников на 30 десятин: на 10 – в Массандре и на 20 – в Ай-Даниле.

«Для сельского хозяина распахать 30 десятин из-под леса уже составит работу немаловажную. <...> Не нужно забывать, что таковую работу нужно выполнить в срок (с октября по март месяц). Почву вскопать на 1,5 аршина, лес выкорчевать, камни взорвать и убрать, устроить где нужно каменные террасы и стенки, проложить в должных направлениях дороги и дренажи, убрать камни и деревья с плантажа и сравнять его поверхность.

¹³ Афанасович В.К. Северный житель на Южном берегу Крыма // Вестник садоводства, плодоводства и огородничества. 1890. № 4. С. 114.

¹⁴ Там же. С. 83.

Скажем прямо, что такая работа, без всякого колебания, должна быть отнесена к числу каторжных работ, для выполнения коих не пригоден всякий рабочий; самыми выносливыми рабочими являются анатолийские турки. Наш пришлый русский рабочий очень часто не выдерживает этого непосильного физического труда и, работая во время зимних месяцев в сырую погоду, начинает болеть и теряет силы. До 600 и более рабочих, работая ежедневно, кроме праздников, еле успеют одолеть эти 30 десятин к сроку. А не дай Бог, если попадется местность довольно каменистая; нужно видеть подобный плантаж после его перекопки своими глазами, чтобы составить себе понятие о том труде, который был в него положен: вся поверхность его завалена камнями разной величины, пнями, обрубками деревьев, корнями, кустарником, точно после какой-нибудь бури или землетрясения. <...> Мы не станем останавливаться на деталях производства подобных работ, но скажем лишь то, что 30 десятин обработать в одну зиму под плантаж дело очень трудное (для Крыма это была первая проба) и требующее хороших средств, так как десятина обойдется в 2 тысячи рублей»¹⁵.

По сведениям Афанасовича, за 7 предстоящих лет планировалось довести площадь виноградников в Массандре до 322 десятин, значительно сократив ассортимент винограда с 40 наименований до 10–15 самых высокоурожайных сортов. Смета этого проекта составила около полумиллиона рублей.

В сентябре 1890 года управляющего имением Массандра В.К. Афанасовича сменяет Иван Яковлевич Шелухин. Огромное парковое хозяйство требовало грамотного специалиста. Главный садовник Ливадии Василий Гуф не мог вести садоводство в двух имениях сразу и по причине занятости, и в связи с преклонным возрастом. По просьбе Шелухина в 1892 году в Массандру приезжает придворный садовник Карл Федорович Энке. Ознакомившись с ситуацией в Нижнем парке, он принимается за работу. В своем отчете от 5 июня 1892 года он сообщал: «В Массандре шоссировано около 500 саженой дорог и посажено около 3 тысяч вечнозеленых деревьев и кустарников. Места для всех посадок я указал лично. В Массандре, так же как и в Ливадии, работы на открытом воздухе шли всю зиму с небольшими перерывами. Я распорядился, чтобы в Массандре преимущественное внимание обращалось на культуру красивых вечнозеленых и цветущих деревьев и кустарников»¹⁶.

¹⁵ Афанасович В.К. Указ. соч. С. 138–139.

¹⁶ ГАРК. Ф. 78. Оп. 1. Д. 11. Л. 67–68.

Управляющий имением И.Я. Шелухин, садовник Пантелей Семенович Куц (с 1892) и пловодод Антоний Константинович Станкевич приложили немало сил в деле преобразования парковых территорий, устройства питомников, создания плодовых садов. Питомник фруктовых деревьев в Массандре поручили возглавлять приглашенному из Франции помологу¹⁷ Августу Ферингеру, но он пробыл в Крыму недолго.

Перестройка дворца в Массандре, порученная архитектору М.Е. Месмахеру, началась в 1892 году при Александре III и продолжалась с перерывами долгих 13 лет. Закончилось строительство лишь в 1902 году. За короткое время дворец и прилегающая территория преобразились до неузнаваемости. Перед его западным фасадом находился террасный партер с цветниками и арабесками в регулярном стиле, территорию украшали 29 скульптур и 6 декоративных ваз. Это были статуи античных богов, философов, аллегорические изображения наук и искусств. Западный и восточный фасады были декорированы многочисленными насаждениями розовых кустов.

В имении, окружающем дворец, раскинулись обширные фруктовые сады, виноградники и питомники, из которых продавали растения всем желающим, в том числе и за пределы Крыма. Там же готовился посадочный материал для имения. В плодovém питомнике выращивали районированные сорта, наиболее подходящие к условиям Южного берега Крыма. Особенно славились штамбовые и полустамбовые формы деревьев. Другой питомник содержал 92 вида декоративных растений. Особым спросом пользовались розы, вечнозеленые деревья и кустарники, хвойные экзоты. Из питомника, садов и лесов имения очень часто направлялись зелень и гирлянды цветов для украшения Ялтинского театра, городского сада и павильонов на благотворительных базарах во время общегородских празднеств. Заслуженной славой пользовался ландшафтный нижний парк в Массандре, а в нем – аллея роз, заложенная еще в 1830-х годах при графе М.С. Воронцове.

Подчеркнем, что именно при Александре III знаменитая Розовая аллея приобрела тот фантастический вид, благодаря которому была признана шедевром садово-паркового искусства. Ее протяженность составляла более 200 метров, а число кустов по разным оценкам приближалось к тысяче. Красота аллеи была не столько в удачно подобранных сортах разного цвета, сколько в ее архитектурной композиции. Три яруса роз нависали друг над другом, созда-

¹⁷ Помолог – ученый (биолог), изучающий сорта плодовых и ягодных растений.

вая объемную пространственную декорацию, а задний фон из темно-зеленых хвойных деревьев подчеркивал эту живописную картину. Вот как описывал аллею крымский садовод-журналист И.А. Савченко: «Особенным вниманием любителей роз пользуется знаменитая «аллея роз» в нижнем Массандровском парке, где собраны самые редкие и лучшие сорта, причем сочетания различного рода колеров подобраны очень удачно. Так, например, рядом с пунцовой, с черным бархатным отливом, розой посажен куст чайной, красиво оттеняющий первую; далее идет бледно-розовая, затем желто-зеленая и т.д. Розы посажены в таком порядке: по обеим сторонам идут трехсаженной вышины шпалеры выющихся роз; параллельно им, вперемежку друг с другом, штамбовые и плакучие, под ними кустовые, по 1–2 куста каждого сорта»¹⁸.

А вот отрывок из воспоминаний английской герцогини Игар, посетившей Массандру в 1902 году: «В Массандре ... есть восхитительный розарий. Розы выглядят, как две стены по обе стороны аллеи. Сзади – Reve d'Ors¹⁹, поднятые на шпалеры; они достигают высоты семи или восьми футов. Перед ними – карликовые экземпляры во всех цветах и оттенках, ниже – крошечные розовые и белые деревья не больше фута в высоту. Вся земля у основания розовых кустов устлана фиалками. На заднем плане стоят кипарисы, как могильные часовые... Выше по горе есть другой розарий. Здесь розы обучаются расти по проводам, протянутым горизонтально на расстоянии приблизительно фута от земли. Эффектна цветочная листва. Есть большая клумба роз La France, другая – из желтых роз всех оттенков, еще одна – из смеси красных, розовых и белых роз. Клумбы эти, по меньшей мере, сто футов длиной и примерно семьдесят шириной каждая. Этот розовый сад также окружен величественными кипарисами, которые похожи на часовых-гвардейцев, охраняющих гору»²⁰.

Как следует из последней цитаты, аллея – не единственное место в Нижнем парке, где были собраны розы. Если перевести футы в метры, получается, что каждая клумба имела размеры примерно 30 на 20 метров. Из расчета 2 куста роз на 1 квадратный метр общее число кустов только на этих трех клумбах составляло примерно 3600 кустов.

¹⁸ Савченко И. Розариумы на Южном берегу Крыма // Записки Симферопольского отдела Императорского Российского общества садоводства. Симферополь, 1911. Вып. 117. С. 478.

¹⁹ Речь идет о розе Rêve d'Or – Ю.А.

²⁰ Eagar M. Six Years at Russian Court. London, 1906. P. 107.

Розовая аллея в Нижнем парке была гордостью имения. Сегодня роз нет, осталась только вытоптанная дорожка в парке Нижней Массандры.

Такая же участь постигла и розы, названные в честь Александра III и императрицы Марии Федоровны европейскими селекционерами. В 1884 году садоводом Жильбером Набоннандом создана чайная роза «Императрица Мария Федоровна» (в оригинале имеет два названия – «*Impératrice Maria Feodorowna*» и «*Impératrice Maria Feodorowna de Russie*»), имеющая очень крупные желто-белые цветы с розовым краем. Роза «Императрица Мария Федоровна» не сохранилась.

В том же, 1884 году люксембургскими садоводами Супером и Ноттингом был создан сорт «Император Александр III» («*Empereur Alexandre III*»). Директор Петербургского ботанического сада Э.Л. Регель писал: «Этот сорт розы роскошного роста с красивыми листьями и в Люксембурге нечувствительный к морозам. Цветы очень крупные, вполне махровые, красивого строения и великолепной окраски, темно-розовые с карминным отливом. Супер и Ноттинг мне писали, что этот красивый новый сорт относится к очень годным для выгонки. Экземпляры, присланные ими осенью прошлого 1884 года, были выкопаны из грунта и в Петербурге, посаженные в горшки, образовали в оранжеее уже зимою на верхушке каждой ветви цветы»²¹.

Есть еще одна роза – «Принцесса Мария Дагмара» («*Princesse Marie Dagmar*»). Ее авторство принадлежит французскому селекционеру Луи Леваку и сыновьям. Дата введения в продажу – 1893 год. Эта чайная роза, согласно сведениям из садовой литературы того времени, имела светло-розовые цветки с желтоватым оттенком, которые при полном раскрытии становились белыми.

Все эти три сорта не сохранились, но о последней розе – «*Princesse Marie Dagmar*» – можно получить представление по другому, очень похожему сорту «*Socrate*». Однако крест на поисках ставить нельзя. Уже не раз бывало так, что какая-нибудь безнадежно утраченная роза вдруг неожиданно отыскивалась в частной коллекции где-нибудь в Новой Зеландии или Америке.

Что касается современного состояния садов и парков Ливадии и Массандры, которым столько внимания в свое время уделила императорская чета, то большая часть их сохранилась, но в очень сокращенном и запущенном виде. Даже виноградники, пережив войны, революции, перестройку и антиалкогольную кампанию, красуются на тех же местах, хотя пользуются плодами деятельности российских монархов сегодня совсем другие хозяева.

²¹ Вестник садоводства, плодоводства и огородничества. 1886. Февраль. С. 66.

Проблема формирования правительственной программы в царствование Александра III

Если царствование Александра II представлено в историографии как многофакторное явление, то царствование Александра III традиционно оценивается как период реакции, эпоха контрреформ. Однако современники – публицист К.К. Арсеньев, историк А.А. Корнилов – указывали на неоднозначность внутренней политики Александра III. К этому же выводу приходят современные историки. В.Г. Чернуха в одной из последних работ подчеркнула, что «в внутривластном курсе Александра III можно найти как консервативные, так и либеральные черты», его политика «намного сложнее, чем только консервативная или либеральная»¹. В.Е. Андреев полагает, что Александр III «рассматривал свою политику не как попытку ликвидации реформ своего отца <...>, а как попытку их соответствующей корректировки»². Эти заключения ставят в повестку дня реконструкцию процесса формирования правительственной политики 1881—1894 годов.

Гатчинский дворец был свидетелем сложного процесса выбора политического курса и формирования программы царствования Александра III. Не случайно первые сотрудники музея предприняли попытки исследования этого аспекта внутренней политики. Способы воплощения охранительных начал в жизнь Российской империи 1880-х годов рассматриваются в исследовании И.К. Янченко³, занимавшейся в 1930-х годах разработкой экскурсий по дворцовым помещениям. В 1940 году она приступила к работе над сбором

¹ Чернуха В.Г. Император Александр III: Его жизнь и характер, политика и ее оценка // Кафедра истории России и современная историческая наука / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Изд. Дом СПбГУ, 2012. С. 610. (Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. 3).

² Андреев В.Е. Семейный конфликт (к вопросу о взаимоотношениях императора Александра III и великого князя Константина Николаевича) // Император Александр III и императрица Мария Федоровна. Материалы научной конференции. СПб., 2006. С. 17.

³ Янченко И.К. Правительственная деятельность Александра III в Гатчине. Исследования и материалы // ОР РНБ: Ф. 1135, Д. 521.

материала по теме «Гатчина – штаб реакции 80–90 гг. XIX в.». И.К. Янченко имела уникальную возможность непосредственного изучения обстановки, в которой рождались на свет официальные документы, определявшие внутривнутриполитический курс царствования императора Александра III. И.К. Янченко планировала «составление достаточно полного свода всех данных и материалов (указы, рескрипты, законы, приемы, заседания и т.д.) по деятельности правительства в Гатчине». В 1940 году первая часть исследования вошла в бюллетень научной части Гатчинского дворца-музея (№ 7–8). К теме внутренней политики Александра III обращались многие советские и российские историки, однако исследование И.К. Янченко, несмотря на некоторый идеологический пафос, не потеряло своей ценности как работа, основанная на документах и передающая атмосферу эпохи. Материалы, собранные и исследованные историком, освещают жесткость и непримиримость власти по отношению к любой попытке критически оценить действия правительства, будь то публичное выступление или публикация в печати.

Во многом в силу того, что на разработку правительственной программы царствования Александра III влияли две противоположные тенденции – продолжение «великих реформ» и стремление к их пересмотру – она формировалась в течение длительного времени, складывалась «тяжело и медленно»⁴ и определилась лишь к 1885 году.

Вступая на престол, Александр III испытывал воздействие различных политических и общественных сил. Сторонники решительных действий из консервативного лагеря настаивали на ужесточении режима, но вместе с тем в обществе звучали обращения к монарху с просьбой о милосердии к первоапрельцам. Л.Н. Толстой передал Александру III письмо, в котором убеждал молодого императора помиловать цареубийц. Писатель взывал к религиозному чувству верующего человека, напоминая о христианских заповедях милосердия⁵. С подобным обращением выступил и религиозный философ В.С. Соловьев, сын историка С.М. Соловьева, преподававшего курс русской истории Александру III в период наследничества. Убежденный монархист, В.С. Соловьев дважды в ходе своих лекций призывал молодого монарха помиловать убийц

⁴ Чернуха В.Г. Указ. соч. С. 35.

⁵ Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22 т. Т. 18. М.: Художественная литература, 1984. С. 879–887.

Александра II. Он обращался к нравственным основам христианства, догматы которого осуждают любые покушения на человеческую жизнь. Эти лекции, прочитанные 26 и 28 марта, стали важным событием в общественно-политической жизни России. Они вызвали широкий отклик среди молодежи и были восприняты правительством как угроза общественному порядку. Сам Александр III снисходительно отнесся к выступлению философа, однако его призыву не последовало⁶.

Со стороны либерального и революционного течений раздавались призывы к созыву народного представительства, надежду на которое дали события последних дней царствования Александра II. О необходимости защиты прав «отдельных лиц» и «общественных учреждений», участия в принятии государственных решений «живых общественных сил» напомнил молодому монарху в своей речи один из представителей тверского дворянства⁷.

Аналогичные требования выдвигали и деятели революционного движения. 10 марта 1881 года из подпольной печати вышло письмо Исполнительного комитета Народной воли, адресованное Александру III. Основная идея послания сводилась к тому, чтобы убедить нового императора пойти на уступки, на которые не решился Александр II. Помимо угрозы нового цареубийства в нем содержались следующие требования:

- «1. общая амнистия по всем политическим преступлениям прошлого времени, так как это были не преступления, но исполнение гражданского долга;
2. созыв представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями»⁸.

А.Н. Куломзин отмечал в начале марта 1881 года: «Все надеются на добрые вести во внутренней политике». Надежды были связаны с разработкой правительственной программы, для чего необходимо было создать «однородное правительство»⁹. Общественные настроения объяснялись тем, что Алек-

⁶ Щеголев П.Е. Событие 1-го марта и Владимир Сергеевич Соловьев // Былое. 1906. № 3. С. 48–55.

⁷ ОР РНБ. Ф. 124. Оп. 2. Д. 231.

⁸ Цит. по: Исполнительный комитет Александру III // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. С. 129.

⁹ Куломзин А.Н. Пережитое. Запись 15 марта 1881 г. // РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 189. Л. 40.

сандр III взшел на престол в тот момент, когда российское государство оказалось перед развилкой исторического пути. Молодой император был поставлен перед выбором между продолжением реформ и консервацией режима. Он не сразу сделал свой выбор, курс определялся постепенно, и его выбор занял несколько месяцев.

Составители манифеста о воцарении Александра III попытались отразить в его содержании направление нового царствования. Автором Манифеста 1 марта 1881 г. был П.А. Валуев, занимавший должность председателя Комитета министров, в редактировании принимали участие главноуправляющий II Отделением СЕИВК кн. С.Н. Урусов, министр юстиции Д.Н. Набоков и государственный контролер Д.М. Сольский¹⁰. По свидетельству государственного секретаря Е.А. Перетца «Валуев заготовил проект в том смысле, что задачи нового царствования заключаются в восстановлении порядка, в репрессии за совершенное преступление, одним словом, – в реакции. Кроме того, Валуев говорил в своем проекте не о русском народе, а о населяющих Россию народах. Против всего этого возражал Сольский, другие с ним согласились, и тогда, соединенными силами, наскоро набросали манифест в том виде, как он опубликован»¹¹. В итоге в Манифесте говорилось о «попечении о благоденствии, могуществе и славе России», о повелении «верноподданным» принести присягу новому императору и его наследнику¹². Е.А. Перетц справедливо заметил, что манифест, «в сущности, не говорит ничего»¹³. Однако один из вопросов, к решению которых новый император приступил в первые годы своего царствования – крестьянский – был обозначен в прилагавшемся к Манифесту о воцарении именном указе Сенату 1 марта 1881 года о приведении крестьян к присяге¹⁴.

Принимая 2 марта 1881 года членов Государственного совета, император заявил о намерении продолжать политику своего отца и следовать его заветам. 3 марта А.Н. Куломзин записал слухи о намерении Александра III возродить Совет министров и «принимать доклады министров только в Совете в присут-

¹⁰ Валуев П.А. Дневник 1877–1884 гг. Пг., 1919. С. 148.

¹¹ Перетц Е.А. Дневник Е.А. Перетца. (1880–1883). М.; Л., 1927. С. 26.

¹² ПСЗ. Собрание 3-е. Т. 1. № 1. С. 1.

¹³ Перетц Е.А. Указ. соч. С. 24.

¹⁴ ПСЗ. Собрание 3-е. Т. 1. № 2. С. 1–2.

ствии всех министров»¹⁵. 4 марта российским дипломатам, представлявшим страну за границей, была разослана циркулярная депеша, в которой говорилось, что император желает сосредоточиться на внутренних делах, в первую очередь на социально-экономических задачах. Все это в глазах общества свидетельствовало о готовности воплотить в жизнь преобразования, намеченные накануне гибели Александра II и тем самым вывести страну из внутривосточного кризиса. 26 марта А.Н. Куломзин, соглашаясь с намеченным курсом, записывает: «Нынешнее царствование должно неизбежно начаться с широких экономических реформ»¹⁶.

В апрельском номере «Вестника Европы» за 1881 год публицист К.К. Арсеньев в разделе «Внутреннее обозрение»¹⁷ дал характеристику задачам нового царствования¹⁸. Он выражал надежду на продолжение преобразований, начатых или намеченных в 1860-е годы, указывая, что «традиция реформ передается новому царствованию не затемненной продолжительным перерывом, а обновленную, живую»¹⁹.

Первостепенной задачей К.К. Арсеньев считал разрешение крестьянского вопроса – «устранение малоземелья, облегчение выкупных платежей», развитие крестьянского самоуправления²⁰. Не менее важным публицист полагал продолжение судебной реформы («реализацию великого принципа, в силу которого лишение свободы или вообще, ограничение прав немисливо без приговора, произнесенного компетентным судом, с соблюдением гарантирующих личность подсудимого форм и обрядов»²¹), развитие земского и городского самоуправления, демократизацию образования (отмена Положения о начальных училищах 1874 года), расширение свободы печати, завершение разработки административной (создание всесословной волости) и податной реформ, намеченных в 1860-е годы, пересмотр уголовного законодательства и законов о раскольниках, решение «питейного вопроса» и вопроса о положении окраин

¹⁵ Куломзин А.Н. Указ. соч. Л. 39 об.

¹⁶ Там же. Л. 40.

¹⁷ Авторство К.К. Арсеньева установлено по ЭСБЕ. Т. 2. СПб., 1890. С. 175.

¹⁸ Вестник Европы. 1881. Т. 2, кн. 4. С. 771–785.

¹⁹ Там же. С. 774.

²⁰ Там же. С. 777.

²¹ Там же. С. 778.

империи. По мнению К.К. Арсеньева, эти задачи тесно связаны между собой, особенно крестьянский, земский и административный вопросы. Публицист акцентировал внимание читателей (среди которых были и представители власти) на том, что преобразовательная работа должна совершаться с «участием общества», т.е. всесторонним обсуждением проектов земствами при условии «гласности совещаний», их освещении в печати²².

Более реалистичный анализ задач нового царствования был дан И.С. Тургеневым в публикации во французском журнале «La Revue des cours littéraires», № 13 от 26 марта 1881 года. Статья под названием «Alexandre III» не была подписана, авторство было установлено С.П. Струмилиной-Петрашкевич, опубликовавшей перевод на русский язык в 1915 году²³. Четкость формулировок и их императивный характер сближают эту статью с публикациями А.И. Герцена в «Колоколе» в начале царствования Александра II. И.С. Тургенев назвал следующие задачи царствования Александра III: уменьшение выкупных платежей, реформа налоговой системы и уничтожение подушной подати, смягчение паспортного режима и основание земельных банков, «поднятие» положения духовенства и облегчение положения раскольников. И.С. Тургенев, также как и К.К. Арсеньев, отмечал, что «эти реформы, впрочем, уже намечены, вполне подготовлены и давно уже стоят на очереди». Таким образом, в 1881 году представления о программе нового царствования складывались исходя из незавершенности реформ 1860–1870-х годов, а сама программа проектировалась как продолжение заявленных, но неосуществленных преобразований.

Если в отношении переселенческой и податной реформ К.К. Арсеньев и И.С. Тургенев соглашались с возможностью их проведения, то в отношении будущего конституционной реформы их предположения различались. И.С. Тургенев не ожидал от Александра III подобного шага: «Те, кто ожидают от нового царя парламентской конституции, скоро потеряют свои иллюзии, мы, по крайней мере, убеждены в этом». И.С. Тургенев полагал, что самодержец не пойдет на реформы, расширявшие политические и гражданские права и свободы: «Что же касается других вопросов, а именно: свободы печати, завершения судебной реформы, народного образования, упразднения административной

²² Вестник Европы. 1881. Т. 2, кн. 4. С. 782.

²³ Тургенев об императоре Александре III // Тургеневский сборник. Тургеневский кружок под руководством Н.К. Пиксанова. Пг., 1915. С. 12–20.

ссылки, уничтожения бесславного института полевых жандармов и т. д., то трудно предположить, чтобы он отклонился от системы либеральных повелений, исходящих с высоты трона. Он сможет даровать широкие милости, но никогда не признает за народом права на них. Нельзя даже предположить, чтобы по этим вопросам могли быть созваны какие-либо собрания для обсуждения и совета». Время показало, что И.С. Тургенев не ошибся в своих прогнозах, скорее всего потому, что был хорошо осведомлен о намерениях императора и его ближайшего окружения.

Общество пыталось определить направление правительственного курса, гадая о новых кадровых перестановках. А.Н. Куломзин предполагал, что «если состоятся некоторые назначения, о которых поговаривают, между прочим, Половцова – министром юстиции, то это будет значить, что государь решается вступить на путь реформ, а не реакции»²⁴. Тревожным сигналом для общества стала отставка М.Т. Лорис-Меликова. К.К. Арсеньев отмечал, что «призыв гр. Лорис-Меликова к власти был началом новой эпохи; вот почему в удалении его от управления думали видеть как бы окончание этой эпохи»²⁵. Общество волновал вопрос, какая программа придет на смену программе М.Т. Лорис-Меликова, насколько она будет отличаться от нее. На этот вопрос К.К. Арсеньев попытался ответить во внутреннем обозрении «Вестника Европы» в июне 1881 года на основании Манифеста 29 апреля.

К.К. Арсеньев обращал внимание, что в нем говорится, «что не будет допущено правительством, но еще не объясняет, что будет сделано, предпринято им»²⁶. Дополнением к Манифесту стал циркуляр нового министра внутренних дел Н.П. Игнатьева, изданный 6 мая 1881 года, в день его вступления в должность²⁷. Подробный разбор этого документа приведен П.А. Зайончковским. Циркуляр разъяснял задачи правительства: искоренение крамолы (с опорой на «общественные силы» страны), пресечение злоупотреблений («хищений»), «водворение порядка и правды» в созданных в царствование Александра II учреждениях «при дружных усилиях правительства и общества», неприкосновенность прав, дарованных земству и городским сословиям, провозглашалась

²⁴ Куломзин А.Н. Указ.соч. Л. 40.

²⁵ Вестник Европы. 1881. Кн. 6. Июнь. С. 799.

²⁶ Там же. С. 801.

²⁷ Правительственный вестник. 1881. 6 мая.

озабоченность правительства положением крестьян и «возможное» «облегчение лежавших на нем тягостей и улучшение его общественного устройства и хозяйственного быта»²⁸.

Министр также заявлял о намерении «установить правильные способы, которые обеспечили бы наибольший успех живому участию местных деятелей»²⁹. Это заявление было оценено современниками и историками неоднозначно. Газета «Голос» оценила этот акт как следование программе М.Т. Лорис-Меликова, намек на содействие общественных сил правительству³⁰. К.К. Арсеньев в июне 1881 года, не зная, что последует за циркуляром, полагал, что документ требует дальнейших разъяснений: будут ли привлечены местные деятели к участию в центральном управлении или им придется довольствоваться решением «местных дел»³¹. А.А. Корнилов в начале XX века, исходя из мероприятий первого года царствования Александра III, был уверен, что это заявление «знаменовало намерение найти известную, правда, очень скромную, форму участия представителей общества в центральной государственной деятельности»³². В отличие от К.К. Арсеньева историк считал, что в циркуляре прямо говорилось о неприкосновенности прав земских и городских учреждений и их восстановлении в объеме 1864 года, особом внимании правительства к крестьянству и принятии мер по облегчению податного бремени, решению вопроса о малоземелье, улучшению сельского общественного устройства и управления. По мнению А.А. Корнилова, манифест 29 апреля «не означал еще безусловно реакционного направления». В нем «наряду с фразой о неограниченном самодержавии было определено выражено полное уважение великим реформам минувшего царствования и сказано было, что эти реформы не только будут укрепляемы и поддерживаемы, но и развиваемы дальше».

Таким образом, Манифест 29 апреля и циркуляр министра отражали колебания правительственных верхов: с одной стороны, в них не говорилось об отказе от программы, намеченной М.Т. Лорис-Меликовым в конце предыду-

²⁸ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 годов. М.: Изд-во Московского университета, 1964. С. 384–386.

²⁹ Правительственный вестник. 1881. 6 мая.

³⁰ Голос. 1881. № 125. 7 мая. С. 1.

³¹ Вестник Европы. 1881. Кн. 6. Июнь. С. 802.

³² Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М.: АСТ, Астрель, 2004. С. 738–739.

щего царствования, а с другой – не утверждалось ее продолжение. Поэтому, по словам К.К. Арсеньева, общество осталось «в недоумении»³³. П.А. Зайончковский пришел к справедливому выводу о том, что «правительственная программа изложена в общих туманных фразах»³⁴.

Обращает на себя внимание, что Н.П. Игнатьев сначала намеревался представить правительственную программу в инновационной форме и составил проект «программного документа», очевидно, в форме заявления от всех министерств. Этот проект подвергся редактированию со стороны К.П. Победоносцева, который считал, что выбранная новым министром форма «небывалая и едва ли приличная», поскольку подразумевает ответственность власти за свои слова, поэтому задачи правительства должны быть изложены в форме циркуляра МВД в качестве указания губернаторам³⁵.

Следующим шагом стало высочайшее повеление, подписанное Александром III 20 мая. Оно не было предано гласности именно из опасения вызвать необоснованные надежды в обществе. Однако в высочайшем повелении намечалась комплексная программа реформ, поставленных в повестку дня еще в предшествующее царствование. В нем дословно повторялись меры, предложенные министром финансов А.А. Абазой сначала в октябре 1880 года, а затем 30 марта 1881 года: предоставить министрам внутренних дел и финансов в сжатые сроки разработать и внести в Государственный совет «соображения по вопросам: 1) об облегчении существующего порядка выхода крестьян из общества и перечислению из одного общества в другое; 2) об отмене стеснений крестьян при отлучках из общества; 3) об облегчении или отмене круговой поруки, «без нарушения, впрочем, основ общинного владения»; 4) о дозволении сельским обществам отказываться от владения участками выкупленной земли с передачей этих участков в казну; 5) об облегчении нотариального порядка и издержек при оформлении крестьянами сделок по покупке земли; 6) об условиях предоставления малоземельным крестьянам казенных земель; 7) об облегчении для крестьян возможности пользоваться кредитами при покупке земель»³⁶.

³³ Вестник Европы. 1881. Кн. 6. Июнь. С. 803.

³⁴ Зайончковский П.А. Указ.соч. С. 386.

³⁵ Там же. С. 384.

³⁶ Всеподданнейший доклад 20 мая 1881 г. (с резолюцией Александра III: «Согласен») // РГИА. Ф. 1181. Оп. 1. (Т. XVI). Д. 28^а. 1881 г. Л. 225–226 об.

В свою очередь, министр финансов процитировал резолюцию Податной комиссии 1879 года об экономических выгодах уменьшения выкупных платежей: «приведение выкупных платежей в соразмерность с доходностью земли открыло бы возможность позволить крестьянам в случаях, когда они найдут для себя выгодным, отказываться от пользования землею, ограничить или даже вовсе отменить круговую поруку, устранить стеснения для правильного развития экономических сил государства, проистекающих от нынешней паспортной системы и правил для выхода крестьян из общества и приписки на новых местах водворения»³⁷. Таким образом, понижение выкупных платежей открывало путь преобразованиям, необходимым для дальнейшего экономического развития. Однако объявлять широко эту программу правительственные верхи не собирались, опасаясь, что это может вызвать возбуждение в ценовом обществе и среди крестьян. Об этом свидетельствует разговор, состоявшийся 20 мая 1881 года между Александром III, государственным секретарем Е.А. Перетцем и министром внутренних дел Н.П. Игнатьевым. Они пришли к заключению, что замалчивать мероприятия правительства нельзя, поэтому было решено дать в «Правительственный вестник» объявление о том, в каком состоянии находится вопрос о понижении выкупных платежей³⁸. В июне последовал созыв «сведущих людей», таким образом, спустя месяц после издания циркуляра Н.П. Игнатьев приступил к осуществлению заявленного им «живого участия представителей местного общества»³⁹.

Принято считать, что правительственный курс Александра III определился 29 апреля 1881 года. Однако шаги, предпринятые правительственными верхами в мае, свидетельствуют о том, что окончательный выбор был сделан в середине мая, когда последовало решение о созыве «комиссии представителей» для обсуждения вопроса о понижении выкупных платежей. А.Н. Куломзин, подводя итоги первым мероприятиям царствования Александра III, сделал вывод о том, что «лето 1881 г. и последующая зима 1881/82 гг. были краткою эпохою осуществления гр. Игнатьевым, при содействии Островского [министра государственных имуществ – *И.Б.*] и Бунге программы, нашедшей

³⁷ Представление министра финансов в Департамент окладных сборов от 30 марта 1881 г. № 1540 // РГИА. Ф. 1181. Оп. 1. (Т. 16). Д. 28^а. 1881 г. Л. 13.

³⁸ Перетц Е.А. Указ. соч. С. 78–79.

³⁹ Корнилов А.А. Указ. соч. С. 739.

свое выражение в письмах известного славянофила Фаддеева». Среди шагов правительства А.Н. Куломзин отмечает созыв экспертов для обсуждения вопроса о понижении выкупных платежей, создание Крестьянского банка, «постановку вопроса» о переселенческой политике. Конец осуществлению этой программы, по его мнению, положила идея созыва Земского собора⁴⁰. Попытка реализовать ее привела к отставке Н.П. Игнатьева в мае 1882 года и приходу к руководству МВД Д.А. Толстого. С А.Н. Куломзиным был согласен и А.А. Корнилов, считавший, что с приходом Д.А. Толстого «стал явственно определяться правительственный курс, которого Александр III придерживался уже до конца жизни и который сообщил ярко реакционную окраску всему его царствованию»⁴¹.

Подробный анализ мероприятий политики Александра III был дан К.К. Арсеньевым спустя два месяца после кончины монарха, в декабре 1894 года, в некрологе, помещенном в «Вестнике Европы»⁴². Он выделил в царствовании Александра III период «непосредственного продолжения предшествовавшей эпохи», когда наряду с подавлением оппозиционных выступлений были решены задачи, обозначенные в статье И.С. Тургенева. Главными мероприятиями этого периода стали понижение выкупных платежей и отмена подушной подати, изменения в налогообложении, учреждение Крестьянского поземельного банка, облегчение положения раскольников. Все названные преобразования были проведены в 1882–1885 годы. Последними «волнами» этого преобразовательного движения К.К. Арсеньев назвал закон 3-го июня 1886 года о фабричной работе и закон 13-го июля 1889 года о переселениях.

Назначение Д.А. Толстого в мае 1882 года министром внутренних дел стало для современников сигналом начала осуществления программы пересмотра либеральных преобразований. Недаром М.Н. Катков, приветствуя это назначение, писал: «Имя гр. Толстого само по себе есть уже манифест и программа»⁴³.

⁴⁰ Куломзин А.Н. Указ. соч. Л. 129 об.

⁴¹ Корнилов А.А. Указ. соч. С. 757.

⁴² Арсеньев К.К. Царствование императора Александра III // За четверть века (1871–1894): Сборник статей. Пг., 1915. С. 600–615.

⁴³ Московские ведомости. 1882. 3 июня.

О.В. Белоусова

Описание заседаний Русского исторического общества в дневниках графа С.Д. Шереметева

Русское историческое общество являлось объектом исследования в разных ракурсах: в связи с развитием отечественного источниковедения, историографии, архивного дела, исторической науки в целом¹. Пристальному вниманию исследователей подвергалось изучение деятельности самого общества и издававшиеся им труды. Привлечение ранее неизвестных архивных материалов из фонда Шереметевых (Ф. 1287), хранящихся в Российском государственном архиве древних актов, позволит внести дополнительные детали, расширить представления о деятельности РИО, а если точнее, его годовых собраний, проходивших под председательством Николая П. Последний владелец Кусково и Фонтанного дома, граф Сергей Дмитриевич Шереметев принимал самое активное участие в создании и деятельности общества на протяжении всего дореволюционного периода. Связанный родством с Петром Андреевичем Вяземским (он был женат на его внучке, Екатерине Павловне Вяземской), и будучи приближенным к наследнику, великому князю Александру Александровичу, С.Д. Шереметев был свидетелем и активным участником полувековой деятельности общества. Действительным членом общества С.Д. Шереметев стал 28 марта 1873 года. Граф занимался научными изысканиями, посвященными русской политической истории XVI–XVII веков, Смутного времени, трагической гибели царевича Дмитрия. Его научная и просветительская, организационная деятельность, кругозор, эрудиция высоко ценились коллегами и научным сообществом, поэтому не случайно, что именно ему доверили руководство Археологической комиссией, Обществом любителей древней письменности. Кроме

¹ См.: Камардина О.М. Императорское русское историческое общество: очерк истории и научной деятельности (1866–1916 гг.): Автореферат дисс. на соиск. канд. ист. наук. Самара, 1999; Эпштейн Д.М. Археологическая деятельность РИО в 60–80-х гг. XIX в.: Автореферат дисс. на соиск. канд. ист. наук. М., 1951; Степанский А.Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // Археологический ежегодник за 1974 г. М., 1975. С. 38–55; Императорское русское историческое общество 1866–1916. Пг., 1916.

того, по его инициативе были созданы Общество ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III и Комитет попечительства о русской иконописи. Его высокий статус при дворе, доверительные и, вместе с тем, сложные отношения с последним императором снижали ему репутацию осведомленного и влиятельного вельможи. Дневник графа – это бесценный источник по политической истории России рубежа веков, истории научных обществ и усадебной культуры.

На страницах дневника прослеживается не только деятельность С.Д. Шереметева как члена РИО, но также представляются подробности, связанные с возобновлением годовых собраний общества после недолгого перерыва, вызванного кончиной Александра III, и деятельное участие графа в подготовке первого собрания и его организационное участие в подготовке последующих годовых заседаний. Помимо всего прочего Сергей Дмитриевич в своем дневнике передает атмосферу, обстановку, в которой проходили заседания, насыщает точными наблюдениями за ходом чтений реакции участников: действительных членов и августейшего председателя. В его дневниковой записи от 19 января 1898 говорится следующее: «Затем разговор перешел на Историческое общество. “Как жаль, что оно в прошлом году не собиралось. Не знаете ли, где Половцов? Я непременно желаю, чтобы оно собиралось ежегодно – не правда ли, всегда оно бывало в феврале или марте?..” Я ответил и высказал желание не только оживления общества, но и пополнения его новыми членами, чего нет – и общество вымирает. “Непременно!” – сказал Государь. “Нужно, чтобы к годичному заседанию всегда представлялся список желательных лиц... Пожалуйста, передайте секретарю – как его фамилия?” Я: “Штендман»”, – и прибавил, что он собственно душа и главный работник общества. Государь: “Передайте ему, что я непременно желаю, чтобы в этом году было годичное собрание – и ежегодно!”»² Однако первое описание заседания РИО в новом царствовании состоялось 24 февраля 1899 года. В официальном издании «Правительственный вестник» помещались подробные отчеты о годичных заседаниях. Традиционно на заседание приглашался сотрудник газеты, который готовил развернутые, но формализованные статьи о заседаниях РИО. Обязательно указывались место проведения (Зимний дворец или Царскосельский дворец), присутствующие, а затем подробно расписывалась повестка заседа-

² РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5043. Л. 87–87 об.

ния. Обычно, судя по сообщениям в правительственной газете, заседание начиналось с отчета председателя общества А.А. Половцова (после его смерти – великого князя Николая Михайловича), в котором подробно и обстоятельно, говорилось о трудах и изданиях РИО. Затем председатель докладывал об умерших членах общества, и в газете помещались небольшие некрологи о каждом из них. После обстоятельного отчета переходили к чтениям, а в конце к рассмотрению некоторых организационных вопросов. В повестке заседания РИО 24 февраля 1899 года значились два доклада: «1) член совета Василий Иванович Сергеевич – о значении в законодательстве императрицы Екатерины II депутатских наказов комиссии о сочинении проекта нового уложения; 2) Николай Карлович Шильдер – а) о некоторых событиях из истории царствования Императора Николая I, за 1847 – 1848 годы (Манифест 14-го марта 1848 года) и б) приготовленные общему собранию Его Императорским Высочеством Владимиром Александровичем – письмо Императрицы Марии Федоровны к Императору Александру I от 25-го августа 1808 года и ответ на это письмо Императора Александра I»³. Из дневника Шереметева становится известно, где именно в Зимнем дворце проходило заседание РИО – это Малахитовая зала. Но самое интересное заключается в том, как разворачивался ход заседания и как участники реагировали на содержание докладов выступавших, а также каким было отношение императора ко всему происходящему. «Вечером заседание Истор[ического] общества в Зимнем Дворце – в Малахитовой зале(!) при полном освещении электричеством, как на бале. Это не то, что скромные заседания как бывало в Аничковской библиотеке! Приехал с Бартеневым. Начало в 9 ч[асов]. Государь вошел из комнат Императрицы (мне когда-то столь памятных в детстве), и засед[ание] началось чтением отчета. Мне в нем показалась тенденция, и слова “так продолжать нельзя” и подчеркивание их Половцова. Затем чтение Сергеевича по поводу Екатер[ининской] Ком[иссии], но в сущности “лекция” поучительная Царю – что понятие “Божиею милостию” устарело – глумление над Екатериною и комиссиею и невольное обвинение Дворянства и сословного строя. Верх безстыдства и неприличия. Государя видимо коробило: Он переглядывался очень выразительно с В[еликими] К[нязьями] Владимиром и Конст[антином] К[онстантиновичем] – и со мною, почти все время, видимо следя за впечатлением. Затем чтение Шильдера, медоточивое но с

³ Правительственный вестник. 1899. № 46. 26 февраля (10 марта). С. 1–3.

ядом, глумление над Ник[олаем] П[авловичем] и Паскевичем под кажущеюся похвалой. Затем по предл[ожению] Вл[адимира] Алекс[андровича] прочтены письма И[мператрицы] Марии Фед[оровны] к Александру I, перед поездкою в Эрфурт и ответ Александра. Это единственно интересное чтение, достойное присутствия Государя. Тяжкое впечатление всего. Пассивность прилипчива и здесь она сказалась. Но убежден, что впечатление на Гос[ударя] чтение Сергеевича произвело отрицательное. Среди заседания Государь говорил о том, что он рассматривает секретные пакеты и открыл три – в одном были письма Лагарпа, зап[ечатанные] И[мператором] Николаем, и по поводу одного письма его сказано рукою Н[иколая] П[авловича], что оно им уничтожено; но к удивлению, доб[авил] Государь, копию с него я нашел в том же пакете, вероятно Гос[ударем] не замеченную. Затем обращаясь к Шильдеру, спросил каким образом именно это письмо попало в печать в первый том его Истории Им[ператора] Александра? Шильдер промямлил, что нашлась копия, и замаял ответ. Когда все кончилось и встали, Государь (которому я с самого начала поднес “Остафьевский Архив”) – простился со всеми. Подойдя ко мне ← он также дал руку, а я, наклонившись, успел ему сказать, что известные письма были мною показаны и затем мне возвращены. Государь довольно холодно спросил: “Возражений не было?” – “Никаких”, – отвечал я, и он прошел дальше. Уходя – меня обогнал Штендман и хвалил речь Сергеевича “конечно тенденциозно – но очень умно!” – “Не знаю умно ли? – отв[етил] я, – во всяком случае утешительно произведенное этою речью впечатление на Государя”. Штендман удивленно и вопросительно на меня взглянул. “Очевидно отрицательное”, – добавил я. Вернулся домой с Бартеневым, кот[орый] также в негодовании – и после чтения даже громко сказал: “Какой вздор!”⁴. В своем дневнике Николай II оставил очень краткую запись: «После обеда было заседание Исторического Общества. Делали сообщения – Сергеевич и Шильдер. Разошлись в 11½»⁵. Это отчасти скандальное заседание впоследствии обсуждалось Шереметевым на царской аудиенции 5 марта 1899 года: «Затем я сам спросил его о впечатлении заседания Исторического общества. Гос[ударь]: “Да, а я именно хотел вас о том спросить?” Я сказал, что меня удивила речь Сергеевича, что нашел ее неудоб-

⁴ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5045. Л. 41–41 об.

⁵ Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 1. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 460.

ной, пристрастной, краски сгущенными – и освещ[ение] одностороннее. Гос[ударь] с этим согласился и упомянул о выходке Бартенева. Я сказал, что выходка была неуместна <...>, что чувство неудовольствия было естественно, причем сослался на мнение Л.Н. Майкова, удивлявшегося тому, что Сергеевич читал, как будто вовсе не знакомый с предметом. Вообще, добавил я, ему как ректору не время было выступать. Гос[ударь]: “Да, он лучше бы молчал”, – и улыбнулся. Потом переспросил – он не ректор, т.к. ему сказали, что это его брат. Я подтвердил, что он ректор – а что брат у него есть ли в Москве. Странно, что Государю не сказали, что Сергеевич – ректор. Потом я добавил, что хотя труды Комиссии изданы Поленовым и затем Сергеевичем – но остались неизданными труды предварительных совещаний предшествовавших – и затронувших нек[оторые] вопросы, кот[орые] в самую Комиссию не проникли. Тут я лично заинтересован, прод[олжал] я, т.к. имею данные полагать, что прадед мой, в одной из этих подкомиссий, предложил освободить своих крестьян! Госуд[арь] этого не знал и сказал: “Та же мысль была и при Александре I”. Я продолжал, что для обобщения, нужно полное освещение документов – а не односторонний и пристрастный взгляд. Гос[ударь] заметил, что в особенности по вопросу о «сословиях», и продолжал перебирать эпизоды перебранки Половцова с Бартеневым. – Тогда я сказал, что перебранка с двух сторон была неприлична, и добавил что то, что происходило на глазах В[ашего] В[еличества] – только отголосок других побочных счетов между ними, проникнувших в печать – и сообщил, что обвинение в пропаже док[ументов] Ус[пенского] собора отрицается Половцовым. Вообще, – сказал я, – это почти общее явление те пререкания, кот[орые] иногда сквозят и перед В[ашим] В[еличеством и] имеют всегда другую личную основу, в большинстве случаев сокровенную, которая и не может дойти до Государя, но кот[орая] и составляет причину побуждения к личным счетам пробивающимся наружу – и что это явление, к сожалению, встречается очень часто. Государь понял мой намек – и с этим согласился»⁶. В ожидании следующего годовичного заседания Шереметев опасался повторения нашумевшей истории с докладом Сергеевича. В описании заседания, состоявшегося 2 марта 1900 года в Зимнем дворце, сквозили ноты тревоги и настороженности: «Вечером заседание Исторического Общества в Малахитовой зале. Ох уж эта Малахитовая зала! Как мало она пригодна к таким засе-

⁶ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5045. Л. 45–47.

даниям и как напоминало мне прошлогодний кошмар и чтение Сергеевича. Государь вышел с Вл[адимиром] Алекс[андровичем]. Сели. Я на своем конце, около меня всегда Кобеко. Чтение Дубровина и Шильдера. Так себе. Общий тон, однако, другой, чем в прошлом году. Государь предложил курить, показывал Суворовские жезлы и был приветлив. Но вообще жизни мало. По окончании я благодарил за присланные 2000, для изд[ания] Горбунова. Ник[олай] Мих[айлович] сидел рядом со мною и много говорил. В[еликий] К[нязь] Владимир Алекс[андрович] был очень мрачен и не шутил по обычаю»⁷. Последующие заседания шли уже по отработанному сценарию. 1 марта 1900 заседание РИО проходило в Зимнем дворце: «В 8½ приехал в Зимний Дворец на заседание Исторического общества в «Малахитовую». Все то же и те же, только продолжалось до 12 [часов], дольше обыкновенного и чтение было интересно. Когда Государь вошел, он со всеми поздоровался быстро и молча. <...>. Когда сел, он тотчас же предложил всем курить. Слушал внимательно, по обычаю на лице его отражались впечатления; он улыбался иногда с обычной иронией – но почти ничего не говорил. Когда кончилось интересное чтение Пыпина о пр[авительстве] Екатерины II, прочитанное с жаром. Государь с последними словами прочитанного сказал Шильдеру начать свое чтение. Впечатлений не выражено никаких. В конце начал читать В[еликий] К[нязь] Владимир Алекс[андрович], читал дурно, но забавна перебранка Валуева с Ростопчиным. Потом Половцов прочел, что предлагается к избранию, гр. Ламздорф и Шумигорский... Я ожидал, что будет дальше? но дальше ничего не последовало, и молча выбор признали состоявшимся. Это очень было характерно, и я принял это к сведению. Прощаясь, опять обошел всех и что-то сказал Пыпину. Я стоял на конце, и он остановился передо мною, улыбаясь, и сказал, что перебранка В[алуева] с Раст[опчиным] была забавна. Я сказал, что видал портрет Р[остопчина] с изв[естной] подписью «без дела и без скуки и пр.». Государь меня переспросил, и я должен был повторить. Потом удалился к дверям во свои покои, где и задержался в «семейном» разговоре с Влад[имиром] А[лександровичем] и Ник[олаем] Мих[айловичем]. Мы стояли все в ожидании – ожидая конца, после чего последовал кивок головы, и мы разъехались. В первом часу я был дома»⁸.

⁷ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5046. Л. 44.

⁸ РГИА. Ф. 1088. Оп. 2. Д. 9. Л. 38.

Не останавливаясь отдельно на каждом заседании РИО в силу экономии объема публикации, особо стоит выделить описание заседания 2 апреля 1910 года, которое является ключевой в понимании отношений Шереметева и Николая II, а во-вторых, автор дневника акцентирует внимание на эмоциональном настрое императора, его неожиданным переходам: от одобрения, иронии до настороженности. Из официального отчета «Правительственного вестника» сухо сообщалось: «По открытии заседания Августейший председатель общества Председатель Великий князь Николай Михайлович прочел отчет: <...> В заключение были прочитаны доклады: А.Н. Куломзиным – “Некролог Е. И. В. В. Кн. Владимира Александровича”, В.С. Иконниковым – “Екатерина II как историк”, А.Н. Филиппов – “Депутаты Екатерининской комиссии и Прав. Сенат” и Его Императорским Высочеством Великим Князем Николаем Михайловичем: “Разговор Поццо ди Борго с бароном Т.К. Мейендорфом в 1832 году в Вене”»⁹. В дневниковой записи Шереметев раскрываются подробности этого заседания РИО: «Веч[ером] с поездом 8½ поехал в Царское Село. В вагоне со всеми членами Истор[ического] общества. На ветку в Ц[арское] С[ело] сел в карету с Проф[ессором] Филипповым. Та же комната, ждали минут 20. Вышел обедавший у Государя В[еликий] К[нязь] Н[иколай] М[ихайлович]. Затем Государь и со всеми поздоровался почти без разговора. Сели по-новому. Государь не на обычную сторону. Неожиданно Государь обратился ко мне и предложил сесть около него по правую руку. Началось чтение. Государь предложил всем курить – и мне предложил свою папироску, и зажег спичку, которую я из рук его взял. Любезность все время была необычайная и впервые при публице. Чтение Куломзина о В[еликом] К[нязе] Вл[адимире] А[лександровиче:] подробности о походе 1877 года, и мое имя вплели, неизвестно почему. Когда он кончил, Государь его спросил, сам ли он написал или ему помогли? Тот удивленно и несколько обиженно возразил, что сам. Когда сели, Гос[ударь] сказал Куломзину, севшему насупротив, что это напоминает ему прежние засед[ания] Сиб[ирского] Комитета. Потом чтение Иконникова об И[мператрице] Екатерине II, превосходное, в высшей степени интересное. Он читал о занятиях Екатериной II Р[усской] историей и на многие вопросы современности отвечал словами Екатерины! А на стене висел новый ее портрет, кот[орого] я прежде у Государя не видел. Он тут же сказал мне, что не-

⁹ Правительственный вестник. 1910. № 75. 4 (17) апреля. С. 2.

давно купил его после продажи им[ущества] Половцова. Прекрасный портрет овальный – профиль мраморный в совр[еменной] раме. Приятно было видеть его перед собою, когда Иконников читал о ней. В начале чтения Иконникова В[еликий] К[нязь] Н[иколай] М[ихайлович] неожиданно преподнес Государю на просм[отр] альбом фот[ографий,] принадле[жавший] Шумигорскому. Меня покорило такое невнимание. А чтение остановилось все интереснее. Скоро закончил Г[осударь] альбом и стал внимательно слушать – не раз обращаясь ко мне с[о] знаками и словами одобрения и сочувствия. Вообще все время он со свойственной ему наблюдательностью все подмечал, с малейшими оттенками относительно каждого. Это его всегдашнее свойство и впечатления отражаются на подвижности его лица и захватывающего взгляда. Это нужно иметь в виду с ним и быть постоянно на стороже, что не всякому дано. По мере чтения лицо Иконникова оживлялось, и я истинно любовался этим почтенным стариком с оттенком редкой ныне порядочности, при большой простоте и скромности – не чуждой тонкой наблюдательности и легкого юмора. Давно не испытывал подобного наслаждения, и Государю видимо понравилось. Много ему, вероятно, было ново. Ведь Екатерина II затиралась все эти годы, и упорно и последовательно выдвигался И[мператор] Александр I. Затем продолжительное (около часу) чтение пр[офессора] Филиппова – о депутатах Екатер[ининской] Комиссии; интересное, с намеками на современность, но не подготовленное для чтения – а потому несколько растянутое и с затяжками в голосе, речь была и о депутатах-пугачевцах, из кот[орых] один был казнен, что возбудило толкование Сената о законности или незак[онности] этого решения. При этом Государь, наклонившись ко мне, сказал, что так поступить и следовало. Вообще все время перекидывался намеками, взглядами – и замечаниями, то выражал удовольствие, то высмеивал некоторые странности – особенно в выражениях. Заседание затянулось до 12 ч[асов] ночи. Когда прочли, что я выбран членом Ревизионной Комиссии – Государь ко мне нагнулся и совсем серьезно сказал: «Теперь вы будете устрицы есть!» Я не ожидал этого, но быстро спохватился, вспомнив изречение Горбунова – «а ревизионная комиссия все устрицы жрет!» Гос[ударь] неизменно помнит его и не расстается с его рассказами. Под конец В[еликий] К[нязь] Н[иколай] М[ихайлович] прочел и скорее выпалил без всякого объяснения – письмо Поццо ди Борго к др[угому] лицу, в кот[ором] делает характеристику далеко не лестную, но меткую об И[мператоре] Александре I. Чтение это краткое – произвело недоуменное впечат[ение] на меня как и на

многих. Зачем было читать это письмо, неведомо откуда появившееся и весьма неудобное при возможности сопоставления некоторых знакомых черт. Госуд[арь] казался удивлен, и улыбка сбежала с его лица. Эти переходы от оживления и приветливости к сосредоточенному настроению быстры и часты бывают у него. Жаль, что после чтений не было обмена мыслей, как бывало благодаря [Великому князю] Влад[имиру] Александровичу. Все встали. Государь опять обошел всех и всем дал руку. Затем направил[ся] к двери – перед кот[орой] остановился и взглянул на Ник[олая] Мих[айловича]. Тот не проводил как водится до дверей и вряд ли это заметил. Это продолжалось мгновение, и Государь ушел. Нас всех увезли на ветку – где все уселись в вагон вместе [с] Ник[олаем] Мих[айловичем]. В общем было очень интересно – но для меня несколько утомительно ради продолжительной напряженности, вызванной продолжительным соседством во время всего заседания»¹⁰.

Последний раз Шереметев присутствовал на годовом заседании РИО 12 марта 1915 г.: «С поездом 8 ч[асов] 25 м[инут] выехал по ветке в Царское Село с членами Исторического общества. К 9 часам вечера собрались в обычной комнате, но в количестве больше обыкновенного. В[еликий] К[нязь] Николай Михайлович держал себя как всегда странно: отсутствие всякой порядочности сквозит в нем, как и Еврейское обличие. Во время обхода и рукопожатия всем членам Государю подавались разные книги, которые он передавал Щеглову, шедшему вблизи его. Когда дошел до меня, молча пожал руку, а я ему представил «Старину и Новизну», Кн. 19. Он ее взял и сказал, что отнесет сам на свое место, и положил ее перед собою, сел за свое председательское место. Вид его был спокойный, благодушный, не веселый и не грустный. Первым читал доклад В[еликий] К[нязь] Н[иколай] М[ихайлович], причем произнося английскую фразу, обратился к Государю с извинением, что дурно произносит английские слова. Государь удивленно на него взглянул и быстро ответил вслух: «Мы не англичане». Чтение было среднее. Интересно только Голицына – об отношениях Екатерины II к Фр[анцузской] революции; хорошо и просто читал и держался. Н[иколай] М[ихайлович] втихомолку подсунил Г[осударю] какую-то бумажку с именами, на которой Государь поставил крестики. Потом узналось, что это было избрание некоторых лиц, и м[ежду] пр[очим] меня, в члены Ревиз[ионной] комиссии. Одна формальность и прием некорректный,

¹⁰ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5055. Л. 57–57 об.

соответствующий некорректности «назначения» предс[едателем], вопреки уставу; опять родственная тактика, столь особенно ныне развивающаяся. Во время чтений Гос[ударь] перебирал листы «Старины и Новизны» и долго всматривался в портреты Вел[иких] Князей. Мне показалось, что он этого портрета не знал. Как и всегда переглядывался, когда читалось нечто пикантное, и эта молчаливая мимика ему свойственна»¹¹. В дневнике особенно заметен тон раздражения Шереметева председательством в.к. Николая Михайловича. Новое руководство игнорировало заслуги Александра III, о П.А. Вяземском почти не вспоминали. Оуждалось Шереметевым формальное, даже казенное отношение председателя к своим обязанностям, несоблюдение устава. По мнению графа, характер общества в последнее царствование совсем изменился. Видя резкий контраст между тем, что общество представляло в пореформенный период, в первые десятилетия деятельности, и какие перемены произошли в последние годы существования самодержавия, Сергей Дмитриевич принял решение о написании воспоминаний об основании РИО. Эти воспоминания частично вошли в большой биографический очерк, посвященный Александру III¹².

¹¹ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5060. Л. 35–36.

¹² Мемуары графа С.Д. Шереметева. Т. 1. М., 2004. С. 488–492.

История коллекции мундирных платьев императрицы Екатерины II из собрания Государственного музея-заповедника «Павловск»

Мундирные платья императрицы Екатерины II представляют собой уникальный вид дамской одежды второй половины XVIII столетия. По фасону и функциональному назначению они не имеют прямых аналогий в гардеробе других лиц, как в России, так и в странах Западной Европы. Несмотря на большую художественную и мемориальную ценность, их история изучена недостаточно. В связи с изданием полного каталога коллекций ГМЗ «Павловск» возникла необходимость обращения к данному материалу, так как в фонде костюма музея представлен значительный по объему комплекс мундирных платьев императрицы. Каждое из них представляет собой комплект, состоящий из двух или трех предметов, в зависимости от фасона. В инвентарные книги музея предметы внесены под отдельными номерами, и их количество составляет 48 единиц хранения. Из тридцати восьми предметов можно собрать четырнадцать полных мундиров: семь по форме Лейб-гвардии пехотных полков (Преображенского, Измайловского и Семеновского), два мундира по форме Лейб-гвардии Конного полка, один мундир по форме армейской пехоты и четыре мундира по форме морского флота. Десять предметов, в том числе: одна кофта, две юбки и два верхних платья по форме Лейб-гвардейской пехоты; три юбки и два верхних платья по форме Лейб-гвардии Конного полка – являются разрозненными частями от мундиров, другие предметы от которых, вероятно, находятся в других музейных собраниях.

Мундиры поступили в Павловский дворец-музей из Центрального хранилища музейных фондов в 1956 году на основании Приказа Управления культуры Исполкома Ленгорсовета¹. В силу действия этого документа в коллекцию Павловского дворца-музея было принято 65 предметов из гардероба

¹ № 239 от 27 июля «Об объединении Павловского парка и Музея художественного убранства русских дворцов XVIII–XIX вв. с бывшим Центральным хранилищем музейных фондов пригородных дворцов-музеев и парков г. Ленинграда». Приказ издан на основании постановления Совета Министров РСФСР № 451 от 04.06.1956.

Екатерины II, находившихся до поступления в Центральное хранилище в нескольких музеях.

Для выяснения истории бытования мундиров на протяжении более 150 лет до их поступления в собрание Павловского дворца были изучены документы Российского государственного исторического архива, архива Государственного Эрмитажа, исторического архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, научного архива ГМЗ «Павловск», архива отдела учетной документации ГМЗ «Павловск». Ценные сведения для данной работы были также почерпнуты из публикаций Юрия Александровича Миллера и Мадины Гадельяновны Зайченко по истории Арсенала Государственного Эрмитажа, Царскосельского арсенала, арсенала Аничкова дворца, арсенала великого князя Михаила Павловича.

Первым местом хранения мундирных платьев императрицы был ее собственный гардероб, занимавший пять комнат на третьем этаже Зимнего дворца с восточной стороны².

После ее смерти одежда оставалась там же, о чем косвенно свидетельствует записка Якова Александровича Дружинина, направленная на имя статс-секретаря Е.И.В. Алексея Николаевича Оленина в связи с неожиданной находкой в гардеробе старинной рукописной книги: «При осмотре, произведенном мною хранящегося в гардеробе покойной государыни Екатерины II платья, нашел я в прошлом 1805 году сие Евангелие. Оно нигде в описи и в приходе не записано и потому неизвестно, давно ли и от кого туда зашло... Камердинеры и гардеробские помощники оставили его без уважения, и оно забыто»³. Так была обнаружена древнейшая русская рукописная книга «Остромирово Евангелие». Из записки Дружинина видно, что гардероб императрицы был на прежнем месте, и при нем состояли служители.

В 1820 году была проведена не только проверка «казенной товарной» при Кабинете Е.И.В.⁴ но и осмотрен гардероб покойной императрицы.

² «Заведовал гардеробом камердинер. В 1790-х годах эту должность занимал И. Егоров, которому подчинялись секретарь, пять помощников, закройщик И. Дьячков, башмачник А. Канков, надзирательница над женской прислугой Елизавета Васильева» (Агеева О.Г. Императорский двор России. 1700–1796 годы. М.: Наука, 2008. С. 279.)

³ Розов Н.Н. К юбилею Остромирова Евангелия. Труды Отдела древнерусской литературы (АН СССР. Института русской литературы (Пушкинский Дом). Т. 12. М.: Л., 1956. С. 337.

⁴ Как и экспедиция мягкой рухляди и гардероб Е.И.В., казенная товарная относились к хозяйственный службам Кабинета Е.И.В.

По завершении инспекции начальник Главного штаба князь Петр Михайлович Волконский, в обязанности которого входило руководство придворным хозяйством, направил гофмаршалу двора Е.И.В. Александру Львовичу Нарышкину распоряжение № 720 от 12 июля 1820 года: «Гардероб покойной императрицы Екатерины II отнюдь не уничтожать и не раздавать никуда без особого позволения Его Величества, и хранить оный всегда в порядке и опрятности. Сообщаю Монаршию волю Вашему Превосходительству для надлежащего исполнения, ныне же известить об оном и господина действительного статского советника Дружинина. Начальник Главного штаба князь Волконский»⁵.

Следующая проверка сохранности гардероба Екатерины II была проведена по распоряжению вступившего на престол в **декабре 1825 года** Николая I, а в январе 1827 года был составлен «Реестр разным вещам по гардеробу покойной государыни императрицы Екатерины II, о коих нет никаких приказаний»⁶. После ознакомления с реестром император отметил предметы, которые его заинтересовали, и распорядился их к нему доставить. «Прочие же значащиеся в сем реестре вещи, зачеркнутые карандашом, уничтожить вовсе»⁷, – выразил его волю министр императорского двора князь Волконский. Значительное количество личных вещей императрицы – туфли, корсеты, зонты – были признаны «негодным к употреблению» и уничтожены⁸. Мундирные платья сохранили, но с этого времени началось их разделение и перемещение.

Так, уже в мае **1826 года**, по распоряжению младшего брата царя генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Павловича, восемь мундирных платьев, в состав которых входил двадцать один предмет, были переданы из Императорского Эрмитажа в Достопамятный зал Петербургского арсенала, расположенный на Литейной улице и состоявший на положении «особого поручения» при Главном артиллерийском управлении. При передаче был составлен реестр, хранящийся в архиве Государственного Эрмитажа⁹.

В это же время мундиры императрицы пополнили личный Арсенал Михаила Павловича, расположенный в Каменноостровском дворце. Как пишет

⁵ РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 255. Л. 152.

⁶ РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 93. Л. 27.

⁷ Там же. Л. 25.

⁸ РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 279. Л. 23

⁹ АГЭ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 11. Л. 94.

Магина Гадельяновна Зайченко: «В Арсенале Каменноостровского дворца были сосредоточены предметы военного обихода, мундиры и много артиллерийских орудий»¹⁰.

Четыре мундирных платья Екатерины II были перемещены в Арсенал цесаревича Константина Павловича, находившийся в Мраморном дворце. В 1828 году была составлена «Опись ружейным и амуничным вещам, хранящимся в Арсенале Его Высочества государя Цесаревича по книгам умершего смотрителя 9-го класса Одерпана»¹¹. В документе отдельным списком перечислены «Собственные платья императрицы Екатерины II». Согласно списку в коллекции цесаревича находились платья Конного, Преображенского, Семеновского и Измайловского полка¹². Сравнение описи 1828 года с «Росписью Арсенала государя цесаревича», составленной в 1818 году тем же смотрителем Одерпаном, показывает, что мундиры поступили в коллекцию Константина Павловича, как и в арсенал его младшего брата Михаила, после смерти Александра I.

Оставшиеся мундиры Екатерины II, по-видимому, вошли в коллекцию Николая I и хранились в арсенале Аничкова дворца. В **1840–1857 годах** был составлен «Каталог российским знаменам, штандартам, оружию и амуниции Собственного Е.И.В. арсенала в Санкт-Петербурге». Во втором томе, написанном при жизни Николая I, в разделе «Мундиры и мундирные платья» под номерами с № 17 по № 28 перечислены платья Екатерины II. Под двенадцатью порядковыми номерами в нем учтено 27 отдельных предметов: два мундира Лейб-гвардии Преображенского полка (7 предметов), два мундира Лейб-гвардии Семеновского полка (6 предметов), два мундира Лейб-гвардии Конного полка (4 предмета), один мундир по форме флота (3 предмета), один армейский пехотный мундир (3 предмета) и еще четыре предмета, не входящие в определенные комплекты, «два корсета и одно исподнее платье к гвардейским пехотным мундирам»¹³.

¹⁰ Зайченко М.Г. Судьба оружейной коллекции Великого князя Михаила Павловича. Русская ветвь Мекленбург-Стрелицкого дома // Русская ветвь Мекленбург-Стрелицкого дома. Сборник трудов международной научной конференции. СПб.: Лики России, 2005. С. 53–54.

¹¹ РГИА. Ф. 539. Оп. 1. Д. 289. О сдаче Арсенала Е.И.Высочества блаженной памяти Государя Цесаревича согласно высочайшим Е.И.В. назначениям. 1831.

¹² В четырех комплектах было 10 отдельных предметов.

¹³ АГЭ. Ф. II. Оп. «В». Д. 141. Л. 39.

В 1848 году после скоропостижной кончины Михаила Павловича собранная им коллекция оружия и мундиров была по воле покойного передана по наследству его племяннику цесаревичу Александру Николаевичу. «Арсенал Санкт-Петербургского моего дворца прошу принять от меня в знак памяти, как залог моей дружбы и душевной моей Его Высочеству преданности»¹⁴, – гласят строки из духовного завещания Михаила Павловича. Собрание переместили в летнюю резиденцию наследника престола – Александровский дворец в Царском Селе. «Для Арсенала Михаила Павловича отвели освободившееся помещение библиотеки, Большую залу и еще одну комнату. Здесь, по-видимому, были размещены мундиры и другие предметы военной формы»¹⁵. 14 мая 1850 года библиотекарь и хранитель арсенала наследника Флориан Антонович Жиль направил обер-гофмейстеру его двора Василию Дмитриевичу Олсуфьеву письмо с просьбой «выдать 85 рублей серебром, пожалованных государем наследником цесаревичем в награду, состоящим при арсенале в Бозе почивающего в.к. Михаила Павловича старшему унтер-офицеру Яницеву и унтер офицеру Атаеву, занимавшимся размещением мундиров в Царскосельском Арсенале»¹⁶.

После восшествия Александра II на престол его личная коллекция оружия и предметов военного обихода влилась в состав арсенала Собственного Его Величества дворца. В 1855 году бывший арсенал Михаила Павловича перевезли из Александровского дворца на территорию усадьбы Аничкова дворца и разместили в ближайшем к Невскому проспекту павильоне¹⁷. Предположительно в этот период был составлен недатированный реестр «Мундиры и мундирные платья из гро-де-напль императрицы Екатерины II». В реестре содержится 10 позиций, каждая из которых имеет два номера. Первый из них, с 76 по 81 и с 90 по 93, связан с общим перечнем коллекции. Второй номер, от 1 до 10, является порядковым для мундирных платьев. На одной позиции в реестре вписано несколько предметов.

¹⁴ РГИА. Ф. 522. Оп. 1. Д. 380. 1849. По выпискам из духовного завещания в бозе почивающего В.к. Михаила Павловича. О перемещении Арсенала и других расходах по этому случаю бывших. Л. 2.

¹⁵ Зайченко М.Г. Указ. соч. С. 56.

¹⁶ РГИА. Ф. 522. Оп. 1. Д. 380. 1849. Л. 36.

¹⁷ Зайченко М.Г. Указ. соч. С. 56.

«76.1. Конногвардейский мундир, светло-синий шелковый, с золотым галуном, с красной шелковой подкладкой, исподнее платье красное с золотым галуном и красный корсет с синими рукавами, с галуном.

77.2. Мундир Лейб-гвардии Преображенского полка зеленый шелковый с золотым галуном без подкладки. Верхнее и исподнее то же.

78.3. Мундир Лейб-гвардии Семеновского полка зеленый шелковый с золотым галуном без подкладки. Верхнее и исподнее такие же, корсет такой же с галуном»¹⁸, – и так далее.

Всего в документе перечислено более семидесяти предметов.

В 1857 году вновь прибывшие экспонаты включили в 4-й том каталога Императорского арсенала. Коллекционные материалы, принадлежавшие ранее великому князю Михаилу Павловичу и перешедшие в коллекцию Александра II, были внесены в каталог с подзаголовком «Сии вещи сохранялись прежде в Арсенале покойного Великого Князя Михаила Павловича». Отдельным списком в нем указаны «Вещи, принадлежавшие покойной императрице Екатерине II».

Для каждой позиции проставлены два номера, порядковый номер по каталогу и номер в списке вещей императрицы. Нумерация и описание предметов полностью совпадают с предварительным «черновым» реестром, приведенным выше.

Таким образом, в Императорском Арсенале в павильоне у Аничкова дворца в середине XIX столетия хранилось около сотни предметов, входивших в комплекты мундирных платьев Екатерины II. **Разъединенные в начале царствования Николая I, мундирные платья императрицы Екатерины II воссоединились, за исключением 21 предмета, переданного в Арсенал при Главном Артиллерийском управлении.** Их наличие подтверждается в «Описании артиллерийского зала достопамятных и недостопамятных предметов», составленном в 1862 году Иваном Дмитриевичем Талызиным, исполнявшим в 1861–1865 годах должность заведующего Достопамятным залом Арсенала¹⁹. В этом каталоге мундиры Екатерины II имеют порядковые номера с 1589 по 1596. В конце списка Талызин сделал примечание: «Все мундиры доставлены из Придворной канторы в 1826 году»²⁰.

¹⁸ АГЭ. Ф. II. Оп. «В». Д. 163. Л. 1–3.

¹⁹ Талызин И.Д. Описание артиллерийского зала достопамятных и недостопамятных предметов 1862 года. СПб.: ВИМАИВиВС, 2006.

²⁰ Талызин И.Д. Указ. соч. С. 85–86.

В 1865 году здание «старого» арсенала на Литейной улице в связи с проходившей судебной реформой было передано Министерству юстиции. В **июне 1868 года** коллекции «старого» арсенала перевезли в Кронверкский арсенал. При перемещении коллекций на новое место провели инвентаризацию. Александра Петровна Лебедянская в историческом очерке «Артиллерийский исторический музей» отметила, что «смешанный характер собрания, подчеркнутый заглавием описи 1862 года, дал повод товарищу генерал-фельдцейхмейстера генерал-адъютанту А.А. Баранцеву назначить комиссию «для пересмотра и распределения достопамятных вещей» по соответствующим учреждениям, так как многие предметы никакого отношения к артиллерии не имели»²¹. Материалы и выводы этой комиссии были изучены в Главном артиллерийском управлении Военного министерства и направлены для ознакомления в Придворную Е.И.В. контору. В результате возникшей между ведомствами переписки **3 февраля 1869 года** из Главного артиллерийского управления поступило распоряжение коллежскому секретарю Афанасьеву, состоявшему на службе в Артиллерийском музее: «Привести в исполнение Высочайшее повеление императора об обмене предметами между музеями Санкт-Петербурга»²². Вследствие этого из Артиллерийского музея передали в Морской музей ряд вещей, среди которых был один морской мундир Екатерины II.

К 1917 году мундирные платья Екатерины II хранились в Артиллерийском и Морском музеях и в Арсенале Аничкова дворца²³.

²¹ Лебедянская А.П. Артиллерийский исторический музей. Исторический очерк (1703–1917). СПб.: ВИМАИВиВС, 2008. С. 47.

²² Цит. по: Шишкова Н.В. Колет императора Петра I из коллекции Центрального военно-морского музея // Труды Центрального военно-морского музея. Сборник научных статей. Вып. 1. СПб., 1999. С. 81.

²³ В изданном в 1917 году очерке Василия Васильевича Щеглова «Его величества библиотеки и арсеналы» говорится: «Арсенал Собственного Его Величества дворца, образовавшийся в 1811 году назначен исключительно для предметов вооружения русских войск; вместе с тем, в нем хранятся военное платье и другие принадлежности особ царствующего дома, со времен императора Петра III» (Щеглов В.В. Его величества библиотеки и арсеналы. Краткий исторический очерк. СПб., 1917. С. 69). В заключительной части очерка приведен «Краткий список предметам, хранящимся в арсенале Собственного Его Величества (Аничковского) дворца: мундирное платье Преображенского, Семеновского, Измайловского, Конного полков. Мундиры армейские и морские и орденские шитые звезды, принадлежавшие императрице Екатерине II», (Щеглов В.В. Указ. соч. С. 155).

После революции и последовавшей затем национализации дворцов началось формирование на их основе музеев. В процессе уточнения специфики каждого отдельного музея, создания новых экспозиций и поиска современных форм работы коллекционные материалы стали перемещать из одного собрания в другое. Эта деятельность затронула и Арсенал Аничкова дворца.

В 1922 году он был расформирован, а его коллекции распределили между разными музеями. Мундиры Екатерины II передали в Государственный Эрмитаж.

В 1930-м году несколько мемориальных костюмов из Эрмитажа выдали в Петергофский дворец-музей. Среди них были платья Екатерины II, перечисленные в передаточном акте: «Из гардероба Екатерины II: п. № 819, инв. 168/А/711 – камзол; п. № 820. Инв. 159/Б – мундир; п. № 820, инв. 713 – юбка к армейскому мундиру»²⁴.

В 1932 году 74 форменных платья императрицы переместили в Исторический военно-бытовой музей Рабоче-крестьянской Красной Армии, о чем был составлен акт, хранящийся в Историческом архиве Военно-исторического музея артиллерии инженерных войск и войск связи²⁵.

В дальнейшем мундиры императрицы передавались из фондов Артиллерийского исторического музея для экспозиционной работы в разные музеи. Так, Гатчинский дворец-музей получил 5 предметов²⁶, в Екатерининский дворец-музей передали 7 предметов²⁷.

Следующие несколько перемещений мундирных платьев относятся к 1950-м годам. По приказу № 012 от 19.01.1951 года президента Академии артиллерийских наук Николая Николаевича Воронова была назначена комиссия под председательством генерал-майора инженерно-артиллерийской службы Эмиля Карловича Лармана для проверки фондов Артиллерийского исторического музея. Цель проверки – выявление ненужного музею имущества. В комиссию были включены представители Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР, сотрудники Государственного Эрмитажа Владимир Францевич Левинсон-Лессинг и Владислав Михайлович Глинка, представи-

²⁴ АГЭ. Акт от 15 сентября 1930 года № 1/6. Л. 36.

²⁵ ИА ВИМАИВ и ВС. Ф. 1. Оп. 1. Ед.хр. 5. Л. 215.

²⁶ АОУ ГМЗ «Павловск». Инвентарная книга ГДМ № 15, 1938.

²⁷ АОУ ГМЗ «Царское Село». Инвентарная книга № 27, 1940.

тель Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров СССР, директор Центрального хранилища музейных фондов пригородных дворцов г. Ленинграда Анатолий Михайлович Кучумов. По итогам проверки был составлен акт, в котором в пункте № 12 перечислено имущество, не нужное Артиллерийскому историческому музею, но могущее быть использованным другими музеями и отобранное их представителями. Выделенные специалистами экспонаты были переданы в Центральный исторический музей, Центральное хранилище музейных фондов, Государственный Эрмитаж²⁸ и Государственный Русский музей²⁹. По решению комиссии из коллекций Артиллерийского музея была изъята бóльшая часть мундиров Екатерины II.

Сорок четыре мундира, исключенные из состава коллекций Артиллерийского исторического музея, поступили в Центральное хранилище музейных фондов. К ним прибавилось шесть предметов, хранившихся до войны в кладовых Гатчинского дворца-музея, восемь предметов, до 1941 года входивших в коллекцию Петергофского дворца-музея, и семь предметов из довоенного собрания Екатерининского дворца.

В конце 1950-х годов, в связи с началом восстановления пригородных дворцов, предметы из Павловского дворца стали передавать в другие пригородные дворцы-музеи. В **1959 году** мундирные платья Екатерины II передали в Екатерининский дворец-музей³⁰, в **1960-м** году в Петергоф³¹. После чего в Павловском дворце осталось 50 платьев, из которых один комплект (два предмета) по форме Лейб-гвардии Конного полка³² выдали в **1961 году** на постоянное хранение в Калининский областной музей³³.

Изучение архивных документов и научной литературы позволило проследить основные этапы формирования коллекций мундирных платьев Ека-

²⁸ Один мундир Лейб-гвардии Конного полка оказался в собрании Бахчисарайского историко-культурного заповедника. Он попал туда в 1957 году, когда директор Бахчисарайского музея Мария Георгиевна Кустова добилась его передачи из Эрмитажа для создания во дворце Екатерининской комнаты // Ханский дворец в Бахчисарае. www.krim.biz.ua (Дата обращения: 18.09.2016).

²⁹ ИА ВИМАИМ и ВС. Ф. 3 р. Оп. 9. Ед.хр. 149. Л. 130.

³⁰ АОУ ГМЗ «Павловск». Ордер № 1369 от 24.02.1959.

³¹ АОУ ГМЗ «Павловск». Акт №149 от 14.10.1960 г.

³² Казакин – инв. № ЦХ-4326-II, платье – инв. № ЦХ-4327-II.

³³ АОУ ГМЗ «Павловск». Акт № 130, от 18.12.61.

терины II в XIX и XX веках. В середине XIX столетия в Арсенале Аничкова дворца, в Артиллерийском музее и в Морском музее имелось в общей сложности более сотни исследуемых предметов. В настоящее время мундиры Екатерины хранятся в нескольких музеях Санкт-Петербурга, его пригородов и в музеях других городов России. Введение всех сохранившихся предметов в научный оборот и дальнейшее взаимодействие между музеями поможет не только уточнить историю экспонатов, но воссоздать их достоверную комплектацию, нарушенную в ходе многочисленных передач.

Выражаю искреннюю благодарность сотрудникам музеев и архивов за консультацию и действенную помощь: Т.Ф. Булгаковой (ГМЗ «Царское Село»); В.В. Берсенева (РГИА); Р.Р. Гафифуллин, Н.В. Федоровой (ГМЗ «Павловск»); Н.В. Галановой, Е.Ю. Кириленко, Л.П. Рудаковой (ВИМАИВ и ВС); М.Г. Зайченко, Н.И. Тарасовой (ГЭ); М.И. Кознаковой (ГМЗ «Петергоф»).

Принятые сокращения:

АГЭ – Архив Государственного Эрмитажа

АОУ ГМЗ «Павловск» – архив отдела учетной документации Государственного музея-заповедника «Павловск»

АОУ ГМЗ «Царское Село» – архив отдела учетной документации Государственного музея-заповедника «Царское Село»

ИА ВИМАИМ и ВС – Исторический архив Всероссийского исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

РГИА – Российский государственный исторический архив

«Я разрешилась сыном...» Рождение детей в императорской семье

Рождение ребенка в семье императора (цесаревича) являлось общегосударственным событием. Вместе с тем это было и не менее значимым семейным событием, безусловно, важным для родителей. Это неразрывное сплетение государственного и личного начала породило исторически сложившиеся алгоритмы действий, основывавшихся на прецедентах – «на традиции прежних лет».

Прежде всего реализовывались *информационные алгоритмы*, когда подданных извещали о рождении ребенка артиллерийскими залпами с куртин Петропавловской крепости. Например, когда у великого князя Николая Павловича в 1819 году родилась дочка – великая княжна Мария Николаевна, пушки стреляли 201 раз¹. Когда Николай II осенью 1895 года ожидал рождения ребенка, то в документе от 25 октября 1895 года указывалось, что в случае рождения сына необходимо произвести 301 выстрел, а о варианте дочери вообще не упоминалось².

Отправлялись фельдъегеря к европейской родне (бабушкам и дедушкам, дядям и тетям и пр.) с извещением о произошедшем радостном событии.

Имя ребенка вписывалось в заранее составленный манифест, который печатался в «Правительственном вестнике». Отмечу, что министром Императорского двора заранее готовились³ пять вариантов манифеста: на мальчика, на девочку, на двух мальчиков, на двух девочек, на девочку и мальчика. При этом в династии Романовых двойни никогда не рождались.

Составлялся, утверждался и обнародовался церемониал крещения ребенка, в котором оглашался список крестных отцов и матерей. Например, при

¹ РГИА. Ф. 519. Оп. 5. Д. 381. Л. 1. О благополучном разрешении от бремени Ея Императорского Высочества Великой Княгини Александры Федоровны Великою Княжною Ольгою Николаевною. 1822.

² В документах, подписанных Николаем II 3 ноября 1895 года (день рождения великой княжны Ольги Николаевны), говорится, что по случаю рождения дочери пальба из пушек должна вестись «по установленному порядку».

³ Так было в ноябре 1895 года, когда ждали рождения первого ребенка Николая II.

крещении Александра I 20 декабря 1777 года в Большом соборе Зимнего дворца заочными восприемниками стали австрийский император Иосиф II и король Пруссии Фридрих II Великий. Когда родился Николай II (1868) его восприемниками стали: дедушка Александр II, бабушка – королева датская Луиза и великая княгиня Елена Павловна.

Затем начинали реализовываться *церемониальные алгоритмы*. На следующий день (очень редко в тот же день), все наличные члены императорской семьи собирались в резиденции на благодарственный молебен и семейный обед по случаю рождения младенца.

Далее, как правило, через две недели после рождения, проходил церемониал крещения ребенка. При этом новорожденных крестили в домовая церкви той резиденции, в которой они рождались. Например, старшую дочь Николая II, родившуюся в Александровском дворце, крестили в домовая церкви Екатерининского дворца во вторник 14 ноября 1895 года⁴. Последующих четырех детей, родившихся в Нижней даче парка Александрия в Петергофе, крестили в домовая церкви Большого Петергофского дворца. Это был роскошный, парадный церемониал, на котором присутствовали все Романовы, с приглашением дипломатического корпуса и всего столичного бомонда. Ребенка доставляли в церковь в парадной раззолоченной карете, сопровождаемой пышной свитой.

Новорожденным мальчикам и девочкам во время процедуры крещения жаловались положенные им по факту рождения в императорской семье ордена. Например, будущий Александр III в 1845 году в числе прочих орденов был пожалован высшим орденом империи – бриллиантовой звездой и крестом Св. Андрея Первозванного. Девочек жаловали высшим женским орденом империи – бриллиантовым орденом Св. Екатерины.

Для проведения таинства крещения в дворцовую церковь доставляли фамильную серебряную ванну, «употребляющуюся для новорожденных детей

⁴ Из дневника Николая II: «Утро было светлое и вполне праздничное. В 10 3/4 нашу дочку повезли в золотой карете в Большой дв. Из серебряной залы началось шествие в церковь; я шел с Мама – княг. М. М. Голицына несла дочку. Сидел один в комнате за церковью, пока происходило крещение. Все обошлось хорошо и маленькая душа вела себя, оказывается, примерно. Обедня окончилась в 1 1/2, а вернулись мы домой только в 2 ч. Обняв Аликс, сел за семейный завтрак. Обедали в столовой, потому что нас было 9 чел.». См.: Дневники императора Николая II (1894–1904). Т. 1. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 236–237.

Императорской Фамилии»⁵ и духовенство запрашивало придворных врачей о требуемой температуре воды в ванне.

Завершалась процедура крещения церемониалом парадного завтрака с соответствующими тостами и пушечной пальбой. Так, церемониал крещения великой княжны Ольги Николаевны в 1822 году прошел в Таврическом дворце. Там же был проведен парадный завтрак: «Во время стола играет музыка, а при питии за здоровье будет в Санкт-Петербургской крепости пушечная пальба, а именно: За здоровье новорожденного младенца – 31 выстрел; За здоровье Их Величеств Государынь Императриц, Его Величества Короля Прусского и Его Величества Государя Императора – 51 выстрел; За здоровье Государя Великого Князя Николая Павловича и Государыни Великой Княгини Александры Федоровны – 31 выстрел; За здоровье всего Императорского Дома – 31 выстрел; За здоровье духовенства и всех верноподданных – 21 выстрел»⁶. Естественно, к этому времени столица иллюминировалась.

Важной частью празднеств по случаю рождения ребенка были царские милости подданным. При этом «милости» были разного уровня: от общегосударственных, до «милостей» затрагивавших только ближайшее окружение императорской четы, включая свиту и слуг.

К общегосударственным милостям, безусловно, относилась раздача некой суммы «беднейшим жителям» Петербурга и Москвы. Эту задачу решали митрополиты петербургский и московский, традиционно получавшие по 3000 рублей для раздачи бедным. Еще некоторые деньги выделялись через Кабинет Е.И.В. Когда родился в 1845 году будущий Александр III, в Петербурге 2183 человека получили по 2–5 рублей, всего на общую сумму в 3000 рублей серебром. Когда в 1868 году родился будущий Николай II – роздали 1000 рублей. В архивных документах отложились обширные списки петербургской и московской бедноты, с краткой мотивировкой, адресом и указанием суммы. Кроме этого, выкупались «долговые арестанты» (до середины 1870-х), опять-таки

⁵ Возможно, это была серебряная ванна, заказанная Екатериной II в 1777 году накануне рождения первого внука – будущего Александра I «серебрянику Кепингу». Она уплатила за нее из своей «комнатной суммы»: «Употреблено на дело ванны 1 пуд 35 фунтов 62 золотника и 95 доль на 1.721 руб.». Впоследствии эта историческая серебряная ванна использовалась при крещении всех детей в императорской семье вплоть до начала XX века.

⁶ РГИА. Ф. 519. Оп. 5. Д. 381. Л. 6.

в реестре указывались сумма долга, фамилии и адреса. Во второй половине XIX века выделялись деньги на организацию бесплатных трапез для городской бедноты. Были общегосударственные милости, корни которых уходили в далекое прошлое. Например, когда в 1904 году в семье Николая II родился долгожданный наследник, император официально запретил телесные наказания по суду для крестьян и малолетних ремесленников.

Камерные милости были связаны с денежными выплатами прислуге и всем должностным лицам, «имевшим счастье быть» на службе в резиденции во время родов. Например, когда в Александровском дворце родился будущий Николай II (1868), кроме акушера и повивальной бабки⁷, гофмейстрины и прочей ближней прислуги, денежную награду получили все нижние чины, стоявшие в карауле в Александровском дворце⁸.

Перед и после рождения ребенка в императорской семье задействовались *хозяйственно-служебно-финансовые алгоритмы*. Прежде всего готовилась крестильная одежда, включая «императорское» глазетовое обитое горностаем одеяло. Кроме этого, для новорожденных заранее готовилось детское белье, хранившееся в сундуках и чемоданах «за печатями»⁹.

⁷ Например, 4 июля 1796 года, вскоре после рождения будущего Николая I, последовал указ Екатерины II о соответствующих выплатах «акушерской бригаде»: повивальной бабке Авдотье Рейнтмейстер – 3000 руб.; кормилице Агафье Ершовой – 800 руб.; лейб-хирургу Беку – 1500 руб.; надворному советнику и оператору Моренгейму – 1000 руб., и придворному аптекарю Гревсу – 500 руб. Всего 6800 руб. При этом каждый раз денежные выплаты шли и другим лицам, присутствовавшим при родах. Поэтому в указанном случае общая сумма выплат по случаю рождения Николая I составила 15800 руб. Следовательно, на долю «акушерской бригады» пришлось 43% от всей суммы. См.: РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 104. Л. 40. Копии указов императрицы Екатерины II Кабинету о назначении и выдаче денежных сумм. 1765–1796.

⁸ Лейб-гвардии Кавказского эскадрона Собственного Конвоя казаки рядового звания (Гавриил Кульбаченко, Иван Цуркин, Игнат Маргунов); от Лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка 9 чел.; Царскосельской жандармской команды 1 унтер-офицер и 6 рядовых. См.: РГИА. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 39. Л. 33. О распоряжениях по случаю рождения и Св. Крещения Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Александровича. 1868.

⁹ «Изготовленное в прошлом 1823 г. по Высочайшему Ея Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны повелению, по случаю ожидаемого тогда разрешения от бремени, детское белье, находящееся в двух сундуках и двух чемоданах за печатями Придворной Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Павловича Канторы; доставленное при письме Его Сиятельства графини Шарлотты Карловны Ливен на имя управляющего Кабинетом <...> принято <...> 19 апреля 1824 г.». См.: РГИА. Ф.

Формировался придворный штат, который должен был обслуживать родившегося младенца. Например, в 1818 году, когда родился будущий Александр II, то в обслуживавший его штат, кроме врачей, вошло 6 человек¹⁰. В 1845 году трех первых детей¹¹ будущего Александра II обслуживали 27 человек¹². Большое значение придавалось подбору кормилицы, чьи дети становились молочными братьями и сестрами царственной особы.

Определялось денежное содержание родившегося великого князя или княжны, т.е. «собственная сумма» начинала формироваться буквально с рождения младенца, достигая к совершеннолетию внушительных размеров. Из получаемых денег выплачивалось жалование придворному штату младенца, оплачивались его врачи и учителя¹³.

Кроме этого, по традиции, восходящей ко временам Московского царства, в случае успешных родов молодым родителям выплачивалась некая сумма. Например, Екатерина II упоминает в своих записках, что в день крестин ее сына – великого князя Павла Петровича – императрица Елизавета Петровна «принесла мне на золотом блюде указ своему Кабинету выдать мне сто тысяч рублей... Эти деньги пришлись мне очень кстати, потому что у меня не было ни гроша и я была вся в долгу». Однако супруг Екатерины II «узнав о подарке, сделанном мне императрицей, пришел в страшную ярость оттого, что она ему ничего не дала. Он с запальчивостью сказал об этом графу Александру Шувалову. Этот последний пошел доложить об этом императрице, которая тотчас же послала великому князю такую же сумму, какую дала и мне; для этого и взяли

468. Оп. 32. Д. 27. Л. 27. О хранении в Кабинете доставленных от господина Министра Императорского Двора бумаг о рождении великого князя Александра Николаевича и великих княжон Марии и Александры Николаевны, найденных у покойного статс-секретаря Вилламова. 1842.

¹⁰ Полковница Тауберт – годовое жалование 2000 руб.; англичанка Кристи – 1200 руб.; камер-юнкер Мальм – 400 руб.; кормилица – 1000 руб.; камердинер Китаев – 600 руб.; камердинер Брызгалов – 600 руб.

¹¹ Великая княжна Александра – 3, Николай – 2 года, и будущий Александр III – 1 месяц.

¹² Надзирательница – 1, англичанки – 3, камер-юнгфер – 2, камер-медхен – 1, гладильщица – 1, камердинеры – 3, камер-лакей – 1, лакеи – 6, истопники – 9. Всего 27 чел. См.: РГИА. Ф. 522. Оп. 1. Д. 237. Л. 44. О разных распоряжениях по случаю рождения Его Императорского Высочества в.к. Александра Александровича, о подарках, наградах и производствах по Двору Его Высочества. 1845–1846.

¹³ См. подробнее: Зимин И.В. Царские деньги. Доходы и расходы Дома Романовых. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М.: Центрполиграф, 2013.

у меня в долг мои деньги»¹⁴. Через некоторое время великой княгине деньги все же компенсировали. Так, что рождение долгожданного Павла Петровича обошлось императрице Елизавете Петровне в 1754 году в 200000 рублей. Кроме этого, появился прецедент, когда при рождении ребенка деньги выплачивались обоим родителям.

Позже, когда начали появляться дети у Павла I, уже сама Екатерина II выплачивала супругам некую сумму за каждого из рожденных детей. Потом традиция прервалась, и только после того, как в семье великого князя Николая Павловича начали один за другим рождаться дети, вдовствующая императрица Мария Федоровна начала настойчиво возрождать почти забытую традицию.

Так, когда в 1822 году в семье будущего Николая I родилась дочка, то главный дворцовый хозяйственник князь П.М. Волконский направил Министру финансов письмо, в котором извещал, что «Ея Императорское Величество Государыня Императрица Мария Федоровна изволила напомнить Государю Императору о выдаче 60 т. руб. Ея Императорскому Высочеству Великой Княгине Александре Федоровне по случаю разрешения Ея Высочества от бремени». В письме напоминает, что эта сумма точно такая же, «как и при рождении Великой Княжны Марии Николаевны» (1819)¹⁵. Через некоторое время Александр I «высочайше повелеть соизволил, что бы вы... распорядились выдать равной суммы и Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Павловичу, если о сем не получили Высочайшего на то повеления, о чем Его Императорское Величество не припомнит»¹⁶.

Традиция перечисления «материнского капитала» на счета императриц продолжилась в 1827 году, когда Николай I распорядился выплатить супруге, императрице Александре Федоровне 150000 руб. после рождения второго сына – великого князя Константина Николаевича. В 1840-х годах эти 150000 рублей ассигнациями пересчитали в 42858 рублей серебром¹⁷, и эта сумма «на рождение ребенка» не менялась уже вплоть до начала XX века. Например, когда в 1895 году императрица Александра Федоровна родила великую княжну

¹⁴ Императрица Екатерина II. О величии России. М.: ЭКСМО, 2003. С. 89.

¹⁵ РГИА. Ф. 519. Оп. 5. Д. 381. Л. 6.

¹⁶ Там же. Л. 8.

¹⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1289. Л. 3. О распоряжениях по случаю разрешения от бремени Государыни Императрицы Александры Федоровны дочерью Ольгой Николаевной. 1895.

Ольгу Николаевну, то на ее счет из Кабинета Е.И.В. перевели 42858 рублей «по случаю рождения» первенца¹⁸.

Кроме выплат денег родителям из Государственного казначейства, счастливым супругам также выплачивалась некая фиксированная сумма «на белье» для младенца. Конечно, это было некое символическое название, но сумма была довольно внушительной. Например, когда 6 мая 1868 года родился будущий Николай II, то «на белье» родителям выдали 36000 рублей. Судя по составленной ведомости, деньги пошли на самые разные цели, при этом сумма расходовалась более года¹⁹.

Наряду с деньгами, при рождении детей иногда родители одарялись «натурой». Например, после рождения первого внука – будущего Александра I – Екатерина II подарила молодым родителям 362 десятины земли с двумя небольшими деревнями близ Царского Села. Со временем на этом месте вырос город Павловск.

Что касается *поведенческих алгоритмов личностного характера*, связанных с рождением детей в императорской семье, следует иметь в виду, что они также тесно переплетались с исторически сложившимися церемониалами, многие из которых корнями уходили либо в народные традиции, либо были связаны с дворцовыми церемониалами Московского царства.

¹⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1289. Л. 3.

¹⁹ Деньги пошли на следующие цели: 1. Будущий Александр III лично израсходовал – 600 руб.; 2. Передал для уплаты разных счетов – 35400 руб. (в основном подарки разным лицам или деньги вместо подарков); 3. Обзаведение кормилицы одеждою и проч. – 1208 руб.; 4. Лично передано Ея Высочеством гофмейстрине княгине Куракиной браслет с бриллиантами (2515 руб.); 5. Лейб-хирургу Г.И. Гиришу – перстень с вензелем «АА» (врач взял деньгами – расписка в получении 686 руб.); 6. Камер-фрау фон-Флотовой подарок (взяла деньгами – расписка на 527 руб.); 7. Выплаты слугам, бывшим в день родов на дежурстве (например, рейекнехт Вельтцен – 60 руб.; камер-казаки Землин и Сидоров по 100 руб.); 8. Англичанке мисс Кемп лично цесаревной подарена золотая брошка «с камнями» (315 руб.); 9. Помощнице няни Воробьевой лично цесаревной подарена золотая брошка «с камнями» (115 руб.) и деньгами 100 руб.; 10. Кормилице Смолиной лично цесаревной подарены золотой крест с цепочкой, серьги и запонки (160 руб.); 11. Комнатной женщине Фурман (100 руб.); 12. Были розданы деньги (всего 1000 руб., от 2 до 5 руб.) нескольким сотням петербуржцев (в архивном деле указаны фамилии и адреса); 13. Кормилице Смолиной – 183 руб. 77 коп. (ее дорожные расходы и покупки по мелочам – 4 губки, 2 гребенки, 1 пара ботинок, 6 аршин коленкору, 1 кринолин, 2 пуговицы, 4 платка кашемировых и тп.). См.: РГИА. Ф. 1339. Оп. 2. Д. 451. Л. 3. Отчет об израсходовании 36.000 руб., отпущенных из Государственного казначейства по случаю рождения великого князя Николая Александровича. 1868.

Например, в день рождения ребенка дворцовым хозяйственникам срочно отправляли данные роста новорожденного для изготовления ростовой (мерной) иконы, на которой по древней православной традиции изображался святой младенец, чье имя он получал при крещении. Эта икона сопровождала православного монарха или члена императорской семьи буквально до последнего дня его жизни. Например, за месяц до родов будущего Николая II из Кабинета Е.И.В. последовал запрос: «доставить сколь возможно поспешно меру роста высоконоворожденного для изготовления, согласно установлению, Иконы в означенную меру»²⁰. К концу ноября 1868 года «Освященный образ св. Николая Чудотворца, сделанный по доставленной мерке в рост, какого был при рождении Его Императорское Высочество Великий Князь Николай Александрович» доставили в Аничков дворец.

Следует подчеркнуть, что традиция изготовления мерных икон восходит ко временам Московского царства. Считалось, что мерная икона оберегает своего владельца всю жизнь, а после его смерти она ставилась на гробницу в Архангельском соборе²¹. Традиция писания мерных икон, сложившаяся в середине XVI века, прервалась при Петре I²², но была возрождена Екатериной II при рождении ее внуков. В последующие годы обычай писать мерные иконы царственных младенцев поддерживался вплоть до начала XX века. Так, Николай I в своих записках упомянул, что он для своих детей сохранил этот обычай: «Императрица дарила каждому новорожденному икону его святого,

²⁰ РГИА. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 39. Л. 9. О распоряжениях о случае рождения и Св. Крещения Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Александровича. 1868.

²¹ Из комплекса подобных памятников Архангельского собора Московского Кремля сохранились всего несколько предметов – оклад на мерную икону царевича Ивана Ивановича 1554 г., где изображен святой Иоанн Лествичник, и мерная икона будущего царя Алексея Михайловича 1629 г. с изображением Алексея Человека Божия. Обе иконы в настоящее время выставлены в экспозиции Оружейной палаты. Также до нас дошли мерные иконы царевен Евдокии Алексеевны и Софьи Алексеевны, погребенных в Новодевичьем монастыре.

²² Главный научный сотрудник Петропавловской крепости, к.и.н. М.О. Логунова свидетельствует, что вплоть до 1950-х гг. в Петропавловском соборе хранилась мерная икона Петра I. Дальнейшая судьба мерной иконы неизвестна. Напомню, что Петр I родился 30 мая 1672 г., его размеры для мерной иконы составляли: длина 11 и ширина 3 вершка, т.е. 50 на 14 см. Крестным отцом младенца стал царевич Федор, а крестной матерью – старшая сестра Алексея Михайловича – Ирина Михайловна.

сделанную по росту ребенка в день его рождения»²³. Когда у Александра II в 1857 году родился сын, названный в честь Сергия Радонежского, то сразу по его рождению известному иконописцу В.М. Пешехонову²⁴ был заказан образ преподобного Сергия «в рост Его Высочества, как того требовал старинный благочестивый обычай». Серебряный вызолоченный оклад для этой иконы был выполнен петербургским золотых дел мастером Кейбелем. После гибели великого князя Сергея Александровича в 1905 году, по традиции, икону поместили в храм-усыпальницу в Чудовом монастыре²⁵.

Когда монархи писали завещания, в некоторых случаях²⁶ они оговаривали дальнейшую судьбу своей мерной иконы. Например, так поступил Николай I в 1844 году, когда составлял завещание перед официальным визитом в Англию. В духовном завещании Николай Павлович распорядился, чтобы «Образ Чудотворца Николая, в рост мой при рождении, должен всегда оставаться в Аничкове»²⁷.

Естественно, родители решали, каким именем назвать ребенка. Впрочем, не всегда родители. По воспоминаниям сына духовника Екатерины II протоиерея

²³ Воспоминания о младенческих годах Императора Николая Павловича, записанные Им собственноручно // Николай Первый и его время. Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков / Сост. Б.Н. Тарасов. Т. 1. М.: Олма-пресс, 2000. С. 74.

²⁴ В 1856 г. указом Александра II В.М. Пешехонову было присвоено звание Иконописца двора Его Императорского Величества с правом использования на вывеске мастерской государственного герба Российской империи и надписи «Привилегированный мастер Двора Его Императорского Величества». Именно он писал мерные иконы для детей Александра II: в 1843 г. для великого князя Николая Александровича (ум. в 1865 г.) – образ святителя Николая; в 1845 г. для будущего Александра III – икону св. Александра Невского; в 1847 г. для великого князя Владимира Александровича – икону св. князя Владимира; в 1850 г. для великого князя Алексея Александровича – икону св. Алексея, митрополита Московского. Позже он писал «образа в меру роста» и для детей Александра III. Последняя мерная икона была написана Пешехоновым в 1882 г. для великой княжны Ольги Александровны. См.: Белик Ж. Иконописец Двора Его Императорского Величества // Русское искусство. <http://www.russiskusstvo.ru/themes/artist/a1858/> (Дата обращения 22.08.2016).

²⁵ Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. М.: Новоспасский монастырь, 2006. С. 14.

²⁶ Александр II, в отличие от отца, в своем завещании не оговаривает дальнейшую судьбу своей мерной иконы, которая у него, несомненно, имелась.

²⁷ Духовное завещание в Бозе почившего государя императора Николая Павловича. 4 мая 1844 года // Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб.: Нестор история, 2007. С. 465.

И.И. Панфилова, служившего при императрице 24 года, она «отдавала духовнику записку, в коей собственной рукой обозначала имя младенца». На этих записках, по сей день хранящихся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, рукой императрицы написано: «Александр 12 декабря 1777 г. в Петербурге – крещен 20 декабря»; «Константин 27 апреля 1779 г. в Царском Селе – крещен 5 мая»; «Александра 29 июля 1783 г. в Царском Селе – крещена 6 августа»; «Елена 13 декабря 1784 г. в Петербурге – крещена 22 декабря»; «Мария 4 февраля 1786 г. в Петербурге – крещена 12 февраля»; «Ольга 11 июля 1792 г. в Царском Селе – крещена 18 июля»²⁸. Т.е. всем своим внукам Екатерина II подбирала имена сама. Ее любимый внук Александр был назван в память Александра Невского, а второй, Константин, был назван под «греческий проект», связанный с экспансией России в северное Причерноморье и, как мечталось императрице, далее...²⁹

И несколько слов о совсем личном... Рожали императрицы только в резиденциях, при этом график переездов из резиденции в резиденцию не нарушался из-за такого «пустяка», как надвигавшиеся роды.

С XVIII века и вплоть до начала XX века роды императриц (цесаревен) носили публичный характер, когда рожавшую держал за руку не только муж, но, бывало, и свекор³⁰.

Во время родов с середины XIX века в качестве обезболивающего применялся хлороформ. Великий князь Александр Михайлович, у которого один за другим рождались сыновья, вспоминал, что во время родов супруги, великой княгини Ксении Александровны, он «неизменно оставался при Ксении, пока все не было благополучно окончено. Чтобы облегчить ей родовые муки придворный доктор давал ей обычно небольшую дозу хлороформа³¹. Это заставляло ее смеяться и говорить разные забавные вещи, так что наши дети рождались в атмосфере радости».

²⁸ ОР РНБ. Ф. 650. Д. 447. Записки с именами, которые она желала дать своим внукам при крещении: Александр, Константин, Александра, Елена, Мария, Ольга. 1777–1795.

²⁹ О подборе имен в императорской семье см. подробнее: Зимин И.В. Взрослый мир императорских резиденций. Вторая четверть XIX – начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М.: Центрполиграф, 2013.

³⁰ Например, так было в 1878 году, когда Мария Федоровна рожала Михаила в Аничковом дворце.

³¹ В 1847 году шотландский акушер Дж. Симпсон впервые использовал хлороформ для наркоза во время приема родов.

У Романовых имела традиция завертывать родившегося младенца в рубашку отца. В 1822 году, сразу же после рождения дочери, Николай Павлович, завернув в свою рубашку крошечную Ольгу Николаевну, понес ее на первый этаж Аничкового дворца, чтобы показать своим старшим детям – будущему Александру II (4 года) и княжне Марии Николаевне (3 года). В записках он упоминает, что после этого «поменял сорочку». Великий князь Александр Михайлович вспоминал: «Каждый раз, при рождении ребенка, я считал своим долгом следовать старинному русскому обычаю. Он заключался в том, что при первом крике ребенка, отец должен зажечь две свечи, которые он и его жена держали во время обряда венчания, а потом он должен завернуть новорожденного в ту рубашку, которую он надевал предыдущей ночью. Это, быть может глупое суеверие, но мне казалось, что это придавало больше уверенности Ксении».

После благополучных родов благодарный супруг одаривал жену безумно дорогими ювелирными украшениями. Например, после рождения 30 августа 1822 года дочери Николай Павлович 28 сентября 1822 года подарил супруге бирюзовую диадему с грушевидными жемчужинами. Его «птичка» очень любила и ценила роскошные ювелирные изделия. Впрочем, наряду с банальной «ювелиркой» благодарный супруг 10 октября 1822 года посадил в саду Аничкова дворца «дуб для Ольги»³². В 1831 году, после рождения подряд трех дочерей, Александра Федоровна родила мужу третьего сына – великого князя Николая Николаевича (Старшего). За это супруга получила в подарок бриллиантовое с опалами ожерелье стоимостью в 169601 рубль. Стоимость этого бриллиантового ожерелья оставалась рекордной вплоть до 1894 года³³.

Говоря о народных традициях, связанных с родами первых лиц, можно упомянуть и о предсказаниях судьбы родившихся царственных младенцев. Самым известным из них является предсказание московского юродивого Федора. Так, после рождения в Чудовом монастыре Московского Кремля будущего Александра II в 1818 году юродивый предрек: «Новорожденный будет могуч и силен, но умрет в красных сапогах». Как известно, 1 марта 1881 года Александра II привезли в Зимний дворец после покушения с раздробленными, залитыми кровью ногами.

³² Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825. М.: РОСПЭН, 2013. С. 130.

³³ Зимин И.В. Царские деньги. Доходы и расходы Дома Романовых. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М.: Центрполиграф, 2011. С. 249.

Два директора Российского института истории искусств – (граф В.П. Зубов и Ф.И. Шмит): о проблемах экспозиции Гатчинского дворца-музея

Два директора первого в России Института истории искусств – его основатель, доктор философии Берлинского университета граф Валентин Платонович Зубов и авторитетный византолог Федор Иванович Шмит, выбранный самим Зубовым в преемники, мало соприкасались в своих научных темах. Но волею судьбы их объединила исключительно «музейная» тематика. Парадокс в том, что граф Валентин Платонович Зубов в начале своей деятельности скорее отталкивался от «музейной» направленности своего института, хотя в итоге пришел к результатам во многом противоположным. В своей речи на открытии института он сказал:

«История искусств не была до сих пор в России наукой самодовлеющей: ее изучали ради истории политической, ради истории быта, ради истории словесности и за редкими исключениями не сознавали ее как историю развития форм, как историю эволюции формального сознания человечества. Памятник искусства интересовал только с точки зрения его связи с обстановкой момента его возникновения, на генетическую же связь его формального содержания с памятниками эпох предыдущих и последующих не обращали достаточного внимания; другими словами, археологический, регистрирующий для целей других наук метод [т.е. в том числе «музейный» – Т.И.] заслонял собою изучение живых законов эстетического генезиса. Эту то последнюю точку зрения на историю искусств я намерен положить в основу моих стремлений в институте»¹.

К 1910 году в столицу были привезены из Германии и Италии книги по искусству, и составлена значительная библиотека. Около двух лет он добивался разрешения на открытие научно-исследовательского учреждения, но, получив отказ, открыл во дворце на Исаакиевской площади библиотеку под именем «Институт истории искусств». Время от времени в библиотеке устраивались

¹ Б.п. Открытие Института Истории Искусств // Русский инвалид. 8 марта 1912. № 54. С. 2–3.

лекции. Потом удалось получить разрешение на чтение систематических курсов (дабы не спрашивать у полиции санкции на каждую), а после Институт был узаконен как существующий.

Граф Зубов пригласил сюда работать многих из своих бывших университетских преподавателей, а также искусствоведов, служивших вместе с ним в Эрмитаже. В 1913–1914 годах лекции здесь читали: Павел Викторович Деларов (по голландскому искусству), близкий друг Зубова, специалист по русскому искусству XVIII и XIX веков барон Николай Николаевич Врангель, известный античник Оскар Фердинандович Вальдгауэр, знаток древнерусского искусства Василий Тимофеевич Георгиевский, специалист по архитектуре Петербурга Владимир Яковлевич Курбатов, бывший директор Императорских театров князь Сергей Михайлович Волконский, главный хранитель картинной галереи Эрмитажа Эрнест Карлович Липгарт, директор Французского института в Петербурге Луи Рео (последние читали свои курсы по-французски, а Вальдгауэр по-немецки). На следующий год к ним присоединились византолог Дмитрий Власьевич Айналов, главный библиотекарь Эрмитажа Владимир Александрович Головань, молодой искусствовед Александр Александрович Трубников, описавший в свое время коллекцию картин Гатчинского дворца, и Джемс Альфредович Шмидт, «хранитель Эрмитажа, прекрасный ученый, прошедший за несколько лет до меня через немецкие университеты».

В 1915 году в Институте появился новый сектор (другое название «разряд») – музыки, с 1919 года его возглавлял композитор Б.В. Асафьев, затем сектор истории словесных искусств (1920), а затем театра (1922). Самые известные лица собрались на секторе «истории словесных искусств»: В.Б. Шкловский, Б.М. Эйхенбаум, В.М. Жирмунский, Н.С. Гумилев, секретарем был Ю.Н. Тынянов, а аспирантом М.М. Бахтин. Позднее там учились В.А. Каверин и Л.К. Чуковская, работал Г.А. Гуковский. Приглашение формалистов было инициативой В.П. Зубова, который считал «их метод близким своему» (еще в 1917 году он подготовил к публикации монографию «Понятие формальной воли и формального сознания в искусствознании», тираж которой, вероятно, погиб).

Но судьба подталкивала молодого графа к другим позициям. Еще в 1917 году он занял пост первого директора Гатчинского дворца, который должен был его усилиями превратиться в музей. Эпопея его короткого, но яркого пребывания на этом посту рассказана им в первой главе мемуаров («Гатчина») и

дополнена его «Докладной запиской» 1918 года, где он излагал свои идеи преобразования Дворца. Замечательно, что идеи Зубова высоко оценили современные «музейщики»: «В.П. Зубов... одним из первых среди деятелей культуры нашей страны сформулировал основные принципы музеефикации императорских дворцов», и вот пример его слов: «Музей-дворец есть прежде всего памятник жизни, книжка с картинками, ярче, чем всякие слова способные воссоздать атмосферу известных эпох... [Художественные произведения] здесь не могут быть величинами самодовлеющими, каждое из них подчинено общей картине.

Задача устроителя музея должна свестись к чрезвычайно осторожному устранению возможных позднейших искажений общей картины, имея, однако в виду, что далеко не все позднейшие наслоения можно отметить, что многие из них являются ценной иллюстрацией следующих, но также уже ставших достоянием истории эпох. Конечно, при устройении такого музея – дворца не может быть и речи о современных ухищрениях музейной техники, не допустимо стремление как-нибудь особенно выявить и осветить отдельный предмет, все должно быть подчинено своему прошлому, все может располагать только своим, исторически ему принадлежащим местом».

В практическом плане Зубов формулировал задачу следующим образом: «При помощи старинных инвентарей водворить на прежнее место, каждый предмет, вплоть до последней мелочи и представить это обиталище таким, будто тогдашние хозяева только что его покинули».

Конечно, работа не сводилась к механической перестановке предметов с места на место. Нужно было провести их научную атрибуцию, а в некоторых случаях и реставрацию произведений. Кроме того, В.П. Зубов понимал, что предложенные им принципы музеефикации применимы лишь к наиболее интересным в художественном и историческом плане помещениям дворца. Остальные залы, по мысли Зубова, должны были использоваться для выставочной работы. В частности, он предложил план создания выставки итальянской живописи в одном из корпусов дворца – так называемом Кухонном каре².

Но в результате столь плодотворная работа из-за конфликта с местным советом кончилась для Зубова первым арестом. Несмотря на скорое освобождение,

² Семенов В.А. Граф Валентин Платонович Зубов // Зубов В.П. Император Павел I / Пер. с нем. В.А. Семенова. СПб.: Алетей, 2007. С. 7. [Текст В.П. Зубова цитируется по оригинальному документу].

в Гатчину (как он ни стремился к этому) вернуться директор больше не смог. Позднее, во время занятий со студентами, он развернул программу музейной работы в Павловском дворце. Знаменательно, что работавшая с ним его студентка, дочь известного столичного фотографа Ида Наппельбаум в мемуарах назвала Зубова директором этого дворца-музея (директором там был его друг, также сотрудник Зубовского института В.Н. Талепоровский). Здесь им была восстановлена историческая развеска картин и составлен каталог картинной галереи этого дворца, которым также до сих пор пользуются научные сотрудники Павловска.

Но и этот «музейный» эпизод его жизни окончился катастрофой. В тот момент энергично реализовывалась идея создания монументального «единого художественного» музея «мирового искусства»³. У истоков этой идеи, по мнению В.А. Семенова, стоял А.Н. Бенуа, но возглавил комиссию по созданию будущего монстра известный советский чиновник Г.С. Ятманов. Зубов спорил с ним на газетных страницах⁴, назвав в пылу полемики данный проект «ублюдочным плодом музейного авантюризма», а его единственным достоинством то, что он неисполним. В это время к Зубову обратился за помощью В.Н. Талепоровский – из Павловского дворца начали изымать античные скульптуры, причем те из них, которые были «дополнены» в XVIII веке, подверглись «очистке». Зубов энергично вступился, отстаивая права «императорских» пригородных комплексов и опубликовал несколько статей, одна из которых называлась так: «В Эрмитаже Павловской статуе обломали руки». Конфликт закончился для Зубова вторым арестом, значительно более длительным. И хотя тюрьма увенчалась свадьбой молодого графа со студенткой института, помогавшей ему во время работы в Павловске, его устранение с поста директора стало вопросом времени⁵.

³ См.: Об организации единого художественного музея (музей мирового искусства) путем объединения собраний Эрмитажа и Русского Музея. / Архив ГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Ед. хр. 4. Л. 1–12.

⁴ См.: Зубов В. К предстоящей музейной конференции // Жизнь искусства. 1922. 11 июля. № 27 (850). С. 1; Зубов В. К предстоящей музейной конференции. Ч. II // Жизнь искусства. 1922. 18 июля. № 28 (851). С. 4. Отзыв: Назаренко Я. Музейное строительство (К предстоящей музейной конференции) // Жизнь искусства. 1922. 17 октября. № 41 (864). С. 5–6.

⁵ Подробнее см.: Исмагулова Т. Почему же все-таки «в Эрмитаже Павловской статуе обломали руки»? (Граф Валентин Платонович Зубов и дворцово-парковый ансамбль Павловска в 1920-е годы) // Павловские чтения. Материалы V и VI научных конференций. СПб., 2003. С. 134–145.

После свадьбы граф «решил отправиться в заграничное путешествие. Восемь лет я не выезжал из России, хотелось подышать другим воздухом. В качестве председателя Института я сам себе дал, под предлогом научных работ, заграничную командировку на шесть месяцев, которую подтвердил Наркомпрос. Я получил паспорта для жены и себя и в начале ноября 1923 года мы отплыли на пароходе в Штетин.

В мое отсутствие несколько лиц, чувствуя, что мое положение поколеблено, стали стараться сесть на мое место. Они предполагали также, что, оказавшись снаружи, я не захочу возвращаться в советский рай... День в день через шесть месяцев я был дома, к великому разочарованию этих лиц. Тут интриги удвоились: был заключен союз между некоторыми из моих коллег, студентами-коммунистами и коммунистами петербургских органов Наркомпроса. Общее положение сильно изменилось со времени моего отъезда. [...]

Сегодня я вижу, что ряд фактов, приведших к моему отъезду, был для меня благодетелен. Даже если бы мое положение не было поколеблено, через несколько лет я стал бы в решительную оппозицию действиям правительства, когда оно, в 1928 году, начало массовое разбазаривание русского художественного достояния и когда лучшие предметы музеев и дворцов стали продаваться за границу. Как я себя знаю, я начал бы громко ругаться, а чем бы это кончилось, легко себе представить.

Мне удалось выключить всех стремившихся заместить меня во главе Института и посадить на мое место профессора Харьковского университета, византолога Федора Шмидта, человека исключительной гибкости. При нем на Украине сменилось что-то вроде двадцати двух правительств, и со всеми он был в хороших отношениях. «Вот человек, который мне нужен на том трудном повороте, на котором стоит Институт», – сказал я себе. Кажется, было 15 января 1925 года, когда я подписал последний приказ по Институту, сообщавший о поданной мною и принятой комиссариатом отставке и о передаче моей должности профессору Шмидту. Я еще оставался членом Института и продолжал преподавание до дня, когда летом того же года мой преемник дал мне новую заграничную командировку и я 16 июля покинул Россию. Уезжая, я еще не совсем решил, вернусь ли я, но силой вещей этот отъезд стал окончательным...»⁶.

⁶ Зубов В.П. Страдные годы России. Воспоминания о революции (1917–1925). М.: Индрик, 2004. С. 138–140.

Несмотря на то, что приглашение Zubovым Шмита на пост директора было объяснено в его мемуарах, это событие уже обросло легендами. Дочь Шмита назвала инициатором этого приглашения А.В. Луначарского, хотя и признала, что «Луначарскому эту кандидатуру подсказал основатель и первый директор Института В.П. Зубов». Забавно описала она со слов отца и первый приход его на Исаакиевскую площадь: «Когда он у открывавшего ему дверь человека спросил, можно ли видеть тов[арища] Зубова (отец знал, что граф – коммунист⁷!), лакей, взглянув с презрением на плохо одетого человека, ответил: «Их сиятельство еще изволят почивать» – и захлопнул дверь перед носом отца»⁸.

Так почему же граф В.П. Зубов из всех претендентов на пост директора предпочел выбрать харьковского профессора, византолога, представителя фундаментальной науки, в пику которой отчасти был создан его Институт, слышавший в городе «гнездом формализма»?

Прежде всего потому, что Зубов хотел спасти свое детище, а кампании против формалистов набирали обороты. И самое главное, сотрудники в его институте выбирались отнюдь не по кружковому признаку. Среди них было много фундаменталистов, начиная с его учителя в Санкт-Петербургском университете Дмитрия Власевича Айналова. Возможно, именно он рекомендовал Зубову кандидатуру Шмита, у которого он был оппонентом на защите диссертации.

Возможно также, что двух ученых сблизил взаимный интерес к музейной тематике.

Федор Иванович Шмит – автор двух книг по теории музейного дела. Первую он выпустил даже до своего директорства в Российском институте истории искусств, еще на Украине, в Харькове, в 1919 году – «Исторические, этнографические, художественные музеи, очерк истории музейного дела»⁹. Вторая – «Музейное дело. Вопросы экспозиции» была опубликована в 1929 году институтским издательством «Academia» под грифом института¹⁰. Преди-

⁷ По документам, находящимся в Архиве СПб ГУ (Ф. 1. Оп. О/к. 1917–1941. Св. 36, № 519. Л. 9), Валентин Платонович Зубов был членом РКП с 1921 года, а в 1923 был исключен «как чуждый элемент».

⁸ См.: Шмит П.Ф. Воспоминания об отце (Публ. Т.Д. Исмагуловой) // Российский институт истории искусств в мемуарах. СПб.: РИИИ, 2003. С. 191–192.

⁹ При энциклопедичности названия в книге было всего 103 страницы.

¹⁰ Показательно, что в научной библиотеке РИИИ нет именно этой книги, хотя она

словие начиналось словами: «С 1908 по 1924 г. я непрерывно заведывал музеями: сначала музеем Русского археологического института в Константинополе, потом харьковским Университетским музеем изящных искусств и древностей, потом всеми вообще харьковскими музеями в качестве председателя Музейной секции Харьковского губ. Комитета охраны памятников искусства и старины, затем киевскими Софийским и Лаврским музеями в качестве директора и Ханенковским в качестве председателя Музейного комитета». В четвертом разделе «Дворцы-музеи» автор подробно остановился на каждом из пригородных дворцов Санкт-Петербурга-Ленинграда. Там он предложил «четко разбить показ дворца на несколько совершенно отдельных эпизодов»¹¹, что совпало с намерениями директора Гатчинского дворца В.К. Макарова, разделившего экспозицию по подобным темам.

Но с Макаровым Шмит был согласен далеко не во всем.

27 июля 1929 года Федор Иванович Шмит написал обстоятельное письмо (несколько страниц его мелким почерком) «неустановленному адресату»¹², посвященное основам экспозиции Павловской половины Гатчинского дворца. Здесь он «развивал, углублял и конкретизировал» положения своей книги о Музейном деле.

«Прежде всего, о мальтийском портрете Павла I. Портрет этот таков, что, хочет того экскурсовод или не хочет, пройти мимо него, не обратив на него внимания, ни один экскурсант не может. Между тем, этот портрет по своему художественному содержанию (да и по объективному признаку, по дате) характеризует финал царствования Павла I, а никак не его увертюру. Экскурсовод, начинающий свою повесть о Павле-императоре [здесь и далее подчеркнута автором письма – Т.И.] (а ведь именно такова тема показа дворца!) с этого портрета был бы похож на того режиссера, который бы в качестве пролога к

была выпущена под грифом института. Вероятно, книга была передана в спецхран или уничтожена. Трагической истории этой работы посвящена статья Л.А. Сыченковой «Книга Федора Шмита “Музейное дело”: феномен историографического забвения и опыт возвращения» / опубликованная в книге: Шмит Ф. Избранное. Искусство: проблемы теории и истории / Сост. и комментарии Сыченковой Л.А. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. С. 880–898.

¹¹ Шмит Ф.И. Музейное дело. Вопросы экспозиции // Шмит Ф. Избранное. Искусство: проблемы теории и истории... С. 735.

¹² Письма Ф.И. Шмита неустановленным лицам // ЦГАЛИ СПб. Ф. 389 (Шмит Ф.И.). Оп. 1. № 63. Л. 2–3.

Гамлету поставил последнюю картину, где Фортинбрас спешно возвращается в королевскую резиденцию, чтобы констатировать смерть всех действующих лиц трагедии. Ясно, что портрет Павла-мальтийца надо убрать из той комнаты, где он находится. Так как портрет в проходной комнате помещен Макаровым (как ему помогло!)¹³, то никаких препятствий к удалению не имеется¹⁴.

Куда же собирался перенести знаменитый портрет Шмит? Он предложил не начинать с него экскурсию, а им заканчивать. «Как надо показать портрет, чтобы он сказал все, что может и должен сказать посетителю? Павел должен быть совершенно изолирован в своем магистерском величии. Та моральная пустота, которая образовалась вокруг самого Павла к концу его царствования, должна быть символизирована пустотой и той просторной и роскошной залы, где помещен портрет. Всем этим требованиям отвечает именно последняя зала, через которую проходит экскурсия, – зала с балконом на эркер-пiazza [эксерсис? – Т.И.]. Портрет должен быть помещен прямо против выхода на балкон, у двери в тронную (двери всегда ведь закрытой), в полном одиночестве, в ярком освещении. Только при таких условиях, и только при условии предварительного знакомства с социологическим содержанием всех остальных парадных покоев дворца, портрет будет тем поистине жутким документом, который надо использовать для рассказа о конце Павла императора, будет не анекдотическим, а политпросветительным [Так! – Т.И.] экспонатом»¹⁵.

Чем же заменить портрет в аванзале? Шмит отвечает: «Что надо поместить в той комнате, где сейчас висит мальтийский портрет? Ясно, нечто такое, что связало бы именно того Павла, которого предстоит увидеть экскурсанту, Павла тронных зал и парадных аллей, с его предшественниками, с его современниками, с полученными с детства впечатлениями. Вместе с тем содержи-

¹³ Шмит, вероятно, имел в виду отстранение В.К. Макарова с поста директора Гатчинского дворца-музея в 1928 году. «В довоенной экспозиции Гатчинского дворца-музея этот портрет Павла I с 1920-х гг. находился в Аванзале. Это был очень выразительный ход, предложенный главным хранителем Владимиром Кузьмичом Макаровым: огромное полотно разместили над камином. Таким образом, царственный хозяин дворца как бы «встречал» гостей, и, безусловно, то сильное впечатление, которое производил этот портрет, задавало тон всему рассказу о Гатчинском дворце» (Шукурова А.Э. Сальвадор Тончи // <http://gatchinapalace.ru/special/publications/persons/tonchy.php>) (Дата обращения 01.09.2016)

¹⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 389 (Шмит Ф.И.). Оп. 1. № 63. Л. 2.

¹⁵ Там же.

мое передней должно годиться также и в качестве финала, то есть должно быть таково, чтобы экскурсанту стоило и следовало вновь его увидеть и вспомнить после мальтийского портрета, в качестве некролога. Такой материал есть в Гатчине, но он теперь зря пропадает в верхнем этаже в том же Павловском корпусе: картины, изображающие Екатерину у гроба Петра¹⁶, Екатерину, дающую законы своим подданным¹⁷. Павел – несомненный безумец, но он безумец не потому, что он – Павел, а потому, что он – царь, потому что он страдает царскою манией величия (у немцев есть специальный термин для обозначения этой мании – “Cäsarenwahnsinn“ [машинопись латиницей – Т.И.], тою самою, которую страдала и «Семирамида Севера», Екатерина. Как ни ненавидел Павел свою мать, он именно ее воспитанник и наследник, и подражатель, потому что объективно, по ходу развития общественных соотношений на рубеже XVIII и XIX веков, именно Павел – император, (а не Павел – человек), был неизбежен. Трагедия Павла – в несоответствии Павла-человека и той роли, которую должен был играть Павел-император (См. М.Н. Покровского и др. историков). Я, к сожалению своему, не знаю, кто руководил постройкою и убранством Гатчинского дворца. По всему вероятно Екатерина, а не Павел, и если нет в архиве Гатчины прямых противоположаний, то надо экскурсантам даже говорить и внушать, что именно Екатерина. Тогда экскурсант, ознакомившись с двумя символическими картинами, изображающими Семирамиду Севера (ведь Екатерина у гроба Петра = Семирамида у гроба Нина... надо бы поискать: я недостаточно точно помню, но вспоминаю, что Ninuset Sémiramis [машинопись латиницей – Т.И.], в XVIII веке были героями каких-то драматургических или романтических сочинений), перейдя в мраморную столовую, без особого труда поймет художественное содержание ее пышной декорации [Так! – Т.И.], выдержанной в стиле римской Империи, и мраморная столовая повторит – только в иных выражениях! – то, что сказали портреты императрицы. И дальнейшие парадные покои будут правильным развитием той же мысли»¹⁸.

¹⁶ Картины с таким названием не обнаружено, возможно, Шмит спутал ее с картиной Н.Н. Ге «Екатерина II у гроба императрицы Елизаветы» (1874, ГТГ) или с картиной Гюне Андреаса (Андрея) Каспар (Гюн) «Екатерина II возлагает Чесменские трофеи на гробницу Петра Великого». (1791).

¹⁷ Скорее всего, имелась в виду картина (или ее копия) Дмитрия Григорьевича Левицкого «Портрет Екатерины II – законодательницы в храме богини Правосудия». (1783, ГРМ).

¹⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 389 (Шмит Ф.И.). Оп. 1. № 63. Л. 2, 3.

По этому фрагменту видна недостаточная осведомленность Шмита в реалиях восемнадцатого века, и в то же время великолепное знание древней истории. Действительно, подробности биографии российской императрицы удивительно совпадают с биографией «царицы вавилонской», которую также обвиняли (не имея доказательств) в смерти ее мужа, Нина.

Затем, по мысли Шмита, диссонанс в «имперскую» тему должны были внести покои супруги императора Павла: «А затем покажется «трещинка», – романтика комнат жены Павла, все несоответствие Павла-человека Павлу-императору, вся насильственность и вся деланность Павловского царского величества. А как результат – торжественное облачение Мальтийского великого магистра, при короне, посаженной на-бекрень! [Так! – Т.И.]

Продвигаясь по залам музея, посетитель с каждым шагом, который он делает пространственно, должен делать и шаг вперед в понимании. Логика развертывания основной мысли экспозиции должна совпадать с логикой последования [Так! – Т.И.] зрительных впечатлений. Недостатком Вашей экспозиции является ее лоскутность: каждая комната имеет свой особый смысл, Вами в нее вложенный, но каждая комната стоит особняком, одиноко, не связанная ни с предшествующими, ни с последующими. Переверьте портрет Павла, замените его портретами Екатерины – и Вы сделаете крупный шаг вперед в деле той экспозиции, которая нам нужна»¹⁹.

«Мальтийский» портрет императора Павла казался чрезвычайно важным и Зубову. Неизвестно, куда бы он поместил его при составлении экспозиции дворца, но если бы Гатчинский дворец-музей создал бы выставку, посвященную событиям революционного 1917 года, то нужно было бы воспроизвести один из залов кухонного каре, забитый историческими предметами, которые первый директор дворца-музея «собрал почти в кучу», спасая от солдат, и над всем этим должен был «возвышаться» «большой портрет Павла I кисти Салваторэ Тончи, последний, писанный с императора. Он представлен в рост в одеждах Великого Магистра Мальтийского ордена, с короной набекрень, с чертами, искаженными надвигающимся безумием. Безумие одного тогда, безумие множества сегодня, безумие, разлитое по всему пространству огромной империи. Что из него родится, небытие или заря нового дня?»²⁰ – спрашивал Зубов.

¹⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 389 (Шмит Ф.И.). Оп. 1. № 63. Л. 3.

²⁰ Зубов В.П. Страдные годы России... С. 60–61.

И последнее. Письма первого директора Гатчинского дворца-музея и основателя и первого директора Российского института истории искусств графа Валентина Платоновича Зубова практически не сохранились. Работая над историей института, я перебирала архивы его сотрудников, друживших когда-то с первым директором, но писем его не находила. Вероятно, они были уничтожены в страшные годы. Но все-таки были те, кто сохранил письма графа Валентина Платоновича Зубова. Это поэтесса Анна Ахматова, ученый секретарь института – художник и искусствовед Николай Эрнестович Радлов, и второй директор его Федор Иванович Шмит. Последнее привожу полностью:

«Берлин, 1 июля 1930 года.

Дорогой Федор Иванович!

Леонид Станиславович передал мне вашу открытку с просьбой послать вам мою автобиографию для энциклопедии, которую я при сем и прилагаю.

Был бы очень признателен, если б Вы черкнули мне пару слов об Институте. До меня доходят самые противоречивые сведения.

Жена и я шлем Вам и всем вашим самый сердечный привет.

Искренне Вам преданный

ВЗубов»²¹.

Насильственно отстраненный от работы в Гатчинском дворце-музее, граф Валентин Платонович Зубов всегда стремился туда вернуться. 2 декабря 1917 года он прочел на курсах при Академии художеств лекцию «Художественные сокровища Гатчинского дворца». В дневнике директора издательства «Academia» А.А. Кроленко есть запись о планах В.П. Зубова издать «Научное описание художественных ценностей Гатчинского дворца», причем в подготовленной рукописи было около сорока печатных листов (к сожалению, ее дальнейшая судьба неизвестна). В фонды Гатчинского музея не так давно вернулся спасенный Валентином Платоновичем восковой барельеф работы императрицы Марии Федоровны, через посредство его дочери, графини Анастасии Валентиновны Зубовой, в замужестве Беккер. А недавно его внучка, Татьяна Беккер, привезла в Институт неизвестную ранее фотографию будущего директора Гатчинского музея в костюме «под Онегина», которая сама украсила бы витрину любой музейной экспозиции.

²¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 389 (Шмит Ф.И.). Оп. 1. № 102. Л. 1.

Императорский электромобиль Columbia в Политехническом музее

Как ни странно, но в начале XX века автомобили, снабженные электромоторами постоянного тока, были распространены не менее, а в некоторых странах даже более, чем традиционные машины с двигателями внутреннего сгорания. В настоящее время наблюдается своеобразный ренессанс в деле использования электрической энергии в автомобилях. Правда, акценты сейчас сместились, и главным преимуществом электромобилей считается их экологическая безопасность, а также отсутствие вредных выбросов, в том числе парниковых газов. В то время как в начале двадцатого века главными преимуществами электрических экипажей, по отношению к экипажам с двигателем внутреннего сгорания (ДВС), считались: легкость запуска, простота управления и переключения скоростей, чистота, отсутствие шума, пугающего остальных участников движения, а также отсутствие специфического запаха и значительной вибрации¹. Кроме того, управление и техническое обслуживание первых бензиновых «моторов» требовало от водителя недюжинной физической силы. Все это способствовало тому, что практически одновременно с разработкой и усовершенствованием автомобилей, оснащенных двигателями внутреннего сгорания, инженеры задумались над созданием автомашин, приводимых в движение, как сейчас сказали бы, «с использованием альтернативных источников энергии». В конце XIX – начале XX века наряду с автомобилями с бензиновыми моторами многие серьезные фирмы начали параллельно выпускать машины на электрическом ходу. В качестве элементов питания в них использовались аккумуляторные батареи. Одной из фирм, сделавших свою главную ставку именно на электромобили, стала американская компания Electric Vehicle Company Ltd, расположенная в городе Хартфорде, штат Коннектикут, США, которая выпускала автомобили под маркой Columbia. В целом в то время отношение в обществе к первым автомобилям было неоднозначным. Знаменитый энтузиаст и знаток автомобильного дела начала XX века француз Бодри де Сонье в сво-

¹ The «Electricia» carriages // Scientific American Supplement. 1901. № 1337. / August 17. P. 21434.

ей книге под названием «Основные понятия об автомобилизме», изданной в 1902 году, в главе «Враги автомобиля» отзывался об этом следующим образом: «Главную причину препятствий, которые до сих пор встречает развитие автомобилизма, следует искать в той ненависти ко всяким новинкам, встречаемой в наши дни не только у диких, но и у цивилизованных народов.

Тем людям, которые в этом сомневаются, напомним о препятствиях, которые в свое время встречали пароходы и железные дороги, о тех сарказмах, которыми приветствовалось появление телеграфа и телефона, о первоначальных походах против велосипеда, ныне самого употребимого общественного экипажа, и т.д.»²

Это замечание знаменитого француза в полной мере относилось и к представителям высших слоев общества и аристократии, включая королеванных особ. Известно, что знаменитая британская королева Виктория очень негативно относилась к новомодным безлошадным экипажам и незадолго до своей кончины в 1901 году заявила зрителю Королевских конюшен Букингемского дворца: «Я надеюсь, Вы не допустите, чтобы какая-то из этих ужасных машин появилась в моих конюшнях»³.

Но вззошедший вскоре на престол сын королевы Виктории – король Эдуард VII – не стал следовать рекомендациям своей матери. Дело в том, что еще будучи Принцем Уэльским, Эдуард VII очень сдружился с лордом Монтегю (тем самым, который впервые установил на своем Роллс-Ройсе знаменитый маскот «Дух экстаза», изображавший его возлюбленную Элеонору Торнтон). Лорд Монтегю, будучи страстным автомобилистом, «заразил» этим увлечением и будущего короля Великобритании, прокатив его на своем автомобиле марки Daimler. Впоследствии именно эта автомобильная фирма стала первым официальным поставщиком автомашин для британских монархов. Самое интересное, что вместе с Эдуардом VII автомобильной темой заинтересовалась и его супруга – королева Александра. Но, в отличие от короля, она решила приобрести в личное пользование автомобиль на электрической тяге популярной марки Columbia. Дело в том, что к тому времени продукция этой фирмы была широко известна по всему миру благодаря своему высокому качеству и

² Карташев М.О. Электричество для Их Величеств // Rolling Wheels. 2013. № 5 (11). С. 107.

³ Веселова. Е. «Призраки» английского двора // British Style. 2010. № 26. С. 21.

грамотно выстроенной маркетинговой политике. В начале XX века многие знаменитые люди делали свой выбор именно в пользу машин упомянутой марки. Среди обладателей электромобилей Columbia, в частности, были: посол Франции в США господин Жюль Камбон, премьер-министр Турции господин Али Феррух Бей и, наконец, сам президент США Теодор Рузвельт. Известные пионеры и энтузиасты автомобиля также не обошли вниманием продукцию фирмы Columbia. В историю вошел курьезный случай, произошедший с одним из будущих отцов-основателей легендарной марки Rolls Royce – Чарльзом Стюартом Роллсом, который 26 июля 1899 года, управляя автомобилем Columbia на одной из улиц Лондона, превысил разрешенную скорость и закончил свою поездку в полицейском участке⁴. Кстати, уже в 1897 году в Лондоне на Luxon street в районе Lambeth (Ламбет) работала первая специальная станция для зарядки аккумуляторов электромобилей⁵.

Основателем фирмы Electric Vehicle Company, выпускавшей автомобили под маркой Columbia, был известный американский предприниматель Альберт Августус Поуп. Свою первую компанию по производству различных бытовых изделий он создал еще в 1876 году. Одновременно он занимался инженерной деятельностью, главным плодом которой явился сконструированный им самим велосипед. Права на его производство к 1877 году были приобретены компанией Weed Sewing Machine Company из города Хартфорда, штат Коннектикут. Спустя три года Альберт Поуп выкупил данную компанию и сам занялся выпуском ставших уже очень популярными велосипедов. В итоге предприниматель фактически стал отцом американской велосипедной промышленности. Развив свой бизнес, к концу XIX века Альберт Поуп скупил более 40 велосипедных фирм и в 1899 году основал новую компанию American Bicycle Company. Казалось бы, при таком успехе Альберт Поуп уже мог почивать на лаврах, но его неуемный характер требовал расширения бизнеса и новых достижений. Будучи человеком передовых технических взглядов, он не мог не обратить свой взор на нарождающееся производство так называемых безлошадных экипажей. Поуп увлекся автомобильной темой и решил организовать на своей фирме автомобильное подразделение. Для организации работ на новом направлении в

⁴ Карташев М.О. Указ. соч. С. 108.

⁵ Песоцкий Н. Самодвижущиеся экипажи. СПб.: Паровая типо-литография М.М. Розеноер, 1898. С. 75.

1895 году Альберт Поуп и его генеральный менеджер Джордж Дей пригласили на работу в компанию талантливого инженера Хирэма Перси Максима. Интересно, что Максим впервые обратил на себя внимание представителей фирмы Альберта Поупа тем, что создал моторный трицикл собственной конструкции на базе трехколесного велосипеда-тандема, выпущенного их компанией. Это свое изобретение он сделал отнюдь не случайно. Хирэм Перси Максим был сыном известного оружейника Хирэма Стивенса Максима, изобретателя первого пулемета. Он решил стать инженером, пойдя по стопам отца, и в 1886 году закончил Массачусетский технологический институт.

Следует отметить, что на заре автомобильной промышленности еще не было окончательной ясности, какое именно направление автомобилестроения возьмет верх. В тот момент доля рынка экипажей с электромоторами не уступала, а возможно, и превосходила машины с двигателями внутреннего сгорания. Хирэм Перси Максим больше склонялся к необходимости сосредоточить усилия как раз на экипажах с бензиновыми моторами, хотя ранее он работал в области электроэнергетики в компании Thompson Electric Welding Company. Альберт Поуп придерживался иного мнения. Поэтому они приняли решение заниматься одновременно разработками машин обоих типов и на практике определить, производство каких автомобилей им следует развивать в дальнейшем. Первый опытный экземпляр электромобиля был построен в 1895 году под руководством Хирэма Перси Максима. Серийное же производство электромобилей марки Columbia началось в 1897 году. В этот период фирма неоднократно меняла свое название и подверглась ряду слияний и преобразований. В 1897 году автомобили Columbia стали также продаваться в Великобритании под торговой маркой The City and Suburban Electric Carriage и во Франции под маркой L'Electromotion. Происхождение названия «Columbia» по одной версии, было связано с тем, что первоначально офис компании Альберта Поупа по производству велосипедов располагался в Бостоне, штат Массачусетс, по адресу 221, Columbus Ave. По другим данным, этим названием Альберт Поуп «скромно» хотел показать, что он, как Колумб, является первопроходцем в деле производства велосипедов в Новом свете. Косвенно этот факт подтверждается и тем, что в США в конце XIX века было модно использовать слово «columbia» в названиях различных фирм. Фактически, присутствие данного слова в наименовании компании ассоциировалось у потребителей со словами made in USA (сделано в США). Кстати, слоган компании Поупа звучал как: America's First Bicycle (Первый американский велосипед).

К выпуску автомобилей с двигателями внутреннего сгорания фирма впервые приступила в 1900 году. Также на предприятии Альберта Поупа уже в 1906 году начали выпуск ставших особенно модными в наши дни автомобилей с гибридными двигателями. Производство автомашин различных типов на нескольких предприятиях компании продолжалось вплоть до 1908 года. К несчастью, в 1909 году скончался сам Альберт Поуп. Впоследствии фирма пережила ряд преобразований и затем была поглощена компанией United States Motors в 1910 году. Но компании так и не удалось преодолеть накопившиеся финансовые проблемы. Банкротство стало неизбежным, и оно произошло в 1913 году, когда выпуск автомобилей был полностью прекращен.

Как было сказано выше, компания также имела в Англии свое собственное сборочное производство и торговое представительство в Лондоне, располагавшееся в районе площади Пикадилли по адресу: 6, Denman Street. К сожалению, до наших дней этот дом не сохранился. При этом шасси для сборки машин лондонский филиал получал из США, а кузова изготавливал самостоятельно. В отличие от бензиновых машин электромобиль был малошумным, легким в управлении и не источал неприятных запахов выхлопных газов и топлива.

Именно высокая репутация фирмы и повлияла на выбор автомобиля для личного пользования королевой Великобритании Александрой Датской – супругой короля Эдуарда Седьмого. Весной 1901 года Александра приобрела электромобиль марки Columbia типа Victoria, изготовленный в уже известном лондонском отделении компании под названием «The City and Suburban Electric Carriage Company Ltd.» (Городские и пригородные электрические экипажи).

Королева с удовольствием использовала данный автомобиль, часто катаясь на нем по дорожкам своей резиденции в Сандрингеме (т.н. Sandringham House)⁶.

21 (08) мая 1901 года в русской газете «Московские ведомости» в разделе «Спорт» была опубликована заметка следующего содержания: «В лондонском обществе в настоящее время много толков о том, что королева начала увлекаться моторным спортом. Король, как известно, относится очень враждебно к автомобилям; королева же выписала у одной лондонской фирмы мотор «Вик-

⁶ Harmsworth Alfred C. Motors and Motor-Driving // London: Longmans, Green and Co., 1902. P. 2.

ториэтт», снабженный всеми новейшими усовершенствованиями. Это один из самых красивых автомобилей, очень элегантен и удобен. Подушки его обтянуты дорогой сафьяновой кожей. Фонари освещаются электричеством». Чуть позднее, 27 (14) сентября 1901 года уже британская газета «The Star» («Звезда») разместила более подробную информацию о королевской машине, правда, слегка преувеличив ее скоростные данные:

«Возможно, еще не всем известно, что Ее Величество Королева стала одним из самых энергичных автолюбителей. Новый автомобиль, построенный по ее заказу, это великолепное транспортное средство. Оно известно как «Электрическая повозка» и все ее детали говорят о том, что она приводится в действие электрической энергией. Машина снабжена сиденьями, приспособленными для двух персон, и красиво обита темно-зеленым сафьяном с подкладкой из зеленого сукна. Панели корпуса автомобиля окрашены розово-мареновым крап-лаком. Окантовка корпуса в настоящее время черного цвета, подчеркнутая темно-красными линиями. Повозка весом в 1200 фунтов (544 кг, 1 фунт = 0,454 кг) снабжена 28-дюймовыми колесами (71,12 см) велосипедного типа, и это не только придает экипажу бесшумности при движении, но и полностью гасит вибрации от неровностей дороги. Емкость батареи позволяет проехать около 40 миль без подзарядки. При этом скорость может достигать 20 миль в час. Машина оборудована четырьмя электрическими фарами и электрическим клаксоном (звонком). Ее Величество выразила свое глубокое удовлетворение автомобилем и была восхищена легкостью и простотой его контроля и управления. При внимательном изучении каталога фирмы-производителя можно отметить, что стоимость повторной постройки еще одного экземпляра такой повозки не должна превышать 400 фунтов стерлингов»⁷.

Скорее всего, примерно в эту сумму обошелся королеве Александре и второй аналогичный электромобиль, который она заказала, а затем преподнесла в качестве подарка своей любимой младшей сестре – российской императрице Марии Федоровне – матери последнего императора России – Николая II. Правда, конструкции машин не совсем идентичны. Вероятно, что с учетом особой важности этих заказов, фирма выполняла все индивидуальные пожелания клиентов. На боковинах обоих электромобилей были нанесены личные экслибрисы королевы Александры и императрицы Марии.

⁷ The Star (№7214), Friday, September 27. 1901, P. 2. [Пер. М.О. Карташева].

Интересно, что в каталоге фирмы: «The City and Suburban Electric Carriage Company Ltd.», изданном в ноябре 1901 года, в списке почетных клиентов компании имена королевы Александры и императрицы Марии стоят на двух первых местах.

Императорская машина имела ряд важных конструктивных особенностей, характерных для электромобилей.

Электромобиль приводился в движение при помощи мотора постоянного тока (напряжение 60В, сила тока 33А), закрепленного параллельно задней оси машины. Наиболее часто использовались электромоторы фирмы General Electric (GE). Питание электромотора осуществлялось при помощи аккумуляторных батарей, установленных в специальном отсеке. Переключение скорости производилось четырехпозиционной рукояткой (три скорости движения и нейтраль) и обеспечивалось контроллером, при помощи которого менялось напряжение, подаваемое к электромотору. Аккумулятор состоял из 40 ячеек, собранных в четыре независимых бокса по 10 ячеек в каждом. С помощью контроллера эти боксы могли коммутироваться тремя способами: параллельно, два параллельно и два последовательно, или все четыре последовательно – обеспечивая три скорости: 3, 6 и 12,35 миль в час соответственно. В зависимости от положения контроллера менялось напряжение на двигателе и, соответственно, скорость вращения вала. Как видно, максимальная скорость при этом соответствовала примерно 20 км в час (одна английская миля равна 1609,34 м). Согласно английским законам того времени предельно допустимая скорость для самодвижущихся экипажей не должна была превышать 22 км в час⁸. То есть по своим скоростным характеристикам в 1901 году электромобиль выглядел вполне современно.

Включение заднего хода осуществлялось путем перемены полярности подключения ротора электромотора также с помощью контроллера. Две педали переключения переднего и заднего хода расположены на полу перед стенкой сиденья водителя. Торможение производилось нажатием ноги на педаль, установленной на полу машины, а также ручным тормозом, рукоятка которого располагается справа от водителя. Принцип действия тормозов – зажимание бронзового хомута вокруг металлического барабана, расположенного на оси ведущих колес, и блокирование колодками тормозных барабанов ведущих ко-

⁸ Песоцкий Н. Указ. соч. С. 167.

лес. Для пуска двигателя использовался алюминиевый ключ зажигания специальной формы, который вставлялся в главный контур между батареями и мотором. Он находится в месте, удобном для доступа левой руки водителя. На передней стенке водительского сиденья имеются четыре тумблера, которые служили для включения и выключения фар и габаритных огней. Также автомобиль был оснащен электрическим звонком для предупреждения пешеходов об опасности. Электромобили Columbia, как правило, снабжались аккумуляторными батареями фирмы Exide. Батареи были способны выдержать по меньшей мере 200 разрядок до замены положительных пластин (электродов) – при условии, что не превышались пределы зарядки и разрядки и поддерживалась чистота батарей и необходимая плотность электролита. То есть проезжая 65 километров на одной зарядке, можно было в сумме преодолеть без замены аккумуляторов расстояние, примерно равное 13000 км.

Батарея разряжалась со скоростью 25 ампер в час, полный заряд – примерно 70 ампер, то есть заряда хватало приблизительно на три часа непрерывной езды. Контроль степени заряда аккумуляторных батарей осуществлялся при помощи электрического прибора (вольтметра-амперметра), расположенного под углом на подставке на полу напротив водителя. Зарядку аккумуляторов можно было произвести при помощи специальной стационарной установки, не снимая с машины, либо после извлечения аккумуляторных батарей из электромобиля. Несмотря на то, что в начале XX века в России электромобили не получили широкого распространения, зарядка аккумуляторов могла осуществляться от сети переменного тока при помощи специальных устройств «умформеров», а также «выпрямителей». Вне городских условий в этих целях использовались электрогенераторы на основе бензиновых, керосиновых или газовых двигателей⁹. Вероятно, что подобные установки имелись и в императорских резиденциях Николая II, в том числе в Гатчинском дворце, на территории которого машина, скорее всего, находилась долгое время после революции 1917 года.

Судьбы двух машин-близнецов сложились по-разному. К счастью, оба автомобиля дожили до наших дней, хотя и в различной степени сохранности. После смерти королевы Александры в 1925 году автомобиль попал в один из гаражей в городе King's Lynn, расположенном по соседству с резиденцией ко-

⁹ Лобач-Жученко Б. Устройство для зарядания аккумуляторов в гараже // Автомобиль. 1911. № 17. С. 3790–3791.

ролевы. В 1930 году он был приобретен известным британским автомобильным энтузиастом и коллекционером Ричардом Нэшем. Интересно, что новый владелец машины в 1948 году сам активно использовал электромобиль, совершая на нем вояжи по магазинам или, как сказали бы сейчас, для шопинга. При этом Ричарду Нэшу пришлось удалить с бортов машины личный экслибрис королевы Александры. В то время езда на электромобиле была особенно практична, так как в Великобритании в послевоенный период из-за дефицита моторного топлива существовали довольно строгие ограничения его потребления.

В настоящее время автомобиль королевы Александры принадлежит потомкам Ричарда Нэша, хотя постоянно экспонируется в Британском Национальном мотор-музее в городе Бьюли (Beaulieu), на территории родового поместья лорда Монтегю. Собственно, сын лорда Монтегю-старшего (Джон Скотт Монтегю) по имени Эдвард Дуглас Скотт-Монтегю в 1952 году в память о своем отце и основал упомянутый музей.

К автомобилю императрицы Марии судьба была менее благосклонна. Сам факт того, что электромобиль все же дожил до наших дней, представляется чудом. Машина официально не входила в состав Императорского гаража. В распоряжение царской семьи она поступила в 1901 году, то есть за шесть лет до его основания (в 1907 году). Вероятно, именно это и спасло электромобиль от передачи в пользование представителям новой власти в 1917-м вместе с другими царскими машинами и, как следствие, дальнейшего списания и полного уничтожения. Скорее всего, отсутствие запасных частей и трудности, связанные с зарядкой аккумуляторов, привели к тому, что электромобиль превратился для пришедших к власти большевиков в бесполезный обездвиженный хлам. Он был частично разукomплектован и надолго заброшен, пока не оказался в Политехническом музее.

На сегодняшний день имеется достоверная информация о двадцати четырех машинах Columbia, разбросанных по всему миру. Конечно же, они являются гордостью музейных собраний и частных коллекционеров. К их числу, безусловно, принадлежит и автомобиль Columbia типа Victoria, принадлежавший семье последнего российского императора и находящийся, как упоминалось выше, в коллекции Политехнического музея в Москве.

То, что электромобиль из Политехнического музея является именно императорским автомобилем, никогда не вызывало сомнений. На его бортах всегда хорошо просматривалось изображение личного экслибриса императри-

цы Марии Федоровны в виде стилизованной буквы «М», охватывающей букву «Ф», увенчанной короной. Однако долгое время сотрудникам Политехнического музея не удавалось обнаружить первичные документы, указывающие на время поступления в собрание данного предмета и его перемещения после 1917 года. В марте 2016 года в музейном архиве случайно были найдены некоторые бумаги, устранившие ряд белых пятен в этой истории. Согласно обнаруженным документам, электромобиль был отправлен в Москву из Ленинградского отделения Государственного музейного фонда с Гатчинских складов Госфондов по накладной от 10 октября 1927 года. 17 декабря того же года был оформлен внутримuseumный акт передачи предмета на хранение с перечислением запасных частей, приложенных к автомобилю, а также указанием номера его кузова (1404).

В известной книге И.В. Зимина «Взрослый мир императорских резиденций. Вторая четверть XIX – начало XX века», в главе под названием «Семья Николая II», упоминается тот факт, что супруга Николая II – императрица Александра Федоровна – для поездок по парку использовала электромобиль Columbia, подаренный английскими родственниками¹⁰.

К сожалению, до настоящего времени не удалось обнаружить ни одного исторического изображения или кадра кинохроники, на котором бы был запечатлен императорский электромобиль Columbia в период владения им венценосными особами до революции 1917 года. Тот факт, что автомобиль был отправлен в Москву в 1927 году из Гатчины, говорит о том, что, скорее всего, именно там он и эксплуатировался членами императорской семьи в последний раз. Возможно, что дополнительную информацию о машине и ее старинные фотоснимки помогут обнаружить сотрудники Гатчинского дворца-музея. Кстати, не намного лучше ситуация и с британским аналогом машины. Единственный снимок, запечатлевший королеву Александру в электромобиле, был сделан ее дочерью принцессой Викторией (не путать с королевой Викторией) перед фасадом здания загородной королевской резиденции Sandringham House. В 1902 году по просьбе издателей данная фотография была им передана для оформления новой книги под названием: «Motors and Motor-Driving» («Моторы и вождение моторов»). В состав редакционной коллегии этого издания входили страстные британские автолюбители и пропагандисты автомобилиз-

¹⁰ Зимин И.В. Взрослый мир императорских резиденций. Вторая четверть XIX – начало XX в. Кн. 1. М.: Центрполиграф, 2011. С. 100.

ма Чарльз Стюарт Роллс и Джон Скотт Монтегю. К сожалению, после выхода книги из печати оригинал изображения был утерян.

Российский императорский электромобиль имеет значительные утраты, но основные элементы кузова и подвески сохранились в оригинальном состоянии. К сожалению, в 2007 году электромобиль подвергся неквалифицированной косметической реставрации, которая совершенно не улучшила его техническое состояние. В связи с этим в настоящий момент стоит задача по его полному и тщательному восстановлению. Подготовительные работы в данном направлении уже начаты сотрудниками Политехнического музея. В частности, делегация из Москвы в 2012 году по приглашению британской стороны посетила Национальный мотор-музей Великобритании, находящийся в городе Бьюли, с целью изучения аналогичного сохранившегося автомобиля, ранее принадлежавшего королеве Александре¹¹. Также недавно сотрудникам музея удалось разыскать и приобрести подлинную запасную часть – вольтметр-амперметр, необходимую для восстановления царского электромобиля. В 2015 году Политехнический музей совместно с ИИЕТ РАН провели научную работу по дополнительному изучению конструкции электромобиля, результатом которой стало создание его виртуальной реконструкции с помощью 3D-моделирования. Данное исследование фактически является предварительным этапом реставрации машины. Оно помогло восстановить в виртуальном виде утраченные элементы конструкции, проверить гипотезы об их пространственном расположении и устройстве. В дальнейшем виртуальная модель даст возможность подготовиться к физической реставрации электромобиля: проверить пространственную компоновку объекта с учетом реконструированных элементов, смоделировать взаимодействие деталей в трехмерном виртуальном пространстве, выявить недостаток данных для восстановления всех конструктивных элементов или несоответствие имеющихся данных фактической геометрии объекта. После проведения физической реставрации данного предмета его виртуальная модель может быть использована для контроля качества реставрации.

В настоящее время ведутся поиски спонсоров, готовых профинансировать полномасштабные работы по реставрации уникального российского экземпляра электромобиля Columbia.

¹¹ Stanfield Ian. News from the workshop // National Motor Museum. Newsletter. 2012. Spring. № 112. P. 3.

Необычное увлечение семьи Александра III

В исследованиях последних десятилетий членам династии Романовых уделяется достаточно большое внимание. На основе архивных документов раскрываются все новые аспекты деятельности и круга интересов членов этой семьи. Например, широко известно, что в жизни семьи Романовых очень большую роль играла музыка. Все великие князья и княгини с детства учились играть на различных музыкальных инструментах, и многие из них стали прекрасными музыкантами. Более того, по инициативе Александра III некоторые члены семьи даже объединились в камерный ансамбль и давали в Михайловском дворце концерты¹. По воспоминаниям современников, прекрасными музыкантами были дети великого князя Константина Николаевича; хорошо играл на рояле, флейте, балалайке и гитаре младший сын Александра III великий князь Михаил Александрович. Он также самостоятельно сочинил несколько музыкальных пьес². Об увлечении Михаила Александровича музыкой не раз упоминает в своих мемуарах его адъютант А.А. Мордвинов. Например, в рассказе о визите великого князя в Англию в 1908 году читаем: «Михаила Александровича, несмотря на все старания, так и не удалось привлечь к карточному столу. Он предпочитал в одиночестве слушать музыку, достал свои, привезенные им, ноты и просил румын играть русские романсы и отрывки из опер. Я думаю, никогда в Сендрингхаме³ не раздавалось столько русской музыки, как за время нашего тогдашнего пребывания»⁴.

¹ Гришин Д.Б. Великий князь Константин. Перед вечной красотой. М.: Вече, 2008. С. 184.

² Кроуфорд Р., Кроуфорд Д. Михаил и Наталья. Жизнь и любовь. М.: Захаров, 2008. С. 7; Перескоков Л.В. Образ великого князя Михаила Александровича в отзывах современников // Вестник ТГУ. Гуманитарные науки. История и политология. Вып. 8 (124). 2013. С. 312–313.

³ Имеется в виду Сендрингхамский дворец (англ. *Sandringham House*) – частная усадьба Виндзорской династии, расположенная в Норфолке среди 20 тыс. акров охотничьих угодий.

⁴ Хрусталев В.М. Великий князь Михаил Александрович. М.: Вече, 2008. С. 148.

Тесно связанным с музыкой было и увлечение многих Романовых театром, балетом и оперой. Выражалось это увлечение не только в пассивном просмотре спектаклей на сценах императорских театров и в театральных залах императорских и великокняжеских дворцов. Частыми бывали домашние спектакли для узкого круга лиц, поставленные и сыгранные членами семьи. После переезда императорской семьи на постоянное жительство в Гатчину в 1881 году русская и французская труппы Мариинского театра регулярно давали представления на сцене театра Гатчинского дворца, приезжая на специальных поездах Балтийской железной дороги⁵.

В конце 1880-х годов в России стали появляться технические новинки, в том числе и телефон. В сентябре 1881 года Александр III утвердил положение «Об устройстве городских телефонных сообщений», а уже в следующем 1882 году телефонная линия соединила Санкт-Петербург и Гатчину⁶. Эта новинка по тому времени очень занимала царскую семью⁷. Дело в том, что после проведения телефонной линии Санкт-Петербург – Гатчина члены царской семьи использовали эту связь не только для телефонных переговоров: с ее помощью они получили возможность прослушивать оперы и концерты, которые давались в Большом и Мариинском театрах, а также в Консерватории. В дневниковых записях великого князя Николая Александровича пусть редко, но все же мелькают упоминания о прослушанных по телефону операх. Например, в записи от 4 декабря 1882 года: «С тех пор, как провели телефон из театров: Большого и Мариинского, мы слушаем, а также и Папа, и Мама после их обеда, оперу. Переговариваемся со зрителем этого телефона или с другими лицами»⁸.

В более поздние годы упоминает о таких прослушиваниях и великий князь Михаил Александрович в дневниковых записях и в письмах к матери императрице Марии Федоровне. Так, в дневнике 13 ноября 1896 года великий князь отметил: «После обеда я написал письмо Бэби в Аббас-Туман. Потом мы,

⁵ РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 3942; Д. 4030.

⁶ Васильева Т.В. Компания Белла в истории телекоммуникаций России // «Электросвязь»: история и современность. 2007. № 2. С. 4–5.

⁷ Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. 1881–1917. СПб.: Союз-Дизайн, 2008. С. 126.

⁸ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 217. Л. 258. (Цит. по: Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. 1881–1917... С. 48).

то есть Old Man, Siocha и я говорили в фонограф, который нам повторял все. После этого мы пошли вниз и слушали оперу в телефон, давали Евгений Онегин»⁹. В письме к матери от 2 ноября 1906 года читаем: «Третьего дня у меня обедали Транзе, Таубе, Дрозд-Бонячевский и Клевезаль¹⁰; мы потом [пошли] слушать оперу в телефон. Было довольно комично видеть наше общество, которое сидело в ванной комнате вдоль стен и слушало в телефоны»¹¹.

Документальных свидетельств о подобном использовании телефонных аппаратов сохранилось чрезвычайно мало. Тем ценнее оказывается переписка об устройстве оперного телефонного сообщения из Мариинского театра в Гатчинский дворец, сохранившаяся в фонде Управления Петроградского почтово-телеграфного округа Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга. Имеющиеся в деле «О проведении телефонной связи между Мариинским театром и Гатчинским дворцом» телеграммы и докладные записки позволяют воссоздать картину использования телефонной линии в указанных целях, проследить, какие концерты и оперы прослушивались, как была устроена сама связь между дворцом и театрами.

Первые опыты такого рода были проведены еще в 1884 году, но они не нашли отражения в документах и, по-видимому, были не столь часты¹². В документах, относящихся к более позднему времени, сохранились только беглые упоминания о том, что на линии частыми были помехи и не слишком чистый звук¹³. Связано это было, по всей видимости, с несовершенством первых коммутаторов и сетей компании «Белла»¹⁴. Их замена началась только в 1892

⁹ Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. 1881–1917... С. 299.

¹⁰ Танзе Георгий Георгиевич, фон – на 1896 г. генерал-лейтенант. Комендант и начальник Гатчинского гарнизона.

Таубе Федор Николаевич, барон – на 1896 г. корнет Лейб-гвардии Кирасирского ее величества государыни императрицы Марии Федоровны полка.

Дрозд-Бонячевский Александр Иванович – на 1896 г. флигель-адъютант, полковник Лейб-гвардии Кирасирского ее величества государыни императрицы Марии Федоровны полка.

Клевезаль Владимир Робертович – на 1896 г. ротмистр Лейб-гвардии Кирасирского ее величества государыни императрицы Марии Федоровны полка.

¹¹ ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2222. Л. 52–54 об. (Цит. по: Хрусталева В.М. Указ. соч. С. 130).

¹² ЦГИА СПб. Ф. 1209. Оп. 22. Д. 153. Л. 6.

¹³ Там же.

¹⁴ Васильева Т.В. Указ. соч. С. 6.

году, в Гатчине же телефонная сеть была полностью переведена на аппараты Эриксона в 1895 году¹⁵. Нужно также отметить, что оборудование телефонной линии Санкт-Петербург – Гатчина совершенствовалось постоянно, и связано это было в первую очередь с частыми жалобами обитателей дворца на качество телефонной связи.

Остановимся подробнее на устройстве телефонной линии Санкт-Петербург–Гатчина, которая использовалась для трансляции опер в Гатчинский дворец. Только к концу 1897 года устройство приспособлений для прослушивания опер и концертов из Мариинского театра и Консерватории удалось довести до оптимального уровня, в результате чего претензии к качеству трансляций опер со стороны членов царской семьи и их приближенных полностью прекратились. Выглядела эта схема следующим образом. Во дворце выделили особую оперную комнату¹⁶, к телефонному коммутатору в которой подходило два провода дворцовой линии. С помощью рычага можно было осуществлять переключение: влево – на телефонные переговоры, вправо – на оперу¹⁷. В Мариинском театре для размещения необходимых приборов и батарей была отведена небольшая комната, в которой во время спектаклей находился дежурный механик, следящий за исправностью передачи и дающий требуемые соединения. В Консерватории установили только коммутатор для соединения дежурной комнаты в Мариинском театре со сценой Консерватории. Провода вводились в эту комнату через особые коммутаторы. При этом в Гатчину проложили специальную линию от Мариинского театра через центральную телефонную станцию. На крышах Мариинского театра и Консерватории были установлены железные стойки, через которые шли провода. На сцене Мариинского театра разместили 20 микрофонов, помещенных парами: шесть пар вдоль рампы по обе стороны суфлерской будки, на особых металлических стойках и четыре пары были подвешены по бокам сцены на высоте около 3 метров. Расположенная в отдельном помещении театра телефонная станция позволяла обеспечивать правильное и быстрое манипулирование дежурных во время оперных спектаклей. Устройство запасных комплектов индукционных катушек гарантировало качественную передачу по дворцовым проводам даже в случае по-

¹⁵ РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 460. Л. 68.

¹⁶ РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 316.

¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 1209. Оп. 22. Д. 153. Л. 81.

вреждения одного комплекта микрофонов, так как можно было поврежденную группу одним передвижением рычага коммутатора заменить новым запасным комплектом¹⁸. Какие же претензии ранее высказывали обитатели дворца и как их удавалось разрешить?

В начале декабря 1896 года, когда императрица Мария Федоровна вновь высказала пожелание слушать русскую оперу из Мариинского театра в собственных ее апартаментах Гатчинского дворца¹⁹, потребовалось переключить Гатчинские телефонные линии при соединении Пулковского шоссе с Царскосельским. Для этого в одной версте от города установили 2 новых столба и заменили на дворцовой линии железные провода бронзовыми. 12 числа императрица Мария Федоровна выразила желание прослушать вечером оперу и вынуждена была получить отказ, поскольку разъемы новых бронзовых проводов не подходили к разъемам в Мариинском театре, пришлось обращаться за содействием в компанию телефонов «Белла», где пообещали исправить затруднения в течение следующего дня²⁰. 14 декабря начальник Санкт-Петербургского почтово-телеграфного округа Н.Л. Глаголев докладывал начальнику Главного управления почт и телеграфов Н.И. Петрову об устранении всех недочетов и в своей докладной записке отмечал: «13 декабря я лично осмотрел все устройство в Гатчинском дворце, которое сделано очень красиво и отчетливо и того же числа вечером произведен опыт слушания русской оперы, который вполне удался, музыка и пение получались отчетливо и громко. Ее величество не могла слушать 13-го числа оперу за выездом в Царское Село к Государю Императору на обед, но по возвращении из Царского Села в 10 ½ час. вечера приближенные к ее величеству лица, а именно генерал-адъютант кн. Барятинский, фрейлины гр. Кутузовы слушали последний акт оперы. Все остались очень довольными, благодарили за устройство и кн. Барятинский заявил, что теперь опера гораздо яснее слышна, чем это было в 1884 г.»²¹ При этом прослушавший всю оперу заведующий дворцовыми телефонами Гатчинского дворца В.В. Фролов²² отметил, что в самом начале, когда в Мариинском театре были включены только 2 микрофона, довольно слабо до-

¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 1209. Оп. 22. Д. 153. Л. 165–167 об.

¹⁹ Там же. Л. 51.

²⁰ Там же. Л. 1, 3–4.

²¹ Там же. Л. 5–6.

²² Фролов Виктор Васильевич (1864–?). Сын вахтера, окончил Ямбургское уездное училище. С 1882 г. определен в штат Дворцового телеграфа.

носились звуки соло, и только когда включили 4 микрофона, все стало слышно прекрасно²³. Обслуживавшая эту линию компания «Белла» в данной связи выставила требование для трансляции опер в Гатчину включать всегда не менее 4-х микрофонов. При этом обязательным требованием было присутствие во дворце во время прослушивания опер либо заведующего дворцовыми телефонами В.В. Фролова, либо заведующего телефонной станцией С.И. Мнекина²⁴.

Тем не менее с проблемами на линии приходилось сталкиваться довольно часто. Например, уже 17 декабря В.В. Фролов и С.И. Мнекин²⁵ доносили Н.Л. Глаголеву об очередных проблемах: «Сего числа, по включении оперы, получались частые перерывы и временами слабые звуки до 10 час. 15 мин. вечера, затем, по замечании в телефонную трубку ее величеством словами “Плохо слышу”, почему-то действие восстановилось и музыку в продолжении 18 мин. стало слышно прекрасно, без перерывов, затем до конца оперы вновь продолжалось исчезновение звуков. На наши заявления механики телефонной компании ссылаются на неисправность линии и качку ветром проводов»²⁶. На следующий день линия была внимательно проверена и сделан вывод о небрежности сотрудников, отвечающих за трансляцию со стороны Мариинского театра²⁷.

Еще одной проблемой, с которой часто в декабре 1896 года сталкивались при прослушивании опер – помехи из-за индуктивных токов аппарата Юза²⁸. Для решения этой проблемы изначально было принято решение запретить использование аппарата Юза на линии Санкт-Петербург – Царское Село после 8 часов вечера²⁹, переходя на использование аппарата Морзе.

Нарушали трансляцию опер и погодные условия. Например, 25 апреля 1897 года в результате сильных порывов ветра в 8 часов вечера сильно пострадали провода. Обрыв был устранен только на следующий день³⁰.

²³ ЦГИА СПб. Ф. 1209. Оп. 22. Д. 153. Л. 8–8 об.

²⁴ Там же. Л. 11.

²⁵ Мнекин Сергей Иванович (1857–?). Сын придворнослужителя, окончил Гатчинское уездное училище. С 1872 служил в Гатчинском дворце рабочим и истопником. С 1889 г. определен в штат Дворцового телеграфа.

²⁶ ЦГИА СПб. Ф. 1209. Оп. 22. Д. 153. Л. 18–19.

²⁷ Там же. Л. 20.

²⁸ Там же. Л. 22.

²⁹ Там же. Л. 23.

³⁰ Там же. Л. 62.

Мария Федоровна, кроме того, высказала настоятельную просьбу во время трансляций опер и балетов в Гатчинский дворец не прерывать связь и не отключать микрофоны даже во время антрактов³¹. И сразу за этим следует распоряжение старшему механику Савельеву присутствовать в театре во время представлений совместно с мастерами компании «Белла» и «осуществлять бдительный надзор за технической частью устройства и действиями телефонов»³².

В декабре 1897 года недовольство качеством связи между Гатчинским дворцом и Мариинским театром стал высказывать великий князь Михаил Александрович. Так, в одной из телеграмм (10 декабря 1897) Н.Л. Глаголеву В.В. Фролов и С.И. Мнекин указывали, что во время прослушивания великим князем Михаилом Александровичем оперы из Консерватории появились вызывные звонки и разговоры околоточного одного из полицейских участков Петербурга Минина³³. Естественно, оперой в тот вечер остались недовольны. 16 декабря снова случились помехи: во время антракта было замечено 9 длинных и 6 коротких индуктивных звонков и переговоры, впрочем, трансляцией остались довольны³⁴. Поскольку подобные нарекания зимой 1897 года стали встречаться довольно часто, начали искать причину помех, и вскоре она была установлена: телефонные провода Санкт-Петербург – Гатчина шли не напрямую в Мариинский театр (как это было необходимо), а через Главную телефонную станцию. Это давало возможность Главной телефонной станции связываться с театром каждого из ее абонентов «по знакомству или по иным побуждениям» для слушания оперы. В своем рапорте Н.Л. Глаголев отмечал: «Это подтверждается даже тем, что во время оперы звуки пения и музыки то повышаются, то ослабевают и даже по временам вовсе прекращаются, и в это время в Гатчине можно слышать по телефону как на Главной станции переключаются провода и вешается слуховой телефон на рычаг или снимается с него. Вместе с тем Главная станция, рассчитывая, что в Гатчине никто из высочайших особ не присутствует, позволяет себе еще большую свободу действий по сообщению абонентов с театром»³⁵. Когда были выяснены такие подробности, начальник Петербургско-

³¹ ЦГИА СПб. Ф. 1209. Оп. 22. Д. 153. Л. 33–33 об.

³² Там же. Л. 34.

³³ Там же. Л. 84.

³⁴ Там же. Л. 94.

³⁵ Там же. Л. 65–66.

го округа Н.Л. Глаголев обратился к представителю компании «Белла» Г. Коху с требованием прекратить указанные беспорядки и заняться переустройством гатчинских проводов, соединив их напрямую с Мариинским театром. Такая линия была проложена, но даже после этого некоторые помехи оставались. Для их устранения Н.Л. Глаголев предложил следующее: внимательно следить, чтобы провода, связывающие Мариинский театр с Гатчинским дворцом, ни при каких обстоятельствах не пересекались с другими телефонными проводами; установить в Мариинском театре особый коммутатор исключительно для соединения с Гатчиной, подвести телефонные провода непосредственно под сцену театра, где установить два комплекта микрофонов, состоящий каждый из 3–4-х штук³⁶. Работы были закончены к 24 декабря 1897 года³⁷.

И, наконец, еще одна проблема, связанная с этой линией, была подробно изложена в докладной записке Н.Л. Глаголева: «Дворцовая телефонная линия Санкт-Петербург – Гатчина в 1894 г. устроенная с двумя одинаковыми бронзовыми проводами, действует при участии земли, почему индукция между этими проводами настолько велика, что одновременно телефонное действие по обоим проводам оказывается невозможным и приходится изолировать один из проводов, что крайне неудобно, в особенности в тех случаях, когда во время высочайших присутствий в Гатчинском дворце один из проводов употребляется для слушания опер в Мариинском театре, что возможно лишь при изоляции другого провода, иначе переговоры по этому последнему проводу настолько слышны через индукцию, что препятствуют слышать не только пение, но и музыку, а это вызывает, с одной стороны, неудовольствие слушающих оперу, а с другой, ропот лиц, состоящих при высочайшем дворе на прекращение телефонных действий по изолированному проводу»³⁸. Для решения этой проблемы Н.Л. Глаголев предлагал провести телефонную сеть из Санкт-Петербурга в Гатчину с двойными проводами и без сообщения их с землей. На проведение предполагаемых работ начальник Санкт-Петербургского почтово-телеграфного округа предполагал затратить 3100 рублей³⁹. Таким образом, как уже упоминалось, к декабрю 1897 года все проблемы на линии из Мариинского

³⁶ ЦГИА СПб. Ф. 1209. Оп. 22. Д. 153. Л. 78 об. – 79.

³⁷ Там же. Л. 100–101.

³⁸ ЦГИА СПб. Ф. 1209. Оп. 22. Д. 180. Л. 5–6.

³⁹ Там же. Л. 7–10.

театра до Гатчинского дворца были решены, и обитателям последнего ничто не мешало наслаждаться операми и концертами, даваемыми на сцене петербургских театров.

В заключении нужно отметить, что телефонная линия, по которой в Гатчинский дворец транслировались оперы, действовала не постоянно. После смерти Александра III в 1894 году Гатчина перестала быть местом постоянного проживания императорской семьи, хотя императрица Мария Федоровна с младшими детьми, великим князем Михаилом Александровичем и великой княжной Ольгой Александровной, регулярно приезжала туда. В связи с отъездами императорской фамилии переставала функционировать и телефонная линия, по которой транслировались оперы и балеты из Мариинского театра и Консерватории⁴⁰. Держать эту линию включенной все время было признано нерентабельным, тем более что тарифы на использование телефонных сетей были достаточно высоки⁴¹. Тем не менее во время пребывания Марии Федоровны в Гатчинском дворце телефон ежедневно переключался на трансляции спектаклей из Мариинского театра или Консерватории, вне зависимости от того, слушала ли императрица в тот день оперу или нет, но В.В. Фролов или С.И. Мнекин должны были находиться во дворце и сами слушать спектакль, отслеживая качество трансляции.

Репертуар прослушиваемых музыкальных произведений был разнообразным. Например, зимой 1896 года встречается упоминание опер: «Травиата», «Сельская честь», «Демон», «Мазепа», «Трубадур», «Фауст», «Русалка». Чаще они просто указывали, русскую или итальянскую оперу слушали в данный день. При этом прослушивали не только оперы, но и музыку во время балетных представлений⁴².

Таким образом, рассмотренные документы дают нам возможность несколько больше узнать об увлечениях членов царской семьи и их времяпрепровождении в загородных резиденциях.

⁴⁰ ЦГИА СПб. Ф. 1209. Оп. 22. Д. 153. Л. 41.

⁴¹ РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 460.

⁴² ЦГИА СПб. Ф. 1209. Оп. 22. Д. 153. Л. 15.

Круг общения Александра Половцова

*«Отношения со слабыми людьми висят на слабых нитках,
а с крепкими людьми – на крепких нитках».*

А.А. Половцов

Выпускник Императорского училища правоведения, потомственный дворянин Александр Александрович Половцов (1832–1909) сделал успешную карьеру на государственной службе и особенно важную роль играл в должности государственного секретаря в годы правления императора Александра III. Биографические данные Половцова хорошо известны, и их удачно дополняют сведения из дневника¹, который Александр Александрович вел в разные годы, подробно описывая происшествия текущего дня и откровенно отзываясь о своих современниках. Этот дневник служит бесценным свидетельством важнейших исторических событий второй половины XIX – начала XX столетия. Характер автора и его деятельность обрисовываются в различных ситуациях. Описание подготовки и самих заседаний Госсовета занимает в дневнике множество страниц, на которых выпукло обрисованы те личности, которые «творили историю».

Прежде всего, это члены императорской семьи. По долгу службы А.А. Половцову приходилось чаще всего сталкиваться с императорами Александром III и Николаем II, председателем Госсовета великим князем Михаилом Николаевичем и близким автору по взглядам великим князем Владимиром Александровичем.

Степень доверия читателя к характеристикам личностей и описанию событий в дневнике зависит от того, какое мнение складывается у него о достоинствах и недостатках автора. На наш взгляд, Половцов предстает на страницах рукописи, безусловно, ярким человеком – умным, образованным, способным быстро разобраться и правильно решить государственные дела, человеком, презирающим невежд и интриганов.

¹ Половцов А.А. Дневник Государственного секретаря А.А. Половцова. М.: Наука, 1966. Т. 1–2. [Далее: Дневник].

Кроме того, он человек мужественный, сильный духом. Об этом убедительно свидетельствует поведение Александра Александровича в те минуты, когда в 1898 году за границей, в Монте-Карло, на него вероломно напал Гурко. Половцов не потерял самообладания, пытался сопротивляться и предложить грабителю взять деньги из стоявшей на столике шкатулки. «Гурко не хотел слушать и продолжал наносить удары по голове всей тяжестью свинцового набалдашника палки». К счастью, раны на темени и у виска были не столь глубокими, как вначале показалось. И не успев как следует оправиться от морального потрясения и физических последствий инцидента, А. Половцов занялся приобретением вещей для Училища технического рисования. В письме Григорию Ивановичу Котову через 18 дней после «перенесенного ужаса» Надежда Михайловна, жена Половцова, сообщает: «Принимая во внимание заявление Бенуа о том, что Екатеринбургская гранильная фабрика нуждается в моделях, Александр Александрович заказал в Париже гипсовые слепки всех находящихся в Лувре ваз различных *pietra dura*²; бронзовая отделка могла бы быть выполнена нашими учениками и можно надеяться, что эти слепки направят их на составление рисунков и композиций в этом роде для гранильных фабрик»³.

Ум и высокие нравственные качества А. Половцов ценит в людях, с которыми приходится работать. Вот некоторые характеристики, данные им сослуживцам: «Барон Николай⁴ – человек, безусловно, правдивый, прямой, трудолюбивый, добросовестный, личность в высшей степени почтенная...»⁵; «по характеру [Островского⁶ – *Авт.*] никто не может на него положиться, лучшее тому доказательство – его отношение к Игнатьеву, который сделал его министром государственных имуществ, а затем нашел в нем врага и противника, всячески содействовавшего к его низвержению»⁷; Шестаков⁸ «более и более приобретает мое сочувствие прямою своих чувств, ясностью мысли и муже-

² *pietra dura* (итал.) – твердый камень.

³ РГИА. Ф. 777. Оп. 5. Год 1898. Д. 12. Л. 112–118.

⁴ Николай Александр Павлович (1821–1899).

⁵ Дневник... Т. 1. С. 418.

⁶ Островский Михаил Николаевич (1827–1901) – член Госсовета (с 1878), министр государственных имуществ (1881–1893).

⁷ Дневник... Т. 1. С. 303.

⁸ Шестаков Иван Алексеевич (1820–1888, 21 ноября, Севастополь) – генерал-адъютант, адмирал, управляющий Морским министерством (1882–1888).

ством поведения»⁹. В записи, сделанной 12 апреля 1883 года, Половцов подробно описывает заседание Совета в здании Эрмитажа и дает яркие характеристики присутствовавшим¹⁰.

Женитьба в 1861 году на 17-летней воспитаннице барона Штиглица Надежде Михайловне Июневой, внебрачной дочери великого князя Михаила Павловича¹¹, принесла ему свойство с придворным банкиром Александром Людвиговичем Штиглицем (1814–1884), владевшим огромным капиталом, около 40 млн. руб., производственными предприятиями и особняками в столице. Этот брачный союз позволил Александру Александровичу чувствовать себя материально независимым. Однажды на отзыв императора Александра III о Каханове¹² как о способном, но бесхарактерном человеке Половцов ответил: «Да, это общая черта чиновничества. Как же иного и требовать. Ведь если Вы меня прогоните, я не умру с голода, а если бы мои жена и дети жили на мое жалованье, так, может быть, я не стал бы говорить Вам все то, что говорю»¹³.

В отношениях Половцова с представителями императорской семьи, видимо, имело значение, что при дворе и в высшем свете признавали родство Бобринских с членами императорской фамилии и жены Александра Александровича с великим князем Михаилом Павловичем. Об этом свидетельствует диалог, состоявшийся перед заседанием Госсовета в день Святой Екатерины, 24 ноября 1886 года. На вопрос великого князя Владимира Александровича, есть ли в семье Половцовых именинницы, тот ответил: «Моя внучка, Ваше Высочество, она зовется Екатериной Алексеевной, как ее знаменитая прапрабабка». На это Великий князь заметил: «Сказано смело, но соответствует действительности»¹⁴. Обратим внимание на то, что упомянутой внучке Александра Александровича Екатерина Великая приходилась прапрапрабабушкой и по линии отца, Алексея Бобринского (1852–1927), начавшейся от незаконного

⁹ Дневник... Т. 1. С. 319.

¹⁰ Там же. С. 77–80.

¹¹ Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи: главы высших и центральных учреждений. 1802–1917. Библиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 534.

¹² Каханов (Коханов) Иван Семенович (1825–1909) – генерал-лейтенант (1876), виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор (1884–1893).

¹³ Дневник... Т. 1. С. 236.

¹⁴ Там же. С. 456.

сына императрицы Алексея Григорьевича, и по линии матери ребенка, Надежды Александровны (ур. Половцовой), правнучки Императора Павла I.

С великим князем Владимиром Александровичем у Половцова сложились особые, дружественные отношения. При разнице в 15 лет Александр Александрович играет роль наставника и, желая изменить Владимира в лучшую сторону, часто критикует его. 19 декабря 1885 года Половцов отмечает, что Владимир «в высшей степени дружествен, и это неизменно в течение 18 лет»¹⁵. И великий князь дорожит дружескими отношениями с Половцовым. В письме из Хайлигенберга (Heiligenberg), написанном Половцову 9/21 июля 1871 года, есть такие строки: «А Вас, любезный Александр Александрович, еще раз от всей души благодарю за Вашу ко мне дружбу; надеюсь, что она никогда не изменится. Я, Вы это знаете, вообще не слишком горазд на дружбу с людьми; но на тех, с которыми я действительно дружен, я полагаюсь вполне и глубоко уверен, что они никогда не откажутся протянуть мне руку помощи, в каких бы видах эта помощь ни представилась»¹⁶.

Внимательное прочтение подробных записей в дневнике о заседаниях Госсовета убеждает читателя, что Половцов обладал государственным умом, предвидел последствия тех или иных законодательных решений, умел примирить стороны, высказывавшие противоположные взгляды, и, составляя еженедельные «мемории» Государю, а также докладывая ему о состоянии важных дел, влиял на ход их обсуждений. О добросовестной службе Александра Александровича красноречиво говорят полученные им награды¹⁷. Приведем лишь два примера участия Половцова в решении государственных вопросов. Когда возник конфликт с Афганистаном, Половцов последовательно добивался, чтобы спор «о нескольких пядях пустыни»¹⁸ не превратился в войну России с Англией. Причем на его сторону встали военный министр П.С. Ванновский, товарищ министра иностранных дел А.Е. Влангали и управляющий морским министерством И.А. Шестаков. Их Половцов уважал, выделял из членов Совета и нередко встречался с ними во внеслужебной обстановке. Особенно важную «услугу Государю» оказал А. Половцов, высказав идею о необходимо-

¹⁵ Дневник... Т. 1. С. 368.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 367. Л. 18.

¹⁷ РГИА. Ф. 789. Оп. 7. 1871. Д. 82.

¹⁸ Дневник... Т. 1. С. 305.

сти пересмотра «Уложения об Императорской фамилии» и добившись, чтобы председателем специально созданной для решения этого вопроса Комиссии Александр III назначил своего брата Владимира. После каждого заседания, обычно проходившего во Владимирском дворце, Александр Александрович составлял отчет для императора. В июне 1886 года Александр III ознакомился с результатом работы Комиссии, выразил свое удовольствие и велел благодарить участвовавших в решении этой проблемы. Половцов отразил в дневнике свое мнение по этому поводу: «Надо отдать справедливость Вел. кн. Владимиру Александровичу, что он со своим председательством провел все это дело отлично; то шуткою, то молчанием, то категорическим высказыванием взгляда он вел все так дружелюбно, что легко было достичь успешного конца»¹⁹. Однако ясно, что и Александру Александровичу принадлежала важная роль в работе Комиссии. Он высказывал трезвые мысли о реакции членов императорской семьи на то или иное решение, время от времени давал Владимиру Александровичу дельные советы и, будучи по образованию юристом, точно формулировал пункты нового закона.

Поскольку во главе Госсовета стоял великий князь Михаил Николаевич, мало интересовавшийся государственными делами и не отстаивавший свое мнение в разговорах с государем, Половцов стал замечать падение авторитета этого «высшего в империи установления, ведущего преимущественно законодательные и финансовые дела»²⁰, и тяготиться своей должностью, и с 1892 года перестал выполнять обязанности государственного секретаря.

Он продолжал участвовать в заседаниях Госсовета как его член, работал в составе особых совещаний²¹, отдавал много времени и сил общественной деятельности: продолжал возглавлять Совет Училища технического рисования барона Штиглица и активно занимался историей России, которая интересовала Александра Александровича с юных лет. Еще в 1859 году Половцов, служивший в то время в Сенате, добился разрешения изучать документы о деятельности канцлера князя А.А. Безбородко. Дать такое разрешение «Государь Император соизволил, с тем чтобы управляющие [Гос. архивом – *Авт.*] при-

¹⁹ Дневник... Т. 1. С. 404.

²⁰ История Государственного Совета Российской империи. 1801–1917. СПб.: Лики России, 2008. С. 482. [Далее – История Госсовета].

²¹ РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 426.

няли на себя, какие из дел как подлежащие еще особой тайне не должны быть сообщаемы Половцову, а также и пересмотреть копии и выписки, которые им будут оставлены»²². Этот факт свидетельствует о том, что в конце 1850-х годов многие документы по истории России были недоступны даже чиновникам высокого ранга, а если кто-то получал разрешение работать в архиве, то его выписки просматривались архивистами, ответственными за сохранение тайны.

В те годы Половцов встретил единомышленников, которые считали необходимым заниматься историей Отечества и печатать результаты работы с архивными документами. Среди них великий князь Владимир Александрович, князь П.А. Вяземский, графы Бобринские, а позже и наследник цесаревич Александр Александрович. В результате проведенной подготовительной работы 23 мая 1866 года было учреждено Российское историческое общество (РИО).

В 1916 году в России отмечалось 50-летие Императорского Русского исторического общества (ИРИО), у истоков которого стоял А. Половцов. В связи с тем, что было принято решение издать к юбилею исторический очерк организации, великий князь Николай Михайлович, с 1910 года председатель общества, обратился к сыну государственного секретаря – Александру Александровичу младшему (1867–1944) с просьбой найти материалы, связанные с начальным этапом его создания. В обнаруженных им ранних записях отца раскрыты основные идеи, положенные в основу общества, позиция самого Александра Александровича и роль отдельных лиц в его деятельности. В «Извлечении из записок А.А. Половцова о возникновении РИО» четко изложен начальный замысел автора – инициатора, члена-учредителя, первого секретаря общества и его председателя в течение 30 лет: «Мне всегда казалось, что издание памятников, документов составляет основание исторического изучения и что для сколько-нибудь серьезного ознакомления с историей России XVIII в. нужно прежде всего подумать об издании исторических документов. Но такие издания не всегда в средствах частных лиц; для того чтобы они совершались удовлетворительно, надобны и деньги, и усилия более, чем одного человека. Поэтому мне всегда казалось весьма желательным составление общества, которое усилившись соединением нравственных и материальных средств, употребило бы эти средства на издание документов, могущих положить твердое основание серьезному изучению русской истории XVIII века... В конце 1865 г. мне посчастливилось... встретить людей, которые помогли мне осуществить

²² РГИА. Ф. 746. Оп. 1. Д. 222. Л. 2.

мою мысль. Первым я должен назвать А.Ф. Гамбургера». Было решено сформировать состав членов-учредителей общества. Половцов писал: «По соглашению моему с Гамбургером мы остановились на следующих лицах: князь Петр Андреевич Вяземский, живой представитель русской истории... Барон Модест Андреевич Корф, один из наиболее просвещенных Государственных советников, поставивший себе памятник устройством Публичной Библиотеки... Афанасий Федорович Бычков. Феоктистов, известный своими историческими трудами. Бестужев, профессор русской истории в здешнем Университете, Богданович – военный историк. Граф Дмитрий Андреевич Толстой, представитель церковной истории... и, наконец, двенадцатым положено было взять генерал-адъютанта Перовского²³, попечителя Наследника... Через несколько дней просьба об учреждении Общества подписана и пущена в ход»²⁴.

19 октября 1866 года состоялось первое заседание, на котором председателем был избран князь Вяземский, а секретарем – А.А. Половцов. В следующем году 14 декабря собрание всех членов РИО впервые проходило в Аничковом дворце у цесаревича, который «очень мило и любезно всех принимал». На этом заседании было решено печатать труды РИО в специальных сборниках. Половцов писал: «Наследник очень интересуется изданием нашего Сборника и пожертвовал 1500 руб. Императрица [Мария Александровна – *Авт.*] – 1000 руб., Владимир Александрович – 1000 руб. Таким образом, у нас образовались средства, не существовавшие при начале издания. Я, со своей стороны, напечатал за свой счет и подарил обществу первый том»²⁵.

В воспоминаниях С.Д. Шереметева ранний этап создания РИО описывается по-другому. Граф считает инициатором появления общества князь П. Вяземского, к которому «очень благоразумно и умно пристроился» Половцов. Причем Шереметев подозревает Александра Александровича в корысти. Он пишет: «Нет сомнения, что общество историческое сильно помогло Половцову в дальнейших его служебных движениях...»²⁶. Сергей Дмитриевич утверждает, что Александр Александрович смотрел «на общество, прежде

²³ Перовский Борис Алексеевич (1815–1881) – граф, с 1859 воспитатель великих князей Александра и Владимира Александровичей.

²⁴ РГИА. Ф. 746. Оп. 1. Д. 65. Л. 23–24.

²⁵ Там же. Л. 25.

²⁶ Мемуары графа С.Д. Шереметева. М.: Захаров, 2001. С. 13, 157.

всего, как на ступень для своей личной карьеры. Когда надежды его обманулись, он стал холоднее относиться к обществу и ввел в него казенщину и затхлость... После 1 марта он прямо стремился к упразднению значения общества...»²⁷. Надо сказать, что относясь без всякого уважения к Половцову, Шереметев был совершенно несправедлив в оценке тридцатилетней деятельности Александра Александровича на посту председателя ИРИО. Об этом говорят беспристрастные цифры. 30 октября 1909 года А.Н. Куломзин подвел итоги деятельности в РИО недавно ушедшего из жизни председателя: «Половцов широко поддерживал Общество в материальном отношении: Общество, получив в течение всей своей деятельности из средств Государственного Казначейства 260 тыс. руб., употребило на свои издания и собиранье материалов для дальнейших публикаций до 450 тыс. руб., и весь излишек этой суммы против субсидий из казны был покрыт Половцовым из своих личных средств, за исключением 20 или 30 тыс., пожертвованных в разное время другими членами Общества. Кроме того свыше 150 тыс. руб. Половцов дал на Русский Биографический Словарь, издававшийся при Обществе, но исключительно на средства Половцова.

В деятельность Общества он вложил много личного труда. Под его наблюдением напечатано 32 тома Сборника, не считая тех, которые он редактировал совместно с другими членами»²⁸. Таким образом, за 1866–1909 годы РИО получило из казны 260 тыс. руб., а Половцов из личных средств вложил в его деятельность 160 тыс. руб. и 150 тыс. выделил на создание и печать энциклопедии выдающихся русских деятелей – Русского биографического словаря, не потерявшего своего исторического и практического значения до наших дней. Поневолу вспоминаются слова великого князя Михаила Николаевича, обращенные к Половцову: «Что бы вы ни делали, зависть к Вашему богатству всегда будет иметь последствием к Вам зависть»²⁹.

А. Половцов в годы царствования Александра III служил также управляющим Государственной канцелярией. Отношение его к сотрудникам Канцелярии было всегда доброжелательным. В особенности он ценил труд статс-секретарей. Александр Александрович заботился об увеличении окладов чи-

²⁷ Мемуары графа С.Д. Шереметева... С. 488.

²⁸ РГИА. Ф. 746. Оп. 1. Д. 231. Л. 20.

²⁹ Дневник... Т. 1. С. 469

новников Канцелярии, а иногда «отдавал на это часть суммы, составлявшей его собственное содержание»³⁰.

Половцов не раз обращался к императору с предложением организовать центральное хранилище государственных документов. Благодаря его усилиям был разрешен важный вопрос о строительстве здания для архива Госсювета. Постройкой дома на Миллионной улице, по рекомендации Половцова, в 1882–1887 годах занимался хорошо ему знакомый архитектор Максимилиан Егорович Месмахер. «Вся работа по окончательному обустройству помещений выпала на долю А.А. Половцова»³¹. Причем архитектор осуществил эту постройку «безвозмездно», и Половцов просил Александра III наградить зодчего, принимая также во внимание «его заслуги по работам в Исаакиевском соборе»³². Месмахер был известен великому князю Владимиру Александровичу уже в начале 1870-х годов, когда принимал участие в строительстве его дворца в Петербурге (Дворцовая наб., 26)³³. В 1880-х годах архитектор выполнил важные перестройки этого дворца³⁴. Видимо, Владимир Александрович порекомендовал М. Месмахера своему старшему брату, и Максимилиан Егорович оформил интерьеры Аничкова дворца и построил для императорской семьи дворец в Массандре. Самый крупный заказ получил Месмахер от Половцовых. В 1880-х годах он занимался перестройкой интерьеров в особняке, принадлежавшем Надежде Михайловне, на Большой Морской, 58 (ныне Дом архитектора).

В 1876 году А.Л. Штиглиц сделал Петербургу бесценный дар. Он пожертвовал миллион рублей «для устройства и содержания в Петербурге училища технического рисования... На Соляном переулке в 1879–1881 г. на средства барона построили здание, а через некоторое время родилась идея создать музей, который использовался бы в качестве «наглядного пособия для учащихся. Александр Штиглиц... пожертвовал на этот раз 5 миллионов, и по проекту

³⁰ История Госсювета... С. 483.

³¹ История Госсювета... С. 480.

³² Дневник... Т. 2. С. 60.

³³ Корнева Г.Н., Петрицкий В.А., Чебоксарова Т.Н. Петербургский дворец Великого князя Владимира Александровича – Дом ученых РАН. СПб.: Лики России, 2015. 2-е изд.; Корнева Г.Н., Чебоксарова Т.Н. Великая княгиня Мария Павловна. СПб.: Лики России, 2014.

³⁴ Там же. С. 355–370.

директора Училища М. Месмахера было построено первое в Петербурге и во всей России здание Музея декоративно-прикладного искусства». По завещанию «А. Штиглиц оставил Училищу более 8 млн руб., превратив это учебное заведение в самое богатое в России... Эти средства позволили Александру Половцову и Максимилиану Месмахеру приобретать на международных выставках и аукционах лучшие образцы прикладного искусства. Уже в 1886 г. коллекции Училища насчитывали более 10 тыс. экспонатов»³⁵.

Настоящей страстью А. Половцова было коллекционирование художественных произведений. «Со временем он стал обладателем одной из крупнейших коллекций прикладного искусства в Петербурге, а его дом на Б. Морской улице богатством интерьеров и количеством редких вещей напоминал музей. В отличие от многих коллекционеров, Половцов не стремился к созданию каталога своей коллекции, так как, по-видимому, ее состав постоянно менялся. Половцов все время что-то покупал, а что-то продавал или дарил в музей Училища Штиглица, получая удовольствие от самого процесса непрерывного поиска и обновления»³⁶.

Любовь к искусству объединяла Александра Александровича и великого князя Владимира Александровича. В Петербурге и Париже они часто бывали у «серебряников и бриллианщиков», у художников, покупали картины, ювелирные изделия, заказывали портреты членов своих семей. Сын Половцова, Александр Александрович младший, стал выдающимся знатоком искусства и в годы революционных потрясений, обратившись с просьбой к А.В. Луначарскому «назначить его комиссаром», многое сделал для спасения сокровищ императорской России в этом «звании»³⁷.

Благодаря посредничеству Половцова и Алексея Боголюбова Эрмитаж приобрел коллекцию Базилевского³⁸, которая должна была выставляться на аукционе в Париже. За нее император Александр III заплатил более миллиона рублей из собственных средств.

³⁵ Корнева Г.Н., Чебоксарова Т.Н. Санкт-Петербург. Миром создан – красотой храним. СПб.: Лики России, 2011. 3-е изд. С. 100–101.

³⁶ Прохоренко Г. Сановник, меценат и коллекционер Александр Александрович Половцов // Наше наследие. 2006. № 77. С. 26.

³⁷ Масси С. Павловск. Жизнь русского дворца. СПб.: Лики России, 1997. Гл. 8, 9.

³⁸ Дневник... Т. 1. С. 259.

В 1895 году Половцов принес в дар Эрмитажу картину Луки Лейденского «Иисус Христос, выведенный Пилатом перед народом»³⁹. А.А. Половцов младший, исполняя волю отца, в 1910 году передал в дар их величествам, Николаю II и его супруге, живописный портрет великого князя Владимира Александровича кисти Крамского (ныне в Государственном музее истории Петербурга), написанный художником по заказу Половцова, статую Торвальдсена и фарфоровую табакерку с портретом императрицы Елизаветы Петровны⁴⁰. Владимир Александрович позировал художнику для этого портрета на восьми двухчасовых сеансах, заказчик считал этот портрет «превосходным» и не расставался с ним до своих последних дней.

На пышных приемах у Половцовых бывали члены императорской фамилии, министры, представители придворной знати. Уникальным событием можно считать военные маневры в Нарве, на которые семья Половцовых затратила колоссальные средства. На маневрах присутствовали Александр III, кайзер Вильгельм II, члены императорской фамилии со свитами, заграничные родственники, высокие военные чины и элита Петербурга. Все они были гостями Половцовых, и хозяевам пришлось разместить более 112 человек, не считая прислуги⁴¹, в принадлежавших им домах, заботиться об их быте и организации торжественных приемов⁴².

Принадлежа к высшему свету столицы, Половцов часто бывал на балах. Молодежь развлекалась танцами, а люди старшего возраста часто занимали себя игрой в карты. За одним столиком, как правило, сидели 4–6 человек. Половцова регулярно приглашал на партию Александр III. Обычно в такой компании находились великий князь Владимир Александрович, министр внутренних дел И.Н. Дурново, министр императорского двора И.И. Воронцов-Дашков, его жена, статс-дама Елизавета Андреевна (урожд. Шувалова) и Николай Петрович Балашов, женатый на сестре Елизаветы Андреевны Екатерине. Во время игры нередко обсуждались не только светские, но и политические новости.

Еще одной страстью Александра Александровича была охота. Он унаследовал от отца поместье Рапти в Лужском уезде, имел охотничьи угодья в

³⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 42. Д. 1956.

⁴⁰ РГИА. Ф. 472. Оп. 43. Д. 1. Л. 1.

⁴¹ Дневник... Т. 2. С. 301.

⁴² Иванен А. Сто лет Нарвскому Воскресенскому собору. СПб; Нарва, 1996. С. 15–24.

Коломягах (район Петербурга между теперешними участком железной дороги от Удельной в сторону Озерков, Парашютной ул., пр. Сизова и Вербной ул.) и, ежегодно проводя отпуск во Франции, оплачивал право охотиться под Парижем. Среди приглашенных часто оказывались все те, кто составляли круг его общения.

Александр Александрович скончался 24 сентября 1909 года. Его похоронили в Нарве, в семейном склепе Троицкой церкви рядом с женой и четой Штиглиц.

И только в наши дни начали серьезно относиться к оценке роли А.А. Половцова в истории России.

Кончина и погребение императора Александра III

Император Александр III (26.02.1845–20.10.1894, правление: 1.03.1881–20.10.1894; погребен в Петропавловском соборе 7.11.1894 г.).

Император Александр III внешне был похож на богатыря, имел рост 193 см, крупное тело. В молодости он практически ничем не болел. Однако государственные обязанности, которые свалились на него после смерти старшего брата цесаревича Николая Александровича, когда сам великий князь Александр Александрович стал наследником престола, и, естественно, постоянное нервное переутомление, которое он испытывал, став императором, сказывалось на его состоянии. В январе 1894 года Александр III перенес инфлуэнцу (грипп) с высокой температурой – более 39 градусов, лечиться он не любил, всех предписаний докторов не выполнял. «Государь с Рождества чувствовал себя нехорошо, перемогался, и только три дня назад уговорили его лечь в постель» – писал К.П. Победоносцев великому князю Сергею Александровичу¹. Приглашенный из Москвы профессор Г.А. Захарьин, который считался одним из лучших терапевтов-диагностов России, поставил диагноз: плеврит, затронута легкое. Всех назначений профессора император, почувствовавший себя лучше, не придерживался. Да и как было не утомлять себя занятиями, больше спать и отдыхать, когда у правителя государства столько работы? Перенесенная болезнь вызвала осложнения.

Летом 1894 года император побывал в Финляндии. Окружение отметило, что в последнее время государь очень похудел и жаловался на значительное утомление. Лейб-медики считали, что недомогание государя – последствие его усиленных трудов. Они предписали отдых и свежий воздух. Зачарованные его богатырским сложением, они просмотрели смертельный недуг почек². Сказывалась простуда, перенесенная в январе 1894 года. Не могло пройти бесследно и ранение, полученное им 17 октября 1888 года во время крушения царского

¹ Молин Ю.А. Романовы. «Давно забытые черты...» СПб.: Logos, 2009. С. 451.

² Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М.: Современник, 1991. С. 109.

поезда у станции Борки под Харьковом. Царь получил сильный ушиб правого бедра в том месте, где в кармане брюк лежал серебряный портсигар, усиливший удар. 9 августа 1894 года Александра III снова осмотрел профессор Г.А. Захарьин, но не заметил серьезного заболевания и посоветовал отдых и сухой воздух. Однако во второй половине августа царь отправился не на юг, а в любимые охотничьи места – Беловеж и Спалу. Состояние императора ухудшалось в условиях холодного и дождливого лета. Чувствовал себя плохо и его сын – великий князь Георгий Александрович, страдавший туберкулезом. 7 сентября снова вызванный и находившийся при царской семье доктор Захарьин сообщил наследнику Николаю Александровичу и великому князю Владимиру Александровичу, что у императора хроническое воспаление почек³. 15 сентября для консультации был вызван из Берлина профессор Эрнст Лейден, констатировавший у государя острое воспаление почек – нефрит, и нервное расстройство – «переутомление от громадной и неустанной работы»⁴. Врач настоял на немедленной перемене климата.

Осенью 1894 года состоялось последнее путешествие Александра III в Крым. 21 сентября царская семья прибыла в Севастополь, в тот же день на яхте «Орел» переправилась в Ялту. Император, совершенно больной и пожелтевший, вышел на пристань, принял почетный караул, сказал несколько слов встречающим его лицам и под руку с императрицей, поддерживающей его, отправился к экипажу. Только в Ливадии государь занялся интенсивным лечением, которого ранее избегал. Улучшение оказалось временным, скоро симптомы болезни вернулись. Ливадия стала последним прибежищем умирающего царя-мироотворца. Он сильно похудел, его мучили отеки, удушье, острые боли за грудиной.

8 октября в Ливадию прибыл знаменитый проповедник протоиерей Иван Ильич Сергиев (отец Иоанн Кронштадтский), которого Александр принял 10 октября и просил молиться вместе с ним. Родные надеялись на чудо, но его не произошло.

В тот момент переплелись печальные и радостные для наследника престола цесаревича Николая Александровича события. 5 октября 1894 года он за-

³ Дневники императора Николая II (1894–1918) / Отв. ред. С.В. Мироненко. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. Т. 1. С. 113. (Серия «Бумаги дома Романовых»).

⁴ Дневники Николая II... С. 115.

писал в дневнике: «Папа и Мама позволили мне выписать мою дорогую Аликс из Дармштадта сюда – ее привезут Элла и д. Сергей...⁵ Какое счастье снова так неожиданно встретиться – грустно только, что при таких обстоятельствах»⁶. Будучи любящими супругами, Александр III и Мария Федоровна желали такого же счастья своим детям. Состояние императора требовало скорейшего приезда невесты наследника принцессы Гессенской для того, чтобы отец жениха успел благословить их. «Ненаглядная Аликс» прибыла в Ливадию 10 октября, и молодые получили желанное благословение на брак. Николай отметил в своем дневнике, что «Папа был слабее сегодня и приезд Аликс кроме свидания с о. Иоанном утомили его»⁷.

Духовник императорской семьи протопресвитер Иоанн Янышев дважды, 9 и 17 октября, приобщал императора святых тайн. Состояние августейшего больного ухудшалось день ото дня. Царь умирал в полном сознании, в окружении семьи и многочисленных родственников, собравшихся в Крыму. Великий князь Александр Михайлович, находившийся в комнате умирающего, писал впоследствии, что последняя минута Александра III была подобна его жизни. Царь был убежденным врагом звучных фраз и мелодраматических эффектов. При приближении последней минуты он лишь пробормотал короткую молитву и простился с императрицей. Смерть императора Александра III окончательно решила судьбу России. «Каждый в толпе присутствовавших при кончине Александра III родственников, врачей, придворных и прислуги, собравшихся вокруг его бездыханного тела, сознавал, что наша страна потеряла в лице Государя ту опору, которая препятствовала России свалиться в пропасть»⁸. Сознал это и его сын, ставший в этот день императором Николаем II.

Император Александр III «тихо в Бозе почил» в 14 часов 15 минут 20 октября 1894 года на пятидесятом году жизни. Жизнь монарха закончилась в Малом дворце Ливадийского имения. Дневник Николая II: «20 окт. Четверг. Боже мой, Боже мой, что за день! Господь отозвал к себе нашего обожаемого дорогого горячо любимого Папа. Голова кругом идет, верить не хочется – кажется до того неправдоподобной ужасная действительность. Все утро мы провели

⁵ Великая княгиня Елизавета Федоровна и великий князь Сергей Александрович.

⁶ Дневники императора Николая II... С. 119.

⁷ Там же. С. 120.

⁸ Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний... С. 140.

наверху около него! Дыхание его было затруднено, требовалось все время давать ему вдыхать кислород. Около половины 3 он причастился св. Тайн; вскоре начались легкие судороги... и конец быстро настал! О. Иоанн больше часу стоял у его изголовья и держал за голову. Это была смерть святого! Господи, помоги нам в эти тяжелые дни! Бедная дорогая Мама!... Вечером в 9 1/2 была панихида – в той же спальне! Чувствовал себя как убитый. У дорогой Аликс опять заболели ноги! Вечером исповедался»⁹. С этого момента начинаются постоянные панихиды и подготовка к похоронам.

В тот же день появился манифест¹⁰ «О восшествии Его Императорского Величества Государя Императора Николая Александровича на Прародительский Престол Российской Империи и неразделенных с нею Царства Польского и Великого Княжества Финляндского»¹¹. После похорон Александра III была издана серия публикаций на тему «Праведная кончина Царя миротворца и погребение его»¹².

На следующий день после смерти императора, 21 октября, принцесса Аликс-Виктория-Елена-Бригитта-Луиза-Беатриса Гессенская и Рейнская приняла православие через миропомазание и титул великой княжны Александры Федоровны. Согласно сложившейся традиции выбор православного имени определяли заранее. Ее главное имя Аликс было трансформировано в Александру, а по первому имени ее отца, которого звали Фридрих-Вильгельм-Людвиг¹³, появилось и отчество. Имени Фридрих соответствует русское имя Федор, следовательно, отчество должно было звучать как Федоровна. Широко и, увы, безосновательно распространена версия о соответствии отчеств представительниц

⁹ Дневники Николая II... С. 123.

¹⁰ Опубликовано 21 октября 1894.

¹¹ Полное собрание законов российской империи: Собр. 3-е: 1881–1913. Том 14. СПб., 1894. № 11014. С. 714.

¹² Праведная кончина Царя миротворца и погребение его. СПб.: типография Сойкина, 1894; Алексеев Г.Ф. Кончина великого миротворца Русского Царя Императора Александра III. Казань: Типография В.М. Ключникова, 1894; Корольков К.Н. Жизнь и царствование императора Александра III (1881–1894). Киев, 1901; У-вич Д.И. На память русскому народу о праведной кончине царя-миротворца – Александра III. М., 1894; Царевский А.А. Блаженной памяти царя-миротворца [Александра III]. Казань: типо-лит. Имп. ун-та, 1894; Алексеевский А.И. Памяти императора всероссийского Александра III. СПб.: тип. В. Киришбаума, 1895 и др.

¹³ Правил под именем Людвига IV – великого герцога Гессенского.

императорской семьи, принимавших православие, Феодоровской иконе Божьей Матери, что абсолютно неверно. Из дневника Николая II: «21-го октября. Пятница. И в глубокой печали Господь дает нам тихую и светлую радость: в 10 час. в присутствии только семейства моя милая дорогая Аликс была миропомазана, и после обедни мы причастились вместе с нею, дорогой Мама и Эллой. Аликс поразительно хорошо и внятно прочла свои ответы и молитвы!»¹⁴ Обряд проводил в Крестовоздвиженской церкви Ливадийского дворца отец Иоанн Кронштадтский. Обсуждалась и возможность проведения бракосочетания Николая II и Александры Федоровны в Ливадии, но т.к. императорская свадьба – это дело государственной важности, от скромной церемонии в Крыму решили отказаться.

22 октября проводилось вскрытие и бальзамирование тела усопшего. Акт о вскрытии подписали: заслуженный ординарный профессор патологической анатомии Императорского Московского университета, действительный статский советник И.Ф. Клейн, заслуженный ординарный профессор нормальной анатомии Императорского Московского университета, действительный статский советник Д.Н. Зернов, ординарный профессор нормальной анатомии Императорского Харьковского университета, статский советник М.А. Попов, прозектор Императорского Московского университета, коллежский советник Н.В. Алтухов, прозектор Императорского Харьковского университета, надворный советник А.К. Белоусов, министр императорского двора, граф И.И. Воронцов-Дашков. По результатам вскрытия врачи сделали вывод о том, что император скончался от паралича сердца при перерождении мышц гипертрофированного сердца и интерстициального нефрита (зернистой атрофии почек)¹⁵. Изучавший материалы дела современный исследователь, доктор медицинских наук, профессор Ю.А. Молин считает, что основным диагнозом можно считать хронический гломерулонефрит, ишемическую болезнь сердца, острую левостороннюю инфаркт-пневмонию. В конце XIX века положительного прогноза при таком наборе заболеваний сделать было невозможно, т.к. отсутствовали эффективные средства борьбы с данными недугами¹⁶. Специалисты, проводившие бальзамирование тела, по достоинству оценили новое бальзамирующее

¹⁴ Дневники Николая II... С. 124.

¹⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 46. Д. 3. 1894. Л. 32.

¹⁶ См.: Молин Ю.А. Романовы. Путь на Голгофу. Взгляд судебно-медицинского эксперта. СПб.: Сударья, 2002.

средство – формалин, открытый Ф. Блюмом в 1893 году. Как это часто бывает, смерть сорокадевятiletнего здорового монарха породила многие слухи. Правда, Николай II заметил, что тело его отца сильно изменилось после «бальзамировки», и, как видно, не в лучшую сторону¹⁷.

Когда скорбная весть разнеслась по стране, «народ как бы окаменел... Некоторые падали на колени...»¹⁸. Несметные толпы народа наполняли церкви. «Молились люди всех вер: православные, католики, лютеране, евреи, магометане. Молились везде, во всех храмах, часовнях, присутственных местах, в казармах, в школах, в богадельнях, в конторах...»¹⁹ Горе соотечественников поддерживали народы других стран.

Согласно сложившейся традиции с лица покойного была снята посмертная маска, периодически производилось фотографирование тела. Придворный художник Михай Зичи, находившийся рядом с царской семьей, оставил свою летопись событий 1894 года. Кончине и погребению императора посвящена его серия «Смерть Александра III в Ливадии», включающая 11 акварелей и рисунков и датированная 1895 годом.

Император скончался не в столице, следовательно, предполагались меры по обеспечению доставки тела с соблюдением всех необходимых условий ритуала к месту захоронения в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга. Прецеденты перевозки тел членов императорской семьи (императора Александра I, императрицы Елизаветы Алексеевны, цесаревича Николая Александровича) облегчили задачу Печальной комиссии. Официальная процедура, связанная с похоронами Александра III, включала в себя несколько церемониалов, в частности, необходимо было доставить в Крым необходимые для ритуала предметы. 23 октября из Петербурга в Симферополь прибыли с курьерским поездом императорская золотая корона и боевая шашка, был перегружен на пароход дубовый гроб почившего монарха²⁰.

Море штормило, переезд в столицу откладывался. 25 октября тело, покрытое шинелью, еще покоилось в комнате на походной кровати, охраняемой членами семьи. Вечером 25 октября останки Александра III были уложены в

¹⁷ Дневники Николая II... С. 124.

¹⁸ Алексеев Г.Ф. Указ. соч. С. 18.

¹⁹ Там же.

²⁰ Памяти императора Александра III. М., 1894. С. 29.

гроб, укрыты порфирой, вынесены из дворца Николаем II и великими князьями и переданы конвойным казакам. Был темный осенний вечер, шествие освещал только свет зажженных факелов и свечей. Похоронная процессия, в которой казаки-конвойцы несли носилки, на которых стоял гроб, а по бокам следовали дворцовые гренадеры в медвежьих шапках, двигалась к Вознесенской ливадийской церкви²¹. На крышке гроба лежала погребальная корона. Траурный колокольный перезвон соединился с пением гимна «Коль славен». За гробом шла теперь уже вдовствующая императрица Мария Федоровна, принцесса Уэльская, высоконазначенная невеста нового императора, Николай II в полковничьем мундире Преображенского полка, члены семьи, иностранные принцы и члены родственных правящих дворов. В публике раздавались рыдания. При подходе к храму император и великие князья подняли гроб и перенесли его на катафалк в Вознесенской церкви. Встречал процессию епископ Таврический Мартириан. В храме рядом стали члены семьи, И.И. Воронцов-Дашков, придворные дамы, генералы. Епископ подал свечу императору, но Николай передал ее матери. Гроб был открыт. Началась панихида, после которой семья преклонила колени и покинула храм. В церковь были допущены желающие проститься с императором. Стоял караул, народ шел всю ночь, было принесено много венков.

27 октября проходило прощание с императором Ливадии и Ялты. Гроб на руках конвоя был перенесен к молу и установлен на палубе крейсера «Память Меркурия». Дневник Николая II: «27-го октября. Четверг. К счастью, погода была хорошая, и море спокойное. В 8 ½ покинули наш дом, который теперь так горестно осиротел, и поехали в церковь. Там кончалась обедня. Вынесли гроб и передали его казакам, которые, чередуясь со стрелками и гребцами с катера Его Вел., донесли его до пристани в Ялте. Мама и все мы провожали гроб пешком. После литии перешли на «Память Меркурия», где гроб был поставлен на шканцах [шканцах – М.Л.] под тентом из Андреевского флага. Полное дежурство стояло вокруг. Чудная, красивая, но грустная картина... «12 Апостолов» и «Орел» шли за нами. Вся эскадра стояла выстроенная в одну линию...»²².

²¹ Вознесенская (или Кладбищенская, т.к. рядом находилось старое Ливадийское кладбище) церковь в Ливадии построена в 1872–1876 гг. в византийском стиле по проекту арх. А.Г. Венсана. Разрушена землетрясением 1927 года.

²² Дневники Николая II... С. 125.

Крейсер «Память Меркурия» доставил тело в Севастополь, где военные суда Черноморского флота встретили «Память Меркурия» пушечным салютом. «Со спущенными флагами, скрещенными и печально поникшими мачтами стояли грозные суда Черноморского флота, возрожденного державной волею почившего царя. Масса горожан усыпала берег и густою толпою стояла на пристани» – так описывал события современник²³.

Из Севастополя траурный поезд отправился в Санкт-Петербург. Высочайшие особы следовали за ним в другом поезде. Порядок отправления поездов сам по себе был определенным ритуалом: первым в путь отправился состав с покойным императором, но первым прибыть в пункт назначения должен был поезд с императором здравствующим. Поэтому на станции Инкерман траурный поезд был остановлен, пропустил вперед поезд с новым императором и далее до станции Царицыно Московско-Курской дороги Николаевский поезд шел впереди²⁴. Пересадки с поезда на поезд продолжались и в дальнейшем. По пути следования поезда делали остановки в крупных городах: Симферополе, Харькове, Курске, Орле и Туле, а также на небольшой станции Спасов Скит, в Борках, запомнившихся страшным крушением, на станциях Павлоград, Марино, Поньры и Мценск²⁵. Везде, где останавливались поезда, проходили панихиды, толпы народа и депутаты от различных учреждений собирались для их встречи. На станции Царицыно высочайшие особы пересели из Николаевского императорского поезда в вагон-салон траурного и в этом поезде прибыли в 10 утра 30 октября 1894 года к павильону на Каланчевской площади в Москве²⁶.

В древней столице, одетой в траур, гроб с останками царя-мироотворца члены императорской семьи перенесли на колесницу, проследовавшую в Архангельский собор Московского Кремля – старую усыпальницу мужчин-представителей правящей семьи. Открытый гроб стоял на специально подготовленном помосте под балдахин в виде шатра с шапкой Мономаха. Регалии: государственный щит и меч, государственное знамя, короны: Большая импе-

²³ Алексеев Г.Ф. Указ. соч. С. 27.

²⁴ Кончаков Р.Б. Александр III: последний маршрут императора // Родина. 2013. № 8. С. 84–86.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

раторская, Казанская, Астраханская, Сибирская, Таврическая, Польская и Грузинская, скипетр и держава – были положены на табуреты рядом с гробом. В ногах гроба на тринадцати табуретах с подушками располагались ордена усопшего монарха. В определенные часы в собор допускались лица всякого звания для поклонения. Все театры и увеселительные заведения в городе были закрыты²⁷. Затем также церемониально гроб был возвращен в печальный поезд, который последовал в Санкт-Петербург.

1 ноября согласно «Высочайше утвержденному церемониалу перенесения тела в Бозе почившего благочестивейшего государя императора Александра III»²⁸ поезд прибыл на станцию Николаевской железной дороги (ныне Московский вокзал). При похоронах Александра III были задействованы все элементы государственного церемониала, используемые и ранее. Но было нечто такое, что на эмоциональном уровне выделило это погребение из ряда подобных. По свидетельствам очевидцев, никогда еще столица не облакалась в такой глубокий траур: повсюду висели черные и черные с белым флаги, темные материи покрывали фонари, стены и колонны зданий, во многих местах были воздвигнуты траурные арки. К этому следует добавить черную одежду горожан, туман, лед, уже шедший по Неве. Солнце ни разу не показалось в этот день. Создавалось почти фантастическое зрелище вселенской печали. В книжных магазинах были выставлены портреты императора Александра III в траурных рамках, которые пользовались большим спросом. О дне похорон сообщали герольды.

На Знаменской площади гроб с телом императора был возложен на печальную колесницу, стоявшую на том месте, где впоследствии установили памятник Александру III работы Паоло Трубецкого. Маршрут следования процессии проходил от станции Николаевской железной дороги по Невскому и Адмиралтейскому проспектам, мимо собора Св. Исаакия Далматского, по Сенатской площади, Английской набережной, через Николаевский мост, по Университетской набережной, через Мытнинский мост, по Зоологическому переулку, Александровскому проспекту, через Александровский парк, через

²⁷ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 875. Высочайше утвержденный церемониал встречи в Москве по пути следования в Санкт-Петербург и перенесения в Архангельский собор тела в бозе почившего благочестивейшего государя императора Александра III. Л. 148–153 (об.)

²⁸ Там же. Л. 154–165.

Петровские ворота в Петропавловский собор. Траурное шествие заняло весь Невский проспект: когда конец процессии выступал с площади у Николаевского вокзала, первые ряды подходили к Сенатской площади. По пути следования перед церковью Знамения Божьей Матери, перед Аничковым дворцом, перед Казанским и Исаакиевским соборами совершались литии. Шествие от вокзала до крепости заняло четыре часа.

Все участники шествия были разбиты на 13 отделений и 136 групп. Во главе каждого отделения шествовал церемонимейстер двора верхом с шарфом из черного и белого крепа через плечо, группы сопровождали маршалы. В последний раз в императорских похоронах проследовали два латника, один в позолоченных латах, на лошади, с богатым чепраком и обнаженным мечом, и пеший латник в черных латах, с обнаженным и опущенным вниз мечом с эфесом, обитым черным флером. Эти латники символизировали начало и конец, одного называли «печальным рыцарем усопшего императора», другого – «радостным» нового правителя, ибо старый монархический принцип гласит: «Король умер! Да здравствует король!» Эту театрализованную группу сопровождало печальное знамя из черной тафты и лошадь, вся покрытая черной попоной. В шествии принимали участие делегации от разных сословий: крестьянского, мещанского, купечества, городской голова с членами городской управы, гласные думы и секретари, представители земских учреждений, губернских и уездных управ, дворянства, петербургский и прочие губернские и уездные предводители дворянства, представители судебных учреждений и чины означенных учреждений, санкт-петербургские губернатор, вице-губернатор, прочие губернаторы и вице-губернаторы и чины административных губернских учреждений. В процессии были представлены организации, учрежденные во время прошедшего царствования: Комитет для разбора и призрения нищих и Дом призрения душевнобольных. Шли делегации от организаций благотворительных и находившихся под высочайшим покровительством: Российского Красного Креста, Православного Палестинского общества, Садоводства, Русского Музыкального, Минералогического общества, Общества любителей древней письменности, Поощрения художеств, Исторического, Географического, Археологического, Вольного экономического обществ, Общества спасения на водах, Человеколюбивого общества, Ведомства учреждений Императрицы Марии с воспитанниками. Государственные учреждения представляли делегации от Сената, Синода, министерств: юстиции, путей

сообщения, финансов с воспитанниками, управлений уделов, Государственного контроля; канцелярий: министра статс-секретаря Великого Княжества Финляндского, Государственной, Комитета министров, Собственной его величества по учреждениям императрицы Марии, Собственной его величества, Прошений, на высочайшее имя. В этой группе следовали государственный секретарь, министры, члены государственного совета. Эскадрон Лейб-гвардии Кирасирского его величества полка сопровождал четырех полковников с четырьмя опущенными вниз Государственными мечами. 57 иностранных и 15 русских орденов и знаков отличия государя несли на газетовых золотых подушках²⁹. Были представлены медали Александра III: сербская, черногорская, румынский крест в память перехода через Дунай в 1877 году, турецкая серебряная, вюртембергская золотая, прусский золотой вензель. Традиционно подбор российских орденов включал в себя (по восхождению значимости): св. Станислава 1 ст., св. Анны 1 ст., Белого Орла, св. Александра Невского, св. Владимира 1 ст., св. Андрея Первозванного. Особое внимание уделялось ордену св. великомученика Георгия, так как получение этого ордена обычно не связано было с высоким положением монарха. При похоронах Александра III был задействован орден св. Георгия 2 ст., полученный цесаревичем Александром Александровичем «...за блистательное выполнение трудной задачи удержания в течение 5 месяцев превосходящих сил неприятеля от прорыва избранных нами на реке Ломе позиций и за отбитие 30 ноября 1877 года атаки на Мечку» во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов, в которой он принимал непосредственное участие, командуя Русшукским отрядом. За боевые заслуги в этой войне будущий император был награжден и «светло-бронзовой медалью в память 1877–1878 гг.», которая также была задействована в траурных мероприятиях. На золотых газетовых подушках несли и государственные регалии: скипетр, державу, короны: Большую Императорскую и те, которые принимали участие только в одном государственном церемониале – похоронах русских монархов: Казанскую, Астраханскую, Сибирскую, Таврическую, Польскую и Грузинскую³⁰. Финляндская корона была представлена рисунками. По обе стороны процессии, начиная от регалий до императорской фамилии, шпалерами был выстроен батальон Павловского военного училища, охранявший эту часть шествия.

²⁹ Праведная кончина Царя миротворца и погребение его. СПб., 1894. С. 16.

³⁰ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 875. Л. 162, 162 (об.).

Группу духовных лиц открывали певчие Александро-Невской лавры и Исаакиевского собора; за ними следовала вся духовная процессия с подобающим великолепием и зажженными свечами в руках: придворные певчие, придворные протодиаконы, придворные священники с двумя иконами. Духовник императора протопресвитер Иоанн Янышев с иконою предварял колесницу с гробом. По традиции в императорскую Печальную колесницу было запряжено восемь лошадей, а по сторонам ее шли шестьдесят пажей с факелами. Следовавший за Печальной колесницей Николай II, сопровождаемый министром императорского двора, военным министром и командующим императорской главной квартирой открывал огромную группу родственников и приближенных.

Как всегда, начало шествия возвещали пушечные выстрелы из орудий Петропавловской крепости. Все время шествия до установки гроба с телом усопшего монарха на катафалк в Петропавловском соборе звонили колокола всех церквей города, каждую минуту звучал пушечный выстрел со стен Санкт-Петербургской (Петропавловской) крепости, на Флашточной башне Нарышкина бастиона развевался траурный черный флаг, который оставался до погребения тела государя. В Петропавловском соборе пол, стены и окна были декорированы черным сукном. Множество серебряных государственных гербов украшало окна и двери. В центре собора стоял помост с катафалком, обитым красным сукном с золотым позументом. Над ним, между колоннами, помещалась императорская мантия из серебряной парчи, подбитая горностаем. Концы мантии были прикреплены к колоннам. Сверху мантии находилась корона в виде шапки Мономаха огромного размера, над которой располагалась императорская корона, символизовавшая преемственность императоров российских от царей. Гербы губерний Российской империи дополняли композицию. Вплоть до погребения в собор опускались лица, желавшие проститься с усопшим императором согласно расписанию, принятому в подобных случаях.

7 ноября в день погребения в Петропавловский собор собрались члены семьи и приглашенные персоны, как российские, так и иностранные. На последних торжественных императорских похоронах в Российской империи присутствовали: король датский Христиан IX, король и королева эллинов, король сербский, князь черногорский, члены правящих домов, дипломатический корпус, представители от армии, купечества, городской голова и т.д.

При отпевании и последнем прощании с телом первой прощалась императрица, потом новый царь, затем фамилия. Генералы свиты несли покров

с гроба в алтарь, государь клал порфиру в гроб, гроб опускали в могилу, усыпанную розами, дворцовые гренадеры. После траурного салюта, пения «Вечной памяти», императорская семья покинула собор, служба закончилась. Императорские регалии отвезли в Бриллиантовую комнату, личное оружие в Оружейную палату, российские ордена передали на хранение в арсенал, иностранные ордена вернули выдавшим их иностранным дворам.

Император Александр III был похоронен в северном нефе Петропавловского собора рядом со своими родителями – императором Александром II и любимой матерью, императрицей Марией Александровной, и своим старшим братом, цесаревичем Николаем Александровичем, в связи с ранней смертью которого ему пришлось взять на свои плечи тяжкий груз управления государством. Погребение императора Александра III завершило эру торжественных похорон российских императоров.

Загадки Думской башни

Думская башня, стоящая на своем гранитном крыльце, в ажурной короне и пурпуре – кто будет утверждать, что не любовался ею? Сегодня она – узнаваемый символ места, если не города, несомненный атрибут Невского проспекта, бесспорный памятник архитектуры и объект культурного наследия, на защиту которого, если потребуется, встанет каждый петербуржец (в сущности, ничего о ней не зная). Если ее не будет, то, по меткому выражению В. Курбатова, вполне уместному в данном контексте, «еще одно характерное место Петербурга потеряет свою физиономию»¹.

Парадоксально, но доминанта, занимающая столь видное место в структуре старого города сегодня – один из самых незаметных и мало понятных архитектурных объектов, как для обывателей, так и для специалистов. В лучшем случае известный символ с неясным значением. И, видимо, секрет ее шарма заключается в том, что мало у какого зрителя, спешащего по Невскому, возникает идея «проверить алгеброй гармонию» ее.

Не будет преувеличением сказать, что у исследователей в области архитектуры за 200 лет существования столь заметного сооружения интереса к нему практически не было. Все, что накоплено по этому вопросу высказано в статье архитектора, реставратора и краеведа М.Н. Микишатъева «Думы о думе», где прослеживается петербургская архитектурная традиция и Невская башня показана в качестве важного звена в развитии столичного стиля. Н. Микишатъев отмечает, что Константин Тон «связал облик вокзала [на Знаменской площади] с традицией петербургской классики», а прорисовка вокзальной башни «явно перекликается с композицией каланчи городской Думы, расположенной на Невском». Далее он продолжает свою мысль: «...а она, в свою очередь, донося до нас несомненные отголоски итальянского Ренессанса, развивает ярусную систему Петропавловской колокольни»². Подобная точка зрения литературно

¹ Курбатов В.Я. О перестройке Чернышева и других Петербургских мостов // Зодчий №30. 29 Июля 1907. С. 313.

² Авторитет: архитектор Микишатъев М. Думы о Думе // Адреса Петербурга №17/29, 2005 // http://www.adresaspb.ru/arch/adresa_17/17_010/17_10.htm (Дата обращения: 10.08.2016)

весьма привлекательна, но и, очевидно, поверхностно-формальна, а при ближайшем рассмотрении вовсе не выдерживает критики (Ил. 1). Ощущаемая стилистическая преемственность между Думским комплексом и зданием вокзала как раз обратная – это здание Думы напоминает видом фасад вокзала, т.к. Николаевский вокзал построен в 1844–1851 годах, а реконструкция здания Думы проведена чуть позже – в 1847–1852 годах. Что до связи между колокольней Петропавловского собора, вокзальной башней и Думской каланчой, она такая же, как между всеми ярусными строениями. Сам М.Н. Микишатев, противореча себе, относит Думскую башню за своеобразный облик к числу «странных» произведений архитектуры. С этих позиций и берет начало данная работа.

Башня ратгауза³. Выбор архитектора

На основании «Устава столичного города С.-Петербурга» от 12 сентября 1798 года Общая городская дума была заменена Санкт-Петербургским городским правлением – Ратгаузом (в феврале 1802 года Общая Городская Дума восстановлена). Гласный Санкт-Петербургской Думы П. Пантелеев в своей книге пишет: *«Камеральное (хозяйственное) отделение ратгауза по этому случаю получило в январе 1799 года следующее предписание С.-Петербургского военного губернатора барона фон-дер-Палена:*

«Государь Император <...> Высочайше соизволяет, чтобы вместо постройки от граждан для ратгауза здания, соответствующего великолепию столицы, обращен был на сей предмет состоящий против Гостиного двора общественный дом со всеми его принадлежностями, ныне ратгаузом занимаемый, всемилостивейше позволяя постройку одного и сооружение приличной на сем здании башни <...>, располагая фасад здания вдоль по линии против Гостиного двора и продолжив оный до Серебряного ряда. Строению башни быть на углу, выходящем на Невскую перспективу, <...> Планы же, фасады и сметы сему зданию предписать Конторе городских строений, сочинить и представить ко мне для всеподданнейшего поднесения Его Императорскому Величеству на Высочайшее утверждение»⁴.

³ Известные названия башни: Городская, Градская (перв. пол. XIX в.), Ратгауза, Магистрата (1800-е гг.), Телеграфная (сер. XIX в.), Думская (сер. XIX – XX в.), Невская (А. Блок, 1918), Думская каланча (кон. XIX – нач. XX в.)

⁴ Пантелеев П.Ф. Прошлое дома СПб. Городской думы и соседних с ним строений. СПб.: Типография бр. Пантелеевых, 1902. С. 3–4.

Губернаторское предписание как будто предполагает подготовку чертежей силами архитекторов Конторы городских строений. Также нет данных об архитектурном конкурсе, аналогичного проведенному в том же году на проект Казанского собора. В то же время в ряде источников, касающихся истории Думского комплекса, упоминаются два архитектора в том контексте, что Джакомо Кваренги перепоручает проект Джакомо Феррари и/или дал тому соответствующие рекомендации⁵. Так возникают три вопроса: **как при выборе архитектора возникает персона Кваренги, при каких обстоятельствах его кандидатура отвергается, почему одобрен Феррари?**

Действительно, не очень ясна ситуация с причинами, согласно которым выбор архитектора для этого претенциозного проекта будто бы выпадал на Кваренги. Трудно судить, насколько убедительным может быть предположение, что его Серебряные ряды задавали тон архитектуре этой части квартала. С проекта Серебряных рядов (1784) до постройки Перинных рядов (1798) Кваренги почти полностью обстраивает Думскую улицу (кроме Гостиного двора, 1785), включая Малый Гостиный двор (1790), сюда же уместно добавить и Ассигнационный банк (1783–1790). Сохранились проекты Кваренги, датированные 1790-м годом, наличие которых указывает на то, что работы на этом участке отдаются ему, а также что вопрос о перестройке ратуши на Думской улице поднимался еще при Екатерине II⁶, но по какой-то причине не был доведен до воплощения. Так гипотеза о том, что, ввиду преобладания в застройке Думской улицы зданий работы Кваренги, ответственность за ансамбль улицы возлагалась именно на него выглядит вполне жизнеспособной.

Учеников Кваренги не имел, однако у него были помощники, которых он привлекал к своим проектам. В конце XVIII века Кваренги получает возможность подбирать высококвалифицированных итальянских специалистов, которые, по его выражению, «должны быть не только хорошими мастерами своего дела, но и иметь примерное поведение»⁷. Он приглашает десятки художников, среди которых каменных дел мастера, резчики по дереву, скульпторы, позо-

⁵ Невский проспект, 33. Кто владеет Невским проспектом. Деловой Петербург // <http://nevsky.dp.ru/house/33> (Дата обращения: 10.08.2016)

⁶ Пилявский В.И. Джакомо Кваренги. Архитектор, художник. Л.: Стройиздат. 1981 // http://nastyha.ru/torgovye_i_finansovye_sooruzheniya.html (Дата обращения: 10.08.2016)

⁷ Там же.

лотчики, мастера по искусственному мрамору и художники-декораторы. Так в 1790-х годах «живописцем» Кваренги приглашает Д. Феррари, тот выполняет росписи интерьеров Александровского дворца в Царском Селе. «Каменных дел мастером» в помощниках у него состоит с 1780-х годов Л. Руска, первым крупным заданием которого был надзор за строительством церкви Казанской Божией матери на Казанском кладбище в Царском Селе (по проекту Кваренги, 1785–1790). Луиджи Руска, весьма одаренный архитектор своего времени, был высоко оценен императрицей и Кабинетом⁸. Мы видим, что Кваренги не получает заказ на Ратгауз, но кандидат явно выбирается из его «команды». По этой причине, надо полагать, его протеже – Феррари – призывается в качестве архитектора Ратгауза, и именно поэтому другой его протеже – Л. Руска – создает портик Перинных рядов. Здесь привлекает внимание необычный выбор «известного живописца» Феррари в качестве архитектора Ратгауза.

Есть большая доля вероятности в том, что причиной «замены» архитектора могли быть конфликтные ситуации придворно-бюрократического толка, которые, очевидно, имели место в периоды перемены власти, какими были воцарение Павла I (а также Александра I). Так, известно прошение неизвестного архитектора, датированное 1801 годом, автором которого О. Барабанова называет Кваренги⁹, где, в частности, написано: «...я уволен, и без всякого внимания по отношению к утвержденным пунктам моего Контракта меня полностью отринули, без всяких объяснений. Не зная, почему меня постиг такой ужасный удар, я припал к стопам Августейшего Трона Императора Павла I, да будет славной память о нем, который не одобрил несправедливость этого **поступка Кабинета**, и указом от 24 апреля 1797 года, копию которого я здесь прилагаю, он соизволил приказать князю Куракину, генеральному прокурору, восстановить меня в правах и возместить мне мои потери»¹⁰.

Кабинет, принимавший во внимание недостатки архитектора, каковыми в глазах Павла были воплощенные архитектурные проекты для Екатерины II

⁸ Моня В. Ропша. СПб., 2007 // http://www.ropshapalace.info/publ/knigi/viktor_monja_ropsha/luidzhi_ruska/10-1-0-103 (Дата обращения: 10.08.2016)

⁹ Барабанова О.А. Джакомо Кваренги и Клод-Николя Леду // <http://www.km.ru/referats/9610846F009045C99EC0CA0D7A17DFD6> (Дата обращения: 10.08.2016)

¹⁰ Пршение неизвестного архитектора Александру I о назначении ему пенсии или предоставлении возможности работать по специальности, черновик на фр. яз. (РГАДА. Ф. 1261. Оп. 4. Л. 121).

и особенно ее покровительство, явно переусердствовал. И если карьера Руска в правление Александра резко пошла вверх, то можно сказать, что тяжелый период Кваренги тянулся до сентября 1805 года, когда на чрезвычайном собрании Академии он, наконец, был избран почетным членом¹¹.

В заключение разговора о Кваренги отметим, что остаются крайне любопытными его роль в истории с проектированием и постройкой Ратгауза с башней, а также его мнение, если таковое было высказано и дошло до нас, относительно творения его протеже.

Срок строительства

Итак, заказ попадает к Феррари, в этот период он либо числился архитектором при Конторе городских строений (?), либо был привлечен ею. Выбор в пользу неизвестного в качестве архитектора мастера может говорить и в пользу руководящих в вопросе строительных смет финансовых соображений, ведь заказ исполняется за счет казны. Известный нам период творчества Феррари-архитектора приблизительно укладывается в рамки трехлетнего¹² контракта, системы найма, практикуемой в то время – его работа начинается в 1799 году и по сроку контракта должна заканчиваться в 1802 году. Во всех современных источниках публикуется дата постройки комплекса – 1804 год.

По сведениям П. Пантелеева, которые он приводит в своей книге, работы были закончены раньше: «В 1801 году новое здание ратгауза было готово. Фасад его выходил на сравнительно широкую (в 15 сажен) Гостиную улицу, по другой стороне которой находился Большой Гостинный двор»¹³.

Конечно, расхождение дат можно понять как поэтапную сдачу по каким-то причинам затянувшегося проекта: первостепенной задачей было начать работу Ратгауза, а башню, о которой Пантелеев, кстати, не упомянул, достроили позднее. Однако есть причины, чтобы ставить под сомнение столь длительный срок строительства комплекса Ратгауза (1799–1804), который по своей сложности не идет ни в какое сравнение с Михайловским замком, строившимся четыре года (1797–1801).

¹¹ <http://kultura32.ru/okhrana-kultury/vydayushchiesya-arkhitektory/kvarengi-dzhakomo-1744-1817.html> (Дата обращения: 10.08.2016)

¹² Белявская В.Ф. Росписи русского классицизма. Л.; М.: Искусство, 1940. С. 14.

¹³ Пантелеев П.Ф. Указ. соч. С. 6.

Кроме того, мы знаем, что в 1802–1803 гг. Феррари был привлечен к работам на проекте Л. Руска, он участвовал в росписях Таврического дворца¹⁴, а после дворца Константина Павловича в Стрельне¹⁵ уже не имел времени заниматься Ратгаузом (на тот момент уже называемым Городской Думой) в период 1802–1804 годов, что косвенно подтверждает завершение постройки в 1801 – начале 1802 года.

Генрих Раймерс [Heinrich Christoph Reimers, 1768–1812] в своей книге о Санкт-Петербурге, изданной в 1805 году, указывает определенно, что «строительство ее [башни] завершилось уже при нынешнем Императоре [Александр I] в 1802 году»¹⁶.

Если же вернуться к предположению, что Феррари по какой-то причине числился архитектором Конторы городских строений, то завершить в ней работу он мог в связи с расформированием в 1802 году Комиссии о снабжении резиденции припасами (орган управления Санкт-Петербурга, учрежденный Павлом I взамен Общей и Шестигласной городских дум), вместе с размещенной в ее ведении Конторой городских строений¹⁷. Так или иначе, но в 1801, самое позднее в 1802 году Феррари завершает свою карьеру архитектора.

Начиная с книги Раймерса из путеводителя в путеводитель на протяжении всего XIX века и до середины XX века дублируется дата постройки Думского комплекса – 1802 год (крайне редко – 1801 год¹⁸); так она попадает в охранное Постановление Совмина РСФСР от 30.08.1960 №1327¹⁹. Но в 1968 году коллектив авторов²⁰ останавливается на дате окончания строительства –

¹⁴ Белявская В.Ф. Указ. соч. С. 38.

¹⁵ Там же. С. 40.

¹⁶ Reimers, Heinrich Christoph, von. St. Petersburg am Ende seines Ersten Jahrhunderts: mit Rückblicken auf Entstehung und Wachstum dieser Residenz unter den verschiedenen Regierungen während dieses Zeitraums. St.Petersburg; Penig, 1805. T. 2. S. 169. (Пер. с нем.: Козлова А., Никишин-Голандский В.А.)

¹⁷ Комитет по градостроительству и архитектуре. Три века истории. СПб.: Петроцентр, 2006 // <http://zimnyi1970.livejournal.com/41940.html> (Дата обращения: 10.08.2016)

¹⁸ Рубанчик Я.О. Невский проспект. Л.: Искусство, 1944. С. 21 (видимо, под влиянием книги П. Пантелеева).

¹⁹ Информационно-справочная онлайн-система Технорма.RU // http://tehnorma.ru/doc_ussrperiod/textussr/usr_5584.htm (дата обращения: 10.08.2016).

²⁰ Петров А.Н., Борисова Е.А., Науменко А.П., Повелихина А.В. Памятники архитектуры Ленинграда. Л.: Стройиздат, 1968. // <http://www.piterposeti.ru/article/read/id102#page0> (Дата обращения: 10.08.2016).

1804 год, и уже в дальнейших публикациях и документах до сего дня эта дата по каким-то причинам стала общепринятой и под сомнение не ставится.

Джакомо Феррари (Giacomo Ferrari, 1746–1807)

Обстоятельства появления Джакомо Феррари в проекте Ратгауза пока не ясны, а персона Феррари-архитектора и вовсе загадочна²¹.

Данные о Феррари введены в научный оборот В. Белявской в 1940 году, когда вышла в свет ее книга «Росписи русского классицизма». Благодаря ей он стал известен, но в качестве «известного» живописца. Об архитектурном опыте исследователь упоминает вскользь²². При этом Белявская приводит в качестве одного из основных источников работу Генриха Раймерса, что свидетельствует об отсутствии на тот момент каких-либо исследований и, как следствие, научного интереса к персоне Феррари и к его проектам. Сведения, данные Белявской, на данный момент остаются наиболее полными²³.

В процессе подготовки данной работы возникли две версии относительно участия Феррари в проектировании Думской башни. Первая касается причины выбора Феррари архитектором Ратгауза. Вторая, отчасти вытекающая из первой, заключается в том, что Феррари не работал архитектором в России, исключительно специализируясь в области оформления интерьера, а именно живописи, но мог, однако, в силу данного ему образования и статуса профессора архитектуры, исполнять работу руководителя и производителя строительных и отделочных работ. Версии спорны, требуют изучения и предлагаются отдельным разделом, как отходящие от общепринятой точки зрения.

Есть источники, указывающие, что «архитектор Феррари курировал возведение Серебряных рядов на Невском проспекте» (1784–1786, арх. Д. Кваренги)²⁴. При скудности материалов по данному вопросу следует отнестись со вниманием к любой мелочи. Привлечение лица, которое осуществляло бы надзор за исполнением проекта и выполняло функцию администратора, было естественным в практике организации строительства. Феррари мог таким образом помогать архитектору проекта. И возможность помогать Кваренги

²¹ Белявская В.Ф. Указ. соч. С. 4.

²² Там же. С. 110.

²³ Там же. С. 109–110.

²⁴ Gpedia. Здание городской думы // [http://www.gpedia.com/ru/gpedia/Здание_городской_думы_\(Санкт-Петербург\)](http://www.gpedia.com/ru/gpedia/Здание_городской_думы_(Санкт-Петербург)) (Дата обращения: 10.08.2016).

у него была, при условии, что дата его приезда в Россию не общепринятая сегодня – 22.07.1795 год (Именной указ «о назначении выписанному из Италии через архитектора Кваренги живописцу Феррари с ходатайством Кваренги жалования...»²⁵), а 1783 год, указанная в историческом сборнике, издаваемом при Обществе ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III «Старина и новизна»²⁶, верна. *Основываясь на приведенной в этом сборнике дате и на дате именного указа, можно с большой долей вероятности утверждать, что Феррари, выполнив какие-то работы в России, возвращался на родину, а затем был приглашен вновь.* В случае, если предположение о его работе в Серебряных рядах оказалось верным, мы получили бы достаточные основания для оправдания его участия в последующей работе по возведению Ратгауза и башни.

Что касается кураторской работы, возможно, тут вопрос неверной и излишне свободной трактовки некоторых источников²⁷. Среди сведений, позволяющих усомниться в авторстве Феррари, в книге «Памятники архитектуры Ленинграда» находим любопытный фрагмент: *«Строительные работы начались осенью 1799 года под наблюдением архитектора Д. Феррари и закончились в 1804 году»*²⁸. Феррари здесь не назван автором проекта, он как будто курирует постройку, не более. Трактовать в этом духе можно и слова Белявской *«...Феррари приписывают постройку...»*²⁹. Трудно сказать, можно ли, на основании этих косвенных свидетельств, строить догадки о подготовке проекта башни по какой-то причине не названным архитектором Конторы и о том, что Феррари доверяют исключительно надзор и ведение строительства.

Общепринятое мнение основывается на дате именного указа и сводится к тому, что Феррари приезжает почти через десять лет после постройки Серебряных рядов. Его карьера на поприще архитектуры в России начинается в 1799 году и завершается в 1802 году (см. выше), за это время он выполня-

²⁵ Белявская В.Ф. Указ. соч. С. 110.

²⁶ Старина и новизна. 1911. Кн. 14. С. 161.

²⁷ Сонина Е. Здание/Думская башня. Адреса Петербурга №17/29 // http://www.adresaspb.ru/arch/adresa_17/17_009/17_09.htm (Дата обращения: 10.08.2016).

²⁸ Петров А.Н., Борисова Е.А., Науменко А.П., Повелихина А.В. Указ. соч. // <http://www.piterposeti.ru/article/read/id102#page0> (Дата обращения: 10.08.2016).

²⁹ Белявская В.Ф. Указ. соч. С. 110.

ет два проекта: комплекс Ратгауз и дом при лютеранской церкви святого Петра – Петришуле (надстройка, 1799). В обоих случаях проекты создавались с ориентировкой на уже готовые фасады: фасад Ратгауза в целом повторяет Серебряные ряды, надстройка Петришуле подчинена собственно реконструируемому фасаду, с упрощением детализировки³⁰. Складывается впечатление, что башня – единственный самостоятельный архитектурный проект Феррари, исполненный «с нуля». **Так, к вопросу о том, каким образом «известный» живописец Джакомо Феррари оказался архитектором Ратгауза, добавляется и другой – был ли проект башни его самостоятельным творением, и если да, то насколько самостоятельным?**

В предписании, разумеется, нет ни намек на то, какой быть башне. Оно дает в общих чертах представление о будущем проекте: угловое положение, «включение» в постройку здания существующего «общественного дома» и торговых рядов (Ил. 2), которые требовалось «сломать», а в компенсацию этого назначение первого этажа ратгауза определялось торговым. Последнее решение в точности повторяет концепцию предыдущего Гильдейного дома, как он описывается в 1790-м году академиком Императорской Академии наук и художеств И.Г. Георги в его книге, посвященной Санкт-Петербургу: *«§ 163. Дом Городской Думы близ большого гостиного двора. В нижнем этаже сего дома находятся лавки для различных товаров; многие же комнаты, во втором этаже находящиеся, определены на различные заседания...»*³¹.

Что касается поставленной перед архитектором задачи, то весьма вероятно, что в какой-то момент Феррари было рекомендовано «при расширении» Гильдейного дома ориентироваться на проект его покровителя Кваренги (такой подход, возможно, учитывал недостаточный опыт выбранного кандидата). Логично предположить в том же духе, что и проектирование башни сопровождалось указанием на определенный аналог. В конце концов, каким прототипом руководствовался архитектор, если не упомянутой М.Н. Микишатевым колокольней собора Петра и Павла?

Задача архитектору предлагалась непростая, ведь в России конца XVIII века в общепринятом арсенале типовых архитектурных образцов отсутствова-

³⁰ Кириков Б.М. Улица Желябова (Большая Конюшенная). Л.: Товарищество Свеча, 1990. С. 26.

³¹ Георги И.Г. Описание столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб., 1794. С. 107.

ли ратушные башни. Наиболее понятным был традиционный, а в ту пору активно модернизируемый тип башни – колокольня (в качестве наиболее яркого примера сооружений этого типа на означенный период нужно считать Меншикову башню (1704–1707), возведенную над церковью Архангела Гавриила на Чистых прудах в Москве). При развивающейся индустрии колоколен к началу проектирования Ратгауза в 1799 году накопленный опыт возведения башен для зданий гражданского назначения был ничтожен. Среди немногочисленных образцов наиболее значительные из возведенных в Санкт-Петербурге – над Кунсткамерой (1734) и Адмиралтейством (Коробов, 1738). Среди построенных в предместьях столицы – над Гатчинским дворцом (Ринальди, 1766–1781), над Чесменским путевым дворцом (Фельтен, 1774–1777), в Царском Селе – Башня-руина (Фельтен, 1771), в Павловске – Пиль-башня (Бренна, 1797) и две над крепостью Бип в Мариентале (Бренна, 1795–1798). Каждая из них проектировалась индивидуально, такого подхода следовало ожидать и в ситуации с Ратгаузом, как и непереносимости обращения к западноевропейскому опыту. Но вышло иначе.

Разгадка вопроса, как подбирался прототип для Думской башни, кажется, кроется в самой его постановке, если дать ему следующую формулировку: **каким прототипом пятигранной в плане постройки мог руководствоваться заказчик/архитектор?** Разумеется, ближайший аналог, подходящий под заданный параметр, находится в Гатчине. Именно в Гатчинском дворце появляется сходный опыт трансформации кампанилы.

Гатчинский дворец

Статичный и плоский северный фасад Гатчинского дворца обладает достоинствами цитадели – он немногословен по декору, целен, и над ним по углам подняты граненые башни (Ил. 3). Разбирая возможные прототипы Гатчинского дворца, А.Н. Спащанский рассматривает аналогии из английской, итальянской и французской архитектуры, останавливается на итальянской природе комплекса и относит его к типу «villa forte». Автор приходит к выводу: «башни могли указывать на то, что Гатчинский дворец был не только местом отдыха высокопоставленной персоны, но и являлся местом, откуда распространялась вся феодальная власть этой персоны над подчиненными землями». Спащанский характеризует их символически-фортификационными и не проводит параллели между Гатчинскими башнями и кампанилами (как это делают исследователи Думского комплекса). Он отмечает, что ринальдиевские

башни, а также подобные им, поставленные на каре Р. Кузьминым в середине XIX века, были «непривычны русскому глазу». «Ведь в русской голове башня прочно ассоциируется со средневековым, рыцарством и готическими замками»³². Значит, для подражания этому чуждому русской архитектуре опыту должны были создаться особые условия. Высочайшее повеление и могло быть таким условием: например, работы, порученные Р.И. Кузьмину Николаем I, непосредственно участвовавшим в проектировании³³.

Для классицизма характерны ясные гармоничные формы с четным количеством углов. Пятигранный ствол – крайне необычный выбор, сделанный архитектором XVIII века при выборе формы башен. В это время их классическое формообразование строится на квадрате и круге, а в качестве пластического усложнения – шести- или восьмиграннике в плане (это же замечание верно и в отношении башни Феррари). Исследователи дворца обходят вопрос формы, затрудняясь, вероятно, в указании аналога. Но попробуем предположить, что за аналог брался образец не гражданской архитектуры и тем более не церковной.

Подобная звездообразная форма появляется в России в XVIII веке и встречается на планах фортификационных сооружений, как, например, Петропавловская крепость и Адмиралтейство. Именно для бастионной системы укреплений характерны пятиугольные выступы по углам крепостных стен. Рассматривая план северного фасада (Ил. 4), мы прочтем линию стены и подобие двух маленьких бастионов на углах центрального корпуса. Если догадка верна, то можно говорить о том, что, используя в проекте форму бастиона, Ринальди нашел изящный способ аллегорического отображения в архитектуре особого статуса будущего владельца – графа Григория Григорьевича Орлова. К моменту проектирования дворца, 1765–1766 гг., (Гатчина принадлежит Орлову в 1765 года, а 30 мая 1766 года началось строительство), его карьера переходит из сферы кавалерии в сферу инженерии (вернее сказать, дополняется) – 11 (22) мая 1765 года он назначен генерал-фельдцейхмейстером по Артиллерийскому корпусу и генерал-директором по Инженерному корпусу, а затем и первоприсутствующим в Канцелярии главной артиллерии и форти-

³² Спащанский А.Н. Прототипы Большого Гатчинского дворца. // <http://history-gatchina.ru/museum/prototype/prototype4.htm> (Дата обращения: 10.08.2016).

³³ Там же.

фикации³⁴. Возможно, данная точка зрения прольет свет на некоторые обстоятельства проектирования дворца.

О том, как полюбилась Павлу Петровичу Гатчина, свидетельствует факт, что «императорская семья обычно приезжала в Гатчину в начале августа и оставалась здесь до осенних холодов, а в Петербург возвращалась в конце ноября или начале декабря»³⁵. Гатчинская атмосфера была настолько близка Павлу I, что этот мирок «во многом воспитал его вкусы»³⁶. И это при том, что Павел долгое время посвятил обустройству Павловска, и лишь в 1790 году смог заняться Гатчиной³⁷. Павел I, романтик, не чуждый вкуса к архитектуре (особенно близкой по характеру к фортификационной) настолько, что выполнял собственноручно архитектурные наброски, уже сталкивался с постройкой ратуши. О.В. Петрова приводит чертеж 1790-х годов с фасадом ратуши Ингербурга (район Гатчины), комментируя, что «проект ингербургской ратуши был вдохновлен архитектурой водонапорной башни Самаритянки на Новом мосту в Париже»³⁸. Этот момент демонстрирует особенность «аналогового» метода проектирования того времени. То есть в данном случае Павла не интересуют проекты собственно ратуш (в том числе по признаку редкого, но не уникального углового расположения), и тем более богатый опыт возведения ратуш в западной части империи.

Итак, в 1799 году император Павел I инициирует постройку Ратгауза и сам принимает проект; по известным причинам ему не пришлось принять работы. Конечно, образ гатчинских башен мог быть предложен в угоду императору, ввиду его слабости к Гатчине. Но более вероятно, что перед Феррари была поставлена задача не просто возвести башню, видом «соответствующим

³⁴ Санкт-Петербург. Петроград. Л.: Энциклопедический справочник; М.: Большая российская энциклопедия, 1992 // http://enc-dic.com/enc_spb/Orlov-grigori-grigorevich-948.html (Дата обращения: 10.08.2016).

³⁵ Кустова Т.А., Рыженко И.Э., Фарафонова А.Н. Царские дети в Гатчине. 2004. Издание Государственного музея-заповедника «Гатчина», 2004 // http://www.gorod.gatchina.biz/dll_9103701 (Дата обращения: 10.08.2016).

³⁶ Швидковский Д.О. Архитектурная судьба Павла I // К 205-летию со дня убийства императора Павла I (комментарий в аспекте культуры) <http://www.sedmitza.ru/text/405039.html> (Дата обращения: 10.08.2016).

³⁷ Петрова О.В. Ингербург – город-крепость Павла I // <http://gatchinapalace.ru/special/publications/ingeburg.php> (Дата обращения: 10.08.2016).

³⁸ Петрова О.В. Указ. соч. // <http://gatchinapalace.ru/special/publications/ingeburg.php> (Дата обращения: 10.08.2016).

великолепию столицы», но был указан этот вид, причем, именно Павлом I. Феррари, выполняющий заказ, достаточно близко цитирует ринальдиевский проект. Версию еще следует подтвердить, но совершенно очевидно, что сходство башен не случайно – в пользу этой версии говорят необычная и крайне редкая пятигранная форма ствола, угловое расположение, а также факт личного участия Павла I в проекте.

Так возникает гипотеза, предполагающая непосредственное повеление Павла I установить на главной магистрали Санкт-Петербурга башню, видом подобную Часовой из его Гатчинской резиденции.

Проект башни по гатчинскому аналогу

От момента постройки дворца, строящегося в период 1766–1781 годов, и до идеи построить Ратгауз в 1799 году прошло почти 20 лет, а это значительный срок, если говорить о переменах в столичных вкусах и моде. Это не могло не повлиять на подготовку проекта. Также в проекте следовало учесть ландшафт, окружение, особенность грунта и «усадить» сооружение на место. Немаловажное условие – необходимо было продемонстрировать статус башни, олицетворявшей городское самоуправление – сооружению такого рода традиционно следовало быть не только самым высоким гражданским сооружением города, но и не уступающем прочим в стиле и роскоши. При всем этом средства на казенную постройку были выделены, очевидно, скромные.

Так или иначе, Феррари использует в проекте Ратгауза «ноу-хау» Ринальди и, надо сказать, символизм «фортификационной» формы тут весьма уместен. Очевидно родство Гатчинских и Думской башен с точки зрения их функций. На Часовой башне Гатчинского дворца в 1783 году часы уже были, на Думской они размещались изначально³⁹. «Ближе» друг к другу они стали, когда на Думской и на безымянной башне Гатчинского дворца был установлен сигнальный оптический телеграф (после чего Гатчинскую безымянную окрестили Сигнальной, а Думскую – Телеграфной). Думская башня использовалась в качестве смотровой площадки⁴⁰, этот вид увеселения был доступен в первой половине XIX века⁴¹ (возможно, и позднее) – аналогично используется и Сиг-

³⁹ Reimers, Heinrich Christoph, von. Op. cit. S. 169.

⁴⁰ Reimers, Heinrich Christoph, von. Op. cit. S. 169.

⁴¹ Пушкирев И.И. Путеводитель по Санкт-Петербургу и окрестностям его. СПб., 1843. С. 23.

нальная в Гатчине.

Гатчинские и Думская башни сходны по весьма своеобразному «тупому» силуэту, они спроектированы без завершений куполами или шпилями. Классический декор также решен единообразно, а мелкая пластика различается, можно сказать, в силу особенностей материалов, примененных для облицовки зданий. Около 30 лет их заметное «родство» демонстрируют гравюры и акварели начала XIX века. Ближе к середине века башни переживают ряд преобразований, не столько радикальных, сколько оказывающих влияние на их восприятие (трудно сказать, был ли период 1830–1850-х годов к ним милостив). В 1830-х годах архитектор В.И. Беретти надстраивает деревянный телеграфический обсервационный «домик» над верхним ярусом, а в 1847–1852 годах создается новый неоренессансный фасад здания Думы (Н.Е. Ефимов, Л.Л. Бонштедт), не затронутая строительством башня при этом стала выглядеть иначе. Можно сказать, процесс «вытягивания» сооружения, обусловленный изменением высотности окружающей застройки (здания Думы) тут произошел с опережением. Гатчинские башни в 1854–1856 годах переживают более серьезное вмешательство, как раз призванное нивелировать произведенные перестройками изменения больших объемов в композиции дворца, вернувшее им прежнее положение высотных доминант. Они были достроены пятым ярусом – Р.И. Кузьмин «продублировал» безордерный третий ярус, а уже на него в прежних пропорциях «поставил» замыкающий, с круглыми люкарнами и рельефными полуциркульными сандриками, в результате чего нарочито «наборная» конструкция стала выше. С началом XX века (в 1913–1914 годах здание Думы было надстроено 4 и 5 этажами, арх. А. Кенель) башни *все сложнее сопоставлять на предмет сходства* (Ил. 5).

Изначальная колористика Петербургской и Гатчинских башен была единой золотистой гаммы, благодаря чему издали они воспринимались одинаково: Гатчинский дворец был облицован натуральным камнем, местным известняком, а штукатурка казенной Думской была окрашена в традициях классицизма в светлую охру – «под цвет дикого камня» (Ил. 6). Конечно, окрашенная штукатурка, в отличие от каменной облицовки, требует регулярного поновления, однако цвет за Думской «закрепился». «В 30-х годах XIX века самой распространенной краской стала охра, обладающая высокой прочностью и экономичностью. Ею предписывалось покрывать стены всех казенных зданий. При этом об оттенках и насыщенности этого колера применительно к конкретным постройкам практи-

чески ничего не известно»⁴². Во второй половине XIX – начале XX века Думская башня периодически перекрашивается, что заметно по разным вариантам выделения ордерной структуры – она то темнее, то светлее основного тона, то декор окрашен в цвет ее стен. В конце 1930-х ее колористика меняется на светло-бордовый (в цвет фасада здания Думы), а к концу 1950-х – на насыщенно бордовый с выбеленной ордерной структурой. Так, сегодня при всех перечисленных выше конструктивных и колористических переменах в обликах Гатчинских и Думской башен предположение об их сходстве уже вызывает недоумение.

Архитектурный обзор

Ярусы фланкирующих Часовой и Сигнальной башен Гатчинского дворца, вынесенных перед северным фасадом, соотносятся с горизонтальным членением тягами плоскости фасада. Ритмичное вертикальное членение исполняют пилястры – в первом этаже дорического, во втором – ионического ордера, в третьем – пилястрам соответствуют лопатки. Так формируется единый массив дворца, связанный строем пилястр и лентами аттиков. Подобный прием привязки заложен в проекте Ратгауза, однако ее соединение со зданиями Думы и рядов всего одним ярусом, конечно, не создает такого впечатления монолитного единства комплекса.

Думская башня поставлена в «разрыв» угла квартала, обработанного единообразными классическими фасадами здания Думы и Серебряных рядов. Как и ринальдиевские, она примыкала к трехэтажному зданию, однако поднималась над ним выше по той причине, что она выше гатчинских более чем на 4 сажени (около 8,5 м; высота гатчинских башен составляет 16 саженей – около 34 м; высота Думской – около 20 саженей, до деревянной надстройки 40–42 м), а корпус рядов и здание Думы (до перестройки) заметно ниже корпуса Гатчинского дворца.

То, что Думская башня пятигранная, заметно не сразу, ее невозможно обойти, в отличие от ринальдиевских, а первый ярус «погружен» в квартал так, что видны только две грани. Постановка пятигранника на угол квартала, прочитываемая при взгляде сверху (Ил. 2), выглядит грамотной и даже виртуозной, но фронтальное решение сочленения ее видимой части с усеченными под углом фасадами Ратгауза и рядов оказывается визуально сложным, не ха-

⁴² Матвеев Б. Колористическая триада Главного Адмиралтейства // АРДИС. №2 (38). 2008. С. 41.

рактерным для классицизма, и демонстрирует слабость проекта. Это можно объяснить только тем, что увязка пятигранника с острым углом квартала не была причиной выбора такой формы ствола, а является следствием необходимости эту форму тут разместить.

Эффектность башен Ринальди, созданная выносом их за фасад корпуса на углы, в проекте Феррари теряется за счет постановки в проем между зданиями. «Загагая» между двумя трехэтажными зданиями, она стала нуждаться в высоком цоколе. Выполненный в граните цоколь высотой почти 2 сажени (около 4 м) соответствует первому этажу Серебряных рядов (и Ратгауза), обрамлен распашным крыльцом. Однако в этих пропорциях он едва ли добавляет высоты или устойчивости башне. Крыльцо визуально кажется «раздавленным» ее «весом».

Легкие аркады Кваренги – ложные на два верхних этажа, и открытая арочная галерея первого этажа очевидно вступают в противоречие с геометрией Ринальди. Трактовка Феррари также никак не поддерживает легкость арочного строя: ярусы по вертикали очерчены ордерными пилястрами по углам, по горизонтали – классическими антаблементами, а прямоугольные окна обрамлены подчеркивающими их форму плоскими наличниками. Конфликт усугубляет подведенная к подножию башни тяжелая распашная гранитная лестница, силуэт которой также составляют ломаные линии.

Задача пропорционально увязать башню с соседними зданиями определила высоту первого яруса, соответствующего второму и третьему этажам рядов – решение скорее техническое, нежели архитектурное. Второй ярус по высоте стал соответствовать первому, а третий, последний ярус немного вытянулся. Эта логика, противоречащая формообразованию классических колоколен, когда ярусы пропорционально (и по ширине, и по высоте) уменьшаются к вершине, позволила однако визуально облегчить массивный объем конструкции, но и стала требовать завершения шпилем или куполом. Таковой проектом не предполагался. Появление его подобия к середине XIX века, правда, сугубо утилитарного в виде *временной* деревянной надстройки и сигнальной мачты лишь завуалировало впечатление незаконченности. К концу XX века произошла характерная для этого времени эстетизация сугубо технического «навершия» (сегодня можно встретить такое его описание: «деревянный ярус и металлическое украшение»⁴³), утратившего еще к началу XX века свою функ-

⁴³ Самые необычные башни Петербурга // http://www.kolpinec.ru/news/piter_online/

циональность, благодаря которой при полной реставрации 2003–2004 гг. каланчу оставили каланчой вместо того чтобы не придать памятнику Павловской эпохи исконный вид.

Расширение ярусов Думской башни незначительно относительно ее пропорций и заметно больше из-за укороченных нижних ярусов. Укрупнение объемов никак не поддержано изменениями в декоре – пилястры из яруса в ярус одинаковы по ширине, из-за чего размер интерколумния нижних ярусов очевидно непропорционален. Грань первого яруса Думской башни на два аршина (ок. 1,5 м) шире грани Гатчинских, при том что ширина пилястры на вершок (ок. 5 см) меньше (Ил. 7). Вдобавок пилястры Думской башни «по-гатчински» плоско выступают из стены. По этой причине ордерная тектоника стала шаткой и непрочной: «опоры» веса сооружения «не держат» – им не достает мощи, ширины, объема, количества. «Неуверенное» расширение к основанию наводит на мысль о сугубо техническом инженерном обосновании, попытке укрепить конструкцию, повысить устойчивость, увеличив площадь опоры фундамента, чтобы компенсировать низкую несущую способность грунта в этом сыром месте (из-за засыпанного в середине XVIII века Глухого протока). Думская башня выглядит изначально задуманной в формате Гатчинских, но в процессе проектирования она переработана в сторону увеличения основания. Причем сугубо техническое исполнение идет вразрез с классическими ордерными стандартами, что ставит под сомнение профессионализм архитектора и указывает на спешку с реализацией.

Декор Думской башни не находит достаточного отклика в оформлении Серебряных рядов, что следует оправдать перестройкой здания думы. Так, на фасаде рядов нет меандрового фриза, он не читается на работах Б. Патерсена, Т.А. Васильева и П. А. Александрова, изображающих здание Думы (1810–1820-х годов), зато он виден на чертежах 1840 года – им оформлены карнизы окон третьего этажа. Меандровый фриз введен в качестве перебивки вытянутого третьего яруса между проемами окна и люкарны с циферблатом⁴⁴. Странность вытянутых пропорций третьего яруса и появление этого меандрового фриза под люкарной – это попытка связать здание и башню посредством

samy_neobychnye_bashni_peterburga/ (Дата обращения: 10.08.2016).

⁴⁴ РГИА. Ф. 1488. Оп. 3. Д. 369. Фасад с каланчой, надстройкой 4-го этажа, каменной галереей и разрезы. 1840.

композиционного повторения части фасада, а именно соединенных ложной аркадой второго и третьего этажа Ратгауза (Ил. 8 В). Эти части соразмерны, причем положение и размер фриза совпадают, а полуциркуль арки, очевидно, должен перекликаться с круглой люкарной. Другое объяснение получаем при сопоставлении Думской башни с гатчинским аналогом – фриз представляется рудиментарным членением карнизом третьего и четвертого яруса (Ил. 8А). Таким образом, произошла трансформация четырехъярусной гатчинской конструкции в трехъярусную думскую.

Пилястры в первом ярусе башни венчаются ионическими капителями, тогда как аркада Серебряных рядов на том же уровне «отбивается» полуколоннами тосканского ордера. Работы Б. Патерсена, Т.А. Васильева и П.А. Александрова, как и названные чертежи, фиксируют на пилястрах нижнего яруса Ратгауза (здания Думы) ионические капители, что, естественно, указывает на существование ордерной привязки первого яруса башни к фасаду Ратгауза (Ил. 8С, 10). Ионический, а также коринфский и композитный ордера, помещенные соответственно в первом, втором и третьем ярусах Думской башни, призваны демонстрировать высокий статус Ратгауза (на фоне соседствующих Серебряных рядов). Последние два ордера отсутствуют в оформлении фасада Гатчинского дворца.

Простенки фасада Гатчинского дворца экономно решены едва заглубленными панно и невысоким рельефом наличников. Как и исполнение пилястр, весь рисунок декора сработан плоско – скупая пластика, читающаяся скорее за счет игры светотени и текстуры камня, чем собственно рельефом. Таким же плоским рельефом отличается и декор Думской башни. В контраст с таким оформлением, впрочем, не в полной мере отвечавшем идее роскоши и богатства, исполнены межъярусные профильные карнизы, сильно выступающие и украшенные рядами ордерных сухариков (Ил. 9). Межэтажное членение Гатчинского дворца исполнено более деликатно. Причиной такого увеличения карнизов в том, что за счет него Думский комплекс «связался» единообразным венчающим карнизом с Серебряными рядами.

Аттик в завершении Думской башни заметно крупнее, чем у гатчинских, и его решение сложнее – в простенках между лопатками помещены филенки.

В целом архитектурное решение башен сходно, есть различия в общих пропорциях и декоре, что, как сказано выше, легко объясняется разницей в

пропорциях и стилистике примыкающих зданий, а также использованием разных облицовочных материалов. Однако разница в их обработке и членении скрадывается тяжестью и невыразительностью силуэта – они выглядят одинаково строго. Редкая типология Думской башни и историческая значимость этого «уникального и глубоко своеобразного памятника архитектуры»⁴⁵ обязывает разъяснить возникшие в ходе исследования вопросы, подтвердить или опровергнуть догадки.

⁴⁵ Петров А.Н., Борисова Е.А., Науменко А.П., Повелихина А.В. Указ. соч. // <http://www.piterposeti.ru/article/read/id102#page0> (Дата обращения: 10.08.2016).

О.В. Новикова

Портрет первого владельца Гатчинского дворца князя Г.Г. Орлова работы М.-А. Колло (к истории создания и бытования)

Среди немногочисленных памятников, посвященных князю Г.Г. Орлову и отмечающих его заслуги перед отечеством, выделяется мраморный рельефный портрет работы Мари-Анн Колло, хранящийся в собрании Государственного Русского музея (СК–1362).

Граф изображен погрудно в профиль, в парике и мантии, с орденом Андрея Первозванного на груди и медальоном с портретом императрицы Екатерины II на ленте. По верхнему краю рельефа размещена надпись «Орловым от беды избавлена Москва». Портрет датируется 1772 годом. Поступил в ГРМ в 1928 году из здания бывшего Окружного суда.

Эпистолярные и архивные источники позволили уточнить дату возникновения портрета и его судьбу. Рельефное изображение графа было создано как скульптурный портрет личности, достойной подражания, увековечивающий ее заслуги. Одним из выдающихся поступков Г. Орлова перед отечеством, получившем признание его современников, стало прекращение чумы в Москве в 1771 году.

21 сентября 1771 года императрица манифестом объявила об отправке в Москву графа Г. Орлова «персоны от нас проверенной <...> избранного по довольной известной его ревности, усердию и верности к нам и Отечеству». Именно благодаря предпринятым им мерам, отличавшимся благоразумием и целесообразностью, чума была остановлена и не допущена в столицу – Санкт-Петербург¹. Григорий Орлов с войсками пробыл в Москве всего полтора месяца, что считалось вполне достаточным для завершения войсковой операции. Сенат принял решение об отозвании графа в столицу 17 ноября, и уже в декабре Г. Ор-

¹ Новикова О.В. Известный и неизвестный генерал-фельдцейхмейстер князь Г.Г. Орлов // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 250-летию Достопамятного зала. Ч. 3. СПб., 2006. С. 24.

лов дал отчет о предпринятых им действиях. Результаты деятельности Г.Г. Орлова в Москве высоко оценили по канонам военных побед. Его заслуги отметили памятной медалью, созданием деревянных триумфальных ворот в Царском Селе (впоследствии они были заменены мраморными) с надписью «Орловым от беды избавлена Москва» и строительством для него Мраморного дворца, на фронте которого Екатерина II повелела начертать: «Здание благодарности».

В то время, когда граф еще находился в Москве, Мари-Анн Колло получила указание императрицы извять медальон с портретом Орлова «чтобы он не только изображал графа, но чтобы характеризовал на веки памятный и человеколюбивый поступок им содеянный»². В письме от 18 ноября 1771 года Э.М. Фальконе писал Екатерине II: «...Госпожа Колло делает свою модель приблизительно, что будет для нее достаточно, чтобы подготовить мрамор, а по возвращении графа она возьмет несколько сеансов, чтобы изучить сходство и сообщить его мрамору»³.

Скульптору или художнику, запечатлевавшему лик знатной персоны в официальном портрете, полагалось правильно изображать все аксессуары и знаки отличия, свидетельствовавшие о заслугах и ранге.

На рельефном портрете граф изображен с орденом Святого Андрея Первозванного, которым был награжден 27 апреля 1763 года, и с самой престижной наградой для царедворца екатерининского времени – жалованным миниатюрным изображением императрицы.

Существовало два жалованных портрета Екатерины II, подаренных князю Г. Орлову в разное время.

Первый – работы Позье, окруженный овальной рамкой и дополненный бриллиантовой короной, переделанной в мастерской Ивана Лазарева, императрица вручила Григорию Орлову в 1764 году через месяц после празднования двухлетия прихода ее к власти.

Второй, украшенный огромным алмазом, князь получил 4 декабря 1771 года в присутствии великого князя Павла Петровича. Для жалованной награды миниатюрный портрет Екатерины написал В. Эриксен⁴. Изображение импера-

² Половцев А. Переписка Екатерины II и Фальконета. Письмо от 17.11.1771 г. № 115. СПб., 1876. С. 155.

³ Там же. Письмо от 18.11.1771 г. № 117 С. 155.

⁴ Кузнецова Л. История портретов Екатерины II // Антик Инфо. 2006. № 34. www.prodigest.ru/articles/muzyka/istoriya_portretov_ekateriny_ii.html (Дата обращения 30.08.2016).

трицы прикрывал большой тонкий бриллиант, имевший форму сердца. Контур его обрамляло мягкое высокопробное золото.

Этот портрет Г. Орлов носил в петлице до конца жизни. Известно, что после смерти Орлова Екатерина II пожелала, чтобы эту награду брат Григория Григорьевича «...граф Алексей Григорьевич ... положил на шею и носил, пока жив на сем свете»⁵. Впоследствии жалаванный портрет передали в Кабинет императорского двора и размонтировали.

Первый жалаванный портрет при получении второго по узаконенному обычаю возвращался владельцем в Кабинет. Несмотря на то, что рельефный портрет Г. Орлова был окончен в мае 1772 года, граф на нем изображен с первым жалаванным портретом.

В ноябре 1771 года в письме к Э.М. Фальконе Екатерина II высказала пожелание, чтобы у «медальона, делаемого госпожою Колло была надпись "Орловым от беды избавлена Москва"»⁶. В конце декабря в записке к скульптору она повторила свою просьбу⁷.

Э.М. Фальконе предлагал императрице оформить рельефный портрет деревянной рамой, где «две дубовые ветви связанные снизу, образуют круг и соединяются наверху»⁸. Ранее дубовыми венками награждались самые храбрые воины. В военной символике дубовая ветвь – это эмблема доблести, мужества и силы, награда полководцу-победителю.

Современники графа, в частности, Форсия де Пилес, посетив Петербург в 90-х годах XVIII века, в своих воспоминаниях отмечал, что рельефный портрет Г.Г. Орлова был в деревянном обрамлении⁹.

В начале июня 1772 года портрет графа Г. Орлова был представлен Екатерине II¹⁰. Однако с Мари-Анн Колло «за медальон мраморный князя Григория Орлова» расплатились лишь 7 марта 1773 года¹¹.

⁵ Кузнецова Л. Указ. соч.

⁶ Половцев А. Указ. соч. Письмо от 20.11.1771 г. № 118. С. 158.

⁷ Записка Екатерины II скульптору Фальконе от 20.12.1771. Государственный исторический музей Москвы. Инв. № 42949.

⁸ Половцев А. Указ. соч. № 115. С. 155.

⁹ Форсия де Пилес. Прогулки по Петербургу Екатерины Великой. Записки французского путешественника / Сост. А.Н. Спашанский. СПб.: Паритет, 2014. С. 85.

¹⁰ Половцев А. Указ. соч. № 122 С. 162.

¹¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3888. 1773 г. Л. 47.

С 1765 года Григорий Орлов, став генерал-фельдцейхмейстером, возглавил артиллерийское ведомство. Летом 1776 года по указу Екатерины II мраморный рельефный портрет установили в Арсенале. Это здание было выбрано не случайно. Именно здесь лучше всего можно было отметить служебную деятельность Г. Орлова. Благодаря непосредственному участию графа в Арсенале был создан «Достопамятный зал» – собрание предметов старинного оружия. Зал, ставший предшественником Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, был размещен «в самой великолепной части» здания – на втором этаже. К 1765 году было собрано лишь 63 артиллерийские системы. Коллекция «достопамятностей» из сугубо артиллерийской услиями графа превратилась в хранилище воинских вещей, свидетельствующих о славе и военных победах России. По повелению Г. Орлова в Петербург практически со всей территории страны стали поступать целые коллекции оружия. Увеличивали трофеи Достопамятного зала и победоносные войны Российской империи с Турцией, Швецией и Польшей. Собрание редких экспонатов быстро росло. К концу XVIII века в нем насчитывалось уже более 6000 единиц хранения. Уже в одном из первых путеводителей по Санкт-Петербургу довольно подробно описывается многообразие арсенального хранилища и большая коллекция военных изобретений А.К. Нартова¹².

Рельефный портрет князя Г.Г. Орлова. ГРМ, СК-1362

¹² Георги И.-Г. Описание Российско-Императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопримечательностей в окрестностях оного. СПб., 1794. С. 717.

В фондах отдела гравюры Государственного Русского музея находятся графические листы конца XVIII – середины XIX веков с историческим изображением этого сооружения¹³.

Существует мнение, что весь Арсенальный комплекс был выстроен на средства Г. Орлова архитектором В.П. Баженовым¹⁴.

Архивные документы позволили установить историю создания постройки и имя архитектора, а также выявить подлинную роль Григория Орлова в строительстве Арсенала.

Еще 24 июля 1762 года по приглашению Канцелярии Главной артиллерии и фортификации прибыл в Россию из Польши архитектор Иоганн Валентин Тобиас фон Дидрихштейн для строительства Арсенала «по представленному от него чертежу»¹⁵. По указу Екатерины II архитектор был «принят в службу Ея Императорского Величества по артиллерии»¹⁶. Контракт с жалованьем 800 рублей в год, подписанный генерал-фельдцейхмейстером Александром Никитичем Вильбоа, заключили на 3 года. Сумма выплат была достаточно велика. В конце XVIII века жалованье архитекторов артиллерийского ведомства обычно составляло 600 руб. в год¹⁷. По истечении срока договор пересматривался. Архитектор либо получал прибавку к жалованью, либо мог покинуть Россию «и ехать куда он пожелает с домашними его»¹⁸.

Строительство Арсенала началось в августе 1763 года, после устного приказа императрицы «...о построении артиллерийского арсенала близ Литейного дому, где ныне стоит старый Пушечный двор ... и прочие строения»¹⁹.

¹³ Гравюры: Галактионова С.Ф. «Вид нового Арсенала» (ГР 3021); Александров П.А. «42 вида Санкт-Петербурга» (ГР 3807); Дамам-Демартре Ф.-М. «Вид Арсенала. Литейный проспект» (ГР 7085); Колпаков И.И. «Новый Арсенал на Литейном проспекте» (ГР 26495); Мальтон Т. «Перспектива улицы, в глубине которой слева Арсенал» (ГР 31830); Шелковников А.М. «Старый Арсенал. План и фасад» (ГР 33454); Гоберт. «Арсенал. Литейный проспект» (ГР 1222).

¹⁴ Грабарь И.Э. История Архитектуры. Т. 3, 4. Вып. 23: Петербургская архитектура в XVIII и XIX веке. М., 1905. С. 329–330.

¹⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ГП. Д. 674. 1762. Л. 254.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ГП. Д. 674. Л. 255.

¹⁸ Там же. Л. 257 об.

¹⁹ Архив ВИМАИВиВС. Оп. АРС. Д. 967. 1763. Л. 1.

По смете на сооружение Арсенала выделили сумму 597 тысяч 922 рубля 91 ½ копейки²⁰, отчислявшуюся из артиллерии цалмейстерской канторы Канцелярии Главной артиллерии и фортификации²¹.

В 1765 году артиллерийское ведомство возглавил граф Г.Г. Орлов. Архитектор И. Дидрихштейн 26.01.1766 уволился и покинул Россию. Смотрение за строительством Арсенала принял инженер-архитектор Карл Иоганн Шпекле²². Большинство исследователей считает, что проект Арсенала был им переработан. Однако в документах, связанных с деятельностью К.И. Шпекле, где подробно перечислены не только все его работы, но и проекты, Арсенал не упоминается²³. Он достраивал здание по существовавшему проекту И. Дидрихштейна.

Более того, Владимир Петрович Баженов, состоявший в Артиллерийском ведомстве главным архитектором с чином капитана с 1766 года, которому также приписывают новый проект Арсенала, в челобитной от 1777 года, обстоятельно излагая свою деятельность с момента возвращения в Россию, Арсенал в Санкт-Петербурге не указывал²⁴.

Строительство, длившееся 6 лет, было завершено, и торжественное открытие Арсенала состоялось 5 июня 1769 года в присутствии императрицы²⁵.

Генерал-фельдцейхмейстер граф Г.Г. Орлов 30 апреля 1770 года утвердил планы и фасады новых строений на старом пушечном дворе. Предстояло возвести «каменные магазейны, присутственное здание Канцелярии главной артиллерии и фортификации, модельный дом, склады, фуражские казармы и различные мастерские. Потребная ж на то строение денежная сумма отпускалась из собственных его Сиятельства денег погодно в 4 года... В какую сумму обошлось оно графу Орлову не известно»²⁶. Эти здания, созданные по проектам К.И. Шпекле и известные под именем Старого арсенала, были окончены и освящены в 1776 году.

В том же году на первом этаже Арсенала, освященного еще в 1769, у главной лестницы установили беломраморную статую Екатерины II в император-

²⁰ Архив ВИМАИВиВС. ГАУ. Оп. 18/2. Д. 6. № 1–13. 1826. Л. 11 об.

²¹ Архив ВИМАИВиВС. Оп. АРС. Д. 967. Л. 239.

²² Там же. Л. 235.

²³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 3719, Д.3624; Ф. 2. Оп. АРС. Д. 968, Д. 1097.

²⁴ Архив ВИМАИВиВС. Оп. ШГФ. Д. 2164. Л. 7–8.

²⁵ Камер-фурьерский журнал за 1769 г. С. 104.

²⁶ Архив ВИМАИВиВС. ГАУ. ОП. 18/2. Д. 6. № 1–13. 1826. Л. 11 об., 21 об.

ской короне со скипетром и весами в руках – символами Справедливости и Закона. Фигуру императрицы поддерживали двуглавый орел и военные доспехи²⁷. Скульптура Екатерины II была создана в Риме²⁸. Недалеко от нее в простенке «утвердили собственный медальон Орлова, выделанный из белого каррарского мрамора»²⁹. Рядом с портретным рельефом находилась мемориальная доска темного мрамора с надписью «В пользу артиллерии арсенал сей сооружен собственным иждивением генерал-фельдцейхмейстер кн. Орлов. Лета 1776».

Здание Арсенала на протяжении почти целого столетия было одной из достопримечательностей Петербурга. Иностранцы, посещавшие город в конце XVIII века, отмечали, что «Арсенал здесь самый примечательный. В трех улицах он составляет разверстый четверугольник в три этажа, заключающий регулярный двор»³⁰. «Центральную часть фасада украшает мощная колоннада, а срезанные углы – парные колонны, в нишах размещаются статуи и гирлянды, цоколь здания рустован»³¹. «На дворе два ряда цельнолитых пушек разной величины. На площади снаружи перед Арсеналом имеются бомбы и ядра. Близ Арсенала расположен пушечный Литейный двор»³².

Здание сохраняло свой первоначальный облик до второй половины XIX века. В 1865 году здание передали Судебной палате и Окружному суду. В том же году император Александр II разрешил «передать Министерству Юсти-

²⁷ Георги И.-Г. Указ. соч. С. 717.

²⁸ А.Ф. Кони отмечает, что на статуе Екатерины II надпись гласила «...изваянная в Риме по приказу князя Потемкина...» (Речь А.Ф. Кони 26.01.1892 в СПб. юридическом обществе // Кони А.Ф. За последние годы. Судебные речи (1888–1896), воспоминания и сообщения, юридические заметки. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1896). Однако П.П. Свиньин в «Достопамятностях Санкт-Петербурга и его окрестностей» в издании 1816 года пишет, что скульптура была сделана в Италии по заказу и на иждивение графа Орлова. Исследователь Е.Н. Хмелева утверждает, что статуя Екатерины II была заказана гр. Орловым Д.А. Чибей и впоследствии находилась в здании Окружного суда (Хмелева Е.Н. Произведения Д.А. Чибей и скульптурный декор Гатчинского двора орловского времени // Исторический журнал «Гатчина сквозь столетия» <http://history-gatchina.ru/article/chibei.htm> (Дата обращения 23.08.2016)

²⁹ Свиньин П.П. Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей. СПб., 1816. Кн. 2. С. 188.

³⁰ Шторх Х. Картина Петербурга / Пер. А.Н. Спащанского // Форсия де Пилес. Указ. соч. С. 350. (Первое издание Х. Шторха вышло в 1794 году).

³¹ Георги И.-Г. Указ. соч. С. 717.

³² Форсия де Пилес. Указ. соч. С. 85.

ции для помещения в здании новых судебных учреждений» хранящиеся в числе достопамятных предметов скульптуру Екатерины II, рельефный портрет графа Г.Г. Орлова и мемориальную доску.

Перестройка Арсенала 1867–1869 годах под судебные организации не особо затронула фасады дома. Были убраны статуи в угловых нишах и аллегорические фигуры, которые украшали аттик.

После пожара в феврале 1917 года здание долгое время стояло без ремонта, напоминая о времени революции. В 1929 году дом, где располагался бывший Окружной суд и Судебная палата, разобрали и на их месте выстроили существующие до настоящего времени два административных здания. За год до сноса здания, т.е. в 1928 году, рельефный портрет графа Г.Г. Орлова передали в Государственный Русский музей. Сейчас он находится в секторе скульптуры XVIII – начала XX веков.

Портрет, выполненный М.-А. Колло, послужил образцом для создания в 1771 году медальерами Г.Х. Вехтером и П.П. Уткиным, Орловской медали. На аверсе медали находится погрудный портрет Г. Орлова в парике и горностаевой мантии, с орденом Андрея Первозванного на груди и первым жалованным портретом Екатерины II на ленте. По окружности выбиты слова: «Граф Григорий Григорьевич Орлов Римской Империи князь».

На реверсе Г.Г. Орлов представлен в образе римского героя Марка Курция – в античных доспехах, на коне, вздыбившемся над огненной бездной. За спиной изображена панорама Москвы. На фоне неба надпись «Россия таковых сынов в себе имеет», внизу «За избавление Москвы от язвы 1771 г.». Необходимо отметить, что на медали Г. Орлов впервые назван «Римской Империи князем». Несмотря на то, что граф был возведен в июле 1763 года в князя Священной Римской Империи, высочайший указ, разрешающий ему принять и носить в России титул светлейшего князя, вышел только 4 (15) октября 1772 года, после создания медали.

На основании изученных архивных и эпистолярных источников проведенное исследование позволило прояснить историю создания и бытования рельефного портрета Г. Орлова. В результате изысканий появилась возможность связать воедино несколько памятников культуры, представленных не только в мраморе, но и в гравюрах и медалях. Эти уникальные художественные и исторические предметы, тесно связанные с историей России, в настоящее время хранятся в собрании Государственного Русского музея.

Строительство Дворцовой фермы в Гатчине

В Гатчине, на берегу реки Колпанки, сохранился бывший хозяйственный комплекс Скотного двора (Дворцовая ферма). На его территории расположены каменные павильоны «Ферма», «Колодец», «Ледник», «Каменный телятник», деревянный дом для служащих, деревянный телятник и бывший сенной сарай.

История этих мест началась в 1765 году, когда фаворит Екатерины II граф Г. Орлов стал владельцем гатчинских земель. Он решил построить здесь загородную резиденцию и с размахом вел строительные и парковые работы. Строительство велось под наблюдением егермейстера Польшмана, заведующего всеми хозяйственными вопросами, заготовкой материалов, наймом рабочих, расчетами с ними и т.д.

Необходимым атрибутом летних резиденций высокопоставленных вельмож были зверинцы, в которых содержались звери для охоты. На одном из планов орловского периода изображен парк площадью около 800 га¹. К северу от дворца находился Малый парк, который в свою очередь включал миниатюрный «парк для фазанов». В новостроящийся зверинец приезжала и сама императрица. Так, 21-го июля 1768 года ее величество ехала из мызы Кипени в Гатчину. Не доезжая трех верст до Гатчины, она изволила в зверинце смотреть привезенных фазанов². 11 июля 1769 года ее величество изволила идти пешком от каменного дома в зверинец смотреть фазанов и других птиц³.

Как выглядел фазанник и кто его строил, нам пока не известно. Крытые фазанники в то время строили со стеклами, их накрывали смолевыми веревочными сетями. Фазаны содержались на «фазаньих двориках», в которых устраивали летние помещения (лагери) и зимние комнаты. Лагери выстилались дерном, покрывались и разгораживались на несколько отделений веревочными сетями. Вольеры делались с навесом, в одном должны были находиться один

¹ Федорова В.В. «Молочная для удовольствия» в Шанттии и Гатчине // http://gatchinapalace.ru/special/publications/milk_for.php (Дата обращения 13.09.16)

² Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. 1712–1801. СПб.: Издательство Сергея Ходова, 2006. С. 45.

³ Там же. С. 48.

самец и две или три самки. В зимних комнатах, имевших навесы и галереи, полы посыпались мякиной или морским песком, который затем употреблялся для посыпки на двориках.

В 1772 году Орлов утратил прежнее влияние и проводил время вдали от столицы или за границей. Но Гатчинская мыза продолжала благоустраиваться. Сослуживец Г. Орлова П.С. Лавров⁴ писал в своем дневнике: «23 июня 1778 года. Поутру Меншиков⁵ водил меня по саду, смотрел фазанов: самец белый, хвост длинный, крылья и голова черные, станом похож на павлина, самка похожа на цезарскую курицу»⁶.

После смерти Г. Орлова 13 апреля 1783 года Екатерина II приобрела у его наследников мызу Гатчину и подарила наследнику престола Павлу Петровичу. Началась новая страница в истории старинной мызы. С 1783 года на протяжении тринадцати лет она являлась великокняжеской резиденцией, а затем императорской.

За девять месяцев до «гатчинского подарка», в ноябре 1782 года, Павел вернулся из заграничного путешествия, которое он совершил вместе с супругой под именем графа и графини Северных. Впечатления от этой поездки, особенно от осмотра во Франции резиденции принцев Конде – Шанттии, сказались в развитии гатчинского ансамбля. Там российским гостям запомнилась «Молочная для удовольствия». Исследовательница И. Лаутербах так описывает ее: «Многозальная анфилада завершается круглым купольным залом. В зале расставлено оборудование для обработки молока, в Молочной можно было испить парного молока и почувствовать себя в «условиях простой аркадийской жизни», а некоторые дамы высшего общества даже участвовали в изготовлении сыра»⁷. Павел был так очарован ею, что попросил дать ему планы. Через два года Л-Ж. Конде выслал Павлу планы парка и чертежи сооружений Шанттии. План Малого парка из Шанттии был взят за образец, и в 90-е годы

⁴ Лавров Платон Семенович (ок. 1735 – после 1794). В 1778 году в Саровской пустыни был пострижен в монахи с именем Палладия.

⁵ Меншиков Сергей Александрович (?) (1746–1815). Светлейший князь, русский генерал-поручик, тайный советник из рода Меншиковых. Внук петровского фаворита А.Д. Меншикова. В 1778 году Меншиков был назначен флигель-адъютантом.

⁶ Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. 1712–1801... С. 62.

⁷ Lauterbach I. Der franzoesische Garten am Ende des Ancien Regime: "Schoene Ordnung" und "geschmackvolles Ebenmass" // Worms, 1987. S. 177–179 (Перевод Ю. И. Ибрагимова).

XVIII века на территории бывшего «парка для фазанов» разбивается новый парк «Сильвия» с регулярной планировкой для оленьей охоты.

К работам был привлечен архитектор Винченцо Бренна, с которым Павел Петрович познакомился в Польше, когда путешествовал по Европе. Приехал архитектор в Россию в 1784 году, и во время правления Екатерины II деятельность его ограничивалась пределами Павловска и Гатчины. Работы в Сильвии начались в 1792 году.

В эти годы строилось и хозяйственное здание на территории за парком Сильвия. Для застройки был отведен участок треугольной формы, обнесенный каменной оградой на столбах, с двумя воротами (Ил. 1). На месте Фермы видно каменное здание с центральным повышенным объемом и каменная ограда. Очевидно, на чертеже помещен еще неосуществленный план Фермы. На других, более поздних планах, каменной ограды нет, так как она не была построена.

В ранних документах здание Фермы именуется Птичником или Фазаным домом, и только после 1797 года появляется название «Скотный двор».

21 апреля 1792 года крестьянин Т. Владимиров договорился сделать плитный фундамент для фазанника и поставить деревянный дом, положить полы, потолки, крышу, перегородки, для фазанов навес, клетки и забор. Фундамент из дикого камня должен был выкладываться на два фута в землю и на один фут и шесть вершков над поверхностью и скрепляться известью.

Этому контракту соответствует смета на построение Птичника и к нему флигеля для помещения смотрительницы⁸ за подписью архитектора А. Захарова. Указанный в смете объем парижской плиты под фундаменты и печи соответствует периметру фундамента.

Первого июля 1792 года государственный крестьянин Ульян Александров Вологодского наместничества с товарищами договорился в гатчинской конторе у фазанника построить дом на плитном фундаменте из парижского известняка. «Внутри стены вытесать, пол и потолок выстрогать, поставить четыре окна»⁹. Таким образом, можно считать, что в 1792 году на месте будущей Фермы были построены два деревянных здания: «фазанерий» с перегородками для фазанов и навесом и жилой дом для смотрительницы. Здания

⁸ РГИА. Ф. 491. Оп. 1. Д. 149. Л. 33.

⁹ РГИА. Ф. 491. Оп. 1. Д. 5. Договора Гатчинской конторы с крестьянами на производство работ.

построены на месте уже существовавших. Очевидно, какие-то постройки были отремонтированы: «Навес исправить точно по показаниям мастера как было прежде»¹⁰.

На «Плане Гатчинской мызы с показанием Большого и Малого Зверинцев», составленном нотариусом Алексеем Андреевым в 1792 году, на месте нынешнего здания Фермы показано прямоугольное в плане строение, по своему местоположению и габаритам сходное с каменным зданием Фермы, но пока без бокового выступа.

20 апреля 1795 года мещанин Ф. Степанов договорился сделать в фазанерии из казенного материала двери и окна с наличниками, по показанию мастера¹¹.

Строительство каменного здания было начато в 1795 году. 21 июня в гатчинской волостной конторе государственный крестьянин Олонецкого наместничества Ф. Иванов и Вологодского наместничества У. Александров договорились в фазанерии производить строение из парижской плиты на следующих условиях:

1. Стены от фундамента толщиной где и как приказано будет мастерами и по плану.
2. Плиту, известь и песок к строению подвозить от казны без задержки, бревна и доски для лесов отпустить от казны.
3. К строению поставить знающих каменщиков (не менее 25 человек).
4. Инструменты (ушаты, ведра, шайки, кирки, молотки и прочее) употреблять свои.

В ведомости заплаченных в волостной конторе деньгах разным подрядчикам за 24 июня 1795 года упоминаются крестьяне Попов и Александров в связи с производством работ при фазанерии с каждой кв. сажени по 7 руб. 75 коп.¹²

24 июля кондуктор строения рапортует в контору, что в Сильвию доставлены 23 кубических сажени булыжника для фазанерии крестьянином гатчинской деревни Рейзина Адамом К.

¹⁰ РГИА. Ф. 491. Оп. 1. Д. 5.

¹¹ РГИА. Ф. 491. Оп. 1. Д. 25. Договора на производство разных строительных работ. 1795 год.

¹² РГИА. Ф. 491. Оп. 1. Д. 20. Л. 31 об. Ведомость о заплаченных в волостной конторе с разными подрядчиками, о работах и невыполненных договорах.

В середине 1790-х годов Б. Кампенгаузен¹³ пишет в книге, которая дает картину состояния Гатчины к 1796 году: *«Парк Сильвия, который от английского сада отделяет каменная ограда и решетка, содержит в себе много приятных мест для прогулок и каменный фазанник, еще до конца не завершённый»*¹⁴.

В фонде чертежей Гатчинского дворца-музея имеется проект неизвестного архитектора «План, фасад, разрез Дворцовой фермы», 1790-е годы. Проект с вариантом фасада, отличающимся в деталях от окончательного. На оборотной стороне чертежа надпись: «Фазанный дом» (Ил. 2).

В период постройки здания главным архитектором Гатчины был В. Бренна – с 1783 по 1797 годы. Но при том огромном объеме работ, который производился в Гатчине при Павле Петровиче, к созданию отдельных построек могли привлекаться и другие архитекторы.

В 1796 году Гатчина стала городом. Во главе управления городом и дворцом был поставлен генерал-майор Обольянинов. Управление наблюдало за ведением крестьянского хозяйства, деятельностью фабрик и заводов, магазинов, полицейской и госпитальной частью, делопроизводством по строительной части. 26 апреля 1797 года из Москвы поступает распоряжение Обольянинова, чтобы к приезду императора (коронация которого состоялась 5-го апреля) все дороги к Сильвии были вычищены, песок засыпан. *«В Сильвии молошник учредить для приезда, на что особо лучших коров выбрать»*¹⁵. Принимается решение построить Скотный двор в Сильвии. Постройку пока еще называют Фазанным домом. В Кушелевском альбоме имеется план Фазанного дома в Гатчине этого периода. Ему соответствует план павильона Скотного двора в Гатчине (Ил. 3, 4).

В плане четко разграничена часть с входом в парадный зал, занимающий центральное положение. На эту же сторону выходят окна жилых комнат обслуживающего персонала. В сторону двора обращены коровники. В помещении для коров запланирована галерея. С левой стороны к зданию примыкает помещение для приготовления пищи животным. Оно разделено на две части.

¹³ Кампенгаузен Балтазар Балтазарович (1772–1823) – выходец из Швеции.

¹⁴ Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. 1712–1801... С. 166.

¹⁵ РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 1567. Л. 11. Переписка по поводу приготовления дворца к первому приезду императора Павла I в мае 1797 года после коронации.

Одну часть станут называть молочной. Под этим помещением имеется подвал, в который из молочной вела лестница.

Обольянинов дает городскому правлению предписание перевезти к строению каменного Скотного двора в Сильвии необходимое количество плит, песку, провести торг и последние цены представить ему на подтверждение.

17 апреля 1797 года был заключен контракт на строительство Скотного двора в Сильвии с дворцовым исправником капитаном Д.С. Пановым¹⁶, который наблюдал за всеми производившимися казенными работами. Ему предписывалось: где стены еще не начаты, то по плану вырыть, забутить и продолжить по начатому строению. Главное здание и все конструктивные элементы должны быть выстроены из парицкого камня без кирпича. Фасад Круглой залы построить из пудостского камня по данным от каменных дел мастера, чисто вытесать, укрепить железными скобами и залить алебастром, кроме лепной работы. Лестницы сделать из черницкого камня. Этот известняк оранжевого цвета был более прочным, чем парицкий, поэтому использовался для облицовки цоколей и строительства наружных лестниц. Плитную внутреннюю и наружную работу в мансардах и в Круглом зале строить под штукатурку. Панов обязался выполнить всю плотницкую внутреннюю и наружную работу в строении, в мансардах и в Круглой зале, поставить стропила, обрешетить и покрыть черепицей на извести¹⁷.

16 июня в городское правление поступил рапорт от надворного советника Петра Ивановича Старова, служившего инспектором гатчинских строений, с сообщением, что он освидетельствовал работы, произведенные Пановым по подрядам – построение Скотного двора в Сильвии. Подрядчик обязался всю каменную и плотницкую работу закончить к 17 августа 1797 года. Но еще в сентябре 1797 года указывается, что в Сильвии строится каменный Скотный двор по подряду за 20000 руб. Установка печей не вошла в контракт, поэтому работы продолжались в 1798 году.

Таким образом, комплекс Молочной фермы или Скотного двора в Гатчине начали создавать в 90-е годы, и работы продолжались до конца XVIII века. Главное каменное здание строилось на старых фундаментах Фазанника, в несколько этапов, и в результате претерпело ряд изменений.

¹⁶ РГИА. Ф. 491. Оп. 1. Д. 145. Л. 145.

¹⁷ Там же.

В документах имеется «Смета на постройку вновь птичьего двора, сколько надобно и каких материалов и что за работу»¹⁸, подписанная архитектором А. Захаровым, без даты. Смета написана скорописью XVIII века на бумаге верже, с филигранью типа «Britania» и филигранным текстом «*J LARKING 1797*». Таким образом, время составления сметы можно датировать не ранее 1797 года¹⁹. В конце XVIII века Захаров был профессором Академии художеств. В Гатчину он был назначен в декабре 1799 года и проработал здесь почти два года. Совет Академии на заседании 31 декабря дал А. Захарову в помощники ученика Академии художеств 5-го возраста Христофора Спедера, разъяснив Обольянинову о сложностях, связанных с поездками в Гатчину. Возможно, Спедер и занимался осуществлением проекта Фермы под наблюдением главного архитектора. Мы не располагаем документами, подтверждающими составление проекта Фермы Захаровым. Скорее всего, с постройкой здания Птичника на противоположном берегу и переводом птиц и фазанов в новое здание, ему пришлось приспособлять существующую постройку под новые условия и достраивать его. Для этого и были составлены сметы. Смета Захарова предусматривает украсить зал скульптурной и лепной работой, высечь два орла с фестоном и девять ваз из пудостского камня. На чертеже Фазанного дома из Кушелевского альбома орлы и вазы украшают центральный объем здания.

В архитектуре здания имеются элементы, характерные для этого мастера: в отделке фасадов имеет место часто применяемый Захаровым дорический ордер. Характер отделки центрального зала, профили тяг и карнизов также носят черты, присущие его творчеству. Кроме того, архитектор перестраивал уже имеющееся или начатое строение, и сама постройка является заказной репликой на здание в Шантйи, чертежи которого имелись у Павла I, и существенные отклонения от заказа не были бы утверждены.

Помимо главного здания в комплекс входили коровник, телятник, изба и погреб. Территорию ограничили забором с двумя воротами.

В ГМЗ «Гатчина» имеется чертеж неизвестного архитектора с изображением небольшой постройки²⁰. Сверху в центре надпись: «птишная» (Ил. 5).

¹⁸ РГИА. Ф. 491. Оп. 1. Д. 149. Л. 6–7.

¹⁹ Научный архив ГМЗ «Гатчина». Исакова Е. Историческая справка к проекту восстановления Фермы. 2015.

²⁰ ГДМ-379-ХП.

Известно, что некоторые чертежи для Скотного двора выполнял архитектор А.Г. Бежанов – ученик А. Захарова.

На оборотной стороне чертежа карандашный набросок треугольного плана Дворцовой фермы в Сильвии. В правом верхнем углу треугольника обозначено пятно для застройки небольшого сооружения (видимо, данного птичника). Возможно, сооружение проектировалось для Дворцовой фермы. Было ли оно построено – неизвестно.

Различные строительные работы велись на Ферме и в XIX веке.

В 1831 году на Скотном дворе проводят ремонтные работы: починено четыре голландские и русские печи, поправлены и покрашены клеевой краской стены. За период с 1798 года до капитального ремонта в 1832 году на территории Фермы были построены отдельно стоящий хлев для коров и телят, деревянный колодец, изба для служителей²¹.

В мае 1832 года генерал-лейтенант Я.В. Захаржевский²² пишет в рапорте Министру императорского двора²³, что из числа зданий, принадлежащих Гатчинскому дворцовому ведомству, усматриваются большие ветхости и даже безобразия по Ферме. Осматривая здания, он нашел, что деревянное строение совершенно ветхое. Потолки, чтобы не упали, подперты, навесы ветхие и не нужны, навозной ямы для гниения соломы нет, все место огорожено неправильно, и заборы валятся. Часть крыши железная, часть черепичная, во многих местах протекает, коровник и людская в жалком положении. В хлевах балки, подборы, полы, потолки и переборки, в жилых покоях печи ветхие. Комендант Гатчины генерал-майор Е.А. Рооп просит разрешения приступить немедленно к исправлению Фермы по составленному 20 апреля 1832 года плану и смете главного архитектора Гатчины А.М. Байкова на сумму 14145 руб. 90 коп. В документах перечислены подробно работы (каменная, печная, столярная, штукатурная, плотничья, кровельная, стекольная, малярная) и необходимые материалы.

После завершения ремонта было составлено описание произведенных работ. Были установлены сточные трубы с отводом в речку, при дверях тамбур. Крышу покрыли листовым железом и покрасили черлядью. Стоящий во дворе

²¹ РГИА. Ф. 491. Оп. 1. Д. 149. Л. 87–90.

²² Захаржевский Яков Васильевич (1780–1865). В 1828 году под его начальство поступил Гатчинский дворец со всеми зданиями, садами и деревьями.

²³ В 1829 году Гатчина поступила в ведомство Министерства императорского двора.

хлев для коров и телят по ветхости разобрали и построили новый для буйволов, телят, для склада мякины и соломы. Переделали колодец, разобрали во дворе старую ветхую избу и погреб, забор сделали новый. Были переделаны цоколь и парадное крыльцо, 12 печей, сделаны два очага. Сделано отхожее место и вырыта яма для навоза и двор распланирован²⁴.

В 1855 году главным архитектором Гатчины назначается А.В. Кокорев. В 1856 году он составляет смету на изготовление нового деревянного ретирального места на два отделения во дворе Дворцовой фермы. Работы были выполнены казенными людьми за 45 руб.

В 1858 году в гатчинской Дворцовой ферме были проведены большие переделки. В главном здании разобрано крыльцо у центрального входа и сложено новое. Ступени вытесаны из путиловской плиты. Сделаны фундаменты под печи, выломаны старые рамы, разобраны полы с балками, настелены черный и чистый пол, дубовый паркет, изготовлены филленчатые двери, оконные рамы с переплетами. Разобраны старые печи и устроены новые. Отбелены потолки, окрашены стены в залах. Сделано мощение около тамбура при входе на Ферму. Возобновлена живопись в зале, на сводах и стенах. В отчете 1858 года гатчинского правления о материалах указан расход лесных, каменных материалов.

В 1863 году по требованию архитектора Кокорева для вставки в хлевах Дворцовой фермы получено четыре стекла. В ведомости малярным работам, произведенным крестьянином М. Павловым в товариществе с Царскосельским купцом Лопухиным, в хлевах отбелены стены известью²⁵. Один день на Ферме работал мостовщик, который исправлял мостовую около колодца. Булыжная мостовая была вымощена и перед тамбуром коровника²⁶. В Зверинце вырыли и очистили подземную трубу, которая была проведена с Дворцовой фермы.

В 1869 году упоминаются печные работы: сломаны старые печи; сделаны вновь четыре голландские изразцовые и две русские печи с постановкой вьюшек и дверец; в водогрейной кирпичный очаг с чугунным котлом. Исправлены семь старых печей.

²⁴ РГИА. Ф. 491. Оп. 1. Д. 1743. О предоставлении к Главноуправляющему Царским Селом ведомостей.

²⁵ РГИА. Ф. 491. Оп. 2 Д. 1781. Контракты, заключенные с частными лицами на производство ремонтных работ отдельных дворцовых зданий 2 янв. 1860 – 7 февр. 1863.

²⁶ РГИА. Ф. 491. Оп. 2. Д. 370. Л. 40.

23 апреля 1882 года управляющий гатчинскими дворцами генерал К.Ф. Багговут пишет начальнику Императорской охоты Черткову, что на основании высочайшего повеления Дворцовая ферма передана в ведение начальника охоты. 28 апреля Чертков принимает Ферму от Багговута по описи.

Весной 1882 года принято решение об освидетельствовании всех дворцовых зданий в Гатчине при участии техников контроля архитекторов Харламова и Николая совместно с младшим врачом городского госпиталя Сидельниковым. Составлена ведомость по осмотру, в которую вошла и Ферма со службами: одноэтажное здание, при оной каменный погреб, сарай, деревянные хлевы, обнесенные форменным забором.

В замечаниях написано:

1. На Ферме исправить и окрасить крышу. Дымовые трубы частью без колпаков, пять дымовых труб сверх крыши переложить. Деревянный тамбур при входе в коровник ветхий. В коровнике переменить и укрепить подшивной потолок. В молочной заделать трещину в стене, устроить асфальтовый пол и оштукатурить стены цементом.

2. В квартире рабочих устроены антресоли, насос для воды и здесь помещаются девять человек, включая детей. Вследствие сырости поместить живущих в более удобное помещение.

3. Вытяжные трубы в коровниках заканчиваются в чердаках. Следует их вывести наружу. В кухне переложить изразцовую печь. В царских комнатах местами обваливается штукатурка. Следует отбить ветхую штукатурку и отремонтировать все комнаты.

4. Заборы, окружающие Ферму, ветхие, и часть их следует переустроить и провести капитальный ремонт.

5. В колодце сруб ветхий.

6. За очисткой навозной ямы должен быть более тщательный надзор.

Выводы: Устроить каменные непроницаемые выгребы и деревянные сточные трубы заменить такими же каменными. При выходе труб в озеро устроить фильтры, обезвреживающие проходящую через них жидкость, отвести сток из труб в другое более отдаленное от дворца место²⁷.

В каменном здании Фермы для жилья рабочим приспособили две комнаты. Для этого разобрали голландскую печь и сделали новую железную.

²⁷ РГИА. Ф. 482. Оп. 3. Д. 34. Об освидетельствовании всех дворцовых зданий в г. Гатчине.

В стене пробили новое отверстие для двери. Внутри обшили стены досками и оштукатурили по войлоку. Потолки окрасили мелом, стены перловым тоном, окна и двери желтой краской. Об этом пишет архитектор С.О. Шестаков в 1883 году²⁸. С 1875 года С. Шестаков был архитектором Гатчинского дворцового управления и Императорской охоты, а с 1885 года – архитектором Императорской охоты. В коллекции музея имеется его чертеж, на котором видны лицевые фасады главного здания, погреба и проектирующегося павильона над колодцем. На чертеже подпись архитектора и надпись «Высочайше утверждено 22 июля 1885 г. Гр. Воронцов-Дашков». Над колодцем был установлен флюгер с датой – 1885 год. Видимо, каменный колодец был сооружен в это время (Ил. 6).

Во второй половине XIX века на территории Фермы возводятся дополнительно ряд построек: деревянный жилой дом для обслуживающего персонала, каменное здание телятника, свинарник, сенной сарай, две силосные башни и сарай для хранения кормов. К главному зданию со стороны двора пристраиваются новые помещения с целью расширения коровника. Все постройки благоустраиваются: снабжаются водопроводом, канализацией и электроосвещением²⁹. В 1891 году Шестаков разработал проект каменного телятника³⁰ (ил. 7).

24 мая 1889 года С.О. Шестаков пишет заведующему хозяйством Императорской охоты рапорт, к которому прилагает две сметы и проект с пояснительной запиской на устройство отопления и вентиляции на Ферме, составленные инженером П.В. Степановым, что должно позволить повысить температуру в помещениях и осушить стены коровника. К проекту прилагается пояснительная записка Степанова. Выполнены были следующие работы: установлен металлический калорифер с топкой, отделанной огнеупорным кирпичом. Вокруг калорифера устроена камера с перегородками для распределения тепла по разным помещениям. Под полом коровника устроена воздухопроводная труба из кирпича. В молочном отделении пробит от камина дымовой канал³¹. Сложены в Круглом зале и боковой комнате три калориферных печи из терракотовых изразцов.

²⁸ РГИА. Ф. 478. Оп. 4. Д. 310. 1880–86. Сметы на строительные и ремонтные работы по зданиям Императорской охоты. Л. 47.

²⁹ Научный архив ГМЗ «Гатчина». № 505. Абрамов Л.К. Ферма. Историческая справка. 1950.

³⁰ Чертеж каменного телятника. ГДМ-303-ХП, ГМЗ «Гатчина».

³¹ РГИА. Ф. 478. Оп. 3. Д. 2805. Сметы на ремонты.

Для сохранения молочных и мясных продуктов устраивали ледники. В документах 1800 года встречаются указания для устройства ледяного погреба: наместить пол, сделать накатный потолок, с гладкой стороны фасада обрешетить под железо. С других трех сторон покрыть чистыми дюймовыми досками³². На месте существующего ныне погреба на топографической карте геодезиста Ф.Ф. Шуберта 1831 года находилось квадратное в плане деревянное строение, вероятно, также служившее погребом.

В 1833 году упоминается погреб молочный, с наружной стороны окрашенный: крыша черлядью; стены палевой и окна белой краской³³. В 1846 году в погребе при Ферме разобран ветхий пол с балками, настлан черный и чистый пол, починена одна дверь³⁴. Несмотря на проделанный ремонт 1846 года, по личному приказанию императора вместо деревянного погреба на построение при Дворцовой ферме нового каменного было выделено 2712 руб. 47 коп.³⁵ Необходимо было представить смету и чертежи к 1 января 1847 года. К ведомости по постройкам 1847 года были приложены смета и два рисунка, и имеется карандашная приписка «строится»³⁶. 24 октября 1847 года за земляную и каменную работы по построению вновь при гатчинской Дворцовой ферме каменного погреба было выплачено 344 руб. 37,5 коп.³⁷

В фондах ГМЗ «Гатчина» имеется чертеж ледника, выполненный архитектором А.М. Байковым³⁸. По размерам и внешнему виду он похож на существующий ныне.

³² РГИА. Ф. 491. Оп. 1. Д. 149. Ведомости сметные и расходные по постройкам 1797–1832.

³³ РГИА. Ф. 491. Оп. 1. Д. 1743. О предоставлении к Главному управляющему Царским Селом ведомостей...

³⁴ РГИА. Ф. 491. Оп. 2. Д. 93. 1846. Из описания произведенных работ.

³⁵ РГИА. Ф. 491. Оп. 2. Д. 86. Из ведомости по работам и постройкам, предполагаемым произвести за счет экономии сумм 1847.

³⁶ РГИА. Ф. 491. Оп. 2. Д. 86. Л. 3 об. Ведомость о работах и по постройкам и исправлениям, предполагаемым произвести за счет экономии сумм в 1847 г.

³⁷ РГИА. Ф. 491. Оп. 2. Д. 91. С. 66. О производстве каменных работ по вывозке кирпичных стен в сооружаемой в Гатчине каменной церкви.

³⁸ Байков Алексей Михайлович (1790–1852) – главный архитектор Гатчины в 1824–1852 годах.

В 1918 году гатчинской городской управой была сделана опись принятого имущества по отделу бывшей Императорской охоты, куда входила Ферма³⁹:

1. Сенной сарай на постаменте, обшитый досками между деревянными столбами. Крытый железом. Помещений: два отделения для сена и кладовая (Ил. 8).

2. Навозная яма деревянная из брусьев, обшитая досками.

3. Летний коровник на столбах, забранный досками, крытый железом.

4. Телятник летний на столбах, крытый железом.

5. Весы Фербенса.

6. Дом скотников, деревянный, на каменном фундаменте, крыт железом. (Ил. 9).

7. Телятник с изоляционным помещением. Здание кирпичное, крытое железом. Изоляционное помещение деревянное на каменном фундаменте.

После революции здания приспособляли под свои нужды различные хозяева и учреждения. Здесь были сельскохозяйственный институт, жилые квартиры, подсобное хозяйство воинской части, менялись арендаторы. Сегодня только в жилом доме еще живут квартиросъемщики, и вокруг этого дома возникли гаражи, огороды. Остальная часть Фермы принадлежит музею, и в 2016 году здесь начаты реставрационные работы.

Гатчинская мыза «доорловского» времени: история пожалований в первой половине XVIII века

Всем кто так или иначе интересовался историей императорских резиденций или просто бывал в Гатчинском дворце, хорошо известно имя его первого владельца Григория Григорьевича Орлова, сподвижника и фаворита императрицы Екатерины Алексеевны. Сохранившиеся планы и чертежи (в том числе и выявленные относительно недавно), а также источники личного происхождения позволяют сложить представление о Гатчине прежде всего как великокняжеской и императорской резиденции. Относительно подробно в историографии освещен и так называемый «орловский» период (1765–1783). При этом еще в первой половине XVIII века Гатчинская мыза являлась одной из аристократических дач в окрестностях новой столицы. Однако имена ее первых владельцев (И.Л. Блюментроста и А.Б. Куракина) упоминаются редко и вскользь, во многом в связи с ограниченностью источников за данный период времени. Но, как известно, истина в деталях, и было бы интересно взглянуть на то, как выглядела эта местность прежде, чем перешла к «екатерининскому орлу». Выявленные в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) материалы (отказные книги, высочайшие указы и челобитья о пожаловании «деревнями») позволяют подробнее осветить состояние Гатчинской мызы «доорловского» времени.

Очевидно, что интерес аристократических кругов к земельным владениям в Ингерманландии последовал сразу после первых успехов российской армии в Северной войне. В то время, после 1712 года, пожалования в окрестностях Санкт-Петербурга, по замечанию С.В. Черникова, «приобрели массовый характер»¹. В большинстве случаев просители указывали на необходимость получения земельных дач в Санкт-Петербургском, Шлиссельбург-

³⁹ Опись принятого имущества (недвижимого) Гатчинской городской управой по отделу бывшей Императорской охоты. 1918 год. Частное собрание.

¹ Черников С.В. Материалы подушных переписей Ингерманландии 1730–1760-х гг. как источник по землевладению правящей элиты России // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв.: Источники и методы исследования. Материалы XXXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Рязань, 2012. С. 159.

ском, Ямбургском либо Копорском уездах, в связи с прохождением службы в новой столице. Обладание так называемым «приморским двором» не только демонстрировало высокое положение сановника во властных кругах, но и имело практическую (хозяйственную) значимость для представителей правящей элиты России, дублируя собой подмосковные имения. Так, например, один из видных дипломатов петровского времени А.А. Матвеев в челобитной писал, что дача нужна ему «для исправления всяких домовых нужд»², а генерал-фельдмаршал А.И. Репнин отмечал: «...ибо дрова, и хлеб, и всякую живность, и сено покупаю дорогою ценою и весьма от того разоряюсь»³, в то время как обладатели приморских дворов «не токмо домовое довольство, но и прибыль имеют, излишества продают»⁴. В феврале 1732 года Анна Иоанновна удовлетворила прошение генерал-фельдцейхмейстера Бурхарда Миниха о пожаловании ему «вместо не отданной [при Петре II – А.П.] деревни Леднево» конфискованного у князя Меншикова небольшого села Кабони (в 66 дворов), которое еще в 1728 году было отдано в Савин монастырь. Свою просьбу граф обосновывал необходимостью ежегодного пребывания на Ладожском канале «для осмотра и поправления оногo»⁵. В июле 1740 года Б. Миних также получил в «вечное и потомственное владение» Приморскую мызу П. Мусина-Пушкина⁶.

Аналогичные просьбы от представителей элиты, конечно же, поступали и в отношении конфискованных в эпоху «дворских бурь» подмосковных

² Малинова-Тзиафета О.Ю. Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. С. 38. Также см.: Беспятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л.: Наука, 1991. С. 239; Горбатенко С.Б. Петергофская дорога: Ораниенбаумский историко-ландшафтный комплекс. СПб.: Д. Буланин, 2001. С. 32.

³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 107. Л. 524.

⁴ Малинова-Тзиафета О.Ю. Указ.соч. С. 38.

⁵ Челобитная Миниха также содержит просьбу о выплате ему соответствующего его должности жалования в 2445 руб. в год, которого он не получал (РГАДА. Ф. 248. Оп. 21. Кн. 1354. Л. 46–46 об.). Савину монастырю в виде компенсации за взятое с. Кабони изначально было выделено из дворцовых «Ладожских рядков» 66 дворов (122 души м.п.), что, как выяснилось, превосходило количеством душ взятые Кабони. В связи с чем решено было отдать дворцовых крестьян из с. Черного и деревни Стрековицы (по справке: в селе 7 дворов и 16 душ, о деревне – «известия нет»). Подробнее об этом см.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 21. Кн. 1354. Л. 53–58).

⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 21. Кн. 1370. Л. 352.

имений. Так, и без того уже награжденный «довольным числом деревень» в 500 дворов генерал А.И. Ушаков в сентябре 1730 года «для необходимой нужды принужден» был «рабски просить» Анну Иоанновну еще о 20 дворах княжны Александры Долгорукой в Московском уезде, селе Щербееве⁷. Тогда же, в сентябре 1730 года, о пожаловании в Московском уезде дворцовым селом Павловским к Анне писал вошедший в состав Сената генерал П. Ягужинский, отметивший, что все его деревни в «отдаленных местах состоят», отчего ему «домашний свой расход не без трудности» и «нужды содержать» приходится⁸. Не забывали просители указать и на то, что в сравнении со своей «братией... не точию равности награждения, но третьей части» не получили⁹. В связи с чем в сентябре 1747 года, в одном из указов по поводу ингерманландских дач, Елизавета Петровна решила напомнить подданным принцип любого земельного пожалования, подчеркнув, чтобы никто в своих прошениях не ссылался на произведенные кому-либо раздачи как на «образец», так как любые будущие и уже состоявшиеся пожалования были сделаны из «высочайшей милости <...> ибо то в Нашей власти состоит»¹⁰.

В целом, согласно законодательству, дворянам прямо запрещалось просить о дворцовых, монастырских и «завоеванных лифляндских и эстляндских деревнях»¹¹. Но те из них, «которые довольно служили и были на баталиях и штурмах», могли «приискать» себе имения «отписные» или выморочные¹². Правда в 1733 году Анна Иоанновна объявила о всеобщем запрете просить ее о земельных пожалованиях «под опасением гнева», при этом заявив, что «ежели кто для оказанной к Нам и Нашему Государству службы какого награждения явится достоин, такие из Нашей Императорской милости награждены будут без прошения их»¹³. В 1742 году Елизавета Петровна смягчилась, подтвердив лишь запрет дворянам просить о даче тех деревень, которые поло-

⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 21. Кн. 1349. Л. 683–684.

⁸ Там же. Л. 676.

⁹ Там же. Л. 926.

¹⁰ ПСЗ–I. Т. XI. № 8675.

¹¹ РГАДА. Ф. 340. Оп. 1. Ч. 1. Д. 243. Л. 2.

¹² Там же. Л. 2.

¹³ ПСЗ–I. Т. IX. № 6465. После этого указа прошения о пожаловании обычно отклонялись. См. челобитную 1734 г. отставного майора Кекутова: РГАДА. Ф. 248. Оп. 21. Кн. 1358. № 8. Л. 302.

жены в оклад «на дворцовые и прочие государственные расходы», в то время как конфискованные и выморочные имения по-прежнему могли быть «всемилюстивейше» пожалованы «по усмотрению... кому надлежит» за «известные службы»¹⁴. При этом милостивая императрица вознамерилась пересмотреть все пожалования, сделанные в период «незаконного правления» герцога Курляндского и Анны Брауншвейг-Люнебургской. В именном указе, на исходе 1741 года, российским подданным было сказано: «Понеже Мы совершенно желание имеем, дабы Наши верноподданные такие награждения и повышения чинов получали каждый по своей заслуге и достоинству, дабы на них взирая и другие тщились такие же заслуги Нам и Нашему Государству действительно оказывать <...> дабы недостойные с достойными и заслуженные не с заслуженными сравнены не были»¹⁵.

Так или иначе все указы акцентировали внимание просителей на принципе, ясно сформулированном еще Петром I, отметившим, что следует «жаловать только за заслуги, а не по знатности». Поэтому как в челобитных, так и в высочайших рескриптах относительно земельных пожалований непременно имелось указание на «верные службы».

Напротив, отстранение или прекращение службы влекло за собой возврат недвижимого имущества в фонд государственных земель. Так, в июле 1732 года Анна Иоанновна распорядилась взять от бывшего главы Медицинской канцелярии – архиатера Ивана Блюментроста – пожалованную ему в 1719 году, по протекции князя Александра Меншикова, во владение мызу Гатчинскую «с деревнями и с мельницей, что на Ижоре», и приписать к Дворцовой канцелярии, так как Блюментрост от «той должности отставлен и от службы уволен»¹⁶. По сути Иван Лаврентьевич оказался уже третьим владельцем Гатчинской мызы после царевны Натальи Алексеевны (1712–1716) и придворного лейб-медика Петра I Роберта Карловича Арескина (1716–1718), но располагал этим имением дольше всех – с 1719 по 1732 год. Сохранив посты и наградные поместья после опалы светлейшего князя, Иван Блюментрост, однако, не смог устоять в кадровых перестановках 1730-х годов и в 1731 году оказался не у дел, в то время как его брат, лейб-медик и президент Академии наук Лаврентий

¹⁴ ПСЗ–I. Т. XI. № 8675.

¹⁵ Там же. № 8490.

¹⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 21. Кн. 1354. Л. 330.

удержал свои посты несколько дольше – до 1733 года¹⁷. После кончины императрицы Блюментрост попытался вернуть гатчинские владения с населением в 832 души м.п. или хотя бы получить компенсацию за взятые из мызы в 1732 году «без остатку»: винокуренные котлы, хлеб, скот и птицу. Учитывая тот факт, что у Белого озера еще для Натальи Алексеевны был возведен трехэтажный дом и был разбит Ботанический сад¹⁸, в челобитной к Иоанну Антоновичу бывший архиатр явно преувеличил бедственное состояние доставшейся ему в 1719 году мызы, указав, что «она в бывшую с швецкою короною войну и по завоевании была разорена всевозможными образы»¹⁹. Однако просителю было важно показать, каких усилий стоило ему привести имение в надлежащий вид. Так, Блюментрост отмечает, что «не жалея никакого иждивения в состоянии приводил; и которые войною разорение <...> той мызы с деревнями собирал своим коштом, хлебом и лошадьми и снабжал скот[ом]; заводи и пашни, и сеньные покосы расчищал и размножал, и всякое строение наемными работниками строил, и желая, чтоб она была во всяком довольствии, хлеба и скота чрез многие годы малое число в Санкт-Петербургский дом мой брал, а большую часть для хранения и содержания той мызы с деревнями оставлял, отчего себе действительно великий убыток понести принужден был»²⁰. Здесь явно вырисовывается хозяйственная значимость пожалованной в Копорье мызы, призванной обеспечивать всем необходимым городской дом ее владельца.

Важно отметить, что этот случай приписки ранее пожалованных имений «ко дворцу» при смене правящего монарха или конъюнктуры при дворе далеко не единственный. С подобной же ситуацией пришлось столкнуться и другому придворному – Федору Михайловичу Каменскому, когда в 1732 году Анна Иоанновна также распорядилась передать некогда пожалованные ему «бывшие Меншикова» имения в ведение Дворцовой канцелярии, вместе с 11370 четвертями произведенного «наличного» хлеба, всем скотом и лошадь-

¹⁷ Сборник ИРИО. Т. 104. С. 81, 87; Т. 106. С. 334. О кадровых перестановках в 1730-х гг. См.: Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003. С. 238.

¹⁸ Бурлаков А. Был в Гатчине Ботанический сад // Исторический журнал «Гатчина сквозь столетия» <http://history-gatchina.ru/article/botsad.htm> (Дата обращения 01.09.16)

¹⁹ Челобитная И.Л. Блюментроста // Исторический журнал «Гатчина сквозь столетия» <http://history-gatchina.ru/museum/doc/doc1.htm> (Дата обращения 01.09.16)

²⁰ Там же.

ми²¹, что нарушало принцип, установленный еще Соборным Уложением: «Всякое приращение в вотчине пожалованной, учиненное в последствии времени владельцем, ему принадлежит»²². В правление же принцессы Анны Леопольдовны в 1741 году все те деревни были отданы гофмаршалу Дмитрию Шепелеву²³. После переворота 25 ноября 1741 года камер-юнкер Каменский в числе первых подал прошение на имя Елизаветы Петровны, в котором описал все свои заложенные. Особо отметил, что в 1728 году, как и полагалось при «отказе имения», он исправно заплатил все «надлежащие пошрины с четвертой дачи более тысячи рублей» и «во владение свое проча» развернул в этих деревнях масштабное строительство и занялся благоустройством: возвел «немалой дом на каменном фундаменте», высадил «великой регулярной сад», «запрудил пруды и мельницы поделал», купил «для заводу немалое число лошадей и прочего скота», построил «два хутора», давал крестьянам «многую ссуду», «обучил для домовою своею услуги несколько человек разному мастерству» и конечном счете из собственных средств «издержал более» 6000 руб.²⁴ Императрице Каменский предложил несколько вариантов «решения» по его челобитью:

Возвратить ему все «жалованные меншиковские деревни», включая хлеб и скот, а также компенсировать собранные «во дворец» доходы за десятилетний срок «невладения» теми имениями (с продажи хлеба «более 20 тыс. рублей»);

Пожаловать ему из дворцовых земель «село Клушино с деревнями и с пустошьми <...> и в Тамбовском уезде село Лесное и Рассказово то ж с принадлежностями».

Вероятно, Каменский понимал, что общее число дворов в таком случае может превысить его прежнюю дачу, однако просил и «теми излишними всемилостивейше» его пожаловать за «понесенные безвинные убытки»²⁵.

Камер-юнкеру очень повезло, так как его прошение попало к Елизавете вместе с двумя другими челобитными князей Василия и Михаила Владимировичей Долгоруких, и 8 января 1742 года императрица повелела возвратить данные Д. Шепелеву имения назад к Ф. Каменскому «в вечное потомственное

²¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 21. Кн. 1372. Л. 5–5 об.

²² ПСЗ – I. Т. I. Ул. XVII. 18.

²³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 21. Кн. 1372. Л. 5 об.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

владение»²⁶. Уже 11 января из Правительствующего Сената были разсланы указы в Сенатскую канцелярию, Вотчинную коллегия и Дворцовую канцелярию об исполнении данного е.и.в. указа. Тогда же уведомили и челобитчика, который «под данными указами и ведением взял и росписался»²⁷.

В отличие от Каменского, Блюментросту вернуть Гатчину не удалось. Но все же, согласно данным С.В. Черникова, после II ревизии, наряду с другими представителями правящей элиты страны, Блюментросты пополнили состав крупнейших душевладельцев Ингерманландии, в имениях которых насчитывалось 587 душ м.п. При этом в тот же период новые владельцы Гатчинской мызы – Куракины – имели в регионе порядка 927 душ м.п.²⁸

Можно сказать, что своим новым пожалованием князь А.Б. Куракин был обязан непостоянству государыни императрицы, когда в феврале 1734 года Анна Иоанновна также повелела «приписать ко дворцу» ранее отданную ему (в октябре 1732 года) бывшую князя Василия Лукича Долгорукова мызу Рятинскую «и к ней шесть деревень, да в Виликинской и в Перелеской мызах три деревни со крестьяны и со всеми принадлежащими к ним угодья», вместо которых из дворцовых волостей тайному советнику отдали «в вечное и потомственное владение» в Копорском уезде мызу Гатчинскую, как уже говорилось выше, несколько лет назад взятую на е.и.в. у Блюментроста²⁹. До конца неясно, по какой причине императрица посчитала необходимым произвести данный «обмен», но подобные распоряжения она давала неоднократно. Тогда же – в октябре 1732 года, взамен уже пожалованной камер-юнкеру Алексею Татищеву мызы в Рижском уезде, Анна распорядилась отдать «отписное» у Юрия Долгорукова село Теньково в Суздальском уезде, а Степану Татищеву село Елизарово в Дмитровском уезде, с которых Вотчинной коллегии было сказано «четвертных пошлин» не брать³⁰.

Выявленное в сенатских книгах «Ведение о Гатчинской мызе с деревнями» дает нам представление о характере пожалованного князю имения. Так, «Гатчинской мызе на реке Ижоре» дано следующее описание: «В ней двор по-

²⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 21. Кн. 1372. Л. 9.

²⁷ Там же. Л. 12.

²⁸ Черников С.В. Указ. соч. С. 161.

²⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 21. Кн. 1354. Л. 402–407.

³⁰ Там же. Л. 408.

мешиков, да при том дворе двор скотной, да двор бобыльской. В них людей мужеска – семь, женска – шесть душ, да при той же мызе озеро, пашни паханные мызниковы 30 четвертей в поле, а в дву потомуж за перелогом и лесом поросло по другую сторону верховья малые реки Ижоры по обе стороны большая дороги десять десятин сена, около реки Ижоры и позапою пять десятин»³¹. Таким образом, усадьба включала в себя господский двухэтажный дом «с балконом и мансардной крышей, сад, различные хозяйственные постройки и жилые помещения для прислуги». Позднее «для умножения покоев» вплотную к главному дому был пристроен еще один³².

Согласно составленной в Вотчинной конторе справке с отказными книгами от 6 марта 1734 года Гатчинская мыза включала в себя также 23 деревни, кабак и мельницу на реке Пудости, «при которой бывал кожевной завод, а ныне мучная стоит по левую сторону той реки и при ней один двор мельников, в нем мужеска 8, женска 6 душ, а при той мельнице землю, на которой мельников двор, владеет адмирал и кавалер Иван Михайлович Головин к Таецкой своей мызе»³³.

Деревня Большая Гатчина «на Суходоле» насчитывала 16 «крестьянских и бобыльских дворов» с 66 душами м.п. и 40 – женского, а также 12 четвертей пашни. Средняя Гатчина была практически в два раза меньше: «8 латышских дворов», 29 душ м.п. и 22 души ж.п. и «пашни пахатные шесть четвертей». Малая Гатчина и вовсе состояла из трех дворов, «в них людей мужеска полу восемь, женска – тож число» и четыре четверти пашни. Следующая д. Загоска имела небольшое озерцо, 16 латышских дворов в 48 душ м.п. и 46 ж.п. В д. Парице прежде имелась церковь Рождества Пресвятой Богородицы, а «ныне на том же месте часовня и кладбище христианское»³⁴. Деревня Колпина раскинулась «по обе стороны реки Ижоры», в поле находилась деревянная кирха, рядом пасторский двор, при деревне было христианское кладбище, а также

³¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 21. Кн. 1384. Л. 1135–1135 об.

³² Тришина А. Мыза Гатчина в мемуарах Е.Р. Дашковой // Исторический журнал «Гатчина сквозь столетия» <http://history-gatchina.ru/article/dashkova.htm> (Дата обращения 01.09.16)

³³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 21. Кн. 1384. Л. 1138, 1145.

³⁴ Там же. Л. 1136–1136 об.

«Колпинское озеро мерою пять десятин»³⁵. Так, в Гатчинской мызе с «деревнями» насчитывалось в общей сложности 177 дворов, 627 душ м.п., 526 душ ж.п. и 142 четверти «пахотной» пашни. Кроме того, «во владение благородной государыне цесаревне и великой княжне Наталье Алексеевне» еще в 1713 году приговорами губернской канцелярии к Гатчинской мызе были приписаны семь деревень Таецкой и Сиворицкой мыз, отмежеванные дьяком Дмитрием Овиновым в 43 двора, 165 душ м.п. и 126 ж.п., а также 33 четвертями пашенной земли³⁶. Всего по межевым книгам дьяка Дмитрия Овинова, составленным еще в 1714 году, во владение князя А.Б. Куракина перешло: «пашни паханные и перелогом, и лесом поросло и сенных покосов и лесов пашенных средней земли 5254 четверти. А доброю землю с наддачею 4203 четверти с полутретью, да лесов непашенных и болот 7738 десятин»³⁷. Спустя 30 лет, в объявлении о продаже Гатчинской мызы «с принадлежащими ей 20 деревнями» и населением в 1180 душ м.п. благосостояние имения было описано так: «угодий, пашни, пашенного лесу и перелесков 4309, сенного покосу 1183, лесов 1909, моховых болот 5410, выгону 114 десятин»³⁸.

«Ведение о Гатчинской мызе с деревнями» на 1734 год

Составлена по: РГАДА. Ф. 248. Оп. 21. Кн. 1384. Л. 1135–1145.

№	Название деревни	Количество дворов	Число душ		Пашни «пахотные» (четвертей)
			м.п.	ж.п.	
Гатчинской мызы					
1	Большая Гатчина	16	66	40	12
2	Средняя Гатчина	8	29	22	6
3	Малая Гатчина	3	8	8	4
4	Загоска	16	48	46	9
5	Серина Азимаева	7	30	20	4
6	Заколпина (Олкасень)	2	10	10	3
7	Ирва (Гирвина)	1	8	3	4
8	Яскалева	3	12	13	6
9	Парица	33	121	95	35
10	Дяглино	20	63	60	12
11	Мочина	9	24	22	4

³⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 21. Кн. 1384. Л. 1137.

³⁶ Там же. Л. 1138–1143.

³⁷ Там же. Л. 1138.

³⁸ Тришина А. Указ. соч.

№	Название деревни	Количество дворов	Число душ		Пашни «пахотные» (четвертей)
			м.п.	ж.п.	
12	Волшино	26	92	83	15
13	Сойкино (Ваколово)	3	7	6	3
14	Колпина	30	109	98	25
Таецкой мызы					
15	Большая Резна	16	71	57	11
16	Малая Резна	4	17	10	6
17–19	Залежья с деревнями Корпиково и Петлино	17	59	48	11
Сиворицкой мызы					
20	Залуже (Салужи)	2	5	3	2
21	Лядино	4	13	8	3
Всего		220	792	652	175

Формальная сторона акта пожалования заключалась в оплате новым владельцем пошлин «с четвертной дачи» в Вотчинную коллегию и Печатный приказ для получения жалованной грамоты. Однако при пожаловании новоявленные собственники могли столкнуться с проблемой закрепления за ними прав на недвижимое имущество, когда выдачи диплома (жалованной грамоты) приходилось добиваться на протяжении нескольких лет. В подобной крайне неудобной ситуации как раз и оказался обер-шталмейстер. Так, осенью 1743 года князь Александр Борисович Куракин впервые обратился к императрице Елизавете с просьбой на «отказанную» за ним еще в 1734 году Гатчинскую мызу дать ему «для потомственного владения» жалованную грамоту, которой за все эти годы так и не получил. Сверясь с Санкт-Петербургской Вотчинной конторой и Юстиц-коллегией, в Сенате подтвердили как наличие указа о пожаловании земель – от 22 февраля 1734 года, так и запись от 6 марта того же года в отказных книгах³⁹. В том же месяце, как была подана челобитная, сенаторы постановили «по силе» именного указа Анны Иоанновны составить грамоту и «когда апробуется, тогда поднести к высочайшему е.и.в. подписанию»⁴⁰. Однако в декабре 1745 года Куракин вновь был вынужден повторить свою просьбу. Причем Елизавета Петровна к тому моменту уже распорядилась, «не утруждая» ее больше, и дать Куракину жалованную

³⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 21. Кн. 1384. Л. 1132–1143.

⁴⁰ Там же. Л. 1144.

грамоту «за подписанием» Правительствующего Сената⁴¹. Правда, передача данного полномочия Сенату не сдвинула дела, и «сочинение» грамоты вновь затянулось. Так, что в октябре 1748 года в собрании Сената в очередной раз постановили: подготовив диплом, предложить его, на этот раз к подписанию Сенату⁴². В итоге, лишь к декабрю 1748 года дело было решено, но с момента пожалования до закрепления владельческих прав в данном случае потребовалось почти 15 лет. Как известно, сам А.Б. Куракин скончался уже в октябре 1749 года, и лишь благодаря приложенным им усилиям его потомки смогли сохранить за собой гатчинские владения.

С аналогичной ситуацией столкнулся «Арап Петра Великого» – Абрам Петрович Ганнибал. В январе 1742 года он был награжден «за долговременные и вечные службы» бывшим именем почившей царевны Екатерины Ивановны во Псковском уезде (Михайловской губой в 569 душ м.п.), ставшей впоследствии родовой усадьбой Пушкиных⁴³. В том же году генерал-майор «бил челом» о пожаловании ему диплома на «оние деревни»⁴⁴. При этом Сенат подал доклад Елизавете Петровне о выдаче жалованной грамоты Ганнибалу на означенные «вотчины» только в марте 1745 года⁴⁵, несмотря на то, что еще 19 января 1742 года по данной челобитной в журнале было записано: «сочиня... диплом, предложить ко апробации Правительствующему Сенату немедленно»⁴⁶.

В целом в 1745 году, в связи с участвовавшими обращениями на имя императрицы об урегулировании вопросов по земельным пожалованиям за прошлые годы, в Сенате была составлена выписка о всех «деревнях», розданных по именному указу или определению Верховного Тайного совета⁴⁷. В большинстве случаев просили о даче тех или иных «деревень в недоданное число» или сетовали на осуществленную при Анне Иоанновне приписку прежде пожалованных имений к дворцовому фонду. По сути, новая власть намеревалась в очередной раз пересмотреть прежде сделанные пожалования. До абсолюта

⁴¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 21. Кн. 1384. Л. 1146.

⁴² Там же. Л. 1149.

⁴³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 21. Кн. 1372. Л. 49.

⁴⁴ Там же. Л. 52.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 21. Кн. 1374. Л. 63–85.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 21. Кн. 1372. Л. 53.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 21. Кн. 1348. Л. 458.

Елизавета Петровна довела данный принцип еще 12 декабря 1741 года, когда она объявила недействительными все пожалования чинами, «деревнями», дворами и казенными деньгами в период правления Бирона и Анны Леопольдовны и потребовала у Сената выписку на этот счет⁴⁸.

Таким образом, на протяжении нескольких десятилетий в одних и тех же маетностях неоднократно появлялись новые владельцы⁴⁹. А пожалованное имущество, по мнению короны, подразумевало в большей степени право пользования и извлечения доходов, и должно было находиться в определенных руках. Верховная власть могла налагать запрет на самовольное отчуждение новым собственником пожалованного недвижимого имущества (из числа конфискованных имений и ингерманландских дач), которое, как можно было убедиться, при необходимости могло быть вновь приписано «ко дворцу». При этом предшественникам Григория Орлова повезло – Куракины не только владели Гатчинской мызой на протяжении 30 лет, но и смогли закрепить за собой право собственности на эти земли, что и позволило им в 1765 году выставить имение на продажу.

⁴⁸ ПСЗ–I. Т. XI. № 8490.

⁴⁹ Например, за довольно короткий отрезок времени одним и тем же имением обладали П. Шафиров, П. Толстой, А. Волков, о пожаловании ими просил А. Кайсаров (РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 243. Л. 14).

История и география Германии по коллекции оружия Гатчинского дворца

Изучение того или иного музейного предмета должно быть максимально многоплановым, а исторически сложившаяся музейная коллекция представляет собой практически безграничное поле для исследования. Исключительно благодатным объектом для научной работы является оружейное собрание Гатчинского дворца-музея, не удостоившееся внимания ученых с самого времени своего формирования в конце XVIII вплоть до конца XX века.

Арсенал Гатчинского дворца включает в себя произведения мастеров почти из всех европейских стран с конца XVI до середины XVIII века, но больше всего в нем представлено охотничье оружие, изготовленное на территории современной Германии и прилегающих стран, которые можно условно назвать зоной немецкого культурного влияния – Австрии, Чехии и Польши. Причина этого заключается в том, что первый владелец Гатчинского дворца, граф Григорий Орлов, приобрел тем или иным способом значительную часть коллекции оружия премьер-министра Саксонии графа Генриха Брюля, которая продавалась его наследниками в конце 1760-х годов. Таким образом, в Гатчине оказалось одно из богатейших немецких собраний охотничьего огнестрельного оружия, в формировании которого отразились эпизоды истории Германии в целом и Саксонии, в особенности конца XVII – первой половины XVIII века.

По этой причине именно территория современной Германии задаст географические рамки дальнейшего обзора, в котором мы не будем останавливаться на технических или декоративных качествах оружия из Гатчинского арсенала, а воспользуемся им как поводом, чтобы обратить внимание на его первоначальных хозяев и связанные с ними события, говоря о них тем больше, чем менее известными историческими персонажами они являются. Выяснить, кому ранее принадлежало то или иное ружье или пистолет, помогают прежде всего изображенные на них гербы или монограммы владельцев, а также инвентарные номера оружейных собраний, в тех случаях, когда их можно сверить по документам того времени.

Как уже упоминалось, значительная часть оружейной коллекции Гатчинского дворца (ориентировочно около 350 предметов) связана с именем графа Генриха Брюля¹, с которого мы и начнем, хотя он и умер позже всех рассмотренных ниже «догатчинских» хозяев гатчинского оружия. Генрих Брюль (1700–1763), происходивший из тюрингского дворянства, начал карьеру пажом при вдовствующей герцогине Саксен-Вайссенфельской, по ее рекомендации в 1719 году устроился при дворе курфюрста Саксонии Августа Сильного (1670–1733, правил Саксонией с 1694 года, Польшей с 1697 года), который вскоре обратил на него внимание и стал поручать все более важные дела, в том числе управление министерствами финансов и иностранных дел. Высочайшего положения Брюль добился при следующем курфюрсте Августе III (1696–1763, правил с 1733 года), став премьер-министром в 1746 году и, по сути, вторым по влиянию человеком в Саксонии, совмещая еще массу должностей и получая причитающееся содержание. Степени политического влияния соответствовало финансовое благополучие, которое граф Брюль всячески демонстрировал – у него было несколько роскошных дворцов, как в самом Дрездене, так и в других саксонских городах, а также в Польше (находившейся в личной унии с Саксонией в 1697–1763 гг.), наполненных различными коллекциями произведений искусства – живописи, гравюр, скульптуры, фарфора и оружия. В Саксонии, пожалуй, только собрание самих курфюрстов, фанатичных коллекционеров, было богаче. Цена такого собирательского успеха оказалась более чем серьезной. Имя регулировавшего финансовые потоки графа Брюля стало синонимом высокопоставленного придворного-коррупционера, а когда в 1756 году Саксонии пришлось вступить в серьезную войну, выяснилось, что ее армия не в состоянии противостоять соседней Пруссии, где приоритеты в государственных расходах были совсем другие. После вторжения пруссаков граф Брюль вместе с курфюрстом Августом III уехали из Дрездена и жили в Польше до конца войны, которая стала пагубной для Саксонии. Ее армия капитулировала без боя, Дрезден дважды занимали и грабили вражеские войска (особенно пострадали владения Брюля), хозяйство пришло в упадок, а о былом влиянии пришлось забыть. Граф Брюль умер как раз с окончанием войны. На его обширное иму-

¹ Родионов Е.А. Оружие из коллекции Гюнтера I Шварцбург-Зондерсхаузенского в собрании Гатчинского дворца-музея // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Пятой Международной научно-практической конференции 14–16 мая 2014 года. Ч. 4. СПб., 2014. С. 118–119.

щество был наложен секвестр, и постепенно его стали распродавать для покрытия дефицита². Пожалуй, больше всего от распродаж богатств Брюля выиграла Россия – так, приобретенная в 1769 году Екатериной II его великолепная коллекция живописи легла в основу эрмитажного собрания³. Оружие Брюля тоже было продано, и следы его надолго затерялись. Кажется вполне вероятным, что его, так же как и живопись, купила Екатерина II, после чего часть тем или иным путем попала к графу Григорию Орлову в Гатчину.

Теперь перейдем к более ранним немецким владельцам гатчинского оружия и связанным с ними событиям. Об интересном эпизоде в истории Саксонии и правящего ею княжеского рода Веттинов напоминает колесное ружье⁴, изготовленное, скорее всего, в городе Зуль в Тюрингии в 1660–1670-е годы. В 1652 году курфюрст Саксонии Иоганн Георг I (1611–1656) оформил завещание, по которому единый блок земельных владений дробился между его четырьмя сыновьями, тем самым восстанавливалось удельное право, упраздненное в Саксонии еще на рубеже XV–XVI веков. Старший сын оставался курфюрстом, остальные становились герцогами и получали свои доли. Так, после смерти Иоганна Георга в 1656 году образовались герцогства Саксен-Вайссенфельс, Саксен-Мерзебург и Саксен-Цайтц. Последнее досталось младшему сыну Иоганна Георга, Морицу (1619–1681)⁵, и, несомненно, именно с ним связаны геральдические символы, гравированные на замочной доске упомянутого ружья, которое, возможно, ему и принадлежало. Слева от оси колесика (геральдически – справа, на более почетном месте) схематично изображен герб Саксонии – фигурный щит, поле которого девятикратно пересечено черными и золотыми полосами, поверх них зеленая перевязь в виде рутовой короны (фактически горизонтальных полос больше, чем должно быть, а перевязь отображена полоской с точками). Справа от оси колесика – герб входившего в состав герцогства города Наумбурга (на серебряном поле червленые перекрещенные ключ и меч рукоятями вниз). Ниже оси колесика изображен черный петух – герб графства

² Allgemeine Deutsche Biographie. В. 3. Leipzig, 1876. S. 411–417; Neue Deutsche Biographie. В. 2. Berlin, 1955. S. 660–662.

³ Левинсон-Лессинг В.Ф. История картинной галереи Эрмитажа (1761–1917). Л.: Искусство, 1986. С. 65–67.

⁴ Инв. № ГДМ-564-IX.

⁵ Прокопьев А.Ю. Иоганн Георг I, курфюрст Саксонии (1585–1656). Власть и элита в конфессиональной Германии. СПб.: СПбГУ, 2011. С. 653–663.

Хеннеберг, часть которого вместе с городом Шлейзингеном после пресечения местной династии была присоединена к герцогству Саксен-Цайтц в 1660 году. После герцога Морица правил его сын, Мориц Вильгельм, который не оставил наследников, и после его смерти в 1718 году герцогство «вернулось» обратно в курфюршество Саксонии. Та же судьба постигла в XVIII веке и герцогства Саксен-Вайссенфельс и Саксен-Мерзебург.

Гарнитур из колесного штуцера и ружья (внешне одинаковых, различающихся только наличием или отсутствием нарезов в стволе)⁶, изготовленных дрезденским мастером Бальтазаром Херольдом в начале 1660-х годов, принадлежал, судя по гравированной дате (1664) и надписи на стволах, Лотару Готтхарду фон Минквицу (1611–1678). Он родился в Линденау (ныне деревня на юге земли Бранденбург, в то время в Саксонии) и относился к местной владетельной фамилии, здравствующей и поныне (его прадед Каспар II (1511–1569), запечатленный Лукасом Кранахом, владел Дреной, Треттау, Линденау и Шпрембергом). Рано осиротев (мать умерла в родах, отца убили в Дрездене в 1616 году), Лотар Готтхард воспитывался родственниками и одиннадцать лет прослужил пажом при датском принце-наследнике Христиане (1603–1647), женатом на саксонской принцессе Магдалене-Сибилле, потом в разгар Тридцатилетней войны вернулся на службу в Саксонию и постепенно рос в чинах, достигнув высот уже в мирное время. С 1648 года был старостой Бауценского округа, с 1658 года на службе у герцога Саксен-Мерзебургского Кристиана I возглавлял округа Доберлуг и Финстервальде в маркграфстве Нижняя Лузация, а спустя десять лет стал управляющим всего маркграфства. Вероятно, рассматриваемый гарнитур из ружья и штуцера попал к графу Генриху Брюлю в 1744 году, когда тот купил принадлежавший семейству фон Минквиц замок Линденау⁷.

Пара роскошно украшенных пистолетов известнейшего венского мастера Георга Кайзера⁸, а также ружье с турецким стволом и замком производства того же Георга Кайзера⁹ имеют в своем декоре герб графа Августа Кристофа фон Вакербарта (1662–1734) – видного саксонского военного и политического

⁶ Инв. №№: ГДМ-362-IX, ГДМ-571-IX.

⁷ <http://www.vonminckwitz.de/schmankerl02.html> (Дата обращения 02.10.2016)

⁸ Инв. №№: ГДМ-158-IX, ГДМ-159-IX.

⁹ Инв. №: ГДМ-898-IX.

деятеля. Происходивший из благородного семейства в герцогстве Лауенбург, он в 1679 году начал карьеру со службы пажом у Вильгельмины-Эрнестины, супруги курфюрста Карла Пфальцского, а в 1685 году, когда она овдовела и переехала в Саксонию к сестре Анне-Софии, перешел на службу к саксонскому курфюрсту Иоганну Георгу III (мужу Анны-Софии). Хорошие способности и разностороннее образование помогли Вакербарту добиться высот при следующем курфюрсте, Августе Сильном. Он успел поехать против турок, французов (сражался при Мальплаке в 1709 году) и шведов (успешно осаждал Штральзунд в 1715 году), дослужился к 1730 году до генерал-фельдмаршала, входил в Тайный совет и Кабинет министров, исполнял дипломатические поручения в Вене, заведовал главным строительным ведомством в Дрездене, а с 1718 года был губернатором саксонской столицы. Им в 1719 году к юго-востоку от Дрездена был заложен сад Гроссзедлиц, считающийся ныне самым красивым барочным садом Саксонии. В северном пригороде Дрездена, среди своих виноградников граф построил замок и дом для развлечений, где часто любил отдыхать сам курфюрст Август Сильный, вместе с которым Вакербарт, помимо прочего, состоял в Обществе борцов с трезвостью (Société des anti-sobres). Сейчас замок Вакербарт в государственной собственности и является центром саксонского виноделия. Дрезденская же резиденция графа (ныне Курляндский дворец) чуть не погубила короля Пруссии Фридриха-Вильгельма I, который еле спасся при ее пожаре в ночь с 17 на 18 января 1728 года. Зато все собранные графом коллекции произведений искусства в том огне спасти не удалось. Скончался Вакербарт в почтенном возрасте, на пике влияния¹⁰.

Особое место в гатчинском дворцовом арсенале занимает часть коллекции оружия (с уверенностью можно говорить о 19 ружьях¹¹ но, возможно, их число немного больше) князя Гюнтера I Шварцбург-Зондерсхаузенского (1678–1740). Его владение было весьма небольшим и состояло из двух областей в центральной и северной частях Тюрингии общей площадью менее 900 квадратных километров, до 1697 года графство, а после – имперское княжество, в связи с чем Гюнтер именуется в источниках и Гюнтером I как импер-

¹⁰ Allgemeine Deutsche Biographie. B. 40. Leipzig, 1896. S. 449–451.

¹¹ Инв. №№: ГДМ-713-IX, ГДМ-664-IX, ГДМ-875-IX, ГДМ-747-IX, ГДМ-574-IX, ГДМ-701-IX, ГДМ-438-IX, ГДМ-556-IX, ГДМ-541-IX, ГДМ-876-IX, ГДМ-951-IX, ГДМ-458-IX, ГДМ-486-IX, ГДМ-378-IX, ГДМ-343-IX, ГДМ-550-IX, ГДМ-826-IX, ГДМ-525-IX, ГДМ-546-IX.

ский князь, и Гюнтером XLIII как граф. Его жизненный путь можно охарактеризовать как вполне типичный для просвещенного европейского аристократа той эпохи и, в общем, особо не примечательный. Старший сын графа Христиана-Вильгельма Шварцбург-Зондерсхаузенского (с 1697 – князя), он получил соответствующее своему статусу образование – изучал латынь и французский язык, историю, политику, право, теологию, математику, «рыцарские искусства» – фехтование и вольтижировку. В 1699 году посетил Францию, бывал также в Англии, Голландии и Италии, в 1712 году женился на Елизавете-Альбертине, дочери князя Карла-Фридриха Ангальт-Бернбургского, а с 1720 года был фактическим правителем собственного княжества еще при жизни отца. Что касается внешней политики, то Гюнтер, не будучи в силах вести ее самостоятельно, поддерживал хорошие отношения с Саксонией, в 1728 году был удостоен польско-саксонского ордена Белого Орла, а в 1730 году принял участие в знаменитых Цайтхайнских лагерях – крупнейшем смотре и учениях саксонской армии того времени (кстати, организацией их занимался упоминавшийся выше граф Вакербарт). Но основное внимание он уделял развитию собственного княжества: перестроил резиденцию в Зондерсхаузене, пополнял коллекцию книг и монет, и в целом оставил о себе добрую память, насколько можно судить из весьма немногочисленных свидетельств о его жизни¹².

Одним из главных увлечений Гюнтера была охота, и он собирал свою коллекцию огнестрельного оружия. Всего инвентарная опись за 1738–1740 годы перечисляет более 260 единиц длинноствольного оружия и около 100 пистолетов¹³. После того, как 28 ноября 1740 года Гюнтер I Шварцбург-Зондерсхаузенский скончался, его коллекция оружия была передана по завещанию саксонскому курфюрсту Августу III. О причинах такого выбора доподлинно неизвестно. Возможно, свою роль сыграло то обстоятельство, что брак Гюнтера I был бездетным, и наследовал княжество его кровный брат Генрих XXXV

¹² Schaal D.: Fürst Günther I. und die Schwarzburg-Sondershausener Verlassenschaft von 1741: ein Beitrag zur Sammlungsgeschichte der Gewehrgalerie // Jahrbuch der Staatlichen Kunstsammlungen Dresden. 23 (1992). S. 37.

¹³ Thüringisches Staatsarchiv Rudoldstadt, Bestand Hofmarschallamt Sondershausen Nr. 2142, Waffensammlung des Fürsten Günther I. 1738–1740. Точное количество предметов, перечисленных в этой описи, выявить затруднительно, поскольку в некоторых случаях инвентарные номера в ней не сопровождаются никаким описанием, так что неясно, соответствующим ли такие «пустые» номера реальным вещам.

(сын графа Христиана-Вильгельма и принцессы Христианы-Вильгельмины Саксен-Веймарской), отношения с которым у Гюнтера, по-видимому, были сложными.

Здесь важно отметить, что доподлинно неизвестно, в полном ли составе оружейная коллекция князя Шварцбург-Зондерсхаузенского была перевезена в Дрезден. С одной стороны, в актах, касающихся завещания Гюнтера I, говорится только о собрании оружия в целом (Gewehr-Cammer), но при этом в описи его наследства, поступившего в Дрезденскую Рюст-камеру за 1741 год, перечисляются лишь 130 ружей, то есть меньше половины первоначального количества¹⁴. Что случилось с прочими ружьями и пистолетами, остается загадкой, хотя, скорее всего, они тоже были перевезены в Дрезден, но не были приняты в курфюршескую коллекцию и нашли себе другого владельца – предположительно графа Брюля. В конечном итоге часть из них попала в Гатчину, а остальные еще предстоит найти.

Конечно же, не все оказавшееся в Гатчине оружие из коллекции Гюнтера было изготовлено специально для него или приобретено им непосредственно у производителя, а принадлежало ранее другим владельцам. Так, по данным описи, хозяином и изготовителем одного из ружей¹⁵ ранее был ландграф Гессен-Гомбургский (территория ландграфства в то время составляла небольшую область вокруг города Гомбург (Хомбург), ныне Бад-Хомбург)¹⁶. Учитывая гравированную на его стволе аббревиатуру с датой «F.J.L.Z.H.N. Ao 1711», можно утверждать, что это Фридрих III Яков Гессен-Гомбургский (1673–1746, правил с 1708). Отдав молодость военной службе в голландской армии (после битвы при Бленхейме в 1704 году получил звание генерал-лейтенанта), в зрелые годы он старался улучшить положение в своих владениях, обремененных огромными долгами, с которыми ландграфу так и не удалось разобраться. Тем не менее о нем сохранилась хорошая память, во многом благодаря учрежденному им в 1721 году сиротскому приюту, который действует в Бад-Хомбурге до сих пор, считаясь вторым по древности в Германии. Ни один из его десяти детей не пережил отца, хотя двое сыновей – Людвиг Груно и Иоганн Карл сделали

¹⁴ Schaal D.: Op. cit. S. 44–48.

¹⁵ Инв. №: ГДМ-486-IX.

¹⁶ Thüringisches Staatsarchiv Rudoldstadt, Bestand Hofmarschallamt Sondershausen Nr. 2142, Waffensammlung des Fürsten Günther I. 1738–1740. S. 9.

весьма успешную военную карьеру в России (Людвиг Груно досрочно достиг звания генерал-фельдмаршала и должности генерал-фельцейхмейстера), что было преимущественно связано с их претензиями на престол герцога Курляндии, которые русское правительство периодически поддерживало. Последние годы жизни Фридрих III Яков снова вынужден был проводить в Голландии, на этот раз в должностях губернатора городов Турне и Бреда.

Еще одно ружье и штуцер из коллекции Гюнтера I следует выделить особо¹⁷ – изготовленные известным оружейником Себастьяном Хаушкой, они имеют в своем оформлении вензель герцога Людвига-Рудольфа Брауншвейг-Вольфенбюттельского (1671–1735, правил с 1731). Как и упомянутый выше ландграф Гессен-Гомбургский, в молодости Людвиг-Рудольф воевал, хоть и не так удачно (попал в плен в битве при Флерюсе в 1690 году), а став после смерти отца во главе герцогства, постарался исправить его бедственное финансовое положение, но правил недостаточно долго и завершить оздоровление не успел. Отметим, что одна из дочерей Людвига-Рудольфа, Шарлота Кристина София (1694–1715), была в 1711 году выдана замуж за сына российского императора Петра I, царевича Алексея, и стала матерью императора Петра II¹⁸.

К сожалению, нет данных о том, как оружие, принадлежавшее ландграфу Гессен-Гомбургскому и герцогу Брауншвейг-Вольфенбюттельскому, попало к князю Шварцбург-Зондерсхаузенскому (вряд ли ошибемся, если предположим, что это были подарки), но дальнейшую судьбу одного из упомянутых выше штуцеров¹⁹ можно по документам проследить чуть более подробно. После смерти Гюнтера I он вместе с частью коллекции был передан в арсенал курфюрста Саксонии Августа III, а 22 января 1752 года подарен саксонскому же конференц-министру графу Иоганну Христиану фон Хеннике (1681–1752). Выходец из горожан (родился в Саксонии в городе Халле, в семье работника солеварни), начал службу камердинером при дворе герцога Саксен-Цайтцского и впоследствии вошел в доверие к графу Генриху Брюлю, который содействовал его дальнейшему карьерному взлету. В 1728 году Хеннике получил дворянство, в 1737 году назначен действительным тайным советником и конференц-министром, с 1739 года был вице-директором майссенской фарфоровой

¹⁷ Инв. №№: ГДМ-556-IX, ГДМ-550-IX.

¹⁸ Allgemeine Deutsche Biographie. В. 19. Leipzig, 1884, S. 541–543.

¹⁹ Инв. №: ГДМ-550-IX.

мануфактуры, в 1741 году стал бароном, а в 1745 году – графом²⁰. Под стать своему покровителю, графу Брюлю, он заслужил славу корыстолюбивого и тщеславного интригана. Впрочем, отметим в его пользу хотя бы то, что именно для Хеннике в 1737 году Иоганн Себастьян Бах написал одну из своих кантат «Приятный Видерау»²¹, названную так по имению графа, в котором он и скончался вскоре после того, как стал обладателем упомянутого штуцера (ныне это часть города Пегау к югу от Лейпцига).

По сравнению с известными персонажами немецкой истории, ее география представлена в Гатчинском арсенале еще шире – здесь есть оружие, изготовленное более чем в 40 различных производственных центрах, как столичных (Дрезден, Берлин), так и совершенно незначительных, в основном на территории Саксонии, Тюрингии и Баварии. Из последних хочется выделить ружье²², сделанное в 1720–1730 годах малоизвестным мастером Хайнелем из города Эльстерверда (в то время на территории Саксонии, ныне на юге земли Бранденбург). На его замочной доске в технике гравировки изображено некое здание с двумя флигелями по сторонам и башенкой с часами посередине и церковь с башней. Представляется весьма вероятным, что мастер таким способом увековечил главные достопримечательности своего города, Эльстерверды – замок Эльтершлосс (Elsterschloss) и церковь Св. Екатерины, сохранившиеся, по счастью, до нынешнего времени.

В завершение заметим, что исследование оружейной коллекции Гатчинского дворца находится на начальном этапе, и дальнейшая работа наверняка приоткроет связанные с ней страницы истории как Германии, так и других стран.

²⁰ Allgemeine Deutsche Biographie. В. 11. Leipzig, 1880. S. 772 f; Weber K., von (Hg.). Archiv für die sächsische Geschichte. В. 4. Heft 1. Leipzig, 1865. S. 242–250.

²¹ «Angenehmes Wiederau», BWV 30a.

²² Инв. №: ГДМ-579-IX.

Павел I: черты к портрету

В Петербурге, в небольшом сквере перед Российской национальной библиотекой возвышается памятник Екатерине II. В руках бронзовой императрицы скипетр – символ императорской власти. В какой руке она держит его? В правой. Это вполне естественно, Екатерина не была левшой. А вы могли бы представить себе императрицу с сигаретой в руках? Нет, что-то не получается. А почему? Потому что в екатерининское время табак не курили, а нюхали. Екатерина тоже нюхала. И не случайно одна из комнат личных покоев императрицы в Царском Селе называлась Табакерка¹. Как известно, Екатерина делала этой всегда левой рукой: то есть вынимала из табакерки табак, подносила к носу, а потом вдыхала. Но почему левой, ведь она была правша? Когда ей задали этот вопрос, она ответила: «Потому что правую руку я даю для поцелуев, а запах табака не всем нравится».

Или вот еще один характерный пример. Однажды после обеда у императрицы сильно разболелась голова. Ей посоветовали сесть в карету и прогуляться по городу. Свежий воздух – лучшее лекарство. Головную боль как рукой сняло. Однако на следующий день в это же время в те же часы головная боль повторилась. Ей снова посоветовали прогуляться на свежем воздухе. «Как это? – ответила императрица. – Что люди подумают, когда увидят, что я два дня подряд гуляю на воздухе в неурочное время. Этак они могут догадаться, что у меня голова болит»². И осталась взаперти бороться со своей мигренью.

Я вспомнил об этих анекдотических деталях потому, что они ярчайшим образом свидетельствуют о том, насколько все до мельчайших деталей было продумано у этой женщины. Она ничего не делала просто так. Становится понятно, что такому человеку было не так уж трудно создать миф о самой себе и своем царствовании. И Екатерина его создала. Этот миф о «золотом веке» благополучно просуществовал почти два века и по случаю двухсотлетнего юбилея

¹ Сафонов М.М. Завещание Екатерины II: роман-исследование. СПб.: ЛИТА, 2002. С. 146–147.

² Waliszewski K. Le roman d'une impératrice. Catherine de Russie. Paris, 1893. P. 512.

со дня рождения императрицы был многократно озвучен средствами массовой информации, миф, под гипнозом которого до сих пор находятся и историки, которые считают себя серьезными исследователями.

Собственно говоря, этот миф в бронзе мы и можем видеть перед Российской национальной библиотекой. Если архитектура – это застывшая музыка, то можно сказать, что всякий официальный памятник – это осуществленный миф.

Как известно, всякий миф создается для того, чтобы скрыть, как было на самом деле. Если бы мне предстояло дать аллегорическое изображение Екатерины II в бронзе, я бы изобразил ее с долговым векселем в руке, с ассигнацией в кармане и с завязанными глазами. Впрочем, с повязкою на глазах изображали Фемиду, символ правосудия. Но Фемида с векселем в руках и ассигнацией в кармане – это карикатура. Поэтому лучше было бы изобразить императрицу так. Глаза ее закрыты – она ничего не видит, но лукавый прищур одного глаза выдает, что Семирамида Севера прекрасно осведомлена о том, что происходит вокруг.

Почему в руках Екатерины должен быть долговой вексель? Потому что за все царствование императрицы было истрчено на 200 миллионов рублей больше, чем получено доходов. Недостаток был восполнен выпуском бумажных денег на 156 миллионов рублей и иностранными займами на 33 миллиона рублей³. Все это было невиданной доселе новостью. Возникновение государственного долга – это новое явление в истории России, как и бумажно-денежная эмиссия, то есть выпуск бумажных денег, равно как и иностранные займы. Это стало важнейшим итогом царствования Екатерины.

Только недалекий человек может думать, что эти деньги были истрчены «на табачок» или на фаворитов. Примерно половина этой огромной суммы пошла на решение внешнеполитических задач. Здесь Екатерине удалось добиться наибольших успехов. Нельзя не согласиться со словами канцлера А.А. Безбородко, который однажды сказал своему племяннику В.П. Кочубею: «Не знаю, как будет при вас, но при нас ни одна пушка Европы не смела выстрелить без нашего позволения». Слова эти, хотя и заключали в себе некоторую долю преувеличения, все же верно отражали то положение, которое екатерининская Россия занимала в Европе до начала Французской революции.

³ Чечулин Н.Д. Очерки истории русских финансов в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1906. С. 316–319, 379–380; Архив Государственного Совета. Т. 2. СПб., 1878. С. 199–220.

Однако беда была в том, что в конце царствования Екатерины стало совершенно очевидно, что у государства не хватает средств для того, чтобы успешно справляться с поставленными задачами. Почему же денег не стало хватать? Потому что Екатерина законодательно оформила такую систему социальных, политических и экономических отношений, которая была построена на принципе исключительности дворянских привилегий. А эта система не давала возможности дворянскому государству не только расплатиться с долгами, но вообще содержать себя. Другими словами, Екатерина предоставила дворянству такие права, которые не давали возможности государству успешно справляться со своими проблемами⁴. Но почему императрица отдала дворянам все самые лакомые куски? Как могла эта, несомненно, прозорливая женщина поступить столь близоруко?

Близорукой эту политику можно назвать, если смотреть на нее с точки зрения абстрактных интересов государства. С точки же зрения личных интересов императрицы такая политика, заведшая государство, в конце концов, в тупик, абсурдно не назовешь. Прав был Державин, когда признавал, что «она управляла государством и самим правосудием более по политике или своим видам, нежели по святой правде»⁵.

Не случайно ваятель изобразил ее со скипетром в руке. Сохранить власть в своих руках любой ценой – вот девиз императрицы. На все остальное она была готова закрыть глаза, то есть делала вид, что закрывала. И еще одна характерная черта, которая шокирует поклонников Екатерины II. Как это ни покажется странным на первый взгляд, Екатерина спаивала народ. Не желая задевать интересы дворян, императрица пыталась разрешить финансовые затруднения путем эксплуатации винной регалии. Вот беспристрастные цифры. При Петре I доля «пьяных» денег в доходной части бюджета составляла 9,9%. При воцарении Екатерины II – 14,3%, в год же ее смерти – 30,1%. То есть доля «пьяных» денег выросла более чем в два раза⁶. Другими словами, механизм, который столь успешно потом применяли большевики, был запущен именно при Екатерине II. Поэтому для полноты картины следовало бы положить у по-

⁴ Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л.: Наука, 1988. С. 34–35.

⁵ Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я.Грота. Т. 6. СПб., 1871. С. 654.

⁶ Архив Государственного Совета. Т. 3, ч. 1–2. СПб., 1878. С. 172–174.

стаменты памятника Екатерине, вокруг которого теснятся блестящие вельможи, пьяного крестьянина. И это тоже наследство Екатерины II.

Екатерина – это ярчайший пример того, как при самых худых обстоятельствах и неутешительных итогах царствования у современников и потомков создается образ «просперити», то есть благополучия и процветания. В этом заключается «феномен Екатерины II». Едва ли в этом смысле кого-либо можно поставить рядом с ней.

Полную противоположность Екатерине II представлял Павел I. На публичных лекциях меня все время мучают вопросом, чьим сыном был Павел. Принимая во внимание все вышесказанное, следовало бы сомневаться не в отцовстве Петра III, а ставить под сомнение материнство Екатерины II. Кажется, ни одну черту матери ее сын не унаследовал.

Едва ли можно найти другую такую личность в русской истории, которая бы была одушевлена такими благородными стремлениями, страстно хотела царствовать, употребляя державинское выражение «по святой правде», и сделала столько действительно полезного для своей страны, но оставила по себе такую дурную память: коронованного безумца, бездушного солдафона, сумасшедшего тирана.

И это феномен Павла I, полностью противоположный феномену Екатерины II. Отчасти происхождение этого феномена объясняется тем, что Павел, в отличие от Екатерины, мало был озабочен созданием мифа своего царствования. Хотя, как мы сейчас увидим, созданием, если выражаться современным компьютерным языком, «ярлыков» своего царствования, то есть символики, он уделил еще большее внимание, чем его мать.

Миф создается для того, чтобы скрыть, как дело обстояло на самом деле. В этом смысле миф для Павла был неприемлем как таковой. Для царя символическое значение «ярлыков» было совершенно адекватно тому, что они обозначали.

Перед Гатчинским дворцом стоит памятник Павлу I. То же мы видим и в Павловске. В руках царя не скипетр, как у Екатерины, а трость. Трость в то время – необходимый атрибут военного человека. Трость эта подобна палке Петра I, который бил ею тех, кто, по его мнению, этого заслуживал. Изображение это глубоко символично, хотя скульптор, очевидно, и не вкладывал в свое произведение такого смысла. Император пытался силой заставить дворянство расстаться с частью своих благ и преимуществ.

Мать оставила сыну систему, которая не могла работать без сбоев. Сын решил произвести перестройку этой системы. Он был вынужден отобрать у дворянства часть того, что оно уже получило от Екатерины⁷. Но отбирать – не давать. Разве дворянство хотело расстаться со своими привилегиями? Оно предпочитало расстаться не с привилегиями, а с императором, который готов был пойти по этому опасному пути.

Павел, в отличие от матери, терпеть не мог табака⁸. (Замечу в скобках, этого не знают наши сценаристы, оттого Анна Гагарина является на сцену с сигаретой в зубах, либо сам царь делает что-нибудь, закуривая). Но если бы он тоже нюхал его, как и мать, то никогда бы не стал делать это левой рукой.

Позже современники утверждали, что во время последней борьбы с заговорщиками в спальне Михайловского замка язык Павла высунулся настолько, что, когда труп остыл, не было никакой возможности вновь вложить его в рот, поэтому решили отрезать его, иначе рот не закрывался⁹. Есть сведения о том, что в свалке Павел схватился рукой за шпагу одного из убийц и потерял палец¹⁰. Поэтому, когда выставляли тело народу, отсутствие пальца скрыли, надев на труп перчатки. Утверждали, что заговорщики, опасаясь того, чтобы Павел вдруг не ожил, вскрыли ему вены и выпустили из них всю кровь¹¹. Так что получается, что Павел был похоронен без языка, без пальца и даже без крови. Не знаю, так ли это на самом деле, но когда Александр впервые увидел тело отца, над которым врачи и художники уже успели произвести «косметический ремонт», новоиспеченный царь лишился чувств и упал как сноп¹². Да, Павел терпеть не мог табака и есть какая-то зловещая ирония в том, что одним из орудий убийства стала табакерка.

Царствование Павла началось с фантазмагорических похорон Петра III. Современники ломали голову, пытаясь отгадать, что же хотел этим сказать

⁷ Императорская власть, государственный аппарат и дворянство в конце XVIII века // *Noblesse, Etat et société en Russie XVIe: début du XIX siècle. Cahiers du monde Russe et siviétique*. 1993. 34 (1–2), Jan.-June. P. 149–157.

⁸ Цареубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников. СПб., 1908. С. 180–181.

⁹ Былое. 1906. № 6. С. 180.

¹⁰ РГВИА. Ф. 1001. Оп. 1. № 219. Л. 20 об.

¹¹ Цареубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников... С. 385.

¹² Там же. С. 97.

император. Высказывались различные объяснения. На самом же деле это зрелище, поразившее воображение современников, представляло собой инсценировку главной масонской легенды об Адонираме, являющейся основой церемонией вольных каменщиков¹³.

Напомню ее основные черты. При строительстве Храма Соломона великий мастер Адонирам распределил всех строителей-каменщиков на три группы и сообщил каждой из них их слово, которое держалось в секрете. При получении платы за свою работу каждый каменщик называл мастеру на ухо свое слово и в соответствии с этим ему давали определенную сумму. Каменщики низшей категории захотели узнать мастерское слово высшей. Для этого они подкараулили в Храме великого мастера и пытались вынудить его открыть им тайну мастерского слова. Но мастер ее не открыл. Негодяи убили его с помощью циркуля, угольника и молотка. Тело мастера было тайно погребено за городом. Однако вскоре царь Соломон обнаружил исчезновение мастера и приказал каменщикам найти его. Тело было обнаружено, но так как оно пребывало в земле некоторое время, при вскрытии захоронения у присутствовавших вырвались слова: «От костей плоть отделяется». Их и решили считать утерянным словом погибшего мастера. Адонираму устроили пышные похороны, а убийцы понесли заслуженное наказание¹⁴.

Существуют сведения, что идея вторичных похорон Петра III была подсказана Павлу масоном С.И. Плещеевым, который этой церемонией хотел отомстить Екатерине за гонения вольных каменщиков в последнее десятилетие ее царствования. Сведения эти исходят от Ф.В. Растопчина, который в ноябре-декабре 1796 года был очень близок к царю. Обращает на себя внимание тот факт, что одну из центральных ролей в обряде соконования Петра и Екатерины играл Александр Куракин. Он был посвящен в высшие степени шведского масонства. Екатерина же выражала уверенность в том, что Куракин

¹³ О масонстве Павла I см. подробно: Сафонов М.М. 1) Завещание Екатерины II... С. 146–147; 2) Граф du Nord едет на Восток // Из века Екатерины Великой: Путешествия и путешественники. Материалы XIII Царкосельской конференции. СПб., 2007. С. 390–405; 3) «Памятник удачного выстрела» или? (Опыт масонской интерпретации павильона Орла в гагчинском парке) // За гранью стиля: Оригинальное в искусстве. Материалы научной конференции. СПб.: ООО «Принт-лайн», 2007. С. 67–82; 4) Швеция в масонских исканиях великого князя Павла Петровича // Скандинавские чтения 2004 года. СПб., 2006. С. 230–236.

¹⁴ Морамарко М. Масонство в прошлом и настоящем. М.: Прогресс, 1990. С. 142–149.

«употреблен был инструментом для приведения великого князя в братство». Если же учесть, что на одном из рисунков, представляющих гроб Петра в Петропавловском соборе, отчетливо виден треугольник, висящий над гробом¹⁵, едва ли стоит сомневаться в том, что Павел, устроив вторичные похороны Петра, инсценировал легенду об Адонираме, символизирующую торжество справедливости¹⁶.

Однако что знаменовала сия церемония в глазах современников, то есть, тех людей, которые не так тонко, как мы разбирались в масонской символике?

Нетрудно представить. Казалось, что Павел даже не предполагал, что эта церемония может быть истолкована во вред ему и послужить впоследствии одним из аргументов в его безумии.

Если похороны Петра III принадлежат к экстравагантным действиям, открывающим новое царствование, то вот еще один крайне любопытный эпизод, явившийся как бы одним из заключительных аккордов павловского правления. Уже после смерти Павла вначале в Берлине, а потом и в Париже вышла из печати книга с примечательным названием «Достопамятный эпизод моей жизни». Книга эта сразу же стала бестселлером. Написал ее Август Коцебу, немецкий писатель. Коцебу сообщил, что ранним утром 16 декабря 1800 года к нему на квартиру прибыл полицейский офицер и приказал немедленно явиться в канцелярию военного губернатора столицы П.А. Палена. Хотя офицер был отменно вежлив и всячески заверял Коцебу, что ему ничего не грозит, время было такое, что жена писателя не могла обойтись без помощи лекарств. Граф Пален сообщил Коцебу, что «император решил разослать вызов или приглашение на турнир ко всем государям Европы и их министрам» и что царь избрал его для того, чтобы изложить этот вызов и поместить его во всех газетах. Коцебу создал три варианта, все они были отклонены Павлом как недостаточно резкие. Наконец Коцебу оказался в кабинете императора, и Павел на прекрасном немецком языке сказал ему: «Вы слишком хорошо знаете свет, чтобы не следить за текущими политическими событиями, вы должны знать, какую я в них играл роль. При этом я часто поступал глупо, справедливость требует,

¹⁵ Император Павел I. Альбом-каталог. СПб.: ТО «Пальмира», 2004. С. 170.

¹⁶ Вторичные похороны Петра III как масонский ритуал // Фигуры Танатоса. Философский альманах. Вып. 5. Вторая международная конференция «Тема смерти в духовном опыте человечества». СПб., 1995. С. 53–56.

чтобы я был за то наказан, и в этих видах я сам наложил на себя покаяние. Я желаю, чтоб это (указывая на бумагу, которую держал в руках) было помещено в “Гамбургской газете” и других газетах». Коцебу сделал перевод. Павел очаровал драматурга любезным приемом, и на следующий день Коцебу получил прекрасную табакерку, ценою в две тысячи рублей. Едва ли когда-либо за буквальным переводом двух десятков строчек, заключил драматург свой рассказ, было получено столь щедрое вознаграждение¹⁷.

Что же это были за строчки? Коцебу привел их в своей книге: «Нас извещают из Петербурга, что русский император, видя, что европейские державы не могут согласиться между собой, и желая положить конец войне, уже одиннадцать лет терзающей Европу, намерен предложить место, в которое пригласить всех прочих государей прибыть и сразиться между собой на поединке, имея при себе в качестве приспешников, судей поединка и герольдов самых просвещенных своих министров и искуснейших генералов, как-то: гг. Тугута, Питта, Бернстрофа; причем он сам намерен взять с собой генералов Палена и Кутузова; не знают, верить ли этому; однако же, известие это, по-видимому, не лишено оснований, ибо носит на себе отпечаток тех свойств, которые ему приписывали»¹⁸.

Первый вопрос, который сам собою напрашивается у непредвзятого читателя, когда он читает эти строки: «В своем ли уме император?»

Первый вопрос, который приходит в голову историку, когда он читает эти строки: «Можно ли верить Коцебу?»

К счастью, есть возможность проверить. Действительно, газета «Гамбургский корреспондент» от 12 января 1801 года опубликовала переведенный Коцебу текст¹⁹. Затем в январском номере «Лондонского вестника» появилось опровержение этого материала²⁰, перепечатанное затем «Петербуржскими»²¹ и «Московскими ведомостями»²². В опровержении говорилось, что статья эта,

¹⁷ Une année memorable de ma vie d'August de Kotzebue, publiee par lui-même. Traduit de l'allemand. T. 2. Berlin. 1802. P. 138–147.

¹⁸ Ibid. P. 142–143.

¹⁹ Hamburgische Zeitung. 1801. 16 Januar.

²⁰ Courrier de Londres. 1801. Janvier.

²¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1801. 19 февраля.

²² Московские ведомости. 1801. 27 февраля.

которой понять никто не мог, извлечена из письма, писанного в Копенгаген, датским дипломатом Розенкранцем. Говорят, якобы его величество во время стола в день Рождества Христова сказал: «Что весьма бы хорошо было, если бы государи решились прекратить взаимные несогласия, по примеру древних рыцарей на определенном для подвигов поле». На сей-то шутке датский министр основал известие, которое он послал в Копенгаген, остановленное на poste письмо его было напечатано и представлено императору. Император же приказал напечатать в газетах краткую из оногo выписку и разослать ее к министрам, при иностранных дворах находящихся.»

Итак, в Западную Европу вначале отправили известие о том, что Павел, как кажется, хочет вызвать государей для решения спорных международных вопросов на поединок, причем эти слухи квалифицируются как вполне вероятные. Затем эти слухи были не только опровергнуты, но указан источник их распространения – датский дипломат Розенкранц, при этом распространение таких слухов было выставлено как главная причина высылки из страны дипломатического представителя Дании. Таковы были не совсем понятные сегодня приемы Павловской дипломатии²³.

Впрочем, некое объяснение этому темному эпизоду павловского царствования можно все-таки дать. Здесь мы снова сталкиваемся с понятием справедливости, торжество которой, как это теперь выясняется, было одним из основополагающих принципов Павла, как во внутренней, так и во внешней политике.

Как известно, Павел принимал участие в борьбе с революционной Францией в составе антифранцузской коалиции, но после того, как во Франции произошел государственный переворот в пользу первого консула Бонапарта, а Павел убедился в своекорыстных замыслах членов коалиции, император резко переменял свою внешнеполитическую ориентацию: от борьбы с Францией к союзу с Бонапартом против Англии.

В этой связи примечателен разговор Павла с уже упомянутым датским министром Розенкранцем в сентябре 1800 года. Согласно показаниям дипломата царь сказал ему буквально следующее: **«Политика его вот уже три года**

²³ Сафонов М.М. Император Павел I вызывает на дуэль // Личность в истории в эпоху Нового и новейшего времени. (Памяти профессора С.И. Ворошилова). Материалы международной научной конференции. СПб., 2011. С. 427–429; Россомахин А.А. Хрусталев Д.Г. Вызов императора Павла, или Первый миф XIX столетия. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.

остается неизменной и связана со справедливостью там, где его величество полагает ее найти. Долгое время он был того мнения, что справедливость находится на стороне противников Франции, правительство которой угрожало всем державам. Теперь же в этой стране в скором времени водворится король, если не по имени, то, по крайней мере, по существу, что изменяет положение дел. Он бросил сторонников этой партии, которая и есть австрийская, когда обнаружил, что справедливость не на ее стороне. То же самое он испытал относительно англичан. Он склоняется единственно в сторону справедливости, а не к другому правительству, к той или иной нации, а те, которые иначе судят о его политике, положительно ошибаются»²⁴.

Фраза в высшей степени примечательная и по достоинству еще нецененная.

Было бы большой ошибкой полагать, что перед нами обычная демагогия, циничная попытка оправдать внешнеполитическую переориентацию ссылками на абстрактную «справедливость». Как это ни покажется парадоксальным кому-то, возможно, наивным и глупым, но Павел действительно так думал! Он хотел действовать в согласии «со справедливостью», как он ее сам понимал.

Теперь становится понятным этот совершенно абсурдный на первый взгляд эпизод с публикациями о вызове на поединок европейских монархов для решения спорных вопросов. Дело в том, что по средневековым понятиям поединок – это суд божий, решение спорных судебных дел. Кому бог поможет, тот и выиграет. Господь же поможет справедливым.

Конечно, Павел и не думал о том, чтобы всерьез драться на поединке с европейскими монархами. Но, инсинуируя газетные публикации об этом, он хотел, чтобы в Европе утвердилось мнение о нем как о государе, который во внешней политике следует принципам справедливости.

Как-то просматривая дипломатическую документацию, я был поражен одним фактом. Летом 1797 года в Совете Его Величества обсуждался вопрос об «овладении Хивой». Члены Совета рассуждали о том, какие выгоды и неудобства может принести присоединение ее к России. Когда мнение Совета было представлено царю, Павел наложил резолюцию: **«Совет, исчисляя при-**

²⁴ Шильдер Н.К. Император Павел Первый. СПб., 1901. С. 411–412.

чины, препятствующие овладеть Хивою, позабыл одну из главнейших, то есть, неимение к тому никакого повода справедливости»²⁵. Я уверен, что это вовсе не лицемерие, призванное прикрасить циничные цели. Это – глубинное убеждение императора: политика России не должна идти вразрез с понятием о справедливости.

Обратив внимание на эти очень важные факты, мы, даже бы если нам ничего не было бы известно о том, чем закончилось правление Павла, могли бы без труда предугадать его конец.

Нетрудно догадаться, что, положив в основу своей деятельности принцип справедливости, Павел не мог не стать самым суровым критиком Екатерины, которая правила страной «не по святой правде». Он им в действительности и стал. Вероятно, А.Н. Радищев в этом плане уступал Павлу Петровичу.

Будучи наследником, Павел пришел к заключению, что одна из главных бед России заключается в том, что на престоле привыкли видеть юбку, а не военный мундир²⁶. То есть основа того плачевного состояния, в котором пребывала Россия в конце века, заключалась в том, что на престоле женщина, а армия пребывает в небрежении, хотя пока успешно справляется с турками, поляками, шведами, не самыми сильными противниками на континенте. В переписке с П.П. Паниным в конце 1779 года Павел наметил целый ряд мер, которые должны были вывести армию «из небрежения». Важнейшими из них были следующие: 1) Государь личным примером должен поднять уважение к армии; 2) Отнять у начальников возможность действовать по прихотям и развращать службу; 3) Строгим взысканием искоренить все царившие в армии злоупотребления; 4) Целым рядом мер фактически восстановить обязательную военную службу²⁷.

Будучи цесаревичем, Павел оставил довольно много бумаг, из которых явствует, что здесь, в Гатчине, он готовился к своему будущему великому служению и размышлял о судьбах страны. Однако едва ли можно говорить, что вступив на престол, он имел четкую программу реформ. Собственно, конкретных разработанных в деталях проектов реформ у него еще не было, кроме тех,

²⁵ Архив Государственного совета. Т. 2. Совет в царствование императора Павла I-го. 1796–1801. СПб., 1888. С. 641.

²⁶ Шильдер Н.К. Указ. соч. С. 240.

²⁷ РГВИА. Ф. ВУА. № 16638. Л. 11 об.–25.

которые касались государственного устройства страны. И здесь наследник престола предстает перед нами в несколько непривычном виде. Цесаревич исходит из принципа разделения властей и вырабатывает план конституционного преобразования России²⁸. Однако составляя эти планы, он не отдавал себе отчета в том, что ему придется наступать на дворянские привилегии. Поскольку конституция могла быть только дворянской, произвести таковое преобразование означало бы вложить в руки дворянства инструмент легального сопротивления антидворянским мерам царя.

Воцарившись, Павел начал с преобразований армии. Недаром первый пароль, который он отдал, был «Полтава»²⁹. Павел смотрел на себя как на некоего мессию, призванного спасти Россию. Не случайно день его коронации 5 апреля 1797 года совпал с Пасхой. День, в который воскрес Господь, должен был знаменовать возрождение России. Не могу не обратить внимание на сакральный смысл Михайловского замка. Надпись на фронтоне «Дому твоему подобает святыня Господня во долготу дней» очень красноречива³⁰. Павел идентифицировал себя с небесной силой. Названия Рождественских и Воскресенских ворот о многом говорят. Независимо от того, являлся ли к солдату Архангел Михаил, замок назван Михайловским потому, что Михаил Архангел – это архистратиг, то есть главнокомандующий небесных сил. Если учесть, какую роль в будущих преобразованиях Павел отводил персональному уважению к службе самого императора, то замысел Павла становится понятен. Михайловский замок – это резиденция царя-реформатора, который, начальствуя над военными силами, земными и небесными, был призван возродить Россию. Если же проследить, какую роль в убранстве замка играла тема справедливости, то ярлык, который Павел создавал своему царствованию, становится понятным.

Павел, как и предполагал, начал преобразования с армии. Однако ему понадобилось чуть больше года, прежде чем он осознал тот тупик, в который

²⁸ РГАДА. Ф. 1. № 57. Л. 1–4 об.; № 73. Л. 8–18; Конституционный проект Н.И. Панина – Д.И. Фонвизина // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 6. Л., 1974. С. 266–270.

²⁹ Копии с высочайших указов, отданных при пароле Его императорскому высочеству Александру Павловичу. 1796 год. [СПб., 1796]. С. 1.

³⁰ Хайкина Л.В. Михайловский замок и некоторые аспекты религиозно-философских воззрений Павла I // Отечественная история. 2000. № 2. С. 166–167.

завела страну его мать. Только в декабре он понял, что ему предстоит реформировать систему отношений со всеми вытекающими из этого опасными последствиями. Преобразование армии требовало огромных средств. Но у государства их не было. Для того чтобы залатать дыры, Павел должен был на первых порах прибегнуть к печатанью ассигнаций. Осенью 1797 года было выпущено около 54 миллионов ассигнаций³¹. В декабре 1797 года был провозглашен новый финансовый курс³². Павел начал наступление на дворянские привилегии, главной из которых была свобода от уплаты налогов и податей. Одновременно царь учредил Вспомогательный банк, выпустивший 50 миллионов банковых билетов, предназначенных на выкуп заложенных дворянских имений. Однако дворяне, получив эти ссуды, немедленно разменяли их на ассигнации, что привело к запуску в оборот еще 50 миллионов рублей необеспеченных бумажных денег³³. Поскольку мероприятия царя встретили сильнейшее сопротивление дворянства, а меры, им предложенные, оказались недостаточными для решения этих сложнейших задач, его преобразовательская деятельность не разрешила противоречий. Они продолжали обостряться. Это привело к апоплексическому удару 11 марта 1801 года, случившемуся в Михайловском замке. Поэтому Михайловский замок, помимо того, что он является архитектурным памятником, может служить и монументом тем сложным процессам, которые происходили в России на рубеже XVIII и XIX веков, когда императорская власть попыталась поставить под сомнение исключительность дворянских привилегий. Характерно, что систематическое разрушение Михайловского замка, связанное с вселением в его стены Инженерного училища, стало осуществляться именно в те года, когда императорская власть отказалась от попыток внести сколь-нибудь существенные изменения в социальную и политическую жизнь страны. И это случайное совпадение символично.

³¹ Бржеский Н.Г. Государственные долги России. СПб., 1884. С. 86–89.

³² ПСЗ. Т. 1. № 18278.

³³ Боровой С.Я. Вспомогательный банк // Исторические записки. Т. 44. М., 1953. С. 206–231.

А.В. Половцов и его исторические исследования «меморий» Петра Великого

Род Половцовых прославили разные его представители. Были в этой семье видные военачальники, государственные и общественные деятели, члены Государственной думы, ученые, военные инженеры, видные церковные деятели, писатели и педагоги. Особенно известен государственный и общественный деятель, сенатор, промышленник, историк и меценат Александр Александрович Половцов (1832–1909). Член-учредитель Императорского Русского исторического общества (в 1866–1879 годы – его секретарь, а с 1879-го и до конца жизни – председатель), в сборниках которого не раз публиковались в том числе документы и исследования по истории Петра Великого¹.

Менее известен как историк его близкий родственник, Анатолий Викторович Половцов (1849–1905). В биографических энциклопедиях и словарях больше пишут о нем как о чиновнике земского отдела Министерства внутренних дел, где он действительно трудился и много сделал на своем поприще, занимаясь специально изучением вопросов крестьянского землевладения. Действительный статский советник, чиновник особых поручений IV класса при министре императорского двора и уделов, А.В. Половцов в конце XIX века заведовал Общим архивом Министерства императорского двора. Он окончил курс на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета и в Санкт-Петербургском археологическом институте. Он известен как автор ряда работ по археологии («Царьград и византийское искусство») и истории искусств («Прикладное искусство»). Им написано глубокое и всестороннее исследование по истории музея императора Александра III, вышедшее в свет в 1900 году², работы о жизни и деятельности Ломоносова, великих князей Петра Федоровича и Павла Петровича, будущих императоров

¹ Федорченко В. Дворянские роды, прославившие Отечество // Энциклопедия дворянских родов. Красноярск; М.: Бонус; Олма-Пресс, 2001. С. 335.

² Половцов А.В. Прогулка по Русскому музею Императора Александра III. СПб., 1900.

Петра III и Павла I³. В РГИА, в фонде Половцова, находятся собранные им материалы по истории швейцарского масонства и подготовительные материалы к статье «Гете и живописец». Также А.В. Половцов много занимался историей своего рода и, в частности, жизнью основателя дворянской фамилии Половцовых – Семена Половца. Дворяне Половцовы вели свое начало от казака Семена Половца, храброго военачальника, сподвижника Богдана Хмельницкого, бывшего белоцерковским полковником во время присоединения Малороссии к Великолоссии и принимавшего участие в Переяславской Раде, впоследствии – войскового писаря, верно служившего московским царям. Внук Семена Половца, Иван Андреевич, по указу Петра I от 12 июня 1702 года «за бои в ливонских и немецких землях» был пожалован помещичьим окладом – земельными угодьями в Великих Луках (Псковской губернии) – и поименован в указе уже не Половцем, а дворянином Половцовым. Об этих и других исторических исследованиях А.В. Половцова содержится значительный материал в фонде Половцовых НИОР РНБ⁴.

Однако мало кто знает о нем как об исследователе петровского времени. До настоящего времени малоизвестны ценные, подчас редкие материалы о Петре Великом, собранные им в свое время в библиотеках и архивах, как в России, так и в Голландии, куда он ездил в качестве члена делегации от России на празднование 200-летия пребывания Петра Великого в этой стране в августе 1897 года⁵. Эти материалы в основной массе не опубликованы и хранятся в фонде Половцовых НИОР РНБ в виде заметок, выписок, очерков, зарисовок.

А.В. Половцов внес неоценимый вклад и в музейное дело. Он прекрасно изучил памятники петровской эпохи, так или иначе связанные с Петром Великим, и прежде всего мемориальные вещи. Нередко он покупал их на собственные средства и, если это происходило за границей, привозил в Россию и сдавал затем в музей, в частности, в Императорский Эрмитаж. Позднее некоторые предметы, приобретенные им, вошли в коллекцию Государственного Эрмитажа

³ Половцов А.В. Некролог // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1905. Т. 99. Март. С. 1131–1132; Половцов А.В. // Энциклопедический словарь / Изд. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Т. 24. СПб., 1898. С. 354.

⁴ НИОР РНБ Ф. 601 Д. 191 и др.

⁵ Сергеева Г.И. Заандамский праздник или как любили Петра I в Голландии 200 лет спустя // Труды Государственного Эрмитажа. 73: Петровское время в лицах – 2014. Материалы научной конференции. СПб., 2014.

и Летнего дворца Петра I. На визитной карточке, находящейся в материалах его фонда, есть адрес лавки одного антиквара, где А.В. Половцов покупал или, возможно, собирался купить вещи, связанные с Петром Великим: «P. Bes. Vuys and Sells. All sorts of Antiquities. Hoogendijk K 55, Zaandam». На карточке его рукой сделаны карандашные записи, пометки, какие-то расчеты⁶. Во время этой поездки А.В. Половцову «удалось приобрести ... 1) картину масл[яными] красками, изображ[ающую] Заандам в 1721 г.; 2) единственный экземпляр модели домика П[етра] В[еликого], изготовл[енную] в середине текущ[его] столетия и совершенно отличной от модели Эрмитажа [в Эрмитаже имелась еще одна модель Домика, привезенная из Голландии Александром I – Г.С.] и 3) величайшую драгоценность, подлинные серебр[яные] карман[ые] часы П[етра] В[еликого], подаренные им Герриту Кисту в 1717 году»⁷. Речь идет о часах, подаренных Петром Великим Герриту Кисту, в доме у которого он останавливался при посещении Голландии во время Великого посольства 1697–1698 годов и при втором путешествии за границу в 1717–1719 годах. В 1906 году часы поступили в собрание Государственного Эрмитажа, о чем сохранилась запись в архивных документах. Однако сами часы пока не найдены⁸. Картина масляными красками, изображающая Заандам в 1721 году, была показана в 1903 году в Летнем дворце Петра I в Летнем саду на проходившей там Юбилейной выставке в память державного основателя Санкт-Петербурга⁹. Модель домика хранится в настоящее время в собрании Государственного Эрмитажа.

Петровские «мемории» в течение XVIII–XIX столетий находились в самых разных местах – различных учреждениях, музеях, у частных лиц. Нередко некоторые ценные предметы оставляли у себя члены царской фамилии, выражая, таким образом, свое почитание великого монарха. Так, в 1827 году, после кончины императрицы Елизаветы Алексеевны, жены Александра I, в ее кабинете были найдены «шесть Медальонов с волосами Царя Михаила Федоровича, Царя Алексея Михайловича, Императора Петра Великого, Императора

⁶ НИОР РНБ. Ф. 601. Д. 31. Л. 193.

⁷ НИОР РНБ. Ф. 601. Ед. хр. 31. Л. 201 об.

⁸ Костюк О.Г. «Петровская мемория». Изображения Петра Великого // Труды Государственного Эрмитажа. 70: Петровское время в лицах... С. 200.

⁹ Грибовский В. Юбилейная выставка в память державного основателя Санкт-Петербурга. СПб., 1903; Каталог Юбилейной выставки в память державного основателя Санкт-Петербурга. СПб., 1903. С. 50.

Петра II-го, Императрицы Елизаветы I-ой, Герцогини Голштинской Анны»¹⁰. Заметим, речь идет о прядях волос ближайших родственников Петра I – отца, брата, детей, племянника. Неизвестно, кто сложил их в медальоны. Но их бережно хранили все эти годы, передавая из поколения в поколение. Без сомнения, это был человек из узкого семейного круга.

В начале 20-х годов XIX века Николай I распорядился собрать «все сведения о всех вообще вещах принадлежавших Императорской фамилии как-либо только со времен Императора Петра Великого, как достопамятные, поступили для хранения по разным казенным зданиям в Государстве»¹¹. В 1827–1828-м годах «во исполнение предписания Господина Министра Императорского Двора» производится поиск местонахождения статуи Венеры и других древностей, купленных Петром I в Риме. В описании этих предметов, приложенных в рапорте директора Эрмитажа, действительного статского советника Лабенского, указаны, помимо статуи: «стол круглый из порфира с деревянным резным подстольем, золоченым», «урна продолговатая резная с крышкою из мрамора, разноцветноиспещренного... по сказанию многих в ней завосем сот лет пред сим крещивали детей», «небольшой бюст из цельного красноватого египетского мрамора; одежда светлые а изображение лица и груди темные, на порфировом педестале, признаваемый по игре природы за великую редкость», еще одна мраморная статуя, «изображающая Венеру средней работы», бюсты римских императоров, «стол лаписа лазури... не имеющий аналогов в Риме», заказанный в свое время английской королевой Анной и другие редкости¹². Статуя, как известно, после ее доставки в Санкт-Петербург, была установлена в императорском Летнем саду, в специальной галерее, и к ней был приставлен солдат для охраны. В рапорте директора Эрмитажа Лабенского говорится, что вещи, упомянутые в описании, «находятся в С.-Петербурге, в императорских дворцах» и по нему «могут быть отысканы, ежли по какому либо случаю не утратились» [орфография по тексту – Г.С.]¹³.

В 1828 году из кладовой Боурского дома были переданы в Эрмитаж несколько картин и портретов. Боурский дом сегодня – это дом № 2 по наб. Фон-

¹⁰ АГЭ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 13. Л. 1. 1827.

¹¹ АГЭ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 85. Л. 8. 1827.

¹² АГЭ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4. Л. 1–5. 1827.

¹³ Там же.

танки, сразу за Прачечным мостом, или иначе Придворнослужительский дом, подвалы которого служили для хранения разного дворцового имущества. Список найденных там вещей требует самостоятельного отдельного исследования. Отметим только, что в нем находились, в том числе, 3 формы «от картин, представляющих войну со шведами, круглых медных»¹⁴. Можно предположить, что «круглые медные формы» – это формы, по которым изготавливались «круглые гравюры глубокой резьбы» – «Взятие Шлюссельбурга Фельдмаршалом Шереметьевым 12-го Окт. 1702 г.», «Взятие Ниеншанца или Канцова 23-го Апреля 1703 г. самим царем и Фельдмаршалом Шереметьевым» и «Сражение под Кронштадтом 3-го Мая 1703 г.»¹⁵. Вскоре после революции 1917 года, в связи с национализацией владений семьи Романовых, домов знати, церквей, монастырей, полковых музеев и последовавшей конфискацией находящегося в них имущества, были изъяты в том числе и петровские вещи. Так, в 1919 году была «принята [в хранилище] от сотрудника Комиссии по охране и регистрации памятников искусства и старины г. Левинсон-Лессинга, русская шпалера, изображающая Петра I верхом и находившаяся до снятия в помещении Дворянского Собрания»¹⁶. В описи художественного имущества, вывезенного в Эрмитаж из кв. № 1 в доме № 6 по улице Халтурина (квартиры Бенкендорфа) числился «Шкаф темного дуба, разборный, голландской работы времен Петра I, внутри расколота полка»¹⁷. Из собрания Горчакова была вывезена целая коллекция художественных предметов, в том числе «мебель Петровской эпохи и эпохи Людовика XV»¹⁸.

А.В. Половцов хорошо знал «достопамятные» вещи – петровские реликвии, рассеянные в конце века по разным учреждениям и музеям¹⁹. Он делает многочисленные выписки о них, об их местонахождении, перемещениях. Это записи по поводу Кунсткамеры Академии наук, где по повелению Екатерины I вскоре после кончины Петра I создается мемориальный музей,

¹⁴ АГЭ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 7. Л. 1828.

¹⁵ АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 22. 1865. Л. 21.

¹⁶ АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4. Л. 15. 1918–1927 гг. Акты выдачи музейных предметов в Эрмитаж за 1918 и 1919 гг. непосредственно с мест.

¹⁷ АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4. Л. 67.

¹⁸ ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 38–38 об.

¹⁹ Сергеева Г.И. А.В. Половцов. Приглашение в Галерею // 250 историй про Эрмитаж: собрание пестрых глав...». Сб. ст. СПб., 2014.

известный под названием «Кабинет Петра Великого», о знаменитом труде Беляева об этом кабинете и т.д.²⁰ В начале XVIII века в европейских государствах существовали музеи под названием Кунсткамер. В них находились самые разнородные, в т.ч. курьезные предметы из области естествознания, искусств, наук, промышленности и т.п. Подобной Кунсткамерой царь захотел украсить и свою новую столицу, в которой она и была основана в 1714 году. По словам первого ее хранителя, Шумахера, сначала она была наполнена вещами, отчасти купленными уже во время первой поездки в Голландию, отчасти же приобретенными впоследствии; среди них находились различные древности, физические и математические инструменты и т.д. С 1714 по 1718 год Кунсткамера вместе с принадлежавшей к ней библиотекой размещалась в Летнем дворце. В конце 1718 – 1719 году она была перенесена в Кикины палаты, и оставалась там до 1727 года, а вскоре после смерти Петра Великого, когда была открыта основанная им Академия наук, поступила в ведение этого учреждения вместе с библиотекой²¹. В 1848 году Кабинет Петра Великого был переведен из Кунсткамеры в Эрмитаж, где был значительно пополнен новыми собранными материалами и получил наименование «Галерея Петра Великого», где она просуществовала до 1911 года. (При передаче вещей в Эрмитаж часть из них осталась в Академии или поступила в другие заведения). А.В. Половцов отслеживает это движение экспонатов. Он делает соответствующие пометки: о гардеробе монарха, находившемся в свое время в Марли, о ключах от городов, взятых во время военных побед Петра Великого, и о разных предметах, хранившихся в Арсенале, о чучелах лошади и собак Петра I и др.: «Вещи в Екат. Дв. – ихъ передалъ...[неразб.], ... вещи... в Гатчину»,

²⁰ Беляев О.П. Кабинет Петра Великого, или Подробное и обстоятельное описание воскового Его Величества изображения, военной и гражданской одежды, собственноручных Его изделий и прочих достопамятных вещей, лично Великому сему Монарху принадлежащих, ныне в Санктпетербургской Императорской Кунст-камере сохраняющихся, с присовокуплением к ним достоверных известий и любопытных сказаний. СПб., 1793; Штелин Я. Любопытные и достопамятные сказания о Императоре Петре Великом. СПб., 1787.

²¹ АГЭ. Ф. I. Оп. V. Д. 22. 1865. Л. 3 об.; Кареева Н.Д. Зеленый кабинет в Летнем дворце Петра I // АИС. Петербургские искусствоведческие тетради. СПб., 2015. Вып. 35. С. 207–208. РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1. 1718. Л. 1–1 об. Цит. по.: Летопись Кунсткамеры. 1714–1836. СПб., 2014. С. 30–32.

«гардероб изъ Марли», «Ключи в Военный Арсенал»; «Реестр вещамъ въ Арсенале», «При новом устройстве КК [Кунсткамеры – Г.С.] 37 г. Полт[авской] одежды уже не было. Она передана раньше. Но башмаки д[олжны] б[ыть] в Галерее (съ дырою и заплатою)», («Откуда 3-я собака лежащая, кроме Тирана и Лизетты? Как ее звали?») и т.д.²²

А.В. Половцова заботило отсутствие в России «центрального монументального музея, в котором были бы сосредоточены, собраны все вещественные памятники, напоминающие великого творца столицы»²³. Такого музея, чтобы он был достоин этого великого человека. О необходимости его создания он говорит в небольшом очерке о Галерее Петра Великого. Точнее, в неоконченном путеводителе по ней (фрагменте). Его текст помещен в приложении к данному сборнику (*Приложение II*). В начале очерка он пишет: «Обыкновенно в публике думают, что «Галерея Петра Великого» в Эрмитаже заключает в себе все наиболее важное из сохранившихся после Петра вещей. Это мнение совершенно неверное. В Музеях Артиллерийском, Морском и многих других хранятся предметы нисколько не менее важные, чем те, которые собраны в «Галерее». Но тем не менее обзор музеев, имея целью идти «по следам Великого Петра» следует начать непременно с Галереи его имени»²⁴. К настоящему времени проведены многочисленные исследования петровских мемориальных вещей – его костюма, оружия, любимых животных, художественных предметов, окружавших его в повседневной жизни – книг, картин, скульптур и т.д.²⁵ Поэтому сведения, приводимые А.В. Половцовым в очерке, многим знакомы. Но тогда, в конце XIX века, различные дополнения в описании и истории предметов, написанные им, звучали впервые. И несомненной его заслугой является то, что он предпринял попытку собрать воедино материал о предметах, находившихся в Галерее в конце XIX столетия, и представить публике путеводитель по ней. В нем он отмечал, что до настоящего времени [т.е. времени его написания – Г.С.] «каталога Гале-

²² НИОР РНБ. Ф. 601. Д. 141. Л. 80, 80 об., 82–84.

²³ Там же. Л. 68.

²⁴ Там же.

²⁵ Основателю Петербурга: Каталог выставки. СПб.: Славия, 2003; Петровские реликвии в собраниях России и Европы. Материалы III Международного конгресса петровских городов. СПб., 2012; Основателю Петербурга // Материалы конференции к 300-летию основания Санкт-Петербурга. СПб.: ГЭ, 2003; Краткий путеводитель по Отделу истории русской культуры. Вып. 1: Галерея Петра Великого. Л., 1948 и др.

реи не издано»²⁶. Заметим, в 1865 году барон Б. Кене, по специальности нумизмат, заведующий Галереей драгоценностей, помощник начальника отделения скифских и русских древностей, включавшего в себя и Петровскую галерею, подготовил к печати краткий путеводитель по Галерее. Академик А. Куник, возглавлявший отделение, написал предисловие к нему, освещающее историю создания Галереи Петра I. По неизвестным причинам путеводитель не был издан. Два рукописных его экземпляра, на русском и французском языках, сохранились в архиве Государственного Эрмитажа. Согласно этому документу, Галерея была «составлена из различных предметов, относящихся к этому великому Императору и хранившихся некогда в Музее Кунсткамеры Императорской Академии Наук, в Зимнем Дворце, в Марли в Петергофе, а также в Екатерингофском и Ораниенбаумском дворцах, к ним присоединили несколько вещей, происходящих из Оружейной палаты Московского Кремля или поднесенных частными лицами»²⁷. Располагалась Петровская галерея рядом с Висячим садом. Одна из ее дверей вела в Галерею петербургских видов. В конце XIX века А.В. Половцов не знал, был ли издан каталог Б. Кене. Вряд ли бы он его не нашел, будь он напечатан. Автор данной работы также не располагает сведениями о печатном варианте каталога.

Сопоставление двух текстов – каталога Б. Кене и путеводителя А.В. Половцова представляет несомненный исследовательский интерес. Оно показывает, что большинство предметов, находившихся в Галерее в 60-х годах XIX века, располагаются в ней и в период, описанный А.В. Половцовым, т.е. в самом конце XIX века. Да и местонахождение вещей в шкафах и на полках также практически не претерпело существенных изменений. Во всяком случае, это можно проследить по вещам, вошедшим в текст описания Галереи А.В. Половцова. «Вот мы вошли в Галерею, – читаем мы в путеводителе. – Она тянется широким коридором впереди нас. С левой стороны ряд больших окон и около них множество больших и малых предметов, из которых больше всего бросается в глаза ряд больших станков. С правой руки тянутся шкапы, между ними тоже разнообразные предметы, над ними ряд портретов». Аналогично в каталог Б. Кене внесены картины, составлявшие портретную галерею царя – как портреты самого Петра I, Екатерины I, членов его семьи, других родственни-

²⁶ НИОР РНБ. Ф. 601. Д. 141. Л. 68.

²⁷ АГЭ. Ф. I. Оп. V. Д. 22. 1865. Л. 12.

ков, так и ближайшего окружения – сподвижников, «птенцов гнезда Петрова». Есть в нем и картины, купленные по указу царя в Голландии²⁸. Сказано в каталоге и о станках: «По сю сторону Галереи стоят различные токарные и другие станки Петра Великого; на некоторых из них находятся металлические и деревянные валики и диски. Главнейший из этих станков, начатый в 1718 г. 1-м в Петербурге механиком Андреем Нартовым, украшен серебряными медалями, относящимися к славнейшим событиям царствования Императора»²⁹. Внесены в каталог и различные шкафы: «орехового дерева со стеклами, в котором хранятся математические, геометрические, астрономические и другие инструменты из серебра и позолоченные и т.д.», два шкафа орехового дерева, содержащие часть гардероба императора, на одном из которых «находится модель домика, в котором жил Петр Великий в Сардаме» [имеется в виду модель, привезенная Александром I – Г.С.]; «старый дубовый шкаф с рельефными украшениями, изображающими происшествя из истории Эсфиры и Мардокея [видимо, Эсфиры и Мардохея – Г.С.]. В нем находятся халаты Петра Великого», «большой шкаф орехового дерева, содержащий часть летнего гардероба Петра Великого... На шкапу этом стоит кукла, представляющая вдову сардамского плотника, у которой жил Петр Великий»³⁰ и др. Заметим, что в архивных записях А.В. Половцова также есть упоминание об этой кукле и также говорится, что это жена Геррита Киста.

Особое внимание уделяет А.В. Половцов Восковой персоне³¹. Он приводит такие сведения об ее изготовлении: «Сделана эта фигура из дерева (лицо же и руки из воску) Графом де Растрелли, Бартоломео Франческо, вскоре после смерти Императора». Эти сведения есть и у Беляева, и в каталоге Б. Кене. Но А.В. Половцов дает более пространственные сведения об авторе персоны и поясняет будущим читателям, что «этого графа Растрелли не следует смешивать с его знаменитым сыном, графом Варфоломеем Варфоломеевичем де-Растрелли, обер-архитектором (р. 1700 г., ум. после 1770 г.), строителем многих превосходных церквей и дворцов в Петербурге и других

²⁸ АГЭ. Ф. I. Оп. 5. Д. 22. 1865. Л. 12 об.–21.

²⁹ Там же. Л. 26.

³⁰ Там же. Л. 25 об. – 26 об.

³¹ Шарая Н.М. Восковая персона. Л., 1963. С. 33; Тарасова Н.И. «Сии вещи суть для россиянина драгоценны» // Основателю Петербурга: Каталог выставки... С. 42–71.

городах России. Автор рассматриваемой нами статуи – его отец, граф Бартоломео Франческо Растрелли, скульптор, литейщик, механик и архитектор, нанятой в Париже Лефортом, который представил его Императору Петру I во время пребывания его в Кенигсберге (1716 г.?). Умер он в Петербурге в 1744 г., при Императрице Елизавете Петровне»³². Приводит он также легенду о том, что статуя вначале будто бы вставала. «Рассказывают, что Петра Великого просили разрешить сделать после его кончины восковую статую его в натуральную величину. Он согласился на это, но когда кто то из присутствовавших прибавил, что не повелит ли Его Величество статую эту устроить так, чтобы она имела движение и могла подниматься, Петр Великий воскликнул: «Подниматься! Для кого? Не лучше ли друзья мои, оставить ее в покое; поелику подлинник во всю жизнь беспокоился»³³. Эта легенда есть и в труде Беляева, и в предисловии А. Куника к каталогу Б. Кене. Но А.В. Половцов приводит еще одну, вторую легенду о якобы имевшем место «вставании» персоны: «Очень распространен рассказ, будто прежде статуя вставала, но с тех пор, как одна женщина при виде вставшей статуи упала в обморок, было запрещено заводить механизм и заставлять фигуру вставать»³⁴. Н.М. Шарая, исследовавшая историю «Восковой персоны с платьями» в 60-х годах XX века, отмечала, что «фигура «Восковой персоны», выточенная Растрелли, никаких механизмов и приспособлений, кроме шарниров в суставах, не имеет»³⁵. Она поясняла, откуда возникла эта легенда: «В сопроводительном письме гоф-интенданта Кампредона при передаче “Восковой персоны” в Кунсткамеру, в кратком описании ее было сказано: “корпус весь из дерева, который имеет движение, как кому пожелается”»³⁶ [выделено мной – Г.С.]. Любопытно, что вывод, сделанный Н.М. Шарой, полностью совпадает с мнением А.В. Половцова, который еще в конце XIX века писал, что обе легенды о вставании статуи – выдумка. «Эта легенда – безусловная выдумка. Ни в Галерее Петра Великого, ни в Кунсткамере, где статуя находилась до 184... [пропуск в тексте – Г.С.] года она не поднималась. По крайней мере, в 1800 году в описании Кабинета Петра

³² НИОР РНБ. Ф. 601. Д. 141. Л. 70.

³³ Там же. Л. 70 об.

³⁴ Там же.

³⁵ Шарая Н.М. Указ. соч. С. 27.

³⁶ Там же. С. 26.

Великого, унтер-библиотекарь Академии Наук Осип Беляев писал, что «онъ спрашивалъ о томъ у многихъ достоверныхъ людей, по 50 и более летъ при Академии Наукъ служившихъ; однакожь никто того не виделъ и не запомнить, чтобы статуя сия когда нибудь в Кунсткамере поднималась»³⁷. Однако тут же он приводит другое рассуждение Беляева, который, в свою очередь, трактует слова Кампредона «корпус весь из дерева, которой имеет движение, как кому пожелается» [выделено мной – Г.С.] в пользу того, что, возможно, механизмы раньше были, а позднее утратились: «при переносе ея в Академию Наук, все способствовавшие к движению ея пружины были разрушены, и она поставлена в Кунсткамеру (через 7 лет после смерти Петра Великого) в таком точно положении, в каковомъ ныне (...) мы ее видим»³⁸.

По обеим сторонам от персоны, пишет далее А.В. Половцов, «лежать въ ящикахъ два экземпляра маски съ почившаго Императора и всякий можетъ сравнить их с головой статуи»³⁹. Он не уточняет материал, из которого они сделаны. Более подробные сведения об этом есть в эрмитажном каталоге. Восковая статуя Петра Великого была прислана в Кунсткамеру 14 июля 1732 года. «Вероятно, вместе с этой статуей, – пишет А.Куник, – поступила в Кунсткамеру и гипсовая маска, снятая с лица Государя по кончине его». Здесь в тексте есть сноска: «ныне находящаяся в Галерее Петра Великого бронзовая маска есть только копия с гипсовой, сделанная в 1850 году»⁴⁰. И далее уточняется, что в Галерее были «две маски, снятые с лица Императора тотчас после его смерти. Одна из них – копия из бронзы, работы Женисье, исполненной в С.Петербурге в 1848 г.»⁴¹ Гипсовых копий было, вероятно, несколько. В 1865 года от наследницы известного скульптора Фальконе, баронессы Янкович, поступил в Эрмитаж ряд принадлежавших ему вещей, и среди них гипсовая маска Петра I, которая впоследствии была передана в «Московский Музей» [в документе не уточняется, в какой именно – Г.С.]⁴² В 1934 году в собрание Летнего дворца Петра I поступила гипсовая, окрашен-

³⁷ НИОР РНБ. Ф. 601. Д. 141. Л. 71.

³⁸ Там же. Л. 70–71 об.

³⁹ Там же. Л. 72.

⁴⁰ АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 22. 1865. Л. 4 об.

⁴¹ Там же. Л. 13 об.

⁴² АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 10. 1865.

ная в серый цвет, маска Петра I на восьмиугольной доске, в золоченой раме. На обороте ее имелась наклейка: «357 кол. озор.», что говорит о ее более раннем нахождении в собрании известного собирателя петровских памятников, артиста Александринского театра Ю.Э. Озаровского, создавшего в Соляном переулке музей «Старый домик», открытие которого состоялось в 1914 году. В его экспозиции имелись т.н. «Допетровская» и «Петровская» комнаты, наполненные предметами старины⁴³.

Рассматривая восковую персону, А.В. Половцов дает подробное описание надетого на нее платья, парика, оружия. Безусловно, есть все эти сведения и у Беляева, и в каталоге Б. Кене. Важно отметить, что данные, приведенные в каталоге, и сведения в путеводителе А.В. Половцова не только в точности повторяют само перечисление предметов, но и их детальное описание, хотя А.В. Половцов не видел каталога. А в отдельных случаях в его путеводителе есть дополнительные красноречивые детали, отсутствующие в каталоге. И его проработка материала оказывается более глубокой и разносторонней. Так, в каталоге есть лишь одна фраза о надетом на персону парике: «Парик сделан из собственных его волос»⁴⁴. А.В. Половцов пишет не только то, что «парик... состоит из собственных волос Императора», но и далее: «Во время похода в Персию в 1722 году ввиду сильных жаровь Петръ остригъ свои длинные черные волосы и приказалъ сделать изъ нихъ парикъ причеъмъ сетка, служащая основою парика была сплетена не изъ разноцветного шелку, как это обыкновенно делалось, а изъ белыхъ, красныхъ и зеленыхъ довольно грубыхъ нитокъ. Рассказывают, что днем Император носил большую шляпу, а по вечерамъ, когда становилось холодно и в сырую погоду надевалъ этот самый сделанный изъ собственныхъ волосъ парикъ»⁴⁵. Факт наличия у Петра I парика из собственных волос подтверждают исследователи. Такой парик был надет на восковой бюст царя, выполненный скульптором Растрелли в 1719 г. по маске, снятой с живого Петра и подаренный кардиналу Оттобони⁴⁶. Сегодня исследователи

⁴³ Онегин Н.С. Елизаветинская комната в музее Ю.Э. Озаровского // М.В. Ломоносов и елизаветинское время. Материалы конференции, состоявшейся 23–25 ноября 2011 г. в Государственном Эрмитаже. СПб., 2013. С. 263.

⁴⁴ АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 22. 1865. Л. 12.

⁴⁵ НИОР РНБ. Ф. 601. Д. 141. Л. 72.

⁴⁶ Шарая Н.М. Указ. соч. С. 18.

отмечают, что Петр I вовсе не любил носить парики⁴⁷. Между тем в его гардеробе их было несколько. Еще в московский период жизни Петр Алексеевич носил вместе с немецким платьем накладные волосы. Покупались парики и за границей. Например, во время второго заграничного путешествия царя 6 апреля 1717 года было «заплачено за два парука и за переделку старого для его величества, парукмахеру 17 червонных»⁴⁸. Согласно утвердившейся европейской моде накладные волосы носили и члены его семьи – жена, Екатерина I и дочери. Так, 1 мая 1721 года было «заплачено парук макеру Никите Щепотееву за взятые у него волосы государыне цесаревне Елизавете Петровне на гартур и фриз, цена рубль 16 алт. 4 д.; государыне цесаревне Наталье Петровне волосов на колечки и на фриз на 26 алт. 4 д.»⁴⁹ Заметим, малышке Наталье в это время было всего 3 года.

О чулках и обуви восковой персоны царя в каталоге Б. Кене сказано следующее: «Чулки у него красные, шелковые с серебряными стрелками и башмаки из черной кожи с округленными носками, украшены маленькими серебряными пряжками». А.В. Половцов добавляет в своем описании, что «Красные чулки на ногахъ фигуры – *точная копия* [выделено мной – Г.С.], так как подлинные пунцовые чулки стали настолько ветхими, что их пришлось несколько времени тому назадъ спрятать и заменить точнымъ снимкомъ»⁵⁰. Следовательно, если подлинные чулки были «спрятаны», то можно говорить о существовании в конце XIX века двух пар красных чулок – подлинных и копии. К сожалению, в путеводителе не сказано, из какого источника почерпнуты им данные об изготовлении копии. Красные чулки и кафтан небесно-голубого цвета, богато вышитый серебром, были надеты на императоре во время коронации Екатерины в 1724 года, о чем сообщал в своем дневнике камер-юнкер Берхгольц. О башмаках Петра он пишет: «Башмаки подлинные, которые носил покойный Император; они не подбиты гвоздями, потому что Петр не любил обуви, подбитой гвоздями, как портящей полы»⁵¹.

⁴⁷ Тарасова Н.И. Коллекция «Гардероб Петра I» в собрании Государственного Эрмитажа // Петровские реликвии в собраниях России и Европы. Материалы III Международного конгресса петровских городов. СПб.: Европейский дом, 2012. С. 34.

⁴⁸ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 2. М., 1872. С. 58.

⁴⁹ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 1. М., 1872. С. 154.

⁵⁰ НИОР РНБ. Ф. 601. Д. 141. Л. 72.

⁵¹ Там же.

Оба документа – и каталог, и путеводитель – описывают кортик императора. Как и в предыдущих случаях, в каталоге дан краткий текст: «кортик с рукояткой из темно-зеленого нефрита, украшенный рубинами и представляющий лошадиную голову, восточной работы; лезвия Олонецкой работы, на которой вырезан с одной стороны царский орел а на другой корабль с годом 1720. В ножнах орудия находятся также ножик и вилка. Кортик этот был поднесен Петру Великому Августом Саксонским, но с другой лезвией ? [подчеркнуто в тексте красным карандашом и рядом знак вопроса – Г.С.]»⁵² А.В. Половцов посвящает кортику целое, пусть и небольшое, исследование: «Эфес его сделанъ из китайской зеленой яшмы и украшенъ яхонтами; конец его изображаетъ конскую голову, у которой во лбу вставленъ продолговатый алмазь, а глаза и уста состоятъ изъ мелкихъ яхонтовъ. Чаша и оправка эфеса золотые съ изображениями знаменъ, барабановъ, стрель и т.п. В ножнахъ кортика сделано приспособление для вилки и ножика, которые там и находятся»⁵³. Далее он приводит легенду о том, что кортик подарил Петру Великому польский Король Август II в 1707 году и Петр его постоянно носил. Царь подарил королю в обмен «превосходную русскую саблю, которую король, будучи в стесненныхъ обстоятельствахъ вынужденъ был подарить Шведскому Королю Карлу XII». После Полтавской победы Петр нашел эту саблю среди вещей Карла, доставшихся русским. Он приказал графу Головину и барону Шафирову, бывшим свидетелями этой находки, держать ее в тайне. «При свидании с Королем Польским Августом, вскоре после этого, в Туруне, Петр заговорил о кортике, сказал, что он его всегда носит при себе и пожалел, что не видит на Короле своей сабли. Август извинился, что забыл ее в Дрездене, но прибавил, что очень дорожит подарком царя.

– Ежели сие правда, заметил на это Петр, то я прошу вас принять от меня другую, и с этими словами приказал подать Королю Августу старую саблю. Легенде этой противоречит, как будто бы, клинок кортика, на котором с одной стороны изображен двуглавый орел со скипетром и державою и с надписью Olonez (Олонец), а на другой военный корабль с пометою: 1720, но легко допустить, что первоначальный клинок мог испортиться и в 1720 г. заменен

⁵² АГЭ. Ф. I. Оп. V. Д. 22. 1865. Л. 12 об.

⁵³ НИОР РНБ. Ф. 601. Д. 141. Л. 73 об.

новым»⁵⁴. А.В. Половцов не приводит документы о замене лезвия кортика. Но изготовление клинков на Олонецком заводе – исторический факт. Также известен факт изготовления клинков самим царем. В 1947 году на выставке Отдела истории русской культуры в Эрмитаже были показаны стальные клинки, тянутые Петром I на этом заводе⁵⁵. Известно, что в арсенале Петра Великого было много разного оружия, в том числе купленного за границей. Так, во время его заграничной поездки в 1717 году во Франции было «куплено Царскому Величеству две шпаги [отде]ланные золотом три серебряные позолоченные ... кортик ... [неразб.] весу в золоченом и два кортика ... [неразб.] серебряных за все надобно заплатитъ девятьсот шездесят гулденев ...». Текст на французском языке. Внизу дан его перевод на русский. Разъяснение к документу дает Выписка из расходных книг Кабинетным деньгам 1717 года подъячего Ивана Черкасова. «Того же числа [4-го июня – Г.С.] заплачено шпажному мастеру за две шпаги стальные с золотом, да за три серебряныя с позолотою, за один вызолоченой и два серебряных кортика, которые покупал его величеству Афанасей Татищев, по шету за все 960 ливров»⁵⁶.

По преданию, во время пребывания царя в Саардаме, ему была поднесена сабля саардамскими корабельными плотниками. Она была показана на упомянутой выше выставке Отдела истории русской культуры⁵⁷. В 60-х годах XIX века Главное артиллерийское управление «полагало ... передать в Кабинет Петра Великого при Эрмитаже» несколько шпаг Петра I – «с португеей и серебряным темняком», «с разною надписью», «с бархатной португеей» – и несколько ятяганов – «с разными изображениями», «с надписью Soli Dio Gloria, anno 1689 г.» и др.⁵⁸ В 1940-м году из Гатчинского дворца-музея, где также находились петровские «мемории», поступила в коллекцию «Дворца-музея Петра I в Летнем саду» шпага Петра I, стальная, с золочением, дужкой, обтянутой змеиной кожей, в кожаных ножнах.

А.В. Половцов приводит фрагмент стихотворения Н. Иванчина-Писарева «К кортику Петра Великого», опубликованному в «Вестнике Европы» в 1813 году:

⁵⁴ НИОР РНБ. Ф. 601. Д. 141. Л. 72 об., 73 об.

⁵⁵ Краткий путеводитель по Отделу истории русской культуры. Вып. 1... С. 16.

⁵⁶ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 2... С. 66.

⁵⁷ Краткий путеводитель по Отделу истории русской культуры. Вып. 1... С. 12.

⁵⁸ АГЭ. Ф. I. Оп. 5. Ч. 1. Д. 10. 1866. Л. 3–3 об.

«При взгляде на этот кортик невольно вспоминаются слова поэта:

“Не ты ли под Леснымъ,
Не ты ли под Полтавой
В деснице громоносной был?
Не тыль сверкая вечной славой
Пути к ней Россамъ проложишь?”».

Он уточняет, «хотя тут [в стихотворении – Г.С.] говорится о другомъ кортике, приведенные слова с большимъ основаниемъ могут быть применены и к эрмитажному кортику»⁵⁹. К стихотворению есть сноска о том самом кортике, о котором в нем идет речь, его владельцах, как он попал к Н. Иванчину-Писареву: «Сей кортик в знак отличной милости пожалован был покойною Императрицею Елисаветою Петровною Гвардии – ... [неразб. – Г.С.] – Майору Степану Феодоровичу Селиверстову, который служил капралом в новоформированном Петром I войске. А я получил сей неоценный ... [неразб.] дар от сына его, моего родного дяди, Александра Степан. Селиверстова. По словам покойной Императрицы Елисаветы, при пожаловании деду моему кортика и по преданию дошедшему, оный кортик находился при Августейшем родителе ея почти во всех его воинских подвигах. И.П.»⁶⁰

Рассказывая о троне, на котором восседает Петр, А.В. Половцов сообщает, что это – подлинное кресло Императора. При устройстве Галереи в конце сороковых годов была идея заменить это простое кресло тронем Елизаветы Петровны. Но затем она была отвергнута и было оставлено старое историческое кресло. Он пишет об изготовлении в 1848 году нового балдахина над ним из красного бархата и вензеля, вытканного золотом на задней стенке и состоящего из двух перекрещенных латинских букв «Р» [в деле есть зарисовка А.В.П. вензеля – Г.С.]. Он дает такие подробности о материалах для его изготовления: «предполагалось первоначально употребить для этого исторический балдахин с трона Императрицы Елисаветы Петровны но это предположение не могло быть осуществлено» так как оказалось, что балдахин этот употреблен на другие цели. «Зеленая же парча с серебром исчезла неизвестно куда».⁶¹

⁵⁹ НИОР РНБ. Ф. 601. Д. 141. Л. 74 об.

⁶⁰ Там же. Л. 94.

⁶¹ Там же. Л. 75.

С любовью и множеством интересных подробностей А.В. Половцов описывает лошадь Петра, на которой он был в Полтавском бою – его знаменитую Лизетту. По сообщению известного историка П.А. Кротова, Петр сменил в этом бою четырех лошадей⁶². Но Лизетта верно служила ему во всех его баталиях и была преданным другом. А.В. Половцов, безусловно, почерпнул некоторые сведения о ней в труде Беляева – о покупке у маркитантов в Риге, о невероятной любви лошади к своему хозяину («Лизетта так любила Петра, что не видя его долго и случайно вырвавшись из стойла бегала по лагерю пока не отыщет своего хозяина. Когда ее подвели к Государю совсем оседланную, а он почему либо отлагал поездку и отсылал Лизетту обратно в конюшню, то она выказывала все признаки грусти, понуро опускала голову и казалась «печальной до такой степени, что слезы из глаз ея вытекали»; «Лизетта иногда входила в ставку Государя и ела из его рук, что он ей давал»), о доверии хозяина к лошади («Петр до такой степени доверял верности и твердости ея поступи, что переезжал на ней рвы и канавы на перекладах не шире ея копыта»). Но он не просто приводит эти сведения. Он проверяет описанные Беляевым факты у специалистов на предмет подлинности их или легендарности и пишет, например: «Если отбросить трогательныя “слезы”, то в остальномъ, по мнению знатоковъ лошадиныхъ характеровъ, нетъ ничего неправдоподобного»⁶³.

Интересует его также история собак царя. До настоящего времени многое неизвестно в их происхождении – откуда они, где и при каких обстоятельствах были приобретены⁶⁴. Если булленбесер («быкодав») Тиран был куплен в Голландии, а гладкошерстный терьер Лизетта подарен А.Д. Меншиковым, то о лежащей собаке, которая экспонируется сегодня в Зимнем дворце Петра I, особенно мало сведений⁶⁵. А.В. Половцов же пишет: «Говорят, что это мать третьей и наиболее интересной собаки, стоящей направо и носившей тоже имя, что и лошадь», т.е. мать терьера Лизетты⁶⁶. К сказанному добавим, что во время второго заграничного путешествия царь получил в подарок большую

⁶² Цит. по: Слепкова Н.В. Петровские реликвии в коллекции Зоологического института РАН // Петровские реликвии в собраниях России и Европы... С. 78.

⁶³ НИОР РНБ. Ф. 601. Д. 141. Л. 77.

⁶⁴ Слепкова Н.В. Указ. соч. С. 72–84.

⁶⁵ Тарасова Н.И. Зимний дворец Петра I. СПб.: ГЭ, 2006. С. 26.

⁶⁶ НИОР РНБ. Ф. 601. Д. 141. Л. 77.

собаку: «В 10-й день [сентября 1717 года – Г.С.], в Берлине тому же человеку, который привел от королевского величества к царскому величеству собаку большую [выдано] 5 червонных»⁶⁷.

А.В. Половцов был хорошо осведомлен о петровских вещах, находившихся не только в Галерее, но и в других учреждениях, у частных лиц. Это показывают составленные им списки предметов на готовившиеся к проведению в Голландии в рамках юбилейных торжеств выставки. Из них мы узнаем, что в конце XIX века в Публичной библиотеке находились следующие гравюры петровского времени: «5 гравированных портретов Петра Великого в боярском костюме в составе великого посольства (голландское издание)», гравюра «Петр Великий в Голландии» гр. Свистунова и гравюра Петр Великий в голландском костюме гр. Боброва, две гравюры, изображающие Петра Великого, работающего над постройкой корабля, две – с изображением домика в Заандаме, гравированный портрет Петра I с картины Кнеллера и гравюра «Петр I в голландской шляпе», ряд гравюр на тему посольства 1697–1698 годов и другие. Он сообщает, что у графа Орлова-Давыдова находится портрет Петра I масляными красками в голландском костюме, еще один на тот же сюжет – в Москве у купца Барушина, а в Амстердамском музее – «превосх[одный] портрет П[етра] В[еликого], гравюра, им самим гравир[ованная] в Голландии» и «другие вещи»⁶⁸.

А.В. Половцов изучает местонахождение колясок Петра I. Он пишет, что один возок царя находится «при Архангелогородском Гарнизонном (?) [знак вопроса в тексте – Г.С.] полку», одна коляска – в Петергофе, еще одна, переданная из Конюшенного музея, в Эрмитаже⁶⁹. Коляска из Конюшенного музея, вероятно, та, что была передана в 60-х годах XIX века из Арсенального ведомства. Это «одноколка с которой Император Петр Великий ездил по городу. На задней оси ящик с испорченным механизмом для измерения длины дорог»⁷⁰. В 1864 году в Галерее Петра Великого числилась коляска с переплетами, расписанными золотом и с позолоченными украшениями на рессорах и дышлах.

⁶⁷ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 2... С. 82.

⁶⁸ НИОР РНБ. Ф. 601. Д. 141. Л. 108, 111.

⁶⁹ НИОР РНБ. Ф. 601. Д. 147. Л. 1.

⁷⁰ АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Ч. 1. Д. 10. 1866. Л. 8 – 8 об.

Средства передвижения для царя изготавливались как в России, так и покупались во время зарубежных поездок. Так, «1717 Июня в ...[неразб.]. Выплачено для Его Царского Величества две калясины почтовые, одна крытая двойными пружинами цена ей семьсот ливров, другая с кровлею отметной с такими же пружинами цена ей четыреста ливров...»⁷¹. Дополнение к данному тексту есть в Выписке из расходных книг Кабинетным деньгам за 1717 год: «5-го [июня – Г.С.] выдано Юрью Кологривому [агент Петра I – Г.С.] на zapлату за две коляски дорожные, купленные для его величества, 1100 ливров французских»⁷².

Мы представили далеко не все памятники, оказавшиеся в сфере исследовательских интересов А.В. Половцова. Но его занятия историей далеко не исчерпывались поиском и изучением петровских «меморий». Он исследует многочисленные архивные документы по истории Великого посольства, находит места в Европе, связанные с пребыванием там Петра I, в мельчайших подробностях изучает историю домика в Заандаме, приобретает его модель и привозит в Россию. До Отечественной войны она будет находиться в собрании Летнего дворца Петра I в Летнем саду. Его интерес к отечественной истории, археологии, литературе, генеалогии рода много шире. Он хорошо знаком со многими специалистами различных областей в Эрмитаже, Публичной библиотеке, Императорском русском Историческом обществе и прежде всего, с его основателем А.А. Половцовым. Он изучает публиковавшиеся в сборнике общества различные материалы, прежде всего о своем кумире, Петре I. А.В. Половцов прожил короткую жизнь – 56 лет. Но и за это время он внес существенный вклад в дело изучения истории Петра Великого и его времени. Предъявленный материал позволяет по достоинству оценить его заслуги как в этой области, так и перед отечественной исторической наукой.

Сокращения:

АГЭ – Архив Государственного Эрмитажа

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея

НИОР РНБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской национальной библиотеки

ЦГАЛИ – Центральный Государственный архив литературы и искусства

⁷¹ ОПИ ГИМ. Ф. 342. Оп. 1. Ед.хр. 40. Л. 63.

⁷² Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 2... С. 66.

Семиотика Белого зала

Памяти Аделаиды Сергеевны Елкиной

Согласно теории пространства культуры¹, «человек существует не в мире вещей, а в мире значений»². Эти значения несет знаковый аспект созданного пространства. Знаки обладают значениями (семантикой), вступают между собою в грамматические отношения, выражаемые их положением относительно друг друга и морфологическими признаками (синтактика), и составляют тексты, связанные с адресатом и адресантом (прагматика). Выявление отношений знаков и их значений, с учетом их полисемии, имеет герменевтическую направленность, что требует не толкования знаков, а расшифровки их смысла.

Семиотический подход к интерьеру трактует его как сборник текстов на языке создавшей интерьер культуры. Рассмотрим интерьер Белого зала Большого Гатчинского дворца в свете теории созданного пространства.

1. Структура интерьера

Белый зал расположен в центре главного фасада в бельэтаже главного корпуса дворца. Зал предваряет тронные залы императора и императрицы. В царствование Павла I он иногда назывался Кавалергардской. Интерьер в стиле Рококо был создан для графа Г.Г. Орлова архитектором Антонио Ринальди, переделан для Павла I архитектором Винченцо Бренной.

Зал прямоугольный по форме, в центре продольной стены – дверь в Тронную Павла I. Большую часть перекрытия занимает живописный плафон, ориентированный на зрителя, входящего в Тронную Павла I. Такое расположение плафона показывает, что основная семиотическая ось этого интерьера проходит через дверь в Тронную Павла I³. В центре левой от этой оси торцевой

¹ Силантьева Н.А., рукопись.

² Силантьева Н.А., Яранцев В.Н. Дворец как феномен культуры: Проблемы изучения в семиотическом плане // Дворцы и события. К 300-летию Большого Петергофского дворца. Сб. ст. по матер. науч.-практ. конф. / ГМЗ «Петергоф». СПб.: Европейский дом, 2016. С. 346.

³ Это семиотическая ось не только соответствующей стены и всего интерьера, но и всего дворца; на ней же находится и балкон Тронной залы.

стены – дверь из Проходной Ринальди, соединяющей Белый зал с Аванзалом. В центре правой торцевой стены – камин.

Стены зала расчленены сдвоенными каннелированными пилястрами коринфского ордера, образуя панно⁴, которым на фасадной продольной стене соответствуют пять ведущих на большой балкон окон-дверей, являющихся источником обильного естественного света.

2. Грамматика и семантика интерьера

Двери в Проходную и в Тронную Павла I богато обрамлены наличниками и скульптурными десюдепортами. В десюдепорте над дверью из Проходной – горельеф, изображающий гигантских раков среди цветов, овощей, винограда и иных плодов. Над дверью в Тронную залу Павла I – горельеф, изображающий льва, лежащего среди колосьев и плодов. Эти десюдепорты, наряду с «цветками Ринальди», гирляндами, декором падугов и обрамления плафона сохранились от сельской идиллии охотничьего замка графа Г.Г. Орлова. Это традиционные зодиакальные знаки летних месяцев – июля и августа⁵, для которых и был предназначен замок Орлова; альтернативные толкования не выдерживают критики⁶. Эти соотнесенные с семиотическими осями интерьера

⁴ Мы уже отмечали, что ордерные элементы в интерьере Рококо – не признак нарождающегося Классицизма, а обычный в Рококо прием оформления парадных залов (напр.: Вестибюль и Мраморный зал во дворце Сан-Суси, архитектор Г.В. фон Кнобельсдорфф, 1745–1748, Мраморный зал в Новом дворце Сан-Суси, архитектор К. фон Гонтард, 1763–1769), то же относится к ордеру у А. Ринальди (Силантьева Н.А., Яранцев В.Н. Интерьер как текст: Большой зал Китайского дворца // 300 лет Петергофской дороге. 300 лет Ораниенбауму. Научно-практическая конференция. История. Реставрация. Музеефикация. Сборник статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф», 2011. СПб.: Европейский дом, 2012. С. 279–287. Проблемы сохранения культурного наследия. XXI век.).

⁵ В XVIII веке по Юлианскому календарю Рак соответствовал 11 июня – 11 июля, Лев – 12 июля – 11 августа. Была гипотеза, что этот интерьер имел и третий десюдепорт с зодиакальным знаком третьего летнего месяца. Но разрушения дворца и найденный позже проектный чертеж с разрезом интерьера показали, что такой двери никогда не было.

⁶ А.Н. Спащанский, обнаружив у Ж.-Ф. Блонделя очень похожее изображение льва с плодами и сельскими инструментами в качестве аллегории Земли, предположил это же значение у льва Белого зала, а раков счел аллегорией Воды: «Ведь и воды, и земли в Гатчине было в изобилии» (Спащанский А.Н. Григорий Орлов и Гатчина: История фаворита императрицы и его загородного имения. СПб.: Коло, 2010. С. 115–117). Вот только у Блонделя лев как аллегория Земли – в городской короне Кибелы (атрибутом,

знаки Зодиака, согласно Теории пространства культуры, могли бы быть частью текста «Структура Мироздания», распределенного по нескольким интерьерам дворца Орлова аналогично плафонам с временами года, распределенным по разным интерьерам Монплезира⁷.

Во дворцах Павла I вновь появляются программные аллегорические многофигурные полихромные плафоны, почти не встречающиеся в екатерининском классицизме. Как и в интерьерах *барокко* и *рококо*, плафоны несут основное значение в интерьере. Их появление связано с личностью Павла I, наивного идеалиста-романтика и сентиментального реформатора: с его установкой на «культуру грамматик», то есть на дидактичность, на правила и законы⁸.

Живописный плафон с северной и южной сторон обрамлен лепной трельяжной решеткой, в углах которой раковины с женскими масками; на падугах – рога изобилия, факелы, гирлянды цветов и плодов. Этому обрамлению корреспондирует обрамление других элементов этого зала – «цветки Ринальди» из цветов и колосьев, несущие значение ‘Процветание’ и ‘Изобилие’.

а значит заместителем которой он является), чего нет у льва в Белом зале; а атрибуты раков Белого зала – плоды – не имеют к стихии воды никакого отношения. Так же натянуты и другие его рассуждения по этому поводу (Указ. соч. С. 113–114).

⁷ Можно предположить, что Рак и Лев – это редуцированная модель полного цикла «Структура Мироздания», достаточная (два члена), чтобы определить ее как такую модель. Редуцированные модели спорадически встречаются в текстах интерьера, начиная от фриза петровского времени (Весна и Зима) в центральном зале Большого Петергофского дворца и вплоть до созданной О. де Монферраном в 1837 году позднеампирной Столовой дома Демидовых (Весна, Лето, Осень – Зимы нет). Их функция и семантика заслуживают специального исследования.

⁸ Понятия «культура грамматик» и «культура текстов» (ориентация на образцы) введены Ю.М. Лотманом и Б.А. Успенским на основе анализа текстов других знаковых систем (Лотман Ю.М., Успенский Б.А. К семиотической типологии русской культуры XVIII века // *Художественная культура XVIII века: Материалы научной конференции* (1973). М., 1974). Предложенная ими типология развития русской культуры XVIII века точно соотносится с применением плафонов в интерьере: в периоды, характеризующие Лотманом и Успенским как ориентированные на «культуру грамматик», аллегорические плафоны почти обязательны, в периоды «культуры текстов» – редки. См.: Силантьева Н.А., Яранцев В.Н. Гатчина // *Три века Санкт-Петербурга. Т. 1: Осьмнадцатое столетие. Кн. 1.* СПб.: Филолог. фак-т СПбГУ, 2001; Силантьева Н.А., Яранцев В.Н. Интерьер как текст: плафон (семантические проблемы реставрации) // *Использование современных мультимедийных технологий в целях исследования, сохранения и реставрации объектов культурного наследия: Всероссийская конференция: Сборник докладов.* СПб., 2012.

Сюжет плафона – «Геркулес на распутье между Соблазном (Пороком, Сладострастием) и Добродетелью»⁹. Его аллегорический смысл – вечная философская проблема выбора между наслаждением (любовью) – и добродетелью (долгом).

Стены зала декорированы скульптурой. Перед парами пилястр между панно и между окнами – чередующиеся в определенном порядке статуи и бюсты на постаментах. Согласно теории пространства культуры, эквивалентность элементов декора (здесь это бюсты, статуи и рельефы) относительно семиотических осей может означать их смысловую связь. Согласно вышеупомянутой теории интерьер в семантическом аспекте представляет собой единый текст¹⁰. Причем плафон и остальной декор интерьера соотносятся между собой как Заголовки и Тело текста. То есть значение декора стен должно быть рассмотрено в контексте аллегорического смысла плафона.

Проанализируем декор стен в этом ключе. Оказывается, что тема этого плафона раскрыта рельефами как историческими примерами: так, эквивалент-

⁹ Тема плафона восходит к притче V в. до н.э. Картина (художник Д. Бонито) подарена Павлу Петровичу матерью и превращена В. Бренной в плафон. О важности сюжета «Геркулес на распутье между Сладострастием и Добродетелью» лично для Павла I говорит не только его судьба, но и повторение этого сюжета на плафоне «Зала Лаокоона» Михайловского замка. Плафон утрачен в годы Великой Отечественной войны, в процессе реставрации в 1980-х годах вместо него поставлен плафон «Аллегория на рождение вел. кн. Михаила Павловича» кисти Г. Дуайена. А.Н. Спащанский почему-то называет этот плафон «Витязь на распутье» (Спащанский А.Н. Указ. соч. С. 245), переводя этим названием тему плафона в чуждый культуре XVIII века смысловой ряд.

¹⁰ Исследователи-искусствоведы, естественно, изучали в Белом зале статуи и рельефы в аспекте атрибуции и уточнения значения отдельных произведений, не рассматривая связи всего декора в единый текст. Первый исследователь скульптуры П.П. Вейнер единственный заметил некое единство скульптуры и рельефов. Г.Г. Гримм, изучавший творчество А. Ринальди, крайне низко оценивал размещение рельефов, добавленных, по его мнению, после Ринальди. М.Г. Колотов и Ю.В. Трубинов (Скульптура Белого зала Гатчинского дворца // *Памятники культуры. Новые открытия.* 1996. М.: Наука, 1998) высоко оценили размещение тех рельефов, которые, по их мнению, поставил Ринальди, и не пожалели бранных слов в адрес В. Бренной по поводу рельефов, достоверно поставленных им. М.Г. Колотов и Ю.В. Трубинов попытались интерпретировать те рельефы зала, постановку которых они отнесли ко времени Г.Г. Орлова и атрибутировали Ринальди, как смысловое единство. Они заявили их совокупность «средиземноморской тематикой» и связали ее с русско-турецкой войной. Все это очень топорно: средиземноморский локус имеют почти все сюжеты античной истории и мифологии (и Греция, и Рим, и обитель богов Олимп находятся на Средиземном море). А отнесенные к этой тематике сюжеты об Александре Великом и вовсе происходят вдали от Средиземного моря.

ные относительно проходящей через дверь в Тронную Павла I семиотическую ось овальный рельеф «Парис, похищающий Елену» и овальный рельеф «Эней, выносящий отца своего Анхиза из горящей Трои»¹¹ – составляют пару. Они изображают поступки, противопоставленные как 'Соблазн' и 'Добродетель' (сыновний долг)¹².

Следующая, более удаленная от той же оси пара прямоугольных рельефов «Драка амуров» и «Кидиппа на колеснице, влекомой ее сыновьями»¹³, схожи по характеру противопоставлений смыслов: в одном случае – Соблазн, в другом – Добродетель. По типу кодировки это аллегория и исторический пример.

Овальный рельеф «Парис, похищающий Елену» и прямоугольный рельеф «Драка амуров» составляют пару по сходству значений: примеры соблазнов. Своей позицией им противопоставлены овальный рельеф «Эней, несущий Анхиза» и прямоугольный «Кидиппа и сыновья» как примеры добродетелей.

¹¹ Рельеф «Парис и Елена» утрачен, «Эней и Анхиз» сохранился частично. Эта пара рельефов была заказана для десюдепортов анфиладных дверей Большого зала Китайского дворца, но затем на предназначенные им места были поставлены медальоны с портретами Петра I и Елизаветы I (см. анализ текста этого зала: Силантьева Н.А., Яранцев В.Н. Интерьер как текст: Большой зал Китайского дворца // 300 лет Петергофской дороге. 300 лет Ораниенбауму. Научно-практическая конференция. История. Реставрация. Музеефикация: Сборник статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф», 2011. СПб.: Европейский дом, 2012. С. 279–287.). Тогда же, при Г.Г. Орлове, эти рельефы поместили на их места в Белом зале, не имевшем еще плафона. М.Г. Колотов и Ю.В. Трубинов полагали, что их значение – начало и конец Троянской войны. Однако идея трактовки парных сцен как начала и конца какого-то длящегося события или чьего-то жизненного пути отнюдь не соответствует менталитету эпохи аллегории: не может быть аллегории начала или конца события, но только аллегория самого события.

¹² Заявленная эквивалентностью их семантическая парность подтверждается одинаковостью обрамления: над обоими рельефами – одинаковые гирлянды.

¹³ «Драка амуров» – широко распространенный сюжет. Рельеф был фламандской работы XVII века (Ф. Дюкенуа, воссоздан): два амурчика тузят друг друга, а третий из гамака спокойно наблюдает, как четвертый тем временем убегает с лавровым веночком победителя.

«Кидиппа на колеснице» (С.М. Теглев, воссоздан) – редкий сюжет по античной легенде, рассказанной Геродотом: сыновья впряглись в колесницу матери-жрицы, едущей на торжество. Доставив ее – исполнив свой сыновний долг – они уснули и умерли во сне, что позволило Солону назвать их «счастливейшими из смертных». То, что рельефы разнятся по стилистике и немного разных размеров, семиотически нерелевантно: важна форма и важна связь элементов интерьера, задаваемая структурой интерьера.

Таким образом, в этом зале пары рельефы на продольной стене раскрывают на примерах то, что заявлено плафоном.

Эта же связь прослеживается и в статуях и бюстах вдоль стен – парные скульптуры в убранстве, образующие оппозиции по разным семиотическим признакам.

Эквивалентные относительно проходящей через дверь в Тронную Павла I семиотической оси бюсты, стоящие непосредственно по сторонам этой двери – это Гомер, олицетворяющий 'Поэзию', и Сократ, олицетворяющий 'Мудрость'.

Следующую пару относительно той же оси образуют скульптуры черного мрамора в египетском духе, резко выделенные своим цветом и стилем, которые в павловское время назывались просто «Египтянин» и «Египтянка». Можно только предположить, что их значение отсылает к герметической мудрости, родиной которой считался Египет. Не исключено, что «египтяне» были поставлены как статуи Осириса и Исида (единственных актуальных в аллегории XVIII века египетских божеств), такие названия их известны, но в более позднее время¹⁴. На рубеже XVIII–XIX веков, видимо, существовала связь египетских статуй с предваряющими интерьерами: например, в конце царствования Павла I египетские статуи из Белого зала были перемещены в вестибюль Михайловского замка, а вскоре после его смерти египетские статуи были созданы для вестибюля Павловского дворца. Возможно, они выступали как аналоги пары сфинксов.

Позиционно корреспондирует паре бюстов Гомера и Сократа пара бюстов на той же оси, но у противоположной, оконной стены: это Минерва (напротив Сократа) и Нептун (напротив Гомера). Связь этих божеств основана на античном мифе о споре их за обладание Аттикой и трактовалась в XVIII веке как оппозиция 'Мир' – 'Война': «Во время славного прения, бывшего между Минервою и Нептуном о том, кто из них лучшие и полезнейшие для человека вещи произвести может: Нептун ударил трезубцем своим в землю, откуда вышел резвой конь, образ Беспокойства и Войны; а Минерва напротив того

¹⁴ Исида в масонской символике означает 'кораблестроение' и в этом значении статуя Исида в паре с Уранией (Астрономия) помещены на западной и восточной сторонах башни Главного Адмиралтейства в Петербурге. Это значение Исида не чуждо Павлу I как генерал-адмиралу, но в Белом зале ничем не поддержано и, следовательно, исключено.

ударяя своим копьём в землю, произвела Масличное дерево, благополучное знаменование Мира»¹⁵.

Следующую пару относительно той же оси образовывали статуи «Аполлон» (напротив Египтянина) и «Нимфа» (напротив Египтянки)¹⁶. Обе статуи не сохранились¹⁷, и определение их аллегорических значений и характера связи невозможно.

В углах продольных стен с одной торцевой стеной – статуи, с другой – вазы. Так как статуя не может быть парой к вазе, то пара ваз и пара статуй в углах относятся не к продольным стенам, а к торцевым.

Камин в центре правой торцевой стены – это семиотический центр интерьера, задающий вторую семиотическую ось. Камин аллегоризирует очаг – одно их традиционных мест жертвоприношения. Этому аллегорическому значению по смыслу отвечает находящийся над камином античный рельеф «Жертвоприношение Тита»¹⁸. Аллегорическое значение этого рельефа – ‘Добродетель’: жертвоприношение – акт поддержания миропорядка. Это значение рельефа соотносится со смыслом плафона как текста.

На камине – часы со скульптурой женщины с раскрытой на коленях большой книгой. Возможно, это «Аллегория Истории».

Над «Жертвоприношением» – небольшой античный овальный медальон с рельефом – двумя фигурами с цветами и колосьями. Его традиционное условное название – «Церера и Флора»¹⁹. Своей темой этот медальон не соот-

¹⁵ Иконологический лексикон, или руководство к познанию живописного и резного художеств, медалей, эстампов и проч... С французского переведен Академии Наук переводчиком Иваном Акимовым. СПб., 1763. С. 181. Цитированный фрагмент помещен в самом начале статьи «Минерва», сразу после базовой дефиниции. В литературе о греческой мифологии обычно миф пересказывают иначе, но для понимания аллегории важен актуальный для создателей и обитателей зала иконологический лексикон, а не современные знания мифологии.

¹⁶ Эти скульптуры были собраны из обломков антиков. В современной музейной практике такие скульптуры принято дереставрировать, разбирая на бесполезные куски антиков, тем самым уничтожая произведения реставрационного искусства XVIII века.

¹⁷ На их месте соответственно «Аполлино» и «Купающаяся Афродита», что близко по семантике утраченным скульптурам.

¹⁸ Рельеф сохранился частично. Тезки (Тит Флавий Веспасиан) императоры Тит и отец его Веспасиан в исторической памяти равно известны как мудрые, милосердные и прославленные своими добродетелями.

¹⁹ Медальон сильно поврежден. Гость императора Павла I Станислав Август Понятовский и вовсе считал одну из фигур мужской.

ветствует семантике остальных элементов павловского Белого зала. Цветы и колосья на этом медальоне перекликаются с гирляндами, венками, «цветками Ринальди» и другими элементами отделки дворца Г.Г. Орлова, а тематика медальона отсылает к зодиакальным летним месяцам, означенным в наддверниках, несомненно, оставшихся от дворца Орлова. Скорее всего, в этом медальоне – аллегория летнего плодородия, несущая значение ‘Процветание’ и ‘Изобилие’, что соответствует первоначальному художественному решению этого зала для Орлова.

Слева от «Жертвоприношения» – панно с античным рельефом «Отдыхающий путник», изображающий сидящего мужчину с посохом, в шляпе, нарядных сандалиях и с атрибутами посетителя палестры²⁰. Пару ему относительно упомянутой второй семиотической оси составляет незаполненная позиция разрезаемого замаскированной дверью в Тронную Марию Федоровны²¹ пустого панно. Парность этих панно подтверждается аналогичным оформлением – оставшимися от времен Орлова идиллическими венками из цветов и поверх них – цветочные ветви с 5 и 6 закругленными лепестками (т. н. «цветки Ринальди»). Поскольку случаи пустой позиции («нулевого знака») неизвестны, то значение ее возможного заполнения в этом зале неопределенно; в любом случае оно должно соотноситься с другими знаками в этом интерьере.

Пару относительно той же оси составляли находящиеся по сторонам камин в обычной позиции перед пилястрами бюст Цицерона (слева) и бюст Сенеки (справа), воплощающие ‘Красноречие’ и ‘Философию’²².

В углах торцевой стены с продольными – парные вазы с рельефами: в левом углу «Шествие Диониса», в правом – некий античный девичий хоровод (возможно, тщательное изучение иконографии позволит уточнить его значение).

²⁰ Хмелева Е.Н. Скульптура Гатчинского дворца. СПб., 2004. С. 8. Эти атрибуты исключают альтернативное название «Пастух». Рельеф сбит, остались его «тень» – отпечаток в рамке, и небольшой фрагмент. Аналогичный рельеф есть в Галерее Уффици, слепок этого – в Академии художеств.

²¹ Эта дверь, оформленная как часть стены, семиотически нерелевантна.

²² Копии с антиков. Бюст Цицерона не сохранился, заменен бюстом неизвестного римлянина. Бюст Сенеки не соответствует иконографии этого мудреца, но так как на время установки бюста его считали бюстом Сенеки, то для семантики интерьера Белого зала важно именно это значение.

В центре противоположной торцевой стены камину соответствует дверь из Проходной Ринальди. Через эти две точки проходит вторая семиотическая ось зала. Обе двери зала, отмечающие положение семиотических осей, оформлены одинаково, за исключением описанных выше десюдепортов.

На этой торцевой стене первую пару относительно второй семиотической оси составляют стоящие по сторонам двери в Проходную бюсты объявленного богом за свои добродетели Антиноя (справа) и жестокого Каракаллы (слева), воплощающие соответственно заявленные плафоном 'Добродетель' и 'Порок'. Следующую пару относительно той же оси составляют прямоугольные горельефы, посвященные Александру Македонскому: «Укрощение Буцефала» справа («Александр, укротивший непокорного коня Буцефала, перед своим отцом Филиппом Македонским») и «Александр Македонский над телом Дария» слева. Этот сюжет был определен П.П. Вейнером как «Смерть Александра Македонского», переопределен как «Александр Македонский над телом Дария» В.К. Макаровым, и вновь переопределен М.Г. Колотовым и Ю.В. Трубиновым как «Смерть Александра»²³. Макаров обратил внимание на то, что тело умершего покоится на повозке, что соответствует обстоятельствам смерти Дария, но не Александра. Возражая Макарову, Колотов и Трубинов приводят аргументацию, мягко выражаясь, неподобающую: скульптор «вполне мог изобразить его [Александра] распростертым на наскоро сооруженном ложе, чтобы подчеркнуть внезапность этого трагического события»²⁴. Но смерть Александра была не внезапной: в отличие от Дария, Александр умер во дворце после нескольких дней болезни. А палатки на заднем плане рельефа однозначно указывают на то, что запечатленное событие произошло не во дворце, а в походе. На то, что этот рельеф изображает Александра над телом Дария, указывает и то, что если над одром Александра скорбели все, то в этой композиции скорбит один (Александр).

Эти парные сюжеты Колотов и Трубинов трактуют как «начало и конец» жизни Александра, уверяя, что это «обычно» для Белого зала. По этому поводу можно повторить то, что мы писали о рельефах «Похищение Елены» и «Эней, несущий Анхиза». Естественно, что такое толкование не связывает значения рельефов об Александре с остальными значениями элементов зала.

²³ Рельеф «Укрощение Буцефала» сохранился частично, второй рельеф не сохранился и не воссоздавался.

²⁴ Колотов М.Г., Трубинов Ю.В. Указ. соч. С. 386.

На самом же деле «Александр Македонский над телом Дария» – это аллегория добродетели, в данном случае «Великодушия»: Александр прикрыл тело убитого своими приспешниками Дария собственным пурпурным плащом и распорядился похоронить Дария в гробнице его предков; позже он проявил неслыханное милосердие к семье персидского царя и жестоко покарал его убийц.

Таким образом, рельефы об Александре – аллегии 'Мудрости' (Александр укротил Буцефала не силой) и 'Великодушия' ('Милосердия'). Эти исторические примеры добродетелей тематически связаны с рельефом над каминном напротив и с плафоном. Эти рельефы – единственная в Белом зале пара, связанная общим историческим персонажем. Поэтому даже различие принятого нами «Великодушия Александра» и ошибочной «Смерти Александра», принципиальное в других контекстах, здесь – нерелевантно. Релевантен только сам Александр Великий как воплощение Добродетели: он был первым в истории милосердным полководцем, от него идет традиция великодушия, которое проявляли Веспасиан, Тит, Сципион.

Над панно с этими рельефами – венки с «цветками Ринальди», такие же, как на противоположной стене.

Следующую эквивалентную пару относительно второй семиотической оси составляли расположенные в углах скульптуры «Философ»²⁵ («Зенон», слева, у внешней стены) и эквивалентная ему (справа, у внутренней стены) Фальконетова «Зима». Она была помещена в Белый зал в 1796 году, сразу по воцарении Павла I, одновременно с установкой плафона и большинства скульптур, что указывает на ее включенность в текст Большого зала.

Их смысловая связь кажется отсутствующей: «Философ» может быть аллегорией 'Мудрости', но смысловая связь между «Мудростью» и «Зимой» непонятна. «Зима» вне парадигмы «Времен года» может иметь различные значения, вплоть до 'Смерти'. В этом зале аллегория «Зимы»²⁶ изображена в виде прекрасной женщины, полой одежды заботливо укрывающей цветы от мороза (первоначально предназначалась для ботанического сада при Малом Трианоне), и это позволяет считать ее аллегорией добродетели «Милосердие».

²⁵ Статуя не сохранилась, на ее месте «Урания».

²⁶ Значение 'Зима' выражают расколотый льдом сосуд и зимние знаки Зодиака на постаменте, на котором сидит фигура.

Так заданные плафоном как заголовком текста и воплощенные декором стен и убранством зала значения говорят в совокупности о вечной проблеме выбора между Сблзасном и Добродетелью, решаемого с помощью Мудрости. Недаром в этом интерьере представлено по философу у трех стен (Сократ, Сенека, Зенон) и Минерва у четвертой, Мудрость в «век философов» считалась высшей добродетелью.

Такова семантика Белого зала, заданная плафоном и соположением многочисленных скульптур, связанных пространственной грамматикой интерьера.

Иногда в текст интерьера умышленно включают вид в окна. В этом зале пять французских окон ведут на балкон, наличие которого зачастую указывает на значимость этого вида. С балкона открывается вид на служивший местом парадов кур д'онер, огражденный стеною с бастионами и пушками и обрамляющим стеной ровом, и продолжающую проходящую через дверь Тронной ось дворца тройную липовую аллею, ведущую к полю для военных маневров. В эпоху торжества механистической философии, когда часовой механизм был моделью мироздания, военная субординация воплощала идеальное общественное устройство, и парад – «пехотных ратей и коней однообразная красивость», масса людей, одетых в одинаковые мундиры и одновременно четко и единообразно исполняющих экзерциции, – олицетворял гармонию, мир, спокойствие и могущество государства и неограниченную власть просвещенного монарха над его подданными, направленную к их же благу. Отсюда идет увлечение просвещенных монархов парадом, начиная с прусского Фридриха II Великого. В павловское царствование парад (вахт-парад) стал важнейшим постоянным государственным церемониалом, которым руководил император при всех регалиях; в миниатюре он воспроизводился также в ежедневном церемониале развода императором дворцового караула (проводившемся в Аванзале). С точки зрения просвещенного монарха, армия есть прежде всего не орудие войны, а гармоничная модель социального устройства, воспроизводящая его в параде. Семантика зрелища военного театра была естественным дополнением к философской семантике Белого зала.

3. Выводы

Глубокое изучение интерьеров требует совместной работы искусствоведов и филологов: хотя анализ грамматики текста принадлежит лингвистике, но он опирается на сведения, раскрываемые искусствоведением. Поэтому не-

обходимым условием семиотического исследования является систематичность и полнота описания объекта искусствоведами.

Необходимо помнить, что ошибочное распознавание очень живуче: оно может на протяжении многих лет встречаться в работах некритически мыслящих исследователей. Это «Беллона» вместо «Минерва» на падугах центрального зала Большого Петергофского дворца и многие другие случаи²⁷.

При поиске и анализе смысла сюжетов произведений искусства в интерьере обязательно следует помнить, что значения знаков должны принадлежать создавшей интерьер культуре. Например, во времена Павла I скульптура, именуемая сейчас «Спящей Ариадной», считалась Клеопатрой и находится в кабинете Марии Федоровны в Павловском дворце и на Парадной лестнице Михайловского замка именно в этом значении. А в Екатерининском парке статуя жестокого императора Коммода (позднее названная «Антей») была поставлена всего лишь как «античная», не более.

Иногда даже важнее то значение, которое приписывалось обитателями пространства с этими знаками, причем не по их невежеству, а по умыслу: им нужно было видеть в своем пространстве именно такое значение²⁸. Например, хотя левая египетская статуя в Белом зале изображает Антиною в образе Осириса, но для Павла I это не был Антиной, так как Антиной уже есть в этом интерьере. Есть гипотеза, что вторая статуя изображает не женщину, а мужчину-жреца²⁹. Но для анализа интерьера это интересное открытие нерелевантно: релевантно, что для Павла I эта скульптура была женской. Поэтому чтобы не вводить посетителей в заблуждение насчет эпохи Павла I и его личности, в этикетаже не следует заявлять, что это «Жрец».

Оттого, что при реставрации в 1980-х годах вместо плафона «Геркулес на распутье между Сладострастием и Добродетелью» в Белом зале поставили плафон «Аллегория на рождение вел. кн. Михаила Павловича», распалась сложная, жесткая связь смыслов всех компонентов декора этого зала, и заложенный в них смысл остался без ключа к расшифровке. Семиотический анализ

²⁷ Силантьева Н.А., Яранцев В.Н. Дворец как феномен культуры: Проблемы изучения в семиотическом плане... В этой же статье приведены примеры других долгоиграющих ошибочных опознаний.

²⁸ Это связано с прагматикой, которой мы в этой работе не касаемся.

²⁹ Хмелева Е.Н. Две скульптуры Белого зала. За гранью стиля: оригинальное в искусстве. Материалы научной конференции. СПб, 2007.

показывает необходимость восстановления исторических плафонов Гатчинского дворца как носителей главной части семантики его залов³⁰. Гатчинские плафоны считались настолько малохудожественными, что их не фотофиксировали. Но они являются ключевыми для прочтения семантики соответствующих интерьеров в целом. Поэтому если данных для копийного возобновления недостаточно, лучше взять любое изображение на ту же тему, с тем же значением, чем поставить не связанный со смыслом остального декора подлинник.

Это же относится и к другим важным элементам декора зала как текста. Поскольку «Зима» Э.-М. Фальконе требовалась музею «Государственный Эрмитаж» для создания марксистской экспозиции³¹ в 1931 году, а к настоящему времени надобность в марксистской экспозиции отпала, то Эрмитаж, несомненно, *обязан* вернуть ее в Гатчину. Поясняем: в Эрмитаже, растворившись в большой экспозиции французского искусства большого музея, эта скульптура есть только экспонат. В Гатчине она была частью текста одного из самых философски богатых интерьеров России. Как мы уже писали, «Дворец – это книга, существующая в единственном экземпляре, предметы на исторических местах – ее страницы»³². Пока «Зима» в Эрмитаже, его руководители похожи на детей, вырвавших из чужой книжки страничку с картинкой: ну и что ж, что рассказ в чужой книжке прервался, зато уж очень красивая картинка досталась. С точки зрения сохранения культурного наследия, «нет никаких оправданий хранению части страниц отдельно от книги – это преступление перед культурой»³³.

³⁰ О плафонах Гатчинского дворца см.: Силантьева Н.А., Яранцев В.Н. Интерьер как текст: плафон (семантические проблемы реставрации)... С. 108–111.

³¹ Из дневников С.Н. Балаевой, см.: Хмелева Е.Н. Из Царского Села в Гатчину // Царское Село на перекрестке времен и судеб: Материалы XVI научной Царскосельской научной конференции. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2010. С. 337.

³² Силантьева Н.А., Яранцев В.Н. Дворец как феномен культуры... С. 354.

³³ Там же.

Детство и юность великих князей. Педагогика в царской семье в XIX веке

В октябре 2016 года Государственный музей-заповедник «Гатчина» открыл временную экспозицию «Детство в Гатчине», которая посвящена культуре детства и призвана показать семейные и образовательные традиции династии Романовых. Гатчинский дворец всегда был одной из любимых царских резиденций, но наибольшую часть времени здесь провели семьи двух императоров: Павла I и Александра III, о чем оставлено немало теплых воспоминаний в различных письменных источниках. Материальной базой экспозиции стали предметы из фондов ГМЗ «Гатчина», позволяющие осветить темы рождения, крещения, досуга и обучения царских детей. Выставка дает возможность проследить традиции воспитания на примере двух поколений, которые разделяет век, но объединяют стены одной резиденции; понять, что изменилось в жизни и мировоззрении за этот век, а что осталось неизменным.

В ходе подготовки экспозиции был изучен большой объем исторических материалов, позволивших не только констатировать обычаи двух упомянутых семей, но и провести анализ развития педагогической системы при императорском дворе на протяжении XIX века. Данная статья представляет общие и отличительные черты в педагогических подходах.

Родиться в царской семье, по мнению многих – везение. Но фортуна оборачивалась для августейших детей необходимостью с самого юного возраста нести тяжкий груз обязанностей. В монаршей семье к воспитанию приемников всегда относились с особой тщательностью. Ратую за гармоничное развитие личности, наставники стремились к тому, чтобы любое действие ребенка было наполнено смыслом. В детях созидали здравый ум, сильный дух и доброе сердце. Екатерина Великая выразила свои цели в воспитании внуков емкой фразой: «Возвысить душу, образуя сердце». Впоследствии этот девиз стал определяющим для Романовых на протяжении всей истории династии.

Царственные родители старались дать детям лучшее, в первую очередь здоровье, образование и воспитание. Азы воспитания закладывались с первых лет, по мере роста ребенка, основную функцию опеки исполняли няни и гувер-

нантки зачастую иностранного происхождения. Одной из причин выбора няни из другой страны было желание развивать у воспитанника лингвистические навыки с ранних лет. По воспоминаниям Николая I, значительное место в его детской жизни занимала шотландка по национальности Евгения Васильевна Лайон, или, как звал ее воспитанник, «няня-львица»¹. Женщина с сильным нравом, очень привязанная к своему подопечному, смогла привить Николаю понятия о долге, чести, рыцарских добродетелях, была первой, кто научил его главным православным молитвам².

Зачастую собственные дети гувернанток росли и воспитывались вместе с царскими детьми, составляя их ближний круг для игр и дружбы. Дети гувернантки Николая Павловича Ю.Ф. Адлерберг стали друзьями детства великого князя. Эту дружбу они пронесли через всю жизнь, и в своем духовном завещании Николай I счел необходимым упомянуть о них: «С моего детства два лица были мне друзьями и товарищами: дружба их ко мне никогда не изменялась. Г.-А. Адлерберга любил я как родного брата и надеюсь под конец жизни иметь в нем неизменного и правдивого друга. Сестра его, Юлия Федоровна Баранова, воспитала троих моих дочерей, как добрая и рачительная родная... В последний раз благодарю их за братскую любовь, Г.-А. Адлербергу оставляю часы, что всегда ношу с 1815 г. ... а сыну его Александру – портрет Владимира Федоровича, что в Аничкове...»³. Крепкая дружба связывала сыновей Александра III – Георгия и Николая – и сына их воспитательницы А.П. Олленгрена Владимира, мальчики росли вместе в Аничковом дворце. Повзрослев, полковник В.К. Олленгрена оставил теплые воспоминания⁴ о детских играх с великими князьями: «Мороженое мы сами делали из песка с водой. Продавцом этого мороженого был всегда, к нашей глубокой зависти, Жоржик. У него была какая-то ложка, сделанная из битой бутылки, и эта ложка хранилась под заветным деревом в саду, и была произнесена страшная клятва, чтобы никому, даже дедушке, не выдавать ее местопребывания»⁵.

¹ От англ. lion – лев.

² Мироненко С.В. Николай I // Романовы. Исторические портреты. Кн. 1. М.: Армада, 1998. С. 524.

³ Зимин И.В. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М.: Центрполиграф, 2011. С. 60.

⁴ 200-летие Кабинета Е.И. В. 1704–1904. Историческое исследование. СПб., 1911. С. 457.

⁵ Царские дети: сборник / Сост. Н.К. Бонцевская. М.: Сретенский монастырь, 2005. С. 92.

На попечении воспитателей и нянь царские дети росли до семи лет, далее по ряду дисциплин приглашались учителя, которых возглавлял старший наставник, вступала в силу насыщенная учебная программа со строгим режимом. Однако воспитанию и развитию уделялось значительное внимание уже в первые годы жизни ребенка. Важный вклад в формирование нового взгляда на воспитание и образование в императорской семье внесла Екатерина II, выступившая в роли педагога-новатора. Для своих старших внуков – Александра и Константина, императрица сама написала несколько сказок⁶ и составила «Бабушкину азбуку», дававшую азы грамоты и содержавшую мудрые афоризмы для формирования в детях нравственности и добродетели: «Делай добро и не перенимай худое, пусть у тебя перенимают добро», «Перед Богом все люди равны» и т.п., которая стала первым учебником грамматики и морали для великих князей.

Внуков императрица не баловала, приучала к простым условиям быта, без какой-либо роскоши, дабы развить в них выносливость и готовность к любым жизненным испытаниям. Великие князья спали на волосяных матрацах, в детской, где было много света и воздуха, вставали рано, обливались холодной водой, много трудились. Пятилетнего Александра не укуришь в праздности, он постоянно занят: «Красит, оклеивает обоями, чистит мебель, копает в саду землю, сажает овощи, косит, рубит, боронит, ловит рыбу <...> самоучкой учится читать, писать, рисовать, считать...»⁷. Следуя курсу эпохи просвещения, государыня составила руководство для воспитания великих князей на основе трактатов английского философа Д. Локка и пригласила ко двору достойных иностранных преподавателей. Таким образом, среди выдающихся педагогов, которые внесли вклад в образовательную систему при дворе, в первом числе выступает императрица Екатерина II. Заложенные императрицей принципы воспитания были взяты на вооружение последующими поколениями Романовых.

В рассматриваемый нами исторический период с конца XVIII века до конца XIX в царской семье сохранялась преемственность в подходе к обучению великих князей и княжон. К наставнической работе привлекались русские и иностранные учителя, в разные годы это были известные ученые, педагоги, поэты, деятели искусства. Царские дети должны были изучить основы всех

⁶ «Сказка о царевиче Февее» и «Сказка о царевиче Хлоре».

⁷ Александр I // «Сфинкс, не разгаданный до гроба». СПб.: ГЭ, 2005. С. 145.

существующих наук, владеть несколькими европейскими языками, быть широко осведомленными в литературе и искусстве, в совершенстве знать этикет и военное дело. Такой подход связан с ориентацией на энциклопедическую образованность, всестороннее развитие физических, интеллектуальных и творческих качеств.

Учебная программа великих князей не претерпела кардинальных изменений в течение века. С малого возраста детей занимали иллюстрированными книгами, сопровождая показ неутомительными рассказами о природе, исторических событиях, жизни народов. С пяти лет им начинали преподавать грамматику, арифметику, рисование, постепенно включая в программу русскую и всеобщую историю и литературу, географию, естественные науки – математику, геометрию, физику, астрономию. Помимо русского, обучали немецкому, греческому, итальянскому и латыни. Французский был обязательным языком, а в конце XIX века ему на смену пришел английский. Для закрепления языковых знаний дети отвечали задание по истории, географии или ботанике на иностранных языках. Преподавались и изящные искусства – танцы, музыка⁸, рисование, верховая езда и фехтование.

Распорядок дня великих князей во все времена строго соблюдался. За ранним подъемом следовал завтрак с родителями и классные занятия до 12-ти часов с перерывом на отдых. Обед, прогулка и игры продолжались до 17 часов. Еще два часа посвящались приготовлению уроков. Конечно, время, отводимое обучению, менялось в зависимости от возраста детей. Перед поздним ужином (в 20.00) час занимались гимнастикой. Учебный год традиционно длился с января по июнь, на летние каникулы отводилось полтора месяца, а в августе начинался новый учебный год. Предполагалась и регулярная проверка знаний: ежемесячные экзамены в присутствии императрицы и полугодовые в присутствии государя.

С двенадцати лет в программу добавлялись государственные науки – общие представления о коммерции и финансах, о внешней и внутренней поли-

⁸ Мальчикам музыкальные занятия не всегда были по душе: Николай и Михаил Павловичи неоднократно высказывали, что не любят музыки. Однако исключением было церковное пение, которым Николай занимался с ранних лет, и, конечно, военные барабаны, любимые со времен детских игр. Сыновья Александра III – Михаил и Георгий – отличались пристрастием к рисованию, живописи их обучал художник Карл Лемох. Работы великих князей доказывают их художественные способности.

тике, лекции по церковному и гражданскому праву, войне морской и сухопутной. Изучение военных наук было естественной необходимостью для великих князей, которые с рождения предназначались к армейской службе и должны были в совершенстве знать свои специальные дисциплины. С ранних лет мальчиков учили обращаться с миниатюрным, выполненным под рост ребенка боевым оружием. Великие князья получали право носить мундир с семи лет, обязательно присутствовали на учениях, парадах и смотрах воинских подразделений в Красном Селе, Петергофе и Гатчине. Например, сыновья Павла I получали военное воспитание и практику в Гатчинских войсках.

Важную роль в реализации учебного процесса и формировании мировоззрения великих князей играли ведущие учителя и наставники. В мемуарах и памяти воспитанников они остались добрыми друзьями, а в истории Российской империи заслуживают звания выдающихся педагогов.

Наставник Александра и Константина Павловичей Ф.С. Лагарп своим благонравием и умом заслужил добрую репутацию, и не только передал воспитанникам должные знания, но и стал добрым другом до конца дней⁹. «Буду стараться, – писал Александр I, – сделаться достойным имени вашего воспитанника и всю жизнь буду этим гордиться...»¹⁰ Младшие сыновья Павла Петровича, Николай и Михаил, росли при отце. Несмотря на то, что энергичная воспитательная работа бабушки их не коснулась, образованы они были не хуже своих братьев и обладали достойными нравственными качествами, проявляя в себе лучшие стороны характера: порядочность, сердечность, послушание, почитание родителей и учителей. Их старшим воспитателем был строгий генерал М.И. Ламздорф, ежедневно представлявший императрице отчеты об учебных занятиях и поведении детей, которые она внимательно просматривала и вносила свои коррективы. Мальчиков с раннего детства учили отвечать за свои проступки: за лень и шалости во время уроков великие князья наказывались, необходимо было извиниться перед учителем. Сохранились извинительные записки детей: «Прелюбезный Николай Исаевич! Простите мне что я дурно учился, буду стараться вам делать удовольствие моими будущими уроками и этим пись-

⁹ Сегодня документы самого Лагарпа находятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) в составе фонда 728: Рукописное отделение библиотеки Зимнего дворца, а подлинники императорских и великокняжеских писем к нему – в РГАДА в фонде 5: Переписка высочайших особ с частными лицами; и в некоторых других фондах.

¹⁰ Глинский Б.Б. Царские дети и их наставники. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. С. 212.

мом ваш всепокорнейшей слуга Николай Романов Апреля 22-го дня, 1805-го года». «Любезный Николай Исаевич! Простите, что я вчера дурно учился, постараюсь исправиться. Цалую вас. Михаил. Апреля 16 дня 1805 года», – писали сыновья Павла I¹¹. По мере взросления великих князей в учителя к ним приглашались ученые и ведущие специалисты в своей области¹². Николай и Михаил Павловичи изучали те же предметы, что и старшие братья, в том числе политические науки и специальные военные дисциплины. В сфере военного дела теоретические занятия дополнялись практикой в специально сформированной для Николая и Михаила Павловичей Дворянской роте¹³. С 1809 года в программу домашнего курса обучения были введены университетские дисциплины: политическая экономия, естественное право, история права, и другие. Пересмотр учебной программы произошел вследствие указа «О правилах производства в чины»: великие князья могли получить высокие чины при тех же условиях, что и другие подданные империи – только при наличии диплома университета или после сдачи экзаменов по весьма обширной программе¹⁴.

Разумеется, помимо множества педагогов, важный вклад в воспитание детей своим личным примером вносили царственные родители, часто организацией учебного процесса заведовала императрица-мать. Так, супруга Павла I – императрица Мария Федоровна, закрепила практику ведения детьми личных дневников, составления отчетной учебной документации, а также традицию образовательных путешествий. Если прежде наследники престола совершали поездки не часто, сопровождая отца-императора, то теперь путешествия по родной стране и за границу стали систематическим и продуманным мероприятием в просветительских целях.

Так, в июне 1814 года Николай и Михаил отправились в поездку по Голландии, Англии и Швейцарии. По приглашению принца Оранского, будуще-

¹¹ Записки Николая I // Николай Первый и его время. Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков. Т. 1 / Сост., вступ. ст. и коммент. Б.Н. Тарасова. М.: Олма-Пресс, 2000. С. 82; Корф М.А. Рождение и детство императора Николая I // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 466. Л. 24 об.

¹² А.К. Шторх преподавал политическую экономию, М.А. Балугьянский и В.Г. Кукольник – право, В.Л. Крафт – математику и физику, И.И. Ахвердов – русский язык, словесность и историю.

¹³ История государевой свиты. Царствование императора Николая I. СПб., 1908. С. 58–61.

¹⁴ ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. 37. № 28108. 6 августа 1809 г. «О правилах производства в чины и экзаменах для производства в коллежские ассессоры и статские советники».

го короля Вильгельма II, восемнадцатилетний Николай и шестнадцатилетний Михаил посетили города Нидерландов, побывав в Гааге и Амстердаме, где осмотрели домик Петра Великого. На следующий год в мае 1815 в сопровождении воспитателя, графа Ламздорфа, они снова отправились в поездку по Европе: в Германию и во Францию в рамках дозволенной царственным братом, Александром I, экспедиции в действующую армию на исходе победоносной для России войны с Наполеоном¹⁵.

Обновленная продуманная педагогическая система, расцвет которой пришелся на время детства и юности сыновей Павла, дала прекрасные результаты в лице достойных наследников. Ко времени воспитания поколения детей Николая I сложились основы и определенные традиции воспитания царских детей. При этом воспитание и целенаправленное формирование у ребенка нравственных ценностей никогда не мыслилось отдельно от интеллектуального развития, и более того, являлось стержнем всех образовательных программ¹⁶. В качестве воспитателя и одного из учителей детей императора Николая I был приглашен В.А. Жуковский, который разработал подробное научно-методическое обоснование программы домашнего воспитания. Литератор сравнивал учебный процесс с «приготовлением к путешествию», когда человеку для успешного движения вперед дается компас (религия), карта (знания, сообщенные вкратце) и орудия (языки)¹⁷.

Большое значение придавалось и религиозному воспитанию, призванному повлиять на формирование характера детей, развить их лучшие душевные качества – доброту, искренность, сострадание, смирение. Закон Божий сыновьям Николая I преподавал протопресвитер В.Б. Бажанов¹⁸. Являясь членом Синода, Василий Бажанов вошел в историю как первый переводчик Библии

¹⁵ Корф М.А. Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования // Николай I. Молодые годы. Воспоминания, дневники, письма. СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2008. С. 50–57.

¹⁶ Маркова Т.И. Образовательные модели в России в XVIII – начале XIX вв.: приоритет воспитательных установок // Философия образования. Сборник материалов конференции. Серия «Symposium». Вып. 23. СПб., 2002. С. 420.

¹⁷ Шмидт С.О. В.А. Жуковский – великий русский педагог. М.: Издательство УРАО, 2000. С. 22.

¹⁸ Жерихина Е.И. Протопресвитер придворного духовенства отец В.Б. Бажанов // В тени августейших особ. Непарадная жизнь императорских резиденций. Материалы научной конференции 22–23 ноября 2012. СПб.: Союз-Дизайн, 2012. С. 81–89.

на русский язык. Брат императора Михаил Павлович писал о В.Б. Бажанове: «Умеv образоватв из них истинных христиан, он сроднил наших детей именно с высокими отрадами религии. Какая разница по сравнению с тем, как учили меня с братом! Несколько сухих формул, да указание, в каких местах за обеднею креститься, вот, бывало, и все»¹⁹. Со священником дети императора изучали священную историю, христианские заповеди, он читал и разъяснял им Евангелие, Библию, Катехизис, пояснял суть молитв, рассказывал о правилах и символике церковных обрядов. Воспитание оказывало положительное воздействие на духовно-нравственное развитие детей и побуждало их размышлять над своими недостатками и поведением. Например, великий князь Михаил Николаевич довольно часто оставлял в дневнике подобные записи: «Ужасно трудно готовиться к исповеди, все масленица пляшет в голове... мне ужасно трудно выместить из головы посторонние мысли; главный недостаток мой, мне кажется, что предавался слишком развязной жизни и пренебрегал при том моими обязанностями»; «Благодарю Бога за то, что Папа остался нами доволен, и молю Его, чтобы так же осталось и мне бы помог исправиться от своих недостатков! Еще благодарю Его, что воспитатели так обо мне заботились!»²⁰

Высокие идеалы воспитания, распорядок дня, искренние старания учеников не исключали поведения, свойственного нормальным детям любого социального статуса, случались и шалости, и проказы. Несмотря на особый статус, обладали живым и непосредственным детским взглядом на мир. Воспитатель Ф.С. Лутковский в конце недели подводил итог потерянному во время занятий времени и представлял это юным великим князьям, а для большей убедительности итоговую цифру (от 30 мин. до 1 часа) иногда подводил и за месяц. Такие записки фиксировали описание безделья: «играние руками и пальцековыряние», «хождение в шкаф», «делание чернильных озер», «зевание», «рассматривание ногтей и пера», «путешествие за чернильницей и происшествие во время вояжа», «играние перьями» и тому подобное²¹. В дневниках маленького великого князя Михаила Николаевича читаем: «Алексей Илларионович поставил нас в угол

¹⁹ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 466. Л. 59.

²⁰ ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 21. Л. 47 об.; Ф. 649. Оп. 1. Д. 22. Л. 13.

²¹ Сидорова А.Н. Детство и юность великого князя Константина Николаевича в мемуарах Ф.П. Литке и Ф.С. Лутковского // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 8. М., 2012. С. 278–291.

за то, что мы убежали», «Я ударил Низи сухарем в лоб за то, что он взял тот сухарь, который я любил, и Василий Сергеевич отнял у меня чай», «Я ударил Давыда Егорьевича в лоб, за что меня папа оставил без обеда и поставил меня в угол на колена», «Папа мне не позволил ходить гулять, потому что я нечаянно попал Федорову в бровь и не признался»²².

Несмотря на то, что с детьми Николая I работали выдающиеся педагоги по индивидуальной программе, эта программа должна была находиться в согласии с образовательной политикой во всей империи. В 1830-х годах министром народного просвещения С.С. Уваровым были проведены новые реформы. По его мысли, воспитание и обучение «будущих поколений в соединенном духе православия, самодержавия и народности» составляло «одну из лучших надежд и главнейших потребностей времени»²³. На деле это заключалось в патристическом воспитании – учителя должны были возбуждать в воспитанниках уважение к русскому языку, истории, религии и учреждениям. Юношей всей империи, и в первую очередь сыновей императора, воспитывали в этом духе.

Каждый из педагогов готовил великих князей к определенной миссии, например, В.А. Жуковский стал наставником будущего государя, цесаревича Александра Николаевича, а его коллега Ф.П. Литке с пяти лет готовил в адмиралы второго сына императора, Константина, оба примера предполагали определенную тактику в обучении. Целью воспитания было привить детям чувство долга и ответственности перед отечеством, вырастить достойного офицера. Со своими будущими сослуживцами великие князья общались с детства: воспитанников кадетского корпуса приглашали во дворец к обеду, чаю и для игр. С достижением совершеннолетия (шестнадцать лет) великие князья приносили присягу на верность государю и отечеству. Принятие присяги означало также официальное завершение воспитания юношей, дальше они вступали во взрослую жизнь и начинали свою государственную службу.

Великий князь Константин Николаевич в день своей присяги писал в дневнике: «Сегодня великий день моей жизни, сегодня я буду присягать. Часа через три я предстану перед престол Божий и там, призвав Бога во свидетели я принесу торжественный обет, служить за Веру, Царя и Отечество, всеми сила-

²² ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 31. Л. 93 – 93об.

²³ Уваров С.С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения // Река времен. М.: Эллис-Лак, 1995. С. 72.

ми души и сердца, не щадя живота своего, и даже до последней капли крови, в чем дам Богу ответ на последнем, страшном Суде. Страшные слова, если произносить их с полным пониманием, помня, что призвал во свидетели самого Царя небесного».

В контексте образования великих князей следует упомянуть уже ставший к тому времени привычным опыт познавательных путешествий. Их маршрут и насыщенность являются выдающимся примером среди поездок великих князей разных поколений династии Романовых. Наследник престола Александр Николаевич в 1837 году после принятия присяги совершил длительное путешествие по России, в том числе по Уралу и Сибири с целью систематизирования полученных знаний и подготовки к будущей государственной деятельности. Четко следуя инструкции и маршруту, составленным отцом-императором, в сопровождении наставника, цесаревич знакомился со страной, которой ему предстояло править. В.А. Жуковский назвал эту поездку «венчанием с Россией»²⁴.

Большое заграничное путешествие после принятия присяги проделал и Константин Николаевич. Следует отметить, что еще с 8 лет он участвовал в морских походах в Балтийском море, а к 18 годам отправился к берегам Турции. Маршрут плавания пролегал по Черному и Эгейскому морям через Кавказские берега, Турцию и Греческие острова. Среди российских августейших особ великий князь Константин Николаевич стал первым после легендарного князя Олега, кому довелось побывать на берегах Босфора. Путешествие 1845 года должно было, по мнению Ф.П. Литке, стать первым шагом для серьезного знакомства Константина Николаевича с устройством портов, укреплениями и постановкой морского дела в ведущих странах: «Для образования Константина Николаевича как адмирала... гораздо нужнее ему осмотреть военные порты Англии, Франции и всех мореходных держав, осмотреть подробно все берега Средиземного моря, Грецию, Сирию, Египет, все эти места ему нужно знать как свои, ибо если флоту когда-нибудь назначено играть роль, то это будет тут, а не в дальних морях»²⁵.

Аналогичное по значимости и объему образовательное путешествие

²⁴ Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I в 1837 году / Сост. Л.Г. Захарова, Л.И. Тютюнник. М.: Издательство МГУ, 1999. С. 5–18.

²⁵ Воронин В.Е. Великий князь Константин Николаевич: становление государственного деятеля. М.: Русский мир, 2002. С. 31.

проделал сын Александра III, цесаревич Николай. В 1890-1891 годах великий князь побывал в Австрии, Греции, Африке, Египте, Индии, Японии. Затем, пройдя всю Дальнюю Россию, Сибирь, центральную часть страны, посетив десятки городов России, возвратился в Гатчину, откуда и начинал свой путь. Юность последнего русского императора связана с Аничковым и Гатчинским дворцами. Отрывки мемуаров Николая Александровича и его братьев передают душевную атмосферу жизни в Гатчине и подтверждают, насколько сохранились традиции воспитания в царской семье на протяжении XIX века. В черед аспектов образования, которые были рассмотрены в этой статье, на примерах различных поколений императорской семьи, государь Александр III может считаться прекрасным примером родительского участия в жизни детей. В образе жизни семьи императора в Гатчинском дворце воплощаются заложенные ранее формы воспитания царских детей, стремления, которые преследовались в предыдущих поколениях. Здесь и озвученные когда-то Екатериной II стремления к строгим и скромным условиям воспитания, и одновременно с тем живое общение родителей с детьми. Для своих детей Александр III был добрым и сердечным отцом, по мере надобности он был и строг и (или) мягок, проявлял участие к их заботам, всегда находил время для бесед и совместных игр. Император наставлял воспитательниц своих детей: «... мне “фарфора” ненужно. Мне нужны нормальные, здоровые русские дети. Подерутся – пожалуйста. Но доказчику – первый кнут»²⁶. Дети выросли действительно «здоровые» и «русские». Неприхотливые условия жизни, строгий режим дня и спортивные нагрузки положительно сказались на здоровье братьев и сестер в семье. «Бытовые условия сна и отдыха в детской были далеки от роскоши и изнеженности. Утренние водные процедуры, простая еда, жесткий распорядок дня с ежедневными учебными занятиями, церковными службами, участием в официальных церемониях, приемах родственников были направлены на формирование сильных телом и духом людей»²⁷. Отец и мать, хотя и любили своих детей, были единомышленны в недопущении поблажек в деле их воспитания, фундаментом которого была вера в Бога, православная церковность. К примеру, старший сын императора, наследник Николай Александрович с раннего детства любил долгие церковные

²⁶ Царские дети: сборник... С. 45.

²⁷ Рябов Ю.А. Богохранимая страна наша Российская. Государство и общество в России на рубеже 19–20 веков. СПб.: Сагис, Межрегиональный фонд «Держава», 2004. С. 110.

службы и никогда не тяготился ими. Под бдительным контролем отца и матери сыновья – цесаревич Николай Александрович и его братья, великие князья Георгий и Михаил, получили достойное домашнее образование. Для них были приглашены выдающиеся и требовательные преподаватели. Учебная программа для поколения детей Александра III была несколько скорректирована: «Учились в общей сложности 13 лет, из них 8 лет по усовершенствованному гимназическому курсу, 5 лет – по университетскому и военному. Из гимназического курса были удалены так называемые мертвые языки – латынь и древнегреческий – и заменены основами минералогии, ботаники, зоологии, анатомии и физиологии. К традиционно изучавшимся в царской семье французскому и немецкому языкам был добавлен английский. Кроме того, было расширено изучение политической истории и русской литературы». Последние пять лет обучения были отведены «курсу высших наук» – военным, юридическим и экономическим наукам: «Так, экономику преподавал Н.Х. Бунге – известный русский ученый и государственный деятель; юридические науки – К.П. Победоносцев, который преуспел не только как известный правовед и бессменный – на протяжении четверти века – глава церковного ведомства, но и зарекомендовал себя видным идеологом консервативно-охранительного направления в общественно-политической жизни страны. Международное право преподавал М.Н. Капустин. Политическую историю великим князьям читал известный исследователь иностранных сведений о Московской Руси профессор Е.Е. Замысловский»²⁸. Великие князья были воспитаны в духе патриотизма, с раннего детства играли с пушками и солдатиками, впоследствии с интересом и всерьез изучали военную науку. В учебной программе были раскрыты различные отрасли военных знаний: военная география, боевая подготовка войск, стратегия и военная история, артиллерия, военная администрация, фортификация. Цесаревич Николай с 19 лет исполнял обязанности строевого офицера: «Как положено наследнику престола, несколько лет Николай провел на стажировке в гвардейских полках: два лагерных сбора в Лейб-гвардии Преображенском полку, два – в Лейб-гвардии Гусарском и один – в Лейб-гвардии Конной Артиллерии, познакомившись, таким образом, с основными видами сухопутных вооруженных сил»²⁹. Брат наследника, великий князь Михаил Александрович,

²⁸ Рябов Ю.А. Указ. соч. С. 112.

²⁹ Николай Второй. Воспоминания. Дневники. СПб.: Издательство Пушкинского Фон-

проходил службу в Гатчинском Лейб-гвардии Кирасирском полку. Впоследствии в ходе Первой мировой войны принял командование Кавказской конной дивизией. Благодаря своей личной храбрости и дружелюбию Михаил заслужил уважение подчиненных и победоносно прошел с ними опасные сражения. Военная служба и учебные занятия шли по строгому графику, но в режиме дня, конечно, было время и досугу. Праздности в царской семье не поощряли, отец-император самоличным примером старался привить сыновьям любовь к труду или интересным хобби. Государь выделял время для совместной работы с сыновьями в саду: вместе копали грядки, обрезали ветки, кололи дрова. Император сам любил театр, музыку и игру на духовых инструментах. Такое же хобби перенял от отца старший сын Николай Александрович. Пройдя основной курс игры на фортепьяно и научившись неплохо играть, он отказался от дальнейших уроков и начал заниматься на духовых. Игре на корнет-а-пистоне его учил воспитатель полковник О.Б. Рихтер, а затем профессиональный корнетист В.В. Вурм. Николай II так же, как и отец, стал заядлым театралом: «Милая Мама! Извини, пожалуйста, за наше дерзкое бегство в театр. Но в 1/2 восьмого дают Ревизора. Сандро и Сергей очень звали туда. Я два раза старался попасть в него, но ни разу не удавалось»; «Милая Мама, мне очень хочется поехать сегодня в балет Чайковского «Лебединое озеро», поэтому извини нас, если не придем к тебе к обеду. Не думаешь ли ты тоже поехать в театр?»³⁰

Еще одна сторона досуга, это увлечение техникой. Великий князь Михаил Александрович увлекался фотографией, в описях комнат Гатчинского дворца упоминаются пять различных фотоаппаратов, среди которых карманный «Folding Pocket Kodak». Фотографии в большом количестве наполняли все жилые интерьеры. Михаил Александрович и повзрослев отличался любовью к технике, он один из первых в империи приобрел автомобиль и стал учредителем Императорского Русского автомобильного общества. Первые автогонки, учрежденные великим князем, имели в маршруте Гатчину. Как завещал педагог царских детей В.А. Жуковский: «Воспитание не может быть приковано к учебному столу; оно не имеет значения, если оно не обнимет всей жизни ребенка». В свободное от учебного процесса время детей привлекали к поучительным играм, познавательным прогулкам и походам в картинные галереи,

да, 1994. С. 7–8.

³⁰ Гурко В.И. Царь и царица // Николай Второй. Воспоминания. Дневники... С. 387.

в театр. Литературные предпочтения великих князей – это и классические, и современные им произведения: У. Шекспир, Ж. Верн, Д. Дефо, Дж. Свифт, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.Н. Островский³¹.

Традиции воспитания и личные примеры повзрослевших великих князей и княжон доказывают, что лучшие личностные качества в них закладывались именно благодаря вниманию и любви педагогов и родителей, тех человеческих чувств, которые не определяются сословием. В любую эпоху, руководствуясь правилами любви и чести, можно воспитать достойную личность, преданную своей Родине, вере, семье.

Выявленные методы семейного воспитания в царской семье дают основания сформулировать основные принципы воспитания великих князей династии Романовых на протяжении XIX века:

1. Воспитание религиозности и патриотизма, скромные условия, строгий режим жизни.
2. Личностный подход в воспитании, зависящий от будущего служебного предназначения великого князя.
3. Соединение традиций и инновационного подхода в учебном процессе.
4. Воспитание аристократизма в сочетании с демократичностью методов.
5. Совмещение фундаментального подхода в образовании и практического подхода в занятиях по преподаваемым предметам.

³¹ Хухка И.А. Детская книга в подарок (издания детей императора Александра III из собрания ГМЗ «Гатчина») // XIII научно-практическая конференция «Музейные библиотеки в современном обществе». Тезисы докладов. М., 2016. С. 81–84.

Саркофаг или «палатка»? Последний путь княгини Орловой

Екатерина Николаевна Орлова, в девичестве Зиновьева. Кто она? Никакими особыми заслугами не отмеченная женщина вряд ли могла бы привлечь к себе внимание, кабы не одно пикантное обстоятельство: она вышла замуж за своего родственника, фаворита Екатерины II князя Григория Орлова, став частью биографии этого незаурядного человека, оставившего заметный след в истории России. Своим замужеством она оказалась втянутой в классический любовный треугольник, верхний угол которого замыкала сама императрица! Правда, к тому времени, когда Орлов решил взять в жены свою кузину, он уже несколько лет пребывал в статусе *бывшего* фаворита императрицы. Поводом для отставки послужило чрезвычайное происшествие: в августе 1772 года Орлов самовольно покинул Фокшанский конгресс, на который Екатерина II отправила его во главе делегации для переговоров с Турцией о перемирии. В гневе Екатерина запретила Орлову въезд в Санкт-Петербург, определив ему место пребывания в Гатчинском дворце. Смягчившись вскоре, императрица даже обнародовала 4 октября (наконец-то!) высочайший рескрипт об утверждении Орлова в княжеском достоинстве, стряхнув пыль с диплома, подписанного еще 21 июня 1763 года римско-германской императрицей Марией Терезией¹. Но это был щедрый жест перед окончательным разрывом тесных отношений, усугублявшихся не скрывавшимися от света легкомысленными любовными похождениями Орлова на стороне, которые не проходили мимо внимания Екатерины. О своем разрыве с Орловым Екатерина признавалась в мае 1773 года одному из своих доверенных лиц: «...Одиннадцать лет я страдала и теперь хочу жить по своему вкусу и ни от кого не завися. Что касается князя, то он может заниматься всем, чем только ему заблагорассудится: он свободен ехать в чужие края или же оставаться в пределах Империи; пить вино, развлекать

¹ Искюль С.Н. Роковые годы России. Год 1762. Документальная хроника. СПб.: ЛИК, 2001. С. 156; Тургенев А.И. Российский двор в XVIII веке. СПб.: Искусство-СПб, 2005. С. 277: «Григорий Орлов получил от Марии-Терезии титул князя Священной Римской Империи».

себя охотой и любовницами; наконец, удалиться в свои владения. Ежели князь будет жить добропорядочно, сие сделает ему честь, в противном же случае он покроет себя позором...»². Орлов с трудом осознавал всю серьезность своего положения, явившегося началом его депрессии – болезненного состояния, получившего необратимое развитие в последующие годы.

Тем временем в ближайшем Подмосковье подрастала третья участница рокового треугольника – Екатерина Зиновьева. В 1772 году, когда граф Орлов превратился в князя Священной Римской империи, ей уже шел 14-й год. Девочка выросла и становилась все более привлекательной. Кто были ее родители?

Николай Иванович Зиновьев (1717–1773), отец Екатерины, по справке П.Ф. Карабанова, бытописателя русского двора XVIII века, «генерал-майор, с.-петербургский обер-комендант, Лейб-гвардии Преображенского полка секунд-майор и св. Александра Невского кавалер»³. С 1764 года Зиновьев служил обер-комендантом Санкт-Петербургской крепости. Женат был Николай Иванович на Евдокии Наумовне Синявиной (1717–1777), в браке с которой и родилась Екатерина Николаевна Зиновьева.

Родная сестра Николая Ивановича – Лукерья Ивановна Зиновьева (1710–?) вышла замуж за генерал-майора Григория Ивановича Орлова (1677–1746). Нетрудно догадаться, что это были родители другого нашего героя – князя Григория Григорьевича Орлова.

Таким образом, у прямых родственников появились на свет двоюродные сестра и брат: Екатерина и Григорий. Родство, согласитесь, довольно близкое, имевшее в конечном счете роковые последствия.

Семьи тех и других обитали в краях Москвы. Усадьба Зиновьевых располагалась в ближайшем Подмосковье, «в Конькове – селе на десятой версте от Москвы по Калужской дороге»⁴.

Родители братьев-богатырей Орловых жили на окраине Москвы: «Дом Григория Ивановича находился в приходе церкви Георгия Победоносца, что на Всполье, между Спиридоньевской улицей и Георгиевским переулком»⁵. Со

² Тургенев А.И. Указ. соч. С. 279.

³ Карабанов П.Ф. Статс-дамы русского двора в XVIII столетии // Русская старина. Т. 3. СПб., 1871. С. 41.

⁴ Молева Н.М. Древняя быль новых кварталов. М.: Московский рабочий, 1982. С. 46.

⁵ Иванов О.А. Граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский в Москве. М.: Сварог и К, 2002. С. 20.

смертью Николая Ивановича Зиновьева в 1773 году волею судеб Григорий Орлов оказался опекуном своей двоюродной сестры⁶. Через два года Екатерину Зиновьеву удалось пристроить, надо полагать, не без участия Орлова, во фрейлины императрицы Екатерины II⁷.

Перевод Екатерины Зиновьевой из провинции в столицу способствовал их с Григорием Орловым частым встречам и взаимной привязанности, более сильной, чем формальное родство: они всерьез полюбили друг друга. Взаимная любовь и страсть настолько захватили их обоих, что, несмотря на колоссальную разницу в возрасте (к концу 1776 года ей 18 лет, ему – 42) и на откровенное недовольство родственников, они решили навсегда связать свои судьбы брачными узами. Вершина «треугольника» – императрица – узнав об этом, восприняла новость как личное оскорбление; она внутренне восстала против возможного брака своей фрейлины и Орлова – своего бывшего возлюбленного и отца внебрачного сына Алексея (ставшего впоследствии графом Бобринским). Но решение влюбленной пары жениться было окончательным и бесповоротным. Об открытом венчании не могло быть и речи: кровосмесительные браки церковь категорически осуждала. Орлов пошел на хитрость. Улучив благоприятный момент, он увез на несколько дней свою возлюбленную в собственное имение – Копорский уезд Петербургской губернии – и 5 июня 1777 года тайно обвенчался с ней в церкви Вознесения Христова⁸. Синод, естественно, этот брак не признал. К этому присоединился и Императорский Совет. Окончательное решение оставалось за императрицей. По словам князя П.В. Долгорукова, «постановление было представлено Екатерине II, которая заявила, что ее рука не поднимется подписать приговор против своего благодетеля, против человека, который спас ее от монастыря и от тюрьмы и возвел на трон»⁹.

Подавив в себе ревность, мудрая правительница утвердила брак Орловых. Они обрели семейное счастье, а княгиня Орлова даже упрочила свое положение при дворе. Наделенная природой весьма привлекательной внеш-

⁶ Коменданты Санкт-Петербургской (Петропавловской) крепости. СПб.: ГМИ СПб, 2010. С. 28.

⁷ Волков Н.Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М.: Кучково поле, 2013. С. 249.

⁸ Елисева О.И. Григорий Потемкин. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 235.

⁹ Записки князя Петра Долгорукова / Пер. с фр. А.Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. С.Н. Искюля. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2007. С. 560.

ностью, мягким характером и поэтическим даром, в костюме статс-дамы она затмила придворных красавиц.

Блестящий парадный поясной портрет княгини Орловой в этом ее статусе создал замечательный живописец Федор Рокотов (1735/1736 – 1808)¹⁰.

Портрет Орловой кисти Ф.С. Рокотова оказался настолько удачным, что привлек внимание другого русского художника, академика живописи Д.Г. Левицкого (ок. 1735—1822) (ил. 1). В 1782–1783 годах на основе парадного портрета княгини Орловой (которой уже не было в живых) Левицкий создал более камерный образ молодой представительницы императорского двора.

Другие живописцы и миниатюристы копировали портрет Орловой, исполненный Рокотовым, адекватно оригиналу. В числе таких художников встречается, например, имя модного французского живописца-портретиста Ж.-Л. де Велли (1730–1804). Рокотовский же портрет княгини Орловой, повторяясь в миниатюрных вариантах, в том числе на табакерках, служил также оригиналом для гравировщиков.

Так, талантливый гравер И.А. Берсенева (1762–1789) виртуозным по технике штрихом на металле мастерски воспроизвел во всех деталях созданный Рокотовым образ Орловой¹¹. Работу Берсенева в свою очередь перегравировал позднее французский мастер А.-Ф. Паннемакер (1822–1900)¹². Под стать красавице-княгине выглядит Григорий Орлов на Гатчинском портрете неизвестного художника 1770-х годов (тип Христинека), изображенный в домашнем расширенном цветном кафтане алого цвета с зелеными отворотами¹³.

Идиллия благополучной семейной жизни Орловых продолжалась, к сожалению, недолго. Поначалу как будто ничто не омрачало их уединенного затворничества в Гатчинском дворце. Орлов, этот некогда всемогущий гене-

¹⁰ Этот портрет княгини Орловой экспонировался на устроенной в 2016 году в Третьяковской галерее выставке «Федор Рокотов (1735/36–1808). Портреты. Лица екатерининской эпохи», где он висел рядом с портретом ее мужа, так называемым «Портретом Г.Г. Орлова в латах». Сразу же после закрытия в мае 2016 года этой выставки рокотовский портрет Орловой был предоставлен Третьяковской галереей Гатчинскому дворцу для временной выставки, приуроченной к 250-летию дворца.

¹¹ Ровинский Д.А. Одиннадцать гравюр работы И.А. Берсенева с заметкой о его жизни. СПб., 1886. С. 3. Табл. 1.

¹² Брикнер А. История Екатерины Второй. СПб.: изд. А.С. Суворина, 1885 (репринт 1998 года. С. 739.).

¹³ ГДМ-122-III.

рал-фельдцейхмейстер, руководивший всей артиллерией Российской империи, учредитель Вольно-экономического общества, «поощритель и любитель полезных знаний»¹⁴, покровительствовавший М.В. Ломоносову, наконец, восстановитель спокойствия в чумной Москве, после фактического отстранения от государственных и военных дел вследствие опалы (формально он продолжал числиться на службе, получая в полном объеме должностные оклады) превратился в хлебосольного помещика, увлекавшегося охотой¹⁵. Жена его музицировала, читала любовные романы и сама сочиняла непритязательные стихи. Нежно и самозабвенно любящая своего мужа, она часто прогуливалась с ним в коляске по окрестностям гатчинского поместья, посещая зверинец, молочные фермы и сельские поселения. Подолгу уединялась она в домово́й церкви Живоначальной Троицы, истово молясь перед иконой Богородицы. Екатерине Николаевне все чаще приходилось звать о помощи к небесной заступнице из-за начавшихся детородных проблем, связанных, очевидно, с кровосмесительными последствиями близкородственного брака. П.Ф. Карabanов дал крайне негативную оценку этому явлению: «Этот пагубный брак <...> был начальной причиной великого зла. <...> Сия несчастная чета явным образом наказана за преступление: дети их рождались мертвыми...»¹⁶. Горе обожаемой жены принимал близко к сердцу князь Орлов, здоровье его пошатнулось. Депрессивное состояние, вызванное когда-то разрывом отношений с императрицей, возобновилось и стало все чаще мучить его, вызывая беспокойство не только у супруги, но и у братьев Орловых. Когда в августе 1779 года Екатерина II посетила Гатчинский дворец, от ее внимания не ускользнуло болезненное состояние хлебосольных хозяев, несмотря на радушный прием и музыкальный концерт в честь августейшей гостьи, на котором играла и пела очаровательная супруга хозяина замка.

Посетив Орловых в их Гатчинском замке, Екатерина II воочию убедилась в правоте доносившихся до ее слуха сплетен (сдабриваемых откровенно злобными колкостями завистливых придворных интриганов) о неблагополучии в семье Орловых, казалось бы, так счастливо заключивших

¹⁴ Голомбиевский А.А. Биография князя Г.Г. Орлова. М., 1904. С. 25.

¹⁵ Некоторые эпизоды повседневной жизни молодоженов в Гатчине отражены в кн.: Спащанский А.Н. Григорий Орлов и Гатчина. История фаворита императрицы и его загородного имения. СПб.: Коло, 2010. С. 80, 83–84.

¹⁶ Карabanов П.Ф. Указ. соч. С. 41.

брачный союз. Она принимает решение отправить Орловых на лечение за границу, подписав 25 апреля 1780 года соответствующий указ на основании прошения князя Орлова.

Итак, Орловы отправились в Европу для лечения. Там они искали пути к медицинским знаменитостям, консультируясь то с одним доктором, то с другим. В немецком курортном городке Пирмонте они пребывали до осени 1780 года, где, вопреки ожиданиям, им лучше не стало. В следующих городах: Ганновере, Эмсе, Ахене, Спа, Лейдене они подолгу не задерживались. Советы одних врачей противоречили наставлениям других; часто встречались Орловым просто знахари и невежественные целители. Ни знаменитый доктор Циммерман в Ганновере, ни рекомендованный им врач Тиссо в Швейцарии, куда Орловы перебрались из Франции, не смогли существенно облегчить их страдания. Так миновала зима 1781 года. Будучи в Париже, повстречались они с корреспондентом Екатерины II Ф.-М. Гриммом (1723–1807). Он передал им пожелание императрицы привезти в Россию после излечения маленького наследника. В ответном письме императрице Гримм язвительно заметил: «Княгиня воображает, что лекарства помогут ей произвести на свет маленького князя Орлова»¹⁷. Увы, все попытки достичь заветной мечты оказывались тщетными. Хуже того, путешествие по южным курортным городам с теплым влажным климатом усугубили крайне тяжелое состояние здоровья княгини Орловой: у нее вскрылась скоротечная чахотка в той стадии, когда бороться с ней уже было поздно...

Весной 1781 года по настоятельному совету доктора Тиссо они отправились для лечения в швейцарскую Лозанну, где издавна располагались курортные места благодаря мягкому климату, целебным источникам, нежному солнцу и чистой воде Женевского озера.

В те далекие времена небольшой городок Лозанна утопал в зелени. Над ним возвышался грандиозный собор Девы Марии. Даже сейчас в разросшемся и обстроенном многочисленными высотными сооружениями городе он не теряется, привлекая внимание необычными готическими формами (ил. 2).

Увы, именно Лозанна оказалась последним кратковременным прибежищем земного бытия княгини Екатерины Николаевны Орловой. Многострадавшая молодая женщина оказалась бессильной перед свалившимися на нее недугами, и 16 июня 1781 года она скончалась на руках безутешного супруга.

¹⁷ Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1891. Т. 72. С. 397.

В поисках места захоронения горячо любимой жены князь Орлов наверняка посетил кладбище Буа-де-Во в Лозанне, которое считается одним из самых живописных и ухоженных в Швейцарии. Расположенное неподалеку от Женевского озера, оно благоухает декоративными кустарниками, липами и кипарисами. Но решение было принято другое. Практически неограниченные финансовые возможности Орлова позволили ему совершить невероятное: добиться захоронения тела умершей княгини Орловой в главном соборе Лозанны – случай исключительный для иностранных подданных (ил. 3). Скорее всего, он заверил церковные власти, что княгиня будет покоиться в соборе временно, что он намерен перевезти ее в Петербург при благоприятном стечении обстоятельств. В то же время Орлов нашел средства для того, чтобы для увековечения покойной супруги заказать монументальное сооружение, которое отличалось бы от мемориальных памятников над другими захоронениями в соборе.

Выполнить эту работу взялись трое мастеров¹⁸. Первым из них называют лозаннского художника Мишеля-Винсента Брандуана. Он взял себе в помощники двух резчиков по мрамору. Один из них – швейцарец Жан Франсуа Доре из города Веве, расположенного на берегу Женевского озера в 65 км от Лозанны. Второй мраморщик – француз Жан Батист Трои из города Люневиль лотарингского региона Франции.

Из этой троицы лишь о художнике Брандуане удалось найти кое-какие сведения¹⁹.

Мишель-Винсент Брандуан (1733–1807) родился в городе Веве. Получив художественное образование, молодой художник предпринял, как это практиковалось в XVIII веке, ознакомительное путешествие по знаменитым городам Англии, Франции и Италии. Возвратившись из дальних странствий, поселился он в своем родном городе, целиком отдавшись изобразительному творчеству. Много времени проводил Брандуан с этюдником на природе среди гор, долин и озер очаровательной Швейцарии. Увлекали его не только пейзажи, но и древние архитектурные строения, которые он вписывал в сказочную природную среду так привлекательно, что его живописные творения любили копировать и гравировать такие художники, как фон Бергер, Кодваль, Ирлом Гриньон и

¹⁸ Huguenin C., Grandjean M., Cassina G. Der Kathedrale von Lausanne. Bern, 2002. S. 42.

¹⁹ Thieme U., Becker F. Allgemeines Lexikon der bildenden Künstler von der Antike bis zur Gegenwart. B. 4. Leipzig, 1910. S. 533.

Вальдорп. В Музее изящных искусств Лозанны хранятся три его акварели; несколько чертежей и альбомов имеются в музее города Вева. Британский музей располагает произведением Брандуана – акварельным видом лозаннской гавани Marteray. Но что для нас особенно важно, Брандуан занимался еще и проектированием. Известно, что для своего родного города Вева он составил проект двух монументальных фонтанов, а для Ботанического сада Цюриха – проект памятника ученому-естествоиспытателю Конраду Геснеру (1516–1565).

Перед мастерами, получившими заказ на исполнение саркофага Орловой, стояла непростая задача создать мемориальный памятник, опираясь на предшествующий многовековой опыт разработки самых разнообразных типов произведений искусства подобного рода. В основу своего проекта они положили одну из форм саркофага, известную еще со времен античности. Знакомая с образцами мемориальных сооружений по увражам и в натуре, они не могли обойти, например, саркофаг Александра Македонского (IV век до н.э.) из Сидона (Греция), находящийся ныне в Музее археологии Стамбула. Классическим образцом разновидности вырабатываемого в процессе эволюции подобного типа усыпальницы является так называемая «гробница Гомера» – античный саркофаг третьей четверти II века, доставленный с одного из греческих островов Эгейского моря в Петербург в 1770-е годы и находящийся ныне в экспозиции Государственного Эрмитажа²⁰.

Это произведение античного искусства представляет собой полый мраморный ящик с рельефными сценами на бортах, изображающими эпизоды из жизни древнегреческого героя Троянской войны Ахилла. Саркофаг перекрыт мраморной плитой в виде двускатной крыши с имитацией черепичного покрытия, оснащенной небольшими скульптурными акротериями по углам.

Именно такая схема мемориального сооружения и была положена в основу проекта саркофага княгини Орловой художником М.-В. Брандуаном в

²⁰ ГЭ. Инв. № А.1026. Условное название «гробница Гомера» этого античного памятника принадлежит графу А.С. Строганову, ставшему владельцем его после доставки в Петербург. Впервые история поступления саркофага в Эрмитаж была изложена нами в исторической справке: Трубинов Ю.В. Сад Строгановского дворца. Историческая справка. Л., 1990. Л. 25–29 // Технический архив Института «Ленпроектреставрация». Инв. 1304. (Машинопись). Развитие темы данного эрмитажного экспоната см.: Трофимова А.А. Античные коллекции Строгановых: от неоклассицизма к эпохе исторических стилей // Строгановы. Меценаты и коллекционеры. Каталог выставки. СПб.: Славия, 2003. С. 111, 113, 123; 277–278 (кат.).

содружестве с мраморщиками Ж.-Ф. Доре и Ж.-Б. Трои, над которым они работали более трех лет с 1781 по 1784 год (ил. 4).

Исполненный ими саркофаг отличается определенной сдержанностью и лаконизмом форм. Он покоится на прочном подножии – серой полированной гранитной плите. Основной объем сооружения отделен от этого подножия по периметру сплошной полосой скоции черного мрамора. Стенки саркофага решены по канонам ордерного построения с креповками и архитектурными обломами, с завершением центральной оси композиции фронтоном. В композиции стенок использованы элементы усеченного пилястрового ордера, но без применения капителей. Роль пилястр выполняют угловые лопатки, опирающиеся на базы, выделенные креповкой из общего цоколя. Переходный от цоколя к стенкам архитектурный облом высечен из белого мрамора в виде профилированного кордона, опоясывающего саркофаг по периметру. Съёмная массивная крышка, закрывающая прямоугольный в плане объем саркофага, исполнена из того же черного мрамора, что и остов саркофага. Это монолитная плита, имеющая сложную многопрофильную структуру. Ее форма содержит типичные элементы скатной крыши небольшой храмовой постройки. Угловые акротерии не имеют никаких декоративных украшений. Саркофаг скупо декорирован беломраморной с желтоватым оттенком скульптурной пластикой в виде крупных рельефных конусообразных сосудов – ритуальных амфор, которые фланкируют высеченный из аналогичного белого мрамора теплых оттенков фигуративный рельеф лицевой стороны саркофага.

Сюжет его незамысловат. Две коленапреклоненные молодые плакальщицы – символы душ, скорбящих о рано ушедшей из жизни княгине Орловой, придерживают слегка провисающее посредине покрывало забвения с лаконичной мемориальной надписью в четыре строки:

CATHARINA / PRINCESSE ORLOW / NEE SINOWIEW – LE XIX DECEMB: MDCCLVIII / MORTE LE XXVII JUIN MDCCLXXXI²¹

Статные фигуры босоногих плакальщиц облачены в ниспадающие мягкими складками белоснежные античные хитоны из тончайшей ткани, пристегнутые фибулами на одном плече. Легкие длинные одежды мягко драпируют молодые тела девушек. Пышные с вьющимися локонами прически на их головах убраны в древнеримском стиле.

²¹ Екатерина / княгиня Орлова / в девичестве Зиновьева – родилась 19 декабря 1758 / умерла 27 июня 1781.

Композиция асимметрична: с левой стороны покрывало придерживает одна женская фигура, в то время как с правой стороны мы видим не одну, а две человеческие фигуры. Вертикальный с крупными волнообразными складками отворот покрывала со стороны левой плакальщицы – попытка художника уравновесить композицию. Зеркально симметрично левой женской фигуре правая столь же привлекательная молодая женщина полуприсела на колено левой ноги. К ней подбежал довольно крупный младенец позади выставленного ею колена правой ноги. Его левая ручонка, которая, казалось бы, должна цепляться за талию женщины, неестественно вывернута вперед, ухватившись за пояс, подхватывающий хитон под ее грудью, правой же он оперся локтем на женское колено, пухлыми пальчиками перебирая красиво свисающие волнообразные складки ее подола. При этом женщина не уделяет младенцу ни малейшего внимания: поднятой правой рукой она намотала на кисть и с напряжением удерживает собранный в тугие складки угол тяжелого покрывала, тогда как ее свободная рука, как плеть, безвольно свисает вдоль туловища. Взгляд ее обращен отнюдь не на дитя, тянущееся губами к соску ее груди, а безучастно направлен в сторону памятной надписи на покрывале скорби.

Следует признать, что в данном случае художник явно не справился с задачей, поставленной ему заказчиком: символически воплотить в рельефе несбывшуюся мечту покойной княгини иметь ребенка, ее остром желании стать счастливой матерью. Бросаются в глаза также погрешности в лепке фигур плакальщиц, выполненных с явным нарушением пропорций человеческого тела, особенно же это относится к фигуре младенца. По-видимому, пейзажные работы лучше удавались художнику, опрометчиво взявшемуся за исполнение фигуративной рельефной композиции.

В целом же саркофаг Орловой полностью отвечает своему функциональному назначению классического погребального сооружения. Он производит впечатление основательного массивного монолитного блока. Памятник оформлен сдержанно, без особых декоративных излишеств и в то же время – нарядно, благодаря полихромному исполнению. В нем использовано четыре породы цветного камня: черный, белый и белый с желтоватым оттенком мраморы и серый гранит в основании саркофага. Саркофаг Орловой заметно выделяется среди других мемориальных памятников интерьера древнего собора Лозанны, органично вписавшись в пространство его восточной части.

Со времени появления саркофага в лозанском соборе, посетители его, паломники и путешественники из разных стран и городов мира и особенно, разумеется, из России, обращают внимание на этот мемориальный памятник, почитая его по настоящее время.

Буквально через 5 лет по завершении саркофага Орловой, в сентябре 1789 года собор в Лозанне посетил путешествовавший по Европе будущий создатель «Истории государства Российского» Н.М. Карамзин (1766–1826), который в тот же день записал свое впечатление: «Сию минуту пришел я из кафедральной церкви. Там из черного мрамора сооружен памятник княгине Орловой, которая в цветущей молодости скончала дни свои в Лозанне, в объятиях нежного, неутешного супруга. Сказывают, что она была прекрасна – прекрасна и чувствительна!.. Я благословил память ее»²².

Из этой фразы Николая Михайловича следует лишь, что в храме «сооружен памятник княгине Орловой». По вероятной договоренности князя Орлова с главой соборной церкви Лозанны похороны его супруги рассматривались как временные, с последующим переносом праха в Петербург. Аналогичная договоренность, конечно же, была достигнута и с духовными властями Петербурга, так как для этой цели был выделен земельный участок в центре Александрово-Невской лавры. Как и в случае с утверждением императрицей брака между близкими родственниками князем Григорием Орловым и Екатериной Зиновьевой, не одобрявшемся Синодом, видимо, и теперь не обошлось без санкции Екатерины II, сочувствовавшей горю Орлова. Для грядущего перезахоронения княгини Орловой место выбрали между старинной петровского времени Благовещенской церковью (1717–1722, арх. Д. Трезини) (ил. 5) и Свято-Духовским корпусом. С этой целью, с южной стороны церкви началась подготовка к строительству довольно обширного невысокого сводчатого покоя, так называемой «палатки», где, с учетом могилы Орловой, запланировано было устройство двадцати пяти склепов²³.

По распоряжению архиепископа Петербургского и Новгородского Гавриила, возведенного в сан митрополита, для сооружения этой пристройки «было отпущено архитектурскому помощнику Михаилу Мелентьеву

²² Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Повести. М.: Правда, 1980. С. 219.

²³ Александрово-Невская лавра. Архитектурный ансамбль и памятники некрополей. Альбом / Авт.-сост. А.И. Кудрявцев, Г.И. Шкода. Л.: Художник РСФСР, 1986. С. 10.

сорок пять тысяч штук кирпича и прочий строительный материал»²⁴. В том же 1783 году «ризничная палатка» была готова²⁵. (ил. 6). Над могильным местом Орловой в «палатке» Благовещенской церкви на пилоне под пятой свода установили памятные знаки. Один из них, основной, представлял собой прямоугольную мраморную надгробную плиту серого цвета с бледно-голубыми прожилками (54 x 106 см). Надпись на ней гласит:

Подъ симъ храмъ положено тело / статсь дамы и кавалера ордена св. Екатерины / Светлейшей княгини Екатерины Николаевны / Орловой / супруги князя Григория Григорьевича / рожденной Зиновьевой / скончавшейся в Лозанне 1781 г. на 24 г. жизни. / Несоделанное мое видесте очи твои. (ил. 7)

Рядом был закреплен второй памятный знак в виде бронзовой золоченой овальной настенной пластины наподобие медальона (37 x 43 см) с выгравированной надписью:

Въ память / Княгини Екатерины во святомъ крещении / Иулиании Николаевны Орловой / урожденной Зиновьевой / Ея Императорскаго Величества / статсь дамы / и ордена святыя Екатерины ковалера / родившейся 1758. года декабръ 19. числа скон / чавшейся 1781. года июня 16. числа. (ил. 8)

Из этих двух памятных знаков на месте находится ныне лишь надгробная мраморная плита. Медальон же, после одного из ремонтов Благовещенской церкви в советское время, был снят и перемещен в фонды музея²⁶.

О перезахоронении праха княгини Орловой в прессе, насколько известно, не сообщалось. Об этом, как о состоявшемся факте, впервые, пожалуй, поведал миру П.Ф. Карабанов через 90 лет после кончины Орловой, в 1871 году: «Тело ее погребено в Невском монастыре, в палате, между церковью Благовещения и Сошествия св. Духа»²⁷.

Следом за ним, в 1885 году, А.П. Барсуков в примечании к биографическому очерку о Григории Орлове также сообщает: «Тело княгини Е.Н. Орловой было перевезено в Петербург и погребено в Александро-Невской Лавре, в

²⁴ Художественное надгробие в собрании Государственного музея городской скульптуры. Научный каталог / Сост. А.А. Алексеев, Ю.М. Пириутко, В.В. Рытикова. Т. 1. СПб.: 2004. С. 80. Со ссылкой на: РГИА. Ф. 815. Оп. 6 (1783 г.). Д. 137. Л. 10–15.

²⁵ Свято-Троицкая Александро-Невская лавра. СПб., 2006. С. 29.

²⁶ Благодарю заведующую фондом Веру Валентиновну Рытикову за возможность ознакомиться с этим экспонатом.

²⁷ Карабанов П.Ф. Указ. соч. С. 41.

склепе между церквями Благовещенскою и Духовскою»²⁸. «Очевидно, он видел бумаги синодального архива, впоследствии оказавшиеся утраченными», – предполагают составители научного каталога 2004 года «Художественное надгробие в собрании Государственного музея городской скульптуры»²⁹.

Молву о перенесении праха княгини Орловой из Швейцарии в Россию можно встретить и в современных литературных изданиях, и в высказываниях туристов, побывавших в Лозанне. Вот несколько выдержек.

М. Кравцова, выложившая в 2002 году в сети свое художественное произведение «Орлы», упомянула вскользь: «Вскоре в Петербург прибыл гроб с телом юной княгини Орловой»³⁰.

Литератор Л.П. Полушкин в книге 2007 года «Братья Орловы» утверждает: «В тамошнем соборе она и была захоронена, а позже ее тело перевезли в Петербург в Александро-Невскую лавру. В лозаннском соборе остался только мраморный надгробный памятник с изображением супругов Орловых»³¹.

В 2009 году появилось в сети посвященное княгине Орловой лирическое повествование «Как ангел красоты, являемый с небес, приятностью лица и разумом блистала». Автор, пожелавший остаться неизвестным, информирует читателя: «из Лозанны тело Екатерины Орловой урожденной Зиновьевой привезли в свинцовом гробу. Несчастную закопали в Александро-Невской лавре подле герцогини Курляндской Евдокии из дома князей Юсуповых»³².

Другой анонимный автор дневника «Неповторимая Швейцария», посетив в 2011 году собор Нотр-Дам в Лозанне, отметил: «Внутри собора – саркофаг, где была захоронена Екатерина Орлова – жена фаворита Екатерины Великой – графа Орлова. Правда, позднее ее прах был перевезен в Санкт-Петербург, но надгробье осталось нетронутым»³³.

²⁸ Барсуков А. Князь Григорий Григорьевич Орлов // Рассказы из русской истории XVIII века по архивным документам. СПб., 1885. С. 185. Прим. 1.

²⁹ Художественное надгробие в собрании Государственного музея городской скульптуры... С. 80.

³⁰ <http://sobor.vinchi.ru/slovo/marina/orel5.html> (Дата обращения 24.08.16)

³¹ Полушкин Л.П. Братья Орловы. 1762–1820. М.: Центрполиграф, 2007. С. 188.

³² <http://www.liveinternet.ru/users/nata1216/post110367739/> (Дата обращения 24.08.16)

³³ <http://turbina.ru/guide/Lozanna-Shveysariya-124088/Zametki/Samyu-uyutnyy-gorod-mira-Lozanna-46412/> (Дата обращения 24.08.16)

Итак, собрав воедино сведения, изложенные выше и подкрепленные высказываниями (к сожалению, довольно скудными) соприкоснувшихся с этой историей лиц, приходим к заключению, что в швейцарском соборе находится пустой саркофаг, так называемый кенотаф – мемориальный памятник княгине Орловой, покинувшей этот мир там, в Лозанне. Прах же ее возвратили на родину и перезахоронили в петербургской Благовещенской церкви Александроневской лавры, как недвусмысленно явствует и из находящейся там подлинной надгробной плиты.

Тут, казалось бы, и следовало поставить точку в нашем повествовании.

Однако какое-то чувство неудовлетворенности из-за исключительно краткой информации, касающейся перезахоронения княгини Орловой, все-таки остается. Настораживает прежде всего то, что все вариации на эту тему, поражающие скудостью воображения, опираются даже не столько на текст надгробной плиты, сколько на впервые прозвучавшую в литературе приведенную выше предельно лаконичную фразу Карабанова 1871 года: «Тело ее погребено в Невском монастыре, в палате, между церковью Благовещения и Сошествия св. Духа». Прямо скажем – не густо.

Как знать, быть может, в самой Лозанне знают что-то более определенное о перезахоронении Орловой? Поездка в Швейцарию с посещением лозаннского собора не оправдала наших ожиданий: местные экскурсоводы, демонстрируя саркофаг княгини Орловой, единодушно утверждают, будто тело ее отнюдь не покидало стен собора и до сих пор покоится в этом замечательном мраморном сооружении. К сожалению, кратковременное пребывание наше в Лозанне не позволило получить там доказательств этой версии. В этом отношении преуспел журналист Марк Кушниров. В Историческом музее Лозанны он добыл сведения, суть которых опубликовал в статье «Последняя любовь Григория Орлова»: «В 1910 году во время ремонта собора, – сообщает он, – понадобилось передвинуть гробницу княгини, и во избежание нечаянных повреждений останков (коль они там) было решено вскрыть саркофаг. Надгробие вскрыли и узрели именно то, что и должно было узреть, – тело молодой женщины в отлично сохранившейся одежде»³⁴.

Таким образом, выясняется, что в действительности прах княгини Орловой покоится именно в мраморном саркофаге города Лозанны. В «палатке»

же Благовещенской церкви Петербурга, пристроенной специально и прежде всего для могилы княгини Орловой, этой могилы нет, несмотря на то, что там установлена надгробная плита с прямым указанием, что «Подъ симъ храмомъ положено тело статсъ дамы и кавалера ордена св. Екатерины Светлейшей княгини Екатерины Николаевны Орловой».

Что же послужило препятствием к осуществлению перезахоронения праха княгини Орловой? Об этом остается пока лишь гадать. Пожалуй, одной из причин не доведенного до логического конца этого печального ритуала, вероятно, явилась трагическая смерть в Москве окончательно потерявшего рассудок самого князя Григория Орлова именно в 1783 году, когда в Петербурге только-только была сооружена «палатка» Орловой и изготовлены надгробная плита и памятный медальон. Все было готово для принятия праха Орловой, а заняться перезахоронением по горячим следам уже стало некому. Но надежда теплилась, надгробную доску и бронзовый медальон со стены не снимали. Шли годы. Ушла из жизни императрица Екатерина II – последнее звено любовного когда-то треугольника. «Палатка» заполнялась новыми захоронениями, надгробными плитами и мемориальными памятниками. Там появились надгробия духовного писателя архимандрита Виктора (Ладыженского), Сербского патриарха Василия (Беркича), создателя первого в Петербурге оркестра роговой музыки Д.Л. Нарышкина, а также захоронения основателя Московского университета и Академии художеств графа И.И. Шувалова, устроителя Смольного института и Воспитательного дома для сирот И.И. Бецкого и других светских и духовных деятелей.

Среди мемориальных памятников «палатки» с подлинными захоронениями висит на пилоне единственная надгробная мраморная плита, тщетно ожидавшая поступления праха княгини Орловой из-за границы. Текст этой плиты безоговорочно приняли за истину Карабанов, а следом за ним и Барсуков в XIX веке. Подлинная надгробная плита княгини Орловой, заранее и навечно установленная вскоре после ее смерти, до сих пор вводит в заблуждение посетителей Благовещенской церкви, фактически не являясь документально-достоверным свидетельством исторического события, в действительности так и не состоявшегося.

³⁴ Кушниров М. Последняя любовь Григория Орлова // Родина. 2004. № 3. С. 55.

Гатчинский дворец-музей. 1920-е

19 мая 1918 года состоялось открытие Гатчинского дворца-музея. Первые три года после Октябрьского переворота дались музею очень тяжело и воспринимались его организаторами и хранителями как время междувластия; еще оставалась надежда на возвращение старого порядка. Однако с завершением Гражданской войны на европейской территории образовавшейся Российской Социалистической Федеративной Советской Республики стало окончательно понятно, что возврата к прошлому не будет.

Музейные сотрудники начали активно выстраивать свою работу, ориентируясь на отношения с новой властью. 1920-е годы стали временем больших потрясений – с ними был связан и расцвет научной деятельности, вызванный доступностью музейных сокровищ для осмотра и изучения, и яростная полемика о роли музея в культурной жизни нового государства, и продажи музейного имущества, и начало арестов и ссылок ученых. В Гатчине, которая к этому моменту являлась одним из крупнейших пригородных музеев, сосредоточившим в своих фондах и экспозиционных залах огромное количество произведений искусства, все эти тенденции нашли свое отражение.

Поначалу дворцы-музеи были открыты для посещения, чтобы удовлетворить любопытство людей, желавших знать, как жили цари. Как писал об этом музейевед Ф.И. Шмит, дворцы в 1917 году сохранялись потому, что «“красивость” царских дворцов и парков, “роскошь” из убранства, “интересность” исторических анекдотов – все должно быть использовано в качестве приманки в целях исторического просвещения самых широких масс»¹. Однако музейщики хорошо понимали, что очень долго так продолжаться не будет. Слишком одиозными в новой историографии представляли фигуры Павла I, Николая I и Александра III, с которыми была связана история дворца. Уже в 1921 году организаторы экскурсий в Гатчине осторожно отмечали, что посетитель «уезжает с тем сложным впечатлением, с которым сливаются в одно обворожительное

¹ Шмит Ф.И. Музейное дело. Вопросы экспозиции. Л., 1929. С. 138.

целое чары старины – где мрачной и суровой, где яркой и красочной»². Несмотря на лиричность этого описания, уже слышится беспокойство, связанное с восприятием «мрачного» музея и властями, и коллегами из других учреждений. И у этого беспокойства имелись вполне реальные основания, связанные как с желанием деятелей искусства переустроить вновь образованные музеи, так и с начавшимися изъятиями и продажами музейных предметов.

Несмотря на тяжелые условия, многие деятели культуры подспудно радовались открывающимся им перспективам. Самые крупные музеи – бывшие дворцы – лишились хозяев, которые распоряжались ими по собственному усмотрению.

В начале XX века Гатчина была резиденцией вдовствующей императрицы Марии Федоровны, и здесь почти постоянно проживали ее младшие дети – великий князь Михаил и великая княжна Ольга, а потому для того, чтобы пройти в дворцовый парк, требовалось разрешение Министерства двора. Но и после его получения позволялось это сделать только в отсутствие императорской фамилии. Как вспоминала фрейлина Е.Л. Камаровская, во время прогулок царской семьи даже придворным запрещалось выходить в сад без особого позволения императрицы.

В 1901 году во дворец попал Александр Николаевич Бенуа, который собирал материал для журнала «Художественные сокровища России», редактором которого он являлся. Первая экскурсия длилась пять или шесть часов и произвела на историка искусства очень сильное впечатление. Об открытии дворца для широкой публики не могло быть и речи, а на предложение хранителя картинной галереи Императорского Эрмитажа А.И. Сомова передать часть картин из Гатчинского музея вдовствующая императрица Мария Федоровна отвечала отказом: «Она ревниво оберегала то, что в ее глазах имело не столько историко-художественное значение, сколько служило напоминанием о тех тревожных, часто мучительных годах, которые она прожила с боготворимым супругом»³.

При организации в 1905 году «Историко-художественной выставки русских портретов в пользу вдов и сирот павших в бою воинов» в Таврическом

² Широкий В.Ф. Экскурсионная работа при Гатчинском Дворце-Музее // Экскурсионное дело. 1921. № 2 и 3. С. 204.

³ Бенуа А.Н. Мои воспоминания. Кн. 4–5. М.: Наука, 1990. С. 353.

дворце А.Н. Бенуа выступил консультантом С.П. Дягилева, и в результате значительная часть картин была взята именно из Гатчинского дворца. Выставку посетило около сорока пяти тысяч человек, а произведения искусства стали доступны исследователям, среди которых были Н.Н. Врангель, П.П. Вейнер, С.П. Яремич, А.А. Трубников, С.Н. Казнаков – будущие сотрудники журнала «Старые годы», один из номеров которого полностью был посвящен Гатчине. П.П. Вейнеру, руководившему фотографированием для этого выпуска, позволили снимать лишь в парадных залах, приемные вдовствующей императрицы он фотографировал из-под полы и опасался опубликовать.

Теперь же перед музейными сотрудниками появлялась заманчивая перспектива увидеть все сокровища, скрывавшиеся во дворцах, а заодно «перекрыть», «улучшить» экспозиции и интерьеры. В Гатчине больше всего в полемике доставалось личным комнатам Александра III и его семьи. На музейной конференции 1923 года Бенуа отмечал «уродство архитектуры и обстановки», в расположении предметов видел лишь «вопиющие нелепости» и предлагал «изменить историческому принципу неприкосновенности, в его простейшем понимании и заменить его принципом тоже историческим, но с несколько эстетическим уклоном»⁴; в дневниках он называл эти комнаты «мышинными норами». Высказывался он и еще более резко, считая, что дворцы-музеи нельзя рассматривать «как захваченный историей в определенный момент и подлежащий музеефикации труп», «каждый дворец-музей должен стремиться к известному идеалу»⁵. Как ни удивительно, но в своих суждениях он оказался близок А.В. Луначарскому. Нарком просвещения отзывался об интерьерах Арсенального каре очень категорично и эмоционально, легко жонглируя историческими фактами и ориентируясь на анекдоты: «Какой-то сумбурный склад, превращающий залу, скорее, в амбар с дешевыми диковинками, чем в центр дворцовой жизни»; «Вся обстановка до невозможности безвкусна, случайна, где попало купленная мебель, множество фотографий»; «Тут же показывают огромную грязноватую софу, на которую Александр III заваливался спать, когда бывал пьян и не хотел тревожить свою дражайшую датчанку»⁶.

⁴ Бенуа А.Н. Дворцы-музеи // Музей. Пг., 1923. № 1. С. 25.

⁵ Там же. С. 26.

⁶ Луначарский А.В. Почему мы охраняем дворцы Романовых (Путевые впечатления) // Луначарский А.В. Об изобразительном искусстве. Т. 2. М.: Искусство, 1982. С. 176.

У Бенуа возник амбициозный план создания музея исторического портрета. Портретов в Гатчине действительно было много. Как отмечает А.Э. Шукурова, это собрание «начало формироваться целенаправленно, в первую очередь, по инициативе самого Николая I. На протяжении середины – второй половины XIX века по Высочайшему распоряжению картины доставлялись из Мраморного, Таврического, Английского и других дворцов»⁷. Эта мысль захватила художника всецело и регулярно находила выражение в его статьях, докладах, письмах и дневниках. Однако в желании Бенуа переустроить музей по собственному плану видится что-то утопическое, он планирует, с неудовольствием отменяя все возражения и мысленно перемещая целые коллекции: «Продолжаю считать Гатчину вполне подходящим для портретной галереи местом, но все же места здесь недостаточно, чтобы вместить и военные картины Зимнего дворца. Видимо, им все же придется отправиться в Артиллерийский музей в Кронверк»⁸. Создавая в Гатчине музей портрета, он в то же время считал естественной передачу многих предметов высокой художественной и исторической ценности в другие музеи, в частности, в Эрмитаж, как непрофильные.

Самая непростая роль в этой ситуации была у музейных работников. Еще первый директор Гатчинского дворца В. П. Зубов считал, что музей в первую очередь должен оставаться «памятником жизни», а потому недопустимо разрознивать исторические собрания, «все должно быть подчинено своему прошлому, все может располагать только своим, исторически ему принадлежащим местом»⁹. Бенуа в ответ иронично замечал: «Валечка желает сохранить Гатчину со всеми ее сокровищами, telle guelle [как есть], а это противно моему заветному плану создать грандиозный специальный портретный музей»¹⁰. Поскольку в данном случае речь шла о памятнике жизни Романовым, то Бенуа невольно оказывался на стороне новой власти.

Следующий директор дворца Владимир Кузьмич Макаров, с одной стороны, занимал охранительную позицию, стараясь противодействовать изъяти-

⁷ Шукурова А.Э. Картина как свидетель истории (опыт осмысления) // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 6. С. 235.

⁸ Бенуа А.Н. Дневник. 1918–1924. М.: Захаров, 2010. С. 750.

⁹ Зубов В.П. Страдные годы России. М.: Индрик, 2004. С. 164.

¹⁰ Бенуа А.Н. Дневник. 1916–1918. М.: Захаров, 2010. С. 668.

ям, с другой, перспектива организации портретного музея также была заманчива – но не как замена многим из существующих экспозиций, а как дополнение и компенсация предметам, выданным в другие музеи. Этот план давал возможность пополнить собрание музея, открывал новые перспективы выставочной и экспозиционной деятельности. Бенуа, по-видимому, чувствовал эту «приземленность» и практичность Макарова и относился к нему с некоторой долей снисходительности, которая заметна в его дневниковых записях. Если Владимир Кузьмич это и ощущал, то реагировать резко себе не позволял – Бенуа обладал слишком большим авторитетом, и именно к нему директор Гатчинского дворца пытался прибегать в случаях, когда требовалась немедленная защита музея от посягательств власти.

Идея «улучшить» интерьеры была близка и Макарову. Хотя делалось это достаточно осторожно и в первую очередь касалось Парадных залов Центрального корпуса, где экспонировалось много мебели, внесенной сюда во второй половине XIX века. Способствовали этому и внешние обстоятельства.

К началу 1920-х годов в общих чертах завершился этап формирования музейных коллекций и крупного перераспределения частных собраний. Из Гатчинского дворца в 1921 году были вывезены уникальные шпалеры, которые находились в комнатах бельэтажа Арсенального каре; передана большая часть архива Романовых; изъяты многие бытовые вещи, меха, а также драгоценности. Теперь требовалось закрывать лакуны, изучать и выставлять новые предметы, которые передавались в Гатчину из Музейного фонда.

В этот период велась активная инвентаризация, экспозиционные работы – в комнатах императрицы Александры Федоровны, существенно поменявшихся в царствование Александра III, была убрана более поздняя живопись и бронза и заменена предметами, относящимися к царствованию Николая I; формировалась экспозиция в залах, лишенных шпалерного убранства; в помещениях за Готической галереей устроили китайскую комнату.

Музейные сотрудники под руководством Макарова пытались создавать комплексы, посвященные тому или иному царствованию, достаточно большое значение уделяя мемориальности. Эту точку зрения пытались отстаивать и другие музейщики. Хранитель Павловского дворца-музея В.Н. Талепоровский писал: «Иногда описи указывают нам такие расстановки и комбинации предметов, которые не только противоречат нашему личному вкусу и представлению об эпохе, но и на первый взгляд поражают своей нерациональностью

или неконструктивностью настолько, что мы вправе предположить случай или дурной вкус какого-нибудь гоффурьера, поставившего тяжеленные каменные вазы самых простых форм рядом с тончайшими севрскими вазочками на одной легкой полочке камина. Но вот дальнейшее изучение материалов обнаруживает нам один такой случай за другим и «случай» таким образом становится необходимым законом»¹¹. Хранитель царскосельских дворцов В.И. Яковлев также выступал против изъятия предметов в Эрмитаж, считая, что оно «обедня и искажая» пригородные дворцы, «не вносит ничего нового в музейное строительство»¹². Но эти возражения мало на что влияли, в результате решающим становился вкус и знания экспозиционера, который собирался изменять убранство того или иного интерьера, приводя его к некоему художественному «идеалу».

Но на фоне этой полемики шла очень серьезная и плодотворная научная работа. Сотрудники активно привлекали консультантов, занимались исследованиями, даже связывались с заграничными специалистами. С 1923 года начал издаваться сборник «Старая Гатчина» со статьями, посвященными изучению коллекций музея, создавались семинары для подготовки экскурсоводов. Кроме того, с 1922 года была введена плата за вход, на дворцы начинают выделять средства, понемногу увеличивается посещаемость.

На 1924 год приходится пик развития научной и популяризаторской работы музея, которая велась в то время пока еще с минимальными ограничениями. Летом 1924 года во дворце начал свою работу семинар «по изучению Гатчины» под руководством В.К. Макарова, в котором участвовало пятнадцать учащихся. Они должны были стать квалифицированными экскурсоводами, знающими Гатчину и имеющими представление об истории искусства. Для чтения лекций приглашались специалисты самых разных областей¹³. Помещения для семинара выделили в Кухонном каре. В отчетах В.К. Макарова упоминается, что лекции проводятся обычно в театре [в Арсенальном каре] или

¹¹ Талепоровский В.Н. Пояснительная записка о Павловском дворце-музее. СР ГРМ. Ф. 137. Оп. 1. Д. 2263. Цит. по: НА ГМЗ «Гатчина». Д. 1002. Л. 5.

¹² Яковлев В.И. Краткий доклад о Царскосельских дворцах-музеях. Май-октябрь 1923 г. СР ГРМ. Ф. 137. Оп. 1. Д. 2267. Цит. по: НА ГМЗ «Гатчина». Д. 1002. Л. 2.

¹³ Третьяков Н.С. Охрана, реставрация и использование художественных памятников в пригородных музеях Петрограда-Ленинграда в первые годы советской власти // Вестник архивиста. 2006. № 4-5 (94–95).

библиотеке¹⁴. На одном из планов первого этажа Кухонного каре, сделанном во второй половине XIX века, есть значительно более поздние пометки, которые относятся к комнатам, выходящим окнами на Серебряный луг. Скорее всего, именно здесь проходили семинарские занятия. Эти подписи можно расшифровать как «Раздевалка», «Аудитория», «Лекторий», «Читальня», «Библиотека»¹⁵. Научное руководство осуществляли сотрудники Эрмитажа и Русского музея Д.А. Шмидт и П.И. Нерадовский. Продолжились эти семинары и в следующих 1925–1926 годах, хотя и в измененном виде. Их проводили для студентов Института истории искусств.

Методы преподавания предполагали игровое «погружение в эпоху», совершенно невозможное в современном музее. Женщинам-курсисткам решили надеть подлинные платья XVIII–XIX веков и пройти по залам. До нашего времени дошли три фотографии, сделанные в Белом зале и Овальном будуаре императрицы Марии Федоровны, на них сняты молодые женщины в платьях императрицы Марии Федоровны (супруги Павла I) и великой княжны Екатерины Павловны. Имя одной из курсисток в платье ордена Св. Екатерины известно благодаря воспоминаниям В.В. Добровольской и А.Н. Бенуа – это Ксения Александровна Агафонова (1903–1964), работавшая впоследствии в отделе западноевропейского искусства в Эрмитаже¹⁶.

¹⁴ НА ГМЗ «Гатчина». № 2652.

¹⁵ ГДМ-620-ХП, ГМЗ «Гатчина». План первого этажа Кухонного каре.

¹⁶ Из дневников А.Н. Бенуа: «Из прочих «событий» за эти дни наиболее памятными (для Татана [внука А.Н. Бенуа – Авт.] в особенности) останутся, вероятно, смотрины вчера парадных платьев Марии Федоровны и Александры Павловны, в которые оделись барышни из Шмидтовского семинара и из Зубовского института. В этих платьях они гуляли по парадным залам дворца. Татан поверил, что одна из них – хорошенькая, высокая Агафонова, которой очень шла огромная шляпа с темно-зеленым шлейфом, – сама императрица, и был вне себя от счастья, когда я его ей представил. После того он вдруг заявил, что он камер-паж (непонятно, как западают ему такие вскользь при нем упоминаемые термины?). Платья действительно прекрасны, особенно три – конца XVIII века. Всего их, кажется, сохранилось семь. Наряженные дамы были безгранично счастливы (ими была сделана и попытка причесаться по-старинному). Они накрашились, напудрились, но, увы, корсетов не оказалось ни у одной, и это позорило фасоны. Они не ступали, а плавали, и исполнились не на шутку величием. Особенно красивая картина получилась, когда Агафонова, окруженная всеми дамами, сидела на малом троне и когда «великие княжны» в парадной гостиной заняли своими фигурами всю ширину центрального дивана» (Бенуа А.Н. Дневник. 1918–1924... С. 785).

До этого времени в Кухонном каре находилась экскурсионная станция, которая предполагала возможность отдыха или ночевки большой группы, приехавшей в Гатчину на целый день, однако в 1924 году ее перенесли в Приоратский дворец. В Кухонном каре был сделан ремонт, а для получения необходимых средств часть залов первого этажа сдавалась в аренду. По-видимому, это стало возможным после выхода декрета «О специальных средствах для обеспечения государственной охраны культурных ценностей» (19 апреля 1923); он разрешал музеям получать доходы от строений или помещений, не имеющих историко-художественного значения. В антресолях несколько комнат предоставили студентам-практикантам из университета, а в бельэтаже девятнадцать залов выделили для «музейных сотрудников ЛОГН [Ленинградского отделения Главнауки] и необходимых музею на лето специалистов»¹⁷.

В 1920-х годах в Петрограде-Ленинграде было голодно, денег мало, многие деятели культуры бедствовали и уже не могли позволить себе летом снимать дома за городом. В.К. Макаров организовал для них «дачи» в Гатчинском дворце, обосновывая это тем, что специалисты будут читать лекции, заниматься разбором коллекций и атрибуцией предметов. В большинстве случаев такая «повинность» не была музейщикам в тягость, так как составляла основу их профессионального интереса. А для них предоставлялась возможность привезти сюда на лето свои семьи.

В Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга находится документ, датированный 1924 годом, в котором оговаривается использование Кухонного каре летом и перечисляются фамилии некоторых приглашенных сюда специалистов; другие фамилии есть в воспоминаниях дочери директора Гатчинского дворца Веры Владимировны Добровольской (Макаровой) и Александра Николаевича Бенуа; единичные упоминания можно найти в дневниковых записях, статьях в гатчинских бюллетенях, а также анализируя творчество художников, работавших в 1920-е годы¹⁸.

¹⁷ Цит. по: НА ГМЗ «Гатчина». № 2652 (ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1197. Л. 73, 95).

¹⁸ НА ГМЗ «Гатчина». № 2652; Балаева С. Н. Записки хранителя Гатчинского дворца. 1924–1956. Дневники. Статьи. СПб.: Искусство России, 2005; Бенуа А.Н. Дневник. 1918–1924...; Васильев А. Круг общения Александра Константиновича Глазунова в Гатчине // Малоизвестные страницы истории Консерватории. Альманах. Вып. 11. СПб., 2012; Добровольская (Макарова) В.В. А.Н. Бенуа в Гатчине. Воспоминания // НА ГМЗ «Гатчина». № 2466; Зинаида Серебрякова. Письма. Современники о художнице /Авт.-

Итак, летом 1924 года в число «необходимых музею специалистов» официально вошли А.Н. Бенуа (Эрмитаж), Д.А. Шмидт (Эрмитаж), П.И. Нерадовский (Русский музей), Н.Е. Лансере (Русский музей), Б.Н. Молос (ЛОГН), И.И. Яковкин (Публичная библиотека). Всем им было разрешено поселиться во дворце с семьями и не вносить квартирную плату. Кроме них здесь либо жили, либо приезжали ненадолго погостить художница З.Е. Серебрякова, искусствовед Е.Г. Лисенков, коллекционер С.Н. Казнаков, композитор А.К. Глазунов, архитектор А.А. Оль, переводчик М.Л. Лозинский, культуролог И.И. Иоффе¹⁹, педагог А.П. Пинкевич, искусствовед А.Н. Кубе.

По-видимому, неофициально музейные сотрудники приезжали и раньше. А.Н. Бенуа отмечал, что в 1923 году Шмидт проводил отпуск в Гатчине, к этому же времени относится ряд акварелей З.Е. Серебряковой и Н.Е. Лансере. В.К. Макаров пытался провести идею использования комнат Кухонного каре в качестве своеобразных летних дач для музейных сотрудников Ленинграда на постоянной основе, так что сюда приезжали ученые и деятели искусств в 1925–1927 годах. Однако в связи с уходом Макарова из Гатчины и передачей Кухонного каре военному ведомству все эти планы пришлось свернуть. Но на краткое время в Гатчинском дворце сложился кружок высокообразованных талантливых людей, которые хорошо знали друг друга, свободно говорили по вечерам на интересующие их темы, занимались здесь наукой и создавали произведения искусства, а обстановка этому очень способствовала. К тому же рядом с ними формировалось новое поколение искусствоведов и музейных работников, которые приезжали в Гатчину как практиканты, студенты университета и Института истории искусств, участники экскурсоводческого семинара.

Такой атмосфере способствовало и отсутствие традиционной дистанции между музеем и исследователем – курсистки надевали музейные платья полуторавековой давности, многие из ученых свободно ходили по дворцу,

сост. В.П. Князева. М.: Изобразительное искусство, 1987; Князева В.П. Зинаида Евгеньевна Серебрякова. М.: Изобразительное искусство, 1979; ОР РНБ. Ф. 1135. № 54. Макаров В.К. Дневник; Некрасова Г.А. Размышления по поводу одной дарственной надписи // Музыкальная академия. 2002. № 4; Макаров В.К. Гатчина в искусстве // Старая Гатчина. 1925. № 56. 10 октября (НА ГМЗ «Гатчина». № 1).

¹⁹ В своих воспоминаниях В. В. Добровольская (Макарова) упоминает «академика Иоффе», вполне возможно, путая известного искусствоведа и музыковеда И.И. Иоффе с физиком академиком А.Ф. Иоффе.

оставаясь в одиночестве в полутемных интерьерах, брали в свои «квартиры» почитать обнаруженные в императорских столах письма – в общем, совершали все те возмутительные действия, которых сейчас не потерпит ни один специалист. Однако это придавало пребыванию в Гатчинском дворце особую привлекательность.

В одном из своих писем из эмиграции Бенуа отмечал: «Лето, проведенное под его [В.К. Макарова – А.Ф.] кровом, занимает в моем прошлом совсем особое место – какого-то сплошного художественного праздника. Тут и прогулки в одиночку или в компании (в его обществе) по всему замку, тут и всякие, сделанные с ним (или по его указанию) «открытия» <...>, тут и часы, проведенные в насыщенной в прошлом атмосфере безмолвных комнат и чертогов. <...> Вспоминается и другое, менее возвышенное упоение – земляничкой и черничкой из Гатчинских лесов»²⁰.

Комнаты в бельэтаже, где селились ученые, были очень удобны – высокие потолки, окна, выходящие в парк, свежий воздух, хорошая меблировка. Когда в середине XIX века происходила перестройка дворца, то окончательно определилось назначение помещений Кухонного каре. Бельэтаж предназначался для знатных приезжающих, впоследствии здесь выделяли «квартиры», чаще всего для командиров различных воинских подразделений и чинов двора. Помещения разделялись на так называемые «номера», в состав которых входило две-три просторных комнаты, имеющих типовую, характерную для середины XIX века меблировку.

Вот как описывает первые дни своего пребывания во дворце А.Н. Бенуа: «Пишу утром за великолепным, николаевского красного дерева столом в просторной, воздушной, в настоящей помещицкой комнате»²¹, «в комнатах здесь при открытых окнах чудесный воздух. За последние дни особую прелесть придают расставленные букеты цветов с жасмином»²², ««видимость жизни», «декоративная сторона» – самая прелестная. Особенно здесь, в Гатчине – чудные дворцовые комнаты. Богатая, солидная мебель (Случайно затерялось ее происхождение), роскошный парк, простая, но обильная и вкусная еда»²³.

²⁰ Некрасова Г.А. Указ. соч. С. 121.

²¹ Бенуа А.Н. Дневник. 1918–1924... С. 743.

²² Там же... С. 767.

²³ Там же... С. 755.

Все бытовые вопросы в Гатчине тоже решались значительно проще. Местное население готово было обеспечить заезжих «дачников» свежими и качественными продуктами, которые не так-то просто было достать в Петербурге, поэтому Бенуа сибаритствовал: «Прекрасно здесь и молоко. К утреннему кофею для меня накапливается со всего дня пенка, и это является моей главной услугой»²⁴, «мы второй день сильно просыпаем, так что у дверей наших в коридоре набирается сборище чухонных поставщиков молока, сметаны, яиц, творога»²⁵.

Остальное время также было полностью в распоряжении «гатчинцев», как всех гостивших здесь называл в письмах Бенуа. Многие из них участвовали в семинаре. Так, Д.А. Шмидт, занимавшийся голландским и фламандским искусством, читал лекции по своему предмету. Джеймс Альфредович являлся одновременно и коллегой А.Н. Бенуа по Эрмитажу, и публиковался в свое время в «Старых годах» вместе с Лисенковым и Казнаковым, и читал лекции в Институте истории искусств вместе с тем же Лисенковым и Лозинским. Кроме того, он должен был заниматься изучением голландской живописи в собрании Гатчины. Два представителя Русского музея Н.Е. Лансере и П.И. Нерадовский вели работы по исследованию архитектурных памятников Гатчины и окрестностей, а также собрания живописного портрета. По-видимому, именно в это время Лансере собрал значительную часть материалов, которые потом использовал при работе над монографией об архитекторе Винченцо Бренне. Сотрудник Публичной библиотеки И.И. Яковкин занимался разбором книг, переданных из Сиротского института²⁶.

Впрочем, все их заботы никак не могли сравниться со сложностями самого В.К. Макарова, которому важно было не просто организовать отдых своих коллег, но и отчитаться потом за их работу. За летний сезон 1924 года в «Старой Гатчине» было опубликовано много статей, однако автором почти всех являлся сам директор музея. В обязанности А.Н. Бенуа входили «разбор картин дворца и исследование архива». Он действительно бывал в комнатах Николая I, Александра II и Александра III, просматривал их фотографии, при-

²⁴ Бенуа А.Н. Дневник. 1918–1924... С. 767.

²⁵ Там же... С. 770.

²⁶ В данный момент нельзя установить, о ком именно идет речь. В Публичной библиотеке в тот период работали братья Яковкины – Иннокентий и Иван Ивановичи. Старший был заместителем директора, а младший возглавлял отдел общего инвентаря и каталога.

влекая для атрибуции лиц на них С.Н. Казнакова, брал к себе в комнаты личную переписку монархов (последнее изъятие архивных документов Дома Романовых состоялось только в 1927 году). По результатам он опубликовал лишь статью в сборнике «Старая Гатчина», подготовленную за две недели, на основе которой впоследствии выпустили брошюру²⁷: «Сейчас займусь обещанной Макарову (ведь надо же чем-нибудь оплатить за все его несказанные любезности) статьей о Ротари»²⁸ – писал он в своем дневнике.

Бенуа не слишком желал входить в сложности занятий Владимира Кузьмича, руководствуясь в значительной мере эгоизмом творческого человека, не связанного обязательствами и творящего для себя и по своему желанию. «Беспокоит еще и та мысль <...> что Макаров ожидал от меня каких-то докладов, лекций. Я уже не способен на это абсолютно. Как же мне «тогда оплачивать ему» за его благодарения? И бывают же счастливы (бывали прежде здесь!), знающие на практике, что такое независимость!»²⁹

Его, как и многих его коллег, можно было отнести к числу «дилетантов» или «знатоков искусства», в том понимании этого термина, который использовался в начале XX века. Бенуа не получил систематического образования ни в области рисования и живописи, ни истории искусства, однако благодаря семье, окружению, многочисленным поездкам и усердному самообразованию мог судить, и часто весьма категорично, об этих областях. В то же время это «дилетантство» характеризовалось не только высоким уровнем профессионализма, но и «отсутствием обязанностей и рутинной постоянной работы»³⁰. Бенуа привлекали глобальные идеи музейного переустройства, значительно меньше его интересовали частные проблемы. Так, он с недоумением пишет о необходимости В.К. Макарову заниматься музейными списками: «Увы, на Владимира Кузьмича вдруг навалилась работа. Пришла бумага, спешно затребовавшая представить эвакуационные списки с угрозой в случае неисполнения этого требования отдать провинившихся в распоряжение военных властей!

²⁷ Бенуа А.Н. Ротари в Гатчине // Старая Гатчина. 1924. № 33. 10 августа. Бенуа А.Н. Ротари в Гатчине. Л.: Гатчинский дворец-музей, 1929.

²⁸ Бенуа А.Н. Дневник. 1918–1924... С. 789.

²⁹ Там же... С. 755.

³⁰ Золотинкина И.А. Сотрудники журнала «Старые годы» и проблема дилетантизма в отечественной науке об искусстве в начале XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 77. С. 79.

Он засел за окончание этих списков. О том же самом меня извещал Тройницкий [директор Эрмитажа], но я ничего не предпринял, считая, что время терпит. Ну да он сегодня возвращается и все это уладит. Но почему снова заговорили об этой мерзости?»³¹ Не меньшее раздражение вызывали у него и столь необходимые музейные инвентари, работа над которыми успешно велась в Гатчинском дворце: «Увы, я в этих делах абсолютно ничего не смыслю и только дивлюсь, как у людей хватает какого-то бюрократического насилия, чтобы вот уже шесть лет страстно и бесплодно обсуждать эту ерунду»³².

Историк искусства вновь вернулся к идее организации во дворце галереи портрета. За время его пребывания в Гатчине был намечен «общий план размещения этих картин и портретов по лишенным исторического значения запасным половинам Гатчинского дворца. В III этаже Главного корпуса и в трех этажах Арсенального корпуса намечено свыше ста помещений для размещения исторических картин и портретной галереи»³³.

Но во дворце велась и плановая экспозиционная работа. Согласно отчету за конец 1923 – первое полугодие 1924 года были «восстановлены 4 комнаты Николая и Георгия в антресолях (были разобраны к вывозу в 1917 г.) по старым описям, фотографиям и др. данным»³⁴. Макаров сам показал их А.Н. Бенуа, по-видимому, желая услышать его отзыв и оценку проведенных работ, но вряд ли нашел в нем благожелательного критика. В дневнике А.Н. Бенуа записал: «Ужасное впечатление. Особенно в сумерках, когда в полутьме при массе мебели и всякой дряни казалось, что всюду кто-то сидит и даже шевелится», «убийственное впечатление от всей этой мелкотравчатой, наивно-буржуазной добродетельной семейной жизни с ее вечными пикниками, унылым удовольствием, ребяческими шутками»³⁵. Хотя только благодаря тому, что Макаров привлек к восстановлению сотрудников дворца, работавших в нем до революции, нашел изобразительные источники, а потом эти интерьеры были сфотографированы, теперь возможно заниматься их воссозданием.

³¹ Бенуа А.Н. Дневник. 1918–1924... С. 777.

³² Там же... С. 768.

³³ Гатчинский дворец-музей и его задачи. [Середина 1920-х] // НА ГМЗ «Гатчина». № 127. Л. 2 об.

³⁴ Цит. по: НА ГМЗ «Гатчина». № 2652 (ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1187).

³⁵ Бенуа А.Н. Дневник. 1918–1924... С. 778.

Однако и это довольно безмятежное время уже стало предвестием будущих перемен. Вместе с семьей Бенуа жила Катя Серебрякова, младшая дочь З.Е. Серебряковой. Художница приезжала в Гатчину короткими наездами, так как собиралась в путешествие за границу, в которое отправилась в августе и уже не вернулась в Россию, лишь через четыре года ей удалось выписать к себе младшую дочь, до этого она продолжала регулярно гостить у Макаровых. В начале июля 1924 года Бенуа вместе с Лисенковым, семьей Шмидта и его ученицами гуляли по парку, а спустя неделю дочь Джемса Альфредовича Магду арестовали по сфабрикованному обвинению и выслали на Соловки. Сам Бенуа спустя два года навсегда уехал во Францию, а многие из оставшихся гатчинцев – Н.Е. Лансере, С.Н. Казнаков, П.И. Нерадовский, Б.Н. Молас были репрессированы.

Не повезло и Владимиру Кузьмичу Макарову. Уже в 1926 году директор Гатчинского дворца так был охарактеризован Комиссией рабоче-крестьянской инспекции: «Тов. Макаров считается в среде специалистом музейного дела и высококвалифицированным работником. Однако в политическом отношении если он не открытый идеологический противник, то этот человек очень тонко и умело проводящий свою линию. <...> Ни партийный комитет, ни исполком, ни местная ячейка не оказывает ему никакого доверия. Необходимо поэтому заменить его другим лицом»³⁶. В 1928 году его уволили и выслали в Череповец. По-видимому, связано это было с отбором музейных предметов для продажи за границу, в котором директор дворца не слишком усердствовал.

Первый декрет об изъятии и продаже художественных ценностей из музеев был издан еще в 1922 году. Музейные предметы классифицировали по времени создания. Запрещалась продажа вещей, изготовленных до 1725 года, частично были допустимы изъятия предметов, созданных между 1725 и 1835 годами, все, что относилось к более позднему временному периоду, подлежало продаже за редким исключением. Именно тогда из дворца вывезли огромное количество бытовых предметов: мебель, костюмы, меха, фарфор и фаянс, столовое белье, кухонную утварь. В 1924 году Комиссия при ЛОГНе заявила следующее: «Наблюдается со стороны хранительского персонала чрезмерное увлечение идеей превращения по возможности всех помещений дворцов и па-

³⁶ Цит. по: Гафифуллин Р.Р. Комиссия Госфондов («Внутренний экспорт» из пригородных дворцов-музеев). 1922–1934 гг. // Павловские чтения. Павловск, 2003. С. 121.

вильонов, так или иначе связанных с пребыванием в них лиц правящей династии, в историко-бытовые памятники»³⁷.

Эти заявления тут же успешно поддерживались идеологически во множестве докладов и отдельно выпущенных брошюр, посвященных этой теме. По сути, в этот период времени существовали две точки зрения. Сторонники первой высказывались достаточно осторожно. Они предлагали сохранить историко-бытовые музеи, однако полностью отказаться от мемориальности и показа личности в истории. Так, например, сотрудница Института истории искусств В.М. Кремкова отмечала, что быт следует показывать в музее, но в основе «должно лежать типичное для каждого слоя», таким образом, происходило постепенное обезличивание. О том же пишет и О.Ф. Вальдгауэр, который полагал, что должен произойти отказ от экспонирования по родам экспонатов, но образовавшийся при этом бытовой музей должен быть достаточно типичным³⁸.

Их оппоненты высказывались более резко и считали, что историко-бытовые музеи останутся музеями «второго сорта». Как писал в 1926 году М.Д. Приселков, жилые комнаты во дворцах-музеях должны просуществовать еще какое-то время, пока к ним не схлынет интерес, а затем они должны быть закрыты, и их обстановка распродана, так как сейчас терпят их лишь «курьеза ради»: «Хорошие музейные деятели <...> требуют постепенного закрытия и распродажи всех этих комнат»³⁹.

В конце 1927 – начале 1928 года появилась докладная записка «О руководстве просветительной работой в музеях», в которой совершенно определенно говорилось, что «основной принцип музейной экспозиции – показать вещь как она есть, правильный сам по себе, превращается при господстве устаревших традиций в реакционное правило – не показать вещь так, какую она должна представляться с точки зрения современного взгляда на вещи, с точки зрения коммунизма»⁴⁰.

³⁷ Цит. по: Гафифуллин Р.Р. Указ. соч. С. 118.

³⁸ Кремкова В.М. Музеи быта // Проблемы социологии искусства. Сборник Комитета социологического изучения искусства. Т. 1. Л.; 1926. С. 160–165; Вальдгауэр О.Ф. Проблемы музейного строительства // Проблемы социологии искусства. Сборник Комитета социологического изучения искусства. Т. 1. Л.; 1926. С. 155–159.

³⁹ Приселков М.Д. Историко-бытовые музеи. Задачи. Построение. Экспозиция. Л.; 1926. С. 4.

⁴⁰ Цит. по: Кузина Г.А. Государственная политика в области музейного дела в 1917–1941 гг. // Музей и власть. Т. 1. М., 1991. С. 136.

Логическое завершение дискуссия нашла в работах музейоведа Ф.И. Шмита. Он в принципе выступал против существования и историко-культурных и художественных музеев, предлагая в качестве своей типологии музейные научные, учебные и популярные. По сути, в его восприятии музей предстает прежде всего инструментом идеологической пропаганды, а предметы в нем «не имеют абсолютной ценности»⁴¹.

Результаты этой полемики нашли выражение в двух выставках, открытых в Гатчинском дворце. В 1925 году в музее действовала временная экспозиция «Старая Гатчина», на которой представили портреты, графику, костюм, оружие, утварь, большое количество архивных документов. Судя по описанию⁴², это была совершенно традиционная историко-художественная экспозиция, сделанная с акцентом на вещи. Чтобы ее осовременить, дополнительно подготовили «архивную часть», в которой была представлена тема «гатчинского хозяйства» – анализ численности, состава и экономического положения крестьянства, развитие промышленных предприятий. Автор обзора выставки С.В. Рождественский завершал свой доклад выводом, что представленная экспозиция еще раз показала, что Гатчина «должна сохраняться во всей неприкосновенной цельности своих бытовых и художественных памятников»⁴³.

Выставка была рассмотрена на заседании музейной секции Института истории искусств. В целом отзывы оказались хорошими, однако отметили и недостатки: «Диаграмма и главная таблица отсутствует. Экономическая основа Гатчины, в основном, в бюджете, остается невыясненной». Докладчик П.Н. Шульц считал, что «первая комната удачнее второй. В последней присутствует какой-то специфический Старо-Гатчинский аромат, упирающийся, в конечном счете, в традиции “мирискусствничества”»⁴⁴.

Полной противоположностью стала выставка, организованная в русле новых тенденций в конце 1920-х годов⁴⁵. Курировала ее К.Ф. (?) Асаевич.

⁴¹ Шмит Ф.И. Указ. соч. С. 117.

⁴² Выставка фотографировалась К.К. Кубешем, но эти снимки либо не сохранились, либо пока не найдены.

⁴³ Рождественский С.В. Гатчинское хозяйство Павла I (из впечатлений выставки «Старая Гатчина») // Старая Гатчина. 1925. № 65. 28 декабря. НА ГМЗ «Гатчина», № 1. Л. 92.

⁴⁴ Цит. по: Ананьев В.Г. Становление Гатчинского музея в 1920-е годы. Из фонда О.Ф. Вальдгауэра. // Вестник архивиста. № 4 (112), 2010. С. 181.

⁴⁵ В архиве Гатчинского дворца хранится концепция этой экспозиции, на первом листе которой рукой С.Н. Балаевой проставлена дата «1928–1929» и авторство «Асаевич». НА ГМЗ «Гатчина», № 379. Л. 90–133.

В это же время Ф.И. Шмит писал свою монографию о музейном деле, которая вышла из печати в 1929 году. В ней он большое внимание уделил среди прочих дворцов-музеев Гатчине и, в частности, теме Николая I, Шмит сформулировал ее следующим образом: «Гатчина как штаб-квартира Николаевской военщины». При этом Шмит не просто предлагал основные целеустановки будущей экспозиции, но формировал маршрут и общую тематику залов: экскурсия должна была начинаться с входа во внутреннем дворе Арсенального каре, а затем посетитель попадал «в опустошенные и обезличенные личные комнаты»⁴⁶. Здесь предполагалось представить историю строительства дворца, а затем российской армии, начиная с Павла I и завершая поражением в Крымской войне. Личные комнаты супруги Николая I – столовую, ванную, спальню – следовало «ликвидировать».

С учетом того, что Шмит был в это время директором Института истории искусств, на музейной секции которого и происходило обсуждение многих важных вопросов экспонирования, его идеи могли быть известны сотрудникам Гатчинского дворца.

Впрочем, создатели выставки в личных комнатах Николая I и Александры Федоровны пошли еще дальше. В бывших министерских комнатах, предшествовавших комнатам императрицы, размещались вводные кабинеты, в которых с помощью фотографий, диаграмм, чертежей и немногочисленных портретов рассказывалось о классовом составе общества, использовании крепостного труда на строительстве дворцов, экономической ситуации в России первой четверти XIX века и предпосылках восстания декабристов. В «коронационной комнате» было установлено кресло, на котором был закреплен пустой мундир, а у подножия брошены двуглавый орел, держава и скипетр. Убранство великолепной Желтой гостиной полностью разобрали и устроили лекторий, увешанный скошенными портретами и лозунгами «Он тридцать лет калечил Россию с целью поработить ее», а в Большом кабинете императрицы располагалась так называемая «комната аппарата», где были собраны портреты сподвижников Николая I. Удалось сохранить лишь интерьеры Дубового кабинета, спальни и ванной как образчиков «бездумного уголка», «мира безделушек», представляющего обстановку, в которой постоянно находилась императрица. Комнаты Николая I, и так достаточно

⁴⁶ Шмит Ф.И. Указ. соч. С. 181.

сдержанные, были оставлены почти как есть, лишь дополнены стендами и диаграммами.

По-видимому, воплощение этих планов потребовало некоторого времени, потому что одно из первых совещаний по выставке было организовано в начале 1931 года. С.Н. Балаева в своем дневнике отмечает, что один из сотрудников дворца В.М. Глинка раскритиковал новую экспозицию «беспощадно»⁴⁷. Еще спустя полгода появляется новая запись: «Ушли из Гатчины Асаевич и Николаева. Первую все проводили со вздохом облегчения: ее полная несостоятельность выяснилась для всех на безобразных выходках при «реэкспозиции» комнат Николая I. Ее приемнику достанется немало работы по приведению этих комнат в приличный вид»⁴⁸.

Несмотря на то, что скандальная выставка была разобрана, сама возможность ее появления воспринималась как отражение современной политической обстановки. Заканчивались 1920-е годы, и окончательно формировался образ музея, как института, который должен был помогать власти вести идеологическую пропаганду. Как воспоминание об идеях первой половины 1920-х годов осталась во дворце выставка портрета и декоративно-прикладного искусства, устроенная В.К. Макаровым на третьем этаже Центрального корпуса. Самого Макарова быстро сменил новый директор И.В. Крылов, не имевший ранее никакого опыта в музейном деле и настаивавший на сокращении штата и оставлении в Гатчинском дворце всего лишь одного научного сотрудника. В 1928 году продажи художественных ценностей приняли плановый характер, для чего при Госторге была сформирована Главная контора по скупке и реализации антикварных вещей, преобразованная в следующем году во Всесоюзную государственную торговую контору «Антиквариат» и переподчиненная Внешторгу. Однако мы и сегодня используем опыт музейных работников тех лет, которые выполняли свою работу, несмотря на все сложности и препятствия, которые возникали почти постоянно в годы становления советской власти и еще только ожидали их с началом 1930-х годов.

⁴⁷ Балаева С.Н. Записки хранителя Гатчинского дворца... С. 42.

⁴⁸ Там же... С. 47.

Тайна Орловского домика

Орловский период в истории Гатчины до сих пор мало изучен. Это, прежде всего, связано с ограниченным количеством сохранившихся архивных, иконографических и литературных материалов.

До последнего времени был окружен тайной и Орловский домик.

Если говорить о бытовавших мнениях, то многие исследователи Орловский домик путали с Охотничьим домиком в парке Зверинец, который был построен при Павле I, а также с павильоном, который планировали построить в Орловой роще по образцу французской усадьбы.

Теперь же обнаруженные документы позволяют определить, какой домик надо называть «орловским», где он находился и как выглядел.

В гатчинской топонимике до сих пор Орловой рощей называется лесопарковый участок, с востока примыкающий к парку Зверинец.

Несомненно, название уже говорит о времени появления данной части парка. Это 60–80-е годы XVIII века, когда Гатчиной владел Григорий Григорьевич Орлов, фаворит Екатерины II¹.

«Гатчинский помещик», как его называла императрица, первым делом занялся строительством новой дороги от своего имения до Царского Села. Ее длина составляла 20 верст: «Прежний путь, существовавший еще со шведских времен из Ниена в Великий Новгород, шел через Красное Село и требовал более 5 часов езды в конной упряжке. Новая дорога сократила время переезда до 2-х часов (40 верст от столицы против 60 прежних, а от Царского Села и вообще «рукой подать», или час быстрой езды)»².

Венценосная соседка Г. Орлова следила за ходом строительства и не раз прогуливалась по новой дороге. Об этом можно прочесть в Камерфурьерском журнале, например, от 2 мая 1768 года: «...А в 7-м часу полудни Ее Величество и Его Высочество соизволили шествовать для прогу-

¹ Г.Г. Орлов – владелец гатчинской мызы с 1765 по 1783 годы.

² Спащанский А.Н. Григорий Орлов и Гатчина. СПб.: Издательский дом «Колло», 2010. С. 47.

ливания по дороге, вновь делаемой к мызе Гатчинской, до 2-х верст, оттуда прошли в сад и, сев в ботик, проехали прудом к островку...»³. Позже в Царском Селе в начале этой дороги были построены Орловские ворота, а в Гатчине на 4 версте – Мозинские⁴.

Небольшой дом старой Гатчинской мызы тоже не устраивал богатого владельца, и через год от начала строительства новой дороги, 30 мая 1766 года, состоялась закладка нового дворца, «охотничьего», «увеселительного», на высоком берегу Серебряного озера⁵.

В первые годы владения Гатчиной высокая гостья часто приезжала к Г. Орлову, чтобы отдохнуть и развлечься. И, конечно, любимым развлечением была охота в обширных лесах имения, богатого дичью. Охотничьи забавы, которые устраивал страстный охотник Орлов, проходили в разных местах поместья, в том числе и Орловой роще. Эта часть лесного массива находилась ближе всего к Царскому Селу, и именно она примыкала к старой дороге, которая проходила через Красное Село. Так, в 1766 году императрица прибыла 15 мая, а «16-го числа, во Вторник, по утру в 10-м часу, Ее Императорское Величество, изволила из опочивального Своего покоя выдти на набережную от озера рощу, которая по сторонам обнесена холстом, и там с кавалерами изволила забавляться в карты; потом кушать изволила обеденное кушанье. По окончании стола изволила одеться в мундир Гвардии Пехотного полка, в сопровождении Своей свиты, изволила отправиться верхом с егерною охотою, трактом к Царскому Селу, и пробыть в оной изволила несколько время, потом пересест в карету и продолжить путь в Царское Село, куда прибыть соизволила того ж числа; по полудни в 9-м часу, в вожделенном здравии...»⁶.

Как было принято, для придворной охоты в лесах строились специальные домики, и мы знаем, что многие знаменитые дворцы европейских монархов начинались с этих охотничьих домиков.

В Орловой роще, как свидетельствуют обнаруженные документы, тоже был построен охотничий домик, который позже и стали называть «орловским».

³ Спащанский А.Н. Указ. соч. С. 204.

⁴ Ворота сохранились, а от дороги остались лишь небольшие участки, которые были включены в современные магистрали.

⁵ Автором дворца является итальянский архитектор Антонио Ринальди.

⁶ Спащанский А.Н. Указ. соч. С. 201.

Орлова роща как самостоятельная территория паркового ансамбля изображена на многих исторических планах Гатчины. Планировочная структура этой территории отличалась от расположенного рядом парка Зверинец с широкими просеками и круглыми смотровыми площадками. Например, на планах Гатчины из 2-го Кушелевского альбома⁷ планировка рощи – это достаточно мелкая сетка продольных и поперечных нешироких дорог, которые перпендикулярно пересекаются.

На одном из планов⁸ на северо-востоке Орловой рощи показан достаточно большой участок сада с регулярной планировкой. Как было доказано, прототипом для него послужил сад парижской усадьбы г-на Бусьера⁹. В Башенном кабинете Павла I Гатчинского дворца находился комплект планов этой усадьбы с чертежами павильонов. Помимо этого в 1-м Кушелевском альбоме также есть «План регулярного сада на территории Зверинца» неизвестного автора¹⁰, на котором отдельно показан данный участок с садом. Но надо пояснить, что несмотря на указание «Зверинца» это, конечно, была территория Орловой рощи. Данный проект в Орловой роще был связан с планами уже нового владельца Гатчины – великого князя Павла Петровича. Однако, как известно, многим планам Павла не было суждено воплотиться в жизнь.

Также почти на всех планах Гатчины конца XVIII века показано, что через всю территорию Орловой рощи по диагонали проходит длинная извилистая дорога. Она начиналась от плотины на Белом озере в устье реки Гатчинки и заканчивалась в центре Орловой рощи на участке с «некими строениями». Это была дорога Гундиуса¹¹. В настоящее время она тоже существует, правда, в укороченном виде.

⁷ Полное название альбома: «Атлас оберамтов Гатчины и Новосковриц с принадлежащими к ним унтерамтами, сельцами, слободами и деревнями, с показанием в каждом порознь число тягл и качества земель. Також Главному Гатчинскому дворцу с садами, зверинцами и всеми в них имеющимися строениями и проектами».

⁸ ГДМ-58-ХII.

⁹ Петрова О.В. Архитектурная графика XVIII века из собрания Гатчинского дворца. Научный каталог. СПб.: Издательство Сергея Ходова, 2006. С. 74.

¹⁰ ГДМ-7-ХII.

¹¹ Антон Гундиус – главный лесничий (обер-форштер). Во времена Павла Петровича руководил лесничими и егерями, отвечал за сохранность лесов и правильность ведения охоты. Его потомки жили в Гатчине до 1917 года (Бурлаков А. Дорога Гундиуса // <http://history-gatchina.ru/article/gundius.htm> (Дата обращения 31.08.16)

На плане 1816 года¹², который является важнейшим для истории Гатчины, т.к. в отличие от планов Кушелевских альбомов считается фиксационным, дорога Гундиуса тоже ведет к указанной площадке. Из строений на ней отмечены три деревянных здания: два прямоугольной и одно квадратной формы. Рядом с ними показаны полосы пашен или огородов. Хотя подписи под строениями нет, но можно предположить, что они относятся к Орловскому домику. На поздних планах эта надпись уже появляется. Поэтому существование Орловского домика в Орловой роще можно проследить на планах Гатчины до середины XIX века.

На плане Орловой рощи 1848 года¹³, подписанном «землемером Мокеевым»¹⁴, мы не видим сетчатую планировку, но дорога Гундиуса изображена. Она начинается от Вайяловой караулки на дороге к Гатчинской мельнице и заканчивается на той интересующей нас площадке. И здесь уже имеется надпись – «Орловский дом». Хочется отметить, что для истории города Гатчины этот план интересен еще тем, что на нем зафиксированы строящиеся в то время дороги, которые и сейчас существуют, такие как «Шоссе вновь предполагаемое на Кипень», «Новое шоссе из города Гатчины в Красное Село» и у современной развилки дорог у Ингербургских ворот, «Шоссе в Санкт Петербург» и «Шоссе в Царское Село».

На плане Орловой рощи 1862 года¹⁵ домик еще указан, а на плане 1864–1865¹⁶ годов на его месте уже другая надпись – «Дом лес. смотрителя», т.е. изменилось назначение домика.

Теперь на тайну Орловского домика посмотрим иначе. Как известно, охотничьи домики могли служить и местом романтических свиданий. А Орловский домик для этого идеально подходил: во-первых, он находился

¹² План Гатчины. Снят в 1816 году. Копия 1970-х. ГДМ-1232-ХII.

¹³ План Орловой рощи с показанием шенячьего двора, в Гатчинском Дворцовом имении. Землемер Мокеев. 1848 (РГИА. Ф. 478. Оп. 1. Д. 104. Л. 18 об. – 19).

¹⁴ Мокеев Василий Петрович (1803–?). В Гатчине с 1846 года по 1860 гг. – главный смотритель лесов и Зверинца и землемер Гатчинского дворцового правления, учитель черчения в Императорском Гатчинском сиротском институте. В 1860 году – надворный советник, имел знак отличия беспорочной службы за 25 лет (Петрова О.В. Архитектурная графика первой половины XIX века из собрания Гатчинского дворца. Научный каталог. СПб.: Галерея, 2009. С. 281).

¹⁵ План Орловской рощи С.Петербургской губернии Царскосельского уезда Гатчинского Дворцового имения (РГИА. Ф. 515. Оп. 72. Д. 6660. 1862. Л. 25).

¹⁶ План Орловской рощи С.Петербургской губернии Царскосельского уезда 1-го округа С.Петербургской удельной конторы (РГИА. Ф. 515. Оп. 72. Д. 6660. 1862. Л. 26).

по пути из Царского Села в Гатчину, во-вторых, был спрятан в укромном месте живописной рощи. К тому же домик был неплохо приспособлен для проживания и имел весьма привлекательный вид. Может быть, поэтому о нем так мало сохранилось сведений?

И не в Орловой ли роще перед Орловским домиком для Екатерины II была разыграна некая пастораль в духе галантного века? О ней было написано в газете «Санкт-Петербургские ведомости» за 1779 год: «Ее Императорское Величество, минувшего Августа 24-го числа благоволила обрадовать Своим посещением Его Светлость Князя Григорья Григорьевича Орлова, в Гатчинской его мызе, от Сарскаго Села в 19-ти верстах лежащей, и там иметь обеденное кушанье. После же того изволила забавляться картошною игрою, между тем петы были Италианские кантаты, кои пела сама хозяйка Светлейшая Княгиня с музыкою. Ее Императорское Величество, изъявив при том Высочайшее свое удовольствие, благоволила после прогуливаться в устроенном в Английском вкусе Хозяйском саду, откуда с Хозяином и Хозяйкою изволила переехать через озеро, к Китайским баням, а потом ехать в лежащую от Дома в двух верстах с половиною рощу. Там в дали пред некоторым сельским строением, по сторонам, представились две хлебные и одна сенная скирды, которые по приближении Высочайшей Посетительницы вдруг раздвинулись, и внутри каждая представила приятную полевою залу. Сии залы убраны столами, из снопов сделанными лавками, и по стенам фестонами. Позади же оных видны были в перспективном расположении сельские жилища, и мост проведенный через долину с одной горы на другую, по которому пастухи гнали стада. Ее Императорское Величество, в одной из помянутых зал, на составленной из снопов лавке, изволила кушать чай, и оказав Хозяину и Хозяйке отличное удовольствие, по наступлении вечера изволила возвратиться в Хозяйский дом. Хозяйке же Светлейшей Княгине пожаловать весьма драгоценные бриллиантовые серьги; и уже в сумерки оттуда предпринять, в Сарское Село, путь обратный»¹⁷. Если измерить расстояние от берега Белого озера до места в Орловой роще, где находился Орловский домик, то это и будет приблизительно 2,5 версты, т.е. около 3 км.

И это было последнее посещение императрицей Гатчины и своего уже бывшего фаворита. Принимал гостью Григорий Орлов вместе с молодой

¹⁷ Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. 1712–1801. СПб.: Издательство Сергея Ходова, 2006. С. 69–70.

хозяйкой: в 1777 году он женился на Екатерине Зиновьевой, своей двоюродной сестре. К несчастью, семейное счастье графа и графини было недолгим. Вскоре они вынуждены были выехать за границу на лечение, и вернуться домой им уже не было суждено¹⁸.

О том, каким был Орловский домик, свидетельствуют документы, которые относятся к середине XIX века. Их удалось обнаружить в фонде «Царская охота» РГИА. Дело в том, что Придворную охоту император Николай I планировал из Петергофа перевести в Гатчину¹⁹, и поэтому возникла необходимость расширения помещений для содержания собак, в том числе постройка отдельного Щенячьего заведения.

10 апреля 1848 года из Министерства императорского двора Егерской конторы было послано «предложение»²⁰ Управляющему Гатчинским дворцовым правлением и коменданту города Гатчины о доставлении «сметы на перестройку по Высочайшему Повелению Орловского домика, находящегося близ псарни, как означено на плане Гатчинского землемера Мокеева и деревни Вайлово»²¹, для помещения в оном щенячьего заведения. При этом Орловский домик также называют «Егерским домиком».

Для этого архитектору А.М. Байкову было поручено составить описание Орловского домика с фиксацией его сохранности, а также выполнить чертежи фасадов, плана домика и двора, а архитектору И.И. Шарлеманю подготовить планы постройки на этом месте нового «Щенячьего заведения»²².

Таким образом, мы имеем чертежи А.М. Байкова 1848 года с Орловским домиком: «Лицевой фасад», «Боковой фасад», а также «План Орловскому домику близ г. Гатчины»²³.

Рапорт архитектора с описанием домика привожу полностью. Благодаря ему и чертежам можно получить полное представление о данной постройке²⁴:

¹⁸ В июне 1782 года 22-летняя графиня Орлова умерла в Лозанне, а Г. Орлов в состоянии тихого помешательства умер 13 апреля 1783 года.

¹⁹ Придворная охота была переведена в Гатчину уже при Александре II.

²⁰ РГИА. Ф. 491. Оп. 2. Д. 2730. Л. 1–2 об. 1848.

²¹ РГИА. Ф. 478. Оп. 1. Д. 104. Л. 18 об. – 19. 1848.

²² Там же. Л. 44 б, 44 в, 44 г, 44 д, 44 е, 44 ж. 1848.

²³ Там же. Л. 20–21 об., 34–35 об., 36–37 об. 1848.

²⁴ Это описание есть как в фонде 491, но без планов, так и фонде 478 с некоторыми уточнениями.

«Рапорт архитектора Байкова.

Управляющему Гатчинским Дворцовым Правлением Люце 15 апреля 1848 года

Описание домика

1. Домик построен на каменном фундаменте – прочен
 2. Крыша над домиком и над коридором Крыша в 2 теса вприплот – ветхая
 3. Стены дома бревенчатой рубки в углы необиты и в мезонине балкон – ветхий Во внутренности в 2-х комнатах потолки, стены оштукатурены и в одной крайней комнате потолки настланы на полоский манер и стены обшиты изнутри тесом гладко

4. Половые балки ветхи и (из их самых худых 12)²⁵ и под всеми балками поставлены деревянные стулья в подвале потолочные все хорошие. Двери во внутренности 2 филечатые одинакие и протчия плотничные на кузнечных петлях прочны, переплеты оконные одинакия летняя с слесарным железным прибором прочны, из числа коих в мезонине квадратно 12 верш: 2 переплета; в подвале длиною 13 ½ верш. Выш. 7 верш: 1 переплет зимних переплетов вовсе не имеется, печи устроенны на балках без фундаментов, а из подвала поставлены под балки под печи деревянные стулья, голландских печей кирпичной кладки с трубами 3 печи, и русского манера с трубою 1 печь и 1 печь русская кирпичная с трубою выведена по фундаменту: приборы при печах все налицо как только у одной голландской не имеется чугунной тарелки и крышки²⁶.

Как видим, это был достаточно большой рубленый дом в стиле русской избы. Здание было одноэтажным на высоком подклете²⁷ с мезонином. В плане он представлял собой вытянутый прямоугольник, внутри разделенный на 4 помещения.

По чертежам А.М. Байкова имеем следующие размеры домика:

- длинный фасад («Боковой фасад»), который можно считать главным – приблизительно 12 саж. (25 м);
- боковой фасад («Лицевой фасад»), который был обращен к дороге и у которого был вход через ворота или калитку – приблизительно 3 саж. (6,4 м);
- высота дома с фундаментом и крышей – приблизительно 3,4 саж. (7 м);
- высота дома с мезонином – приблизительно 4,3 саж. (9 м).

²⁵ Написано карандашом.

²⁶ РГИА. Ф. 491. Оп. 2. Д. 2730. 1848. Л. 3.

²⁷ В смете это «подвал».

К дому примыкал почти квадратный в плане двор – приблизительно 12 саж. на 13 саж. (25 x 28 м). По периметру двор был огорожен глухим деревянным забором.

На территории двора в 1846 году был построен небольшой деревянный караульный домик (возможно, возобновлен).

Внутри дома существовало 4 помещения:

1-е самое большое помещение и с большими окнами – приблизительно размером 6,5 x 7 м – предположительно было залой,

2-е помещение с внутренней перегородкой размером 6 x 7 м предположительно было комнатой для отдыха или спальней,

в 3-м помещении размером 4 x 7 м была расположена лестница, ведущая наверх в мезонин или «светелку»,

4-е помещение размером 6,3 x 7 м с небольшими квадратными окнами, скорее всего, служило прихожей или «сенями».

Отапливался домик печами, как русскими, так и голландскими. Интересно, что из одной русской печи труба была «выведена по фундаменту».

Для входа в здание со стороны двора была пристроена протяженная открытая галерея («коридор») с лестницей, напоминающая «гульбище» в русских избах. Размеры галереи составляли приблизительно 16 x 2 м.

Фасады здания были украшены тоже в традициях русского деревянного зодчества ажурной деревянной резьбой – это «причелины» или «подзоры»²⁸, а также наличники на окнах. Окна у домика были разных размеров: от больших прямоугольных до небольших квадратных, а также очень узких. Окна были как одиночные окна, так и сдвоенные со ставнями и мелкой расстекловкой. Мезонин с балконом и балюстрадой напоминал «светелку», как в русских избах.

Входом во двор служили ворота, тоже украшенные деревянной резьбой. Рядом с воротами находилась калитка. На чертеже у калитки изображена деревянная скамья для отдыха.

В целом Орловский дом был похож на русский терем. Может быть, поэтому его еще называли «дворцом».

И все же перестройку Орловского домика, а также строительство на его месте Щенячьего заведения Николай I отменил. Император посчитал сметную стоимость, составленную Шарлеманем, слишком большой и выделил деньги

²⁸ Доски, закрывающие торцы бревен, удерживающих кровлю.

только на ремонт старого Щенячьего заведения или Собачьего двора, который находился «с давних времен в Вайяловском скотном дворе» южнее Орловского домика вблизи дороги в Вайлово²⁹.

В литературе о существовании Орловского дома упоминается тоже редко. Например, сохранилось упоминание об Орловском домике в воспоминаниях о поездке в Гатчину в 1848 году Ипполита Ферри де Пиньи, который был преподавателем французского языка в Гатчинском сиротском институте: «Мы выехали из парка с северной его стороны к так называемой Гатчинской мельнице, где наследник Престола Великий Князь Павел Петрович не раз отдыхал во время охоты... Далее мы проникли в Орловский лес и, дав отдохнуть нашим лошадям с полчаса в лесном охотничьем прибежище, охраняемом старым почтенным унтер-офицером, выехали в город...»³⁰.

Также нельзя не упомянуть рассказ об Орловском домике в статье 1873 года А.П. Барсукова, опубликованный в «Русском архиве». Во время прогулки по гатчинским паркам автор заблудился, а когда оказался в Орловой роще около сторожевой будки, то к нему вышел старый солдат. На расспросы о том, что это за роща, сторож поведал: «Да так и прозывается Орловскою. Изволите ли видеть, она была подарена Орлову самою Императрицею; внутри-то, значит, в самой рощи она выстроила и домик ему». Далее дедушка Никита Михайлов, «как слышал от стариков», рассказал о том, как Екатерина II вступила на престол, а Орлов ей помогал. О том, как Орлов жил в своем доме, ответил, что он «жил там по-простому; у него и стульев даже не было, а так – лавки кругом, как в деревнях»³¹. Так родилась одна из красивых гатчинских легенд.

Однако из рассказа можно сделать вывод, что домик был снесен «почитай годов с двадцать», т.е. в 50-е годы XIX века, и на его месте построена будка «лесного объездчика». Это подтверждается и представленными документами.

К сожалению, точной даты постройки Орловского домика установить не удалось. Скорее всего, это произошло в первое десятилетие владения Гат-

²⁹ РГИА. Ф. 478. Оп. 104. 1848. Л. 49.

³⁰ Ферри де Пиньи И. Поездка в Гатчину // Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. 1801–1881. СПб.: Союз-дизайн, 2007 С. 200.

³¹ Барсуков А.П. Исторические лица в голове простолюдина. 1873 год // Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. 1801–1881... С. 347–348.

чиной графом Орловым. Также очень вероятно, что его могла подарить любимому фавориту Екатерина II, и старый сторож был прав.

Но вот время исчезновения части Орловой рощи с местом, где находился домик, можно назвать точно. В 1956 году в исторической части Гатчинского дворцово-паркового ансамбля в Орловой роще был построен комплекс Петербургского института ядерной физики им. Б.П. Константинова (ПИЯФ).

Завершить свой доклад мне хочется словами из того же рассказа путешественника XIX века: «Бывали вы в великолепных Гатчинских садах? Это моя любимая прогулка в окрестностях Петербурга. Время стерло там почти все следы орловской старины, но живы еще лебеди, лично знавшие знаменитого баловня судьбы и его великой подруги!»

И.Ф. Фоменко

Судьбоносный визит принцессы Алисы Гессенской в Крым

1894 год для принцессы Гессен-Дармштадтской Виктории-Алисы-Елены-Бригитты-Луизы-Беатрисы был особенно значимым. В этот год жизнь принцессы наполнилась не только чувственной любовью и ожиданием существенных перемен, но и осознанием необходимости перехода в православие и потому проникновением в его глубинную суть и изучением русского языка. Воля и твердость характера гессенской принцессы Алисы, которые отмечали современники¹, помогли ей в этот и все последующие годы.

1894 год был насыщен важнейшими событиями и для наследника российского престола цесаревича Николая Александровича: помолвка с возлюбленной Гессен-Дармштадтской принцессой Алисой весной; болезнь и смерть отца, императора Александра III; принятие бремени императорской власти и бракосочетание осенью.

С января 1894 года после перенесенного гриппа (инфлюэнцы) состояние здоровья императора Александра III начало опасно ухудшаться². В поисках лучшего для самочувствия императора местопребывания семья в конце концов приняла решение переехать в Ливадию.

С 21 сентября император с женой, детьми, родственниками и свитой, разместились в комнатах ливадийских дворцов и других построек, а буквально через день цесаревич Николай Александрович получил сразу три письма от своей ненаглядной возлюбленной³. Их переписка и скрытое от непосвященных общение продолжалось уже несколько лет. Посвященными были сестра принцессы Алисы Элла, в замужестве великая княгиня Елизавета Федоровна, и ее муж, дядя цесаревича, великий князь Сергей Александрович. Пять лет они всячески поддерживали любовные стремления двух сердец, разделенных множеством препятствий.

¹ Богданович А. Три последних самодержца. М.: Новости, 1990. С. 191.

² Памяти императора Александра III. Сборник «Московских Ведомостей» (известия, статьи, перепечатки). Издание С. Петровского. М.: Университетская типография, 1894. С. 2.

³ Дневники императора Николая II / Под ред. К.Ф. Шацилло. М.: Орбита, 1991. С. 37.

В первых числах октября здоровье императора Александра III стало резко ухудшаться. К тому времени в Ливадии уже находились лучшие медики – «пять эскулапов»⁴. Среди них – выдающийся хирург Николай Александрович Вельяминов и профессор, терапевт Петр Михайлович Попов. Из Берлина для консультации был вызван доктор Эрнст фон Лейден, профессор Кенигсбергского, Страсбургского и Берлинского университетов, один из лучших в Европе специалистов по болезням почек. 3 октября из Москвы приехал самый авторитетный терапевт, профессор Григорий Антонович Захарьин, прибыл и харьковский хирург, профессор Вильгельм Федорович Грубе, который оказывал первую помощь императору после железнодорожной катастрофы 6 лет назад. После врачебного консилиума в ряде российских газет стали публиковать бюллетени о состоянии здоровья государя императора. Жители Крыма с тревогой прочли 6 октября в субботнем еженедельном выпуске «Таврических губернских ведомостей» первый бюллетень от 4 октября следующего содержания: «Болезнь почек не улучшилась, силы уменьшились, врачи надеются, что климат Южного берега Крыма благотворно повлияет на состояние здоровья Августейшего больного»⁵.

В этой связи 5 октября императорская чета позволила своему старшему сыну, наследнику престола цесаревичу Николаю Александровичу, вызвать из Дармштадта телеграммой в Крым его невесту – принцессу Алису⁶, третью дочь Людвига IV, великого герцога Гессен-Дармштадтского, любимую внучку Виктории, королевы Великобритании и двоюродную сестру императора Германии, кайзера Вильгельма II.

Император с императрицей предложили великому князю Сергею Александровичу и его жене великой княгине Елизавете Федоровне, старшей сестре принцессы Алисы, встретить ее и привезти в Крым. Этикет не позволял отправиться в дорогу молодой девушке одной. Вот уже более двух лет она была полной сиротой. Очень рано, в шестилетнем возрасте, Алиса лишилась матери, отец скончался, когда принцессе не было еще и двадцати. Заботу о «Sunny» – «Солнечной», как звали ее дома, взяла на себя бабушка, английская королева

⁴ Дневники императора Николая II... С. 39.

⁵ Таврические губернские ведомости. 1894. № 39. 6 октября. С. 1.

⁶ Дневники императора Николая II... С. 39; Дивный свет. Дневниковые записи, переписка, жизнеописание / Сост., ред. и автор жизнеописания монахиня Нектария (Мак Лиз). Пер. с англ. М.: Издательский дом «Русский паломник», 2014. С. 196–197.

Виктория, а затем и старший брат Эрнст Людвиг, принявший титул великого герцога Гессен-Дармштадтского.

Принцесса сразу же начала собираться в одно из самых важных путешествий в ее жизни. Впервые она ехала в Россию в качестве невесты, и первый визит она совершила в Крым. В юном возрасте Алиса побывала в России в начале лета 1884 года, когда вместе с родственниками приезжала на свадьбу своей старшей сестры Эллы. Следующий приезд принцессы состоялся зимой 1889 года⁷, и снова она оказалась в гостях у сестры. Но лишь с того момента, когда высоконазначенная невеста станет открывать для себя Крым, Россия начнет становиться родиной для немецкой принцессы и будущей российской императрицы.

Поездка принцессы Алисы в Крым привлекала внимание многих исследователей как в прошлое, так и в настоящее время⁸. Некоторые достаточно скупо описывают это событие, другие уделяют внимание тем или иным деталям путешествия. Наиболее полный и интересный рассказ помещен книге американского исследователя, биографа русской императрицы Грегга Кинга⁹. Все эти описания сходятся в главном – в сути путешествия, но пестрят неточностями, подчас противоречивыми. Попробуем воссоздать картину путешествия с использованием новых, не привлекаемых ранее материалов.

Принцесса Алиса Гессен-Дармштадтская, высоконазначенная невеста наследника российского престола цесаревича Николая Александровича, выехала в Крым из Дармштадта 7 октября 1894 года. В это время в Ливадии начали подготовку комнат для нее, тогда еще в свитском доме¹⁰. Из Дармштадта она направилась в Берлин. Затем в отдельном вагоне пассажирского поезда – до станции Александрово, где ее уже ожидала сестра, великая княгиня Елизавета Федоровна, и сопровождающие лица, далее в парадных вагонах Варшаво-Венской железной дороги заграничной колеи они проследовали до Варшавы, отсюда на ширококолейном поезде Юго-Западных железных дорог – в Крым, до Симферополя¹¹. На российской границе принцесса Алиса отправила цесаре-

⁷ Боханов А.Н. Император Николай II. М.: Русское слово, 2001. С. 71, 72.

⁸ Бернс Барбара. Алексей – последний цесаревич. СПб.: Звезда, 1993. С. 9.

⁹ Кинг Грег. Императрица Александра Федоровна. Биография. М.: Захаров, 2000. С. 93–94.

¹⁰ Дневники императора Николая II... С. 42.

¹¹ Кончаков Р.Б. Александр III: последний маршрут императора // Материалы международной научной конференции «Романовы и Крым». Текущий архив КРУ «Ливадийский дворец-музей», 2013. С. 13.

вичу Николаю зашифрованную их собственным шифром, придуманным ими самими когда-то забавы ради¹², телеграмму о том, что она желала бы принять православие по приезду в Ливадию¹³.

Поездка в Крым для принцессы была особо важной, волнительной, судьбоносной, ей предстояло совершить один из самых серьезных шагов в ее жизни, потому так необходима была поддержка близких людей. Возможно, именно этими обстоятельствами были обусловлены две остановки по пути следования августейших путешественниц, когда сестры шли пешком по полотну дороги в сопровождении свиты в общей сложности более двух верст. Эти прогулки увеличили время в пути на несколько часов, но поездной бригаде удалось привести поезд лишь с 45-минутным опозданием, в 9.15 утра¹⁴.

Крым принцесса Алиса впервые увидела во всей красе раннего солнечно-осеннего утра 10 октября. Розово-серые Сивашские соляные озера поезд преодолевал по длинному плоскому мосту, и казалось, будто едешь по морю. А далее виднелась желтая степь под безоблачным небом, вдоль дороги – белые домики, покрытые черепицей, а на горизонте в легкой дымке – начало красивых гористых видов. Принцесса уже несколько месяцев успешно изучала русский язык и могла прислушиваться к новым словам. По пути следования поезда звучали странные и непонятные названия станций: Чонгар, Таганаш, Джанкой, Симферополь.

В губернском Симферополе с нетерпением ожидали приезда августейшей невесты, и все было подготовлено. На перроне железнодорожного вокзала, здание которого украшали зеленые гирлянды, выстроился почетный караул от 51 пехотного Литовского полка¹⁵. Зал и комнаты отдыха в вокзале были роскошно и изящно декорированы множеством цветов, тропических растений, коврами, были расставлены диваны, обитые красным бархатом. Первыми среди большого количества встречающих были городской голова Василий Павлович Меркулов, гласные Думы и представители военного начальства. С их парадными мундирами контрастировали светлые платья дам из местного ари-

¹² Тисдолл Э.П. Вдовствующая императрица. Триумфы и поражения. СПб.: Изд. Дом «Нева», 2004. С. 224.

¹³ Дневники императора Николая II... С. 40.

¹⁴ Кончаков Р.Б. Указ. соч. С. 14.

¹⁵ Скорбный Ангел. Царица-Мученица Александра Новая в письмах, дневниках и воспоминаниях / Сост. С. Фомин. СПб.: общ-во свт. Василия Великого, 2005. С. 103.

стократического общества. Из вагона вышла принцесса, высокая, с царственно прекрасными чертами лица, одетая в темно-красную, опушенную мехом круглую накидку – ротонду¹⁶, на голове – небольшая черная шляпка с веткой искусственных цветов. В тот октябрьский день 1894 года было очень тепло и безоблачно: начало осени в Симферополе, как и во всем Крыму – прелестно.

Из группы встречающих отделился городской голова Симферополя и поднес августейшей гостье хлеб-соль на серебряном с позолотой блюде, букетами цветов ее приветствовали супруга таврического губернатора Елизавета Феликсовна Лазарева и жена губернского предводителя дворянства Вивиана Вильямовича Олива и другие. Звучал российский гимн, и слова «Боже, Царя храни» принцесса уже разбирала и понимала. В сопровождении великой княгини Елизаветы Федоровны Ее Высочество проследовала к поданному рессорному экипажу «с почтовой тройкой лошадей»¹⁷. По всему маршруту следования от Симферополя до Ливадии высокие гости следовали в окружении почетного эскорта из верховых крымских татар, офицеров Крымского дивизиона. Вдоль городских улиц расположились воспитанники различных учебных заведений и толпы губернских жителей, заготовленными цветами они усыпали дорогу перед кортежем. Вокруг лились раскатистые крики «ура!» от почетного караула 52-го Виленского пехотного Его Императорского Высочества великого князя Кирилла Владимировича полка, и слышался звон колоколов православных храмов.

До встречи с возлюбленным принцессе предстояло проехать более 40 верст по незнакомой земле и провести несколько часов в пути в открытой двухместной коляске с бубенцами. Местное население – русские, татары, евреи, армяне, немцы – с большим любопытством взирало на торжественную и вместе с тем скромную процессию, восторженными криками провожая двух красавиц-сестер. Среди непонятного многоголосия принцесса разбирала лишь отдельные русские слова и немецкую речь.

Губернский Симферополь был не похож на те города, которые принцесса Алиса видела прежде. Около десяти мечетей с минаретами в окружении высоких пирамидальных тополей и огромных акаций, низкие домики с черепичными крышами и разноязыкая речь придавали городу восточный колорит, а дворянские особняки, прямые широкие улицы с перекрестками и ряд вековых

¹⁶ Памяти императора Александра III... С. 19.

¹⁷ Скорбный Ангел... С. 103.

деревьев на берегах Салгира – черты европейского города. От вокзала по Екатерининской и далее по Салгирной, Лазаревской, Воронцовской улицам города пролегал путь процессии. Принцесса Алиса наверняка успела заметить большой собор Александра Невского, а напротив него – задекорированную цветами высокую серомраморную колонну-obelisk в честь князя Долгорукого, отвоевавшего Крым для России. Памятник украшал медальон из белого мрамора с портретом князя. Между деревьями городского сада, сквозь арку, убранную цветами, громадой гранитного пьедестала и величественной многофигурной композицией внимание принцессы привлек красивейший в России памятник императрице Екатерине II. Алиса Гессенская приступила к изучению российской истории еще в Дармштадте, значит, могла знать, что и великая императрица прежде была иностранной принцессой, прибывшей в Россию для великих свершений.

При выезде из Симферополя, справа, на возвышенности, были хорошо видны остатки древней крепости. За городом начиналась шоссированная, а потому вовсе непыльная дорога. Содержание Симферопольско-Ялтинского тракта было исправным, отмечено золотой медалью от министра внутренних дел. По этой дороге и покатила коляска с путешественницами, окруженная почетной кавалькадой, в Алушту, где все проезжающие обычно останавливались для обеда.

«Чудный жаркий день», – записал в своем дневнике цесаревич Николай в понедельник 10 октября, когда с дядей Сергеем, великим князем Сергеем Александровичем, братом умирающего императора, отправился на встречу невесты¹⁸.

Солнце пригревало не по-осеннему, и сестры-путешественницы могли насладиться им в полной мере. Элла, вероятно, знала об особенностях ласковой осенней крымской погоды, ее костюм был безупречен. А Алиса Гессенская ехала из успевшей остыть от летнего тепла Германии в холодную российскую осень, потому отороченная пышным мехом накидка на ее плечах подчеркивала особенность визита – первое посещение Крыма.

Дорога тянулась по долине Салгира, покрытой фруктовыми садами, где еще можно было заметить великолепные плоды. Среди слегка пожелтелых деревьев виднелись редкие благоустроенные имения с красивыми домами, татар-

¹⁸ Дневники императора Николая II... С. 40.

ские поселения и обширные кладбища, опустелые табачные поля. Как музыка звучали для принцессы Алисы названия селений, лежащих на пути: Эски-Орда, Тахта-Джами, Мамут-Султан, Таушан-Базар.

Здесь все выглядело необычно для европейца: выжженная солнцем, но ароматная крымская степь, подступающая к дороге; желтые развалины Эски-Сарая – старинного татарского монетного двора и небольшие татарские деревни с минаретами мечетей. Живописная картина меняется, когда шоссе у деревни Шумухай переходит на правый берег Салгира и заметно поднимается вверх до Таушан-Базара. Гигантские деревья слева и справа дороги чередуются с крутыми обрывами, поросшими лиственным, слегка желтеющим лесом, и холмистой местностью с мягкими контурами. Дополняют пейзаж, напоминающий Северную Швейцарию, массивные отроги Чатыр-Дага.

Но самая интересная часть дороги начиналась от перевала Ангара-Богаз: 13 с лишним верст живописного зигзагообразного спуска к Алуште. Искусство, с которым была проложена эта дорога в начале 1830-х годов по сложному рельефу местности, делает честь ее строителям. У обочины шоссе на высшей точке перевала стоял 12-метровый памятный Александровскийobelisk строителям дороги, сооруженный из светлых блоков известняка. На нем была укреплена чугунная доска с надписью: «По велению императора Александра I, дорога сия от Симферополя до Алушты через хребет Яйла начата с 1824 года, устроена в царствование императора Николая I, в 1826 году, при новороссийском и бессарабском генерал-губернаторе графе Воронцове, гражданском губернаторе Нарышкине подполковником Шипиловым».

Экипаж, в котором ехали сестры, чуть ли не ежеминутно поворачивал в разные стороны на дороге, извивающейся самым причудливым образом. На одном из поворотов принцесса Алиса ясно увидела то, что уже встречала утром в Симферополе: на крайнем выступе диковатой по очертаниям горы Демерджи или Екатерин-горы появился, словно высеченный скульптором из каменной глыбы, гигантский профиль императрицы Екатерины. Принцесса, конечно, не могла знать, что скульптором являлась сама природа: ветер, вода и время. А левее и ниже по склону огромные глыбы скал, сползшие и обрушившиеся на маленькую деревушку, – следы недавнего обвала, на краю которого белели уцелевшие домики.

Путешествие по незнакомой дороге не переставало удивлять: прочные мосты, легко перекинутые через пропасти; перила и каменные стенки, огра-

ждающие дорогу в опасных местах; фонтаны с чистой родниковой водой у обочины. Один из фонтанов привлек особое внимание августейших путешественниц. Он был сделан из крымского порфира, с таким же водоемом, рядом рос стройный тополь, а надпись, высеченная на камне, гласила: «Близ сего места, в сражении противу турок, Михаил Иларионович Кутузов, что после был фельдмаршалом и князем Смоленским, ранен в голову»¹⁹. А далее, за поворотом дороги, перед взором сестер «впереди раскинулось море – широкое и далекое, на берегу которого живописно разбросаны дома, дачи, сады и виноградники Алушты»²⁰.

Роскошную виноградную долину на подъезде к Алуште прорезает речка Демерджи, переехав ее, экипаж покати по знаменитой тогда тополевой аллее, теряясь среди высоченных, плотной стеной стоящих деревьев с ярко-желтой и зеленой листвой. Затем показались и первые кипарисы, и красивая местность Алушты – обширной татарской деревни, лежащей на берегу моря. Загадкой казались две древние башни на вершине холма. Это были развалины средневековой крепости. Из благ цивилизации в Алуште в то время была почтовая контора и станция, таможенный пост, гостиницы, лавки, кондитерская, земский ночлежный приют и приемный покой, аптека. Но взгляд принцессы Алисы привлекла красивая православная церковь с колокольной готической архитектуры на возвышенном месте, а сердце ее рвалось к возлюбленному. Он прибыл в Алушту всего на десять минут раньше Алисы и Эллы и остановился в выбранном заранее доме, удобно расположенном на южнобережном шоссе рядом с почтой. Недавно отстроенный дом принадлежал отставному генералу Андрею Мироновичу Голубову.

Документы на постройку этого дома до сих пор сохраняются в Государственном архиве Республики Крым. Из них стало известно, что 31 июля 1893 года жена генерал-майора Надежда Александровна Голубова направила в Ялтинскую земскую управу собственноручное заявление № 1823 о желании произвести постройку каменной двухэтажной дачи в деревне Алуште в ее владении, находящемся около почтовой станции и выходящем на Симферопольское шоссе²¹. Общий план местности, детальные чертежи, проект постройки

¹⁹ Сосногорова М. Путешествие по Крыму. Изд. 2-е испр. Одесса, 1874. С. 34.

²⁰ Москвич Г.Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму. 8-е изд. Одесса, 1899. С. 244.

²¹ ГА РК. Ф. 62. Оп. 3. Ед. хр. 131. Л. 17.

выполнил живущий в Ялте архитектор Михаил Иустинович Котинков, он взял на себя и наблюдение над постройкой. 23 августа земская управа за подписью председателя Владимира Антоновича Рыбицкого выдала удостоверение о разрешении строительства по плану архитектора М.И. Котинкова²².

В этом доме, впоследствии получившем название дача «Голубка», 10 октября 1894 года в 1 час 10 минут и произошла встреча принцессы Алисы Гессен-Дармштадтской, сопровождаемой сестрой, великой княгиней Елизаветой Федоровной, с августейшим женихом, цесаревичем, великим князем Николаем Александровичем, приехавшим со своим дядей, великим князем Сергеем Александровичем. Радушные хозяева А.М. и Н.А. Голубовы украсили дом российским флагом и угощали высоких гостей завтраком.

Впоследствии это важное событие было увековечено памятной мраморной доской с вызолоченным текстом, размещенной на фасаде дачи «Голубка».

Весть о приезде редких гостей распространилась очень быстро. Вскоре почти все жители Алушты собрались у дома Голубова. Они обратили внимание на одетую не по погоде высокую стройную девушку с большими темно-синими глазами под длинными ресницами и чудными волосами, тяжелой короной лежавшими на ее голове²³. Среди приветствующих высоконазначенную невесту и цесаревича был председатель Ялтинской земской управы Владимир Антонович Рыбицкий, который, сознавая уникальность происходящего события, захватил с собой своего друга, ялтинского фотографа И.И. Семенова и свой собственный фотоаппарат. Первый снимок был сделан вездесущим фотографом и сегодня хранится в Ялтинском историко-литературном музее. Это единственная сохранившаяся фотография первого путешествия в Крым Алисы Гессенской, а также первая фотография принцессы Алисы в качестве невесты, снятая в России, и первая фотография последнего ее путешествия в Россию, которая вскоре станет для нее родиной²⁴.

Через 14 лет В.А. Рыбицкий в своих записках так опишет происшедшее событие: «В 2 часа дня к дому Голубова поданы были экипажи. В первой двухместной коляске помещалась Александра Федоровна с цесаревичем Ни-

²² ГА РК. Ф. 62. Оп. 3. Ед. хр. 131. Л. 19.

²³ Ирошников М., Процай Л., Шелаев Ю. Николай II. Последний российский император. СПб.: Духовное просвещение, 1992. С. 159.

²⁴ ЯИЛМ. КП. 37243. Ф. 7293.

колаем. Официальные встречи были отменены, поэтому мне удалось сфотографировать тот момент, когда невеста с женихом сели в экипаж и прощались с великим князем Сергеем Александровичем»²⁵. Снимок В.А. Рыбицкого, судя по сюжету, все-таки был вторым, а не первым, как пишет он в записках, к тому же он не сохранился, что подчеркивает уникальность фотографии И.И. Семенова, хранящейся в Ялтинском историко-литературном музее.

Путь по красивейшей дороге Южнобережья от Алушты до Ливадии жених и невеста проехали всего за три часа. Как и все путешествующие по этой дороге, лошадей меняли на почтовых станциях Бююк-Ламбат и Ай-Даниль. И на каждой из них и у каждой придорожной деревни местные жители встречали их с хлебом-солью, одаривая цветами и виноградом. На границе удельного имения Массандра появились первые официальные встречающие лица – таврический генерал-губернатор, шталмейстер Петр Михайлович Лазарев, губернский предводитель дворянства, действительный статский советник Вивиан Вильямович Олив и начальник Главного управления уделов Министерства императорского двора князь Леонид Дмитриевич Вяземский.

После Массандры, чуть ниже по шоссе, открывался самый очаровательный вид на Ялту и Ливадию, который не оставлял равнодушным ни одного путешественника. Так принцесса Алиса впервые увидела город, где вскоре произойдут очень важные события ее частной жизни: волнующая для всех встреча с родителями жениха, благословение Александра III, смерть императора, священное миропомазание и принятие православного имени Александра Федоровна. А в следующий раз она вернется в Ялту уже знаменитой и всеми почитаемой царицей.

Дорога через Ялту в царскую Ливадию пролегла по Симферопольскому шоссе, через Старый город по Бульварной улице, а затем по Набережной и Ливадийскому мосту, минуя купеческие особняки, обширные виноградники и красивые дачи аристократов, утопающих в зелени парков.

Известие о проезде августейших нареченных в Ливадию распространилось по городу очень быстро. Блестящая курортная публика, съехавшаяся в Ялту на лучший в году виноградный сезон, заполнила уличные тротуары, переулки, террасы и балконы домов и дач, расположилась в окнах и даже на плоских крышах гостиниц по набережной. При приближении открытой коля-

²⁵ ГА РК. Ф. 532. Оп. 4. Д. 3. Л. 40 – 40 об.

ски с наследником цесаревичем и высоконазначенной невестой отовсюду раздавались возгласы приветствия, на которые они отвечали улыбками и поклонами.

Около пяти вечера цесаревич и принцесса прибыли в Ливадию, из экипажа сразу направились к императору Александру III, состояние здоровья которого было крайне тяжелым, но он приготовился к встрече и был очень рад. Войдя в комнату царя с большим букетом белых роз, Алиса вышла из нее со слезами на глазах после долгой беседы наедине с государем; в тот вечер принцесса впервые участвовала в богослужении по православному обряду в маленькой ливадийской дворцовой церкви²⁶.

В последующие несколько дней цесаревич и принцесса вместе с молодоженами, великим князем Александром Михайловичем и великой княгиней Ксенией Александровной, совершали поездки по окрестностям: в Ореанду, в церковь и на пляж; в Массандру и Алупку, на Учан-Су и в Эриклик, на ферму и по ливадийскому парку. Красоты Южнобережья были той атмосферой, в которой кипели душевные переживания цесаревича и принцессы, когда, вероятно, любовный пыл и волнение сменялись радостным трепетом ожидания и тяжелым ощущением неминуемого.

Встреча Аликс и Ники, как в домашнем кругу звали невесту и жениха, в дивном Крыму была радостной и счастливой практически только для них двоих. Вероятно, остальные в Ливадии встретили принцессу холодно, ведь умирал государь император, и все заботы были о нем. Уже 20 октября, после смерти императора Александра III в Ливадии, принцесса Гессен-Дармштадтская приняла православие, была крещена Александрой и миропомазана. Отчество по традиции в царской семье Романовых ей было дано Федоровна. Став великой княжной, она надела траур, который продолжался один год и был прерван только на время ее венчания.

Бракосочетание цесаревича Николая и великой княжны Александры Федоровны состоялось в Большой церкви Зимнего дворца в Санкт-Петербурге 14 ноября 1894 года. Герцог Йоркский, позднее ставший королем Британии Георгом V, писал: «...Должен сказать, я никогда не видел людей, так влюбленных друг в друга и таких счастливых как они»²⁷.

Особая роль в этой любви и в этом счастье принадлежит Крыму.

Ранний мейсенский фарфор в собрании Гатчинского дворца

Гатчинский дворец обладает уникальным собранием западноевропейского, русского и восточного фарфора, сформированным на протяжении более чем двухсотлетней истории существования памятника. Среди художественных ценностей музея коллекция фарфора играет очень важную роль.

Начало собранию было положено первым владельцем дворца графом Григорием Григорьевичем Орловым. Императрица Екатерина II не только подарила своему фавориту гатчинские земли, но посещала строительство загородного охотничьего замка. Для убранства интерьеров дворца императрица преподносила многочисленные подарки, где произведения искусства из фарфора занимали значительное место¹.

¹ Особое место в гатчинском собрании фарфора всегда занимал Охотничий сервиз. По легенде, он был подарен императрицей Екатериной II графу Г.Г. Орлову, но до сих пор этот факт не подтвержден документально. Впервые в связи с Гатчинским дворцом сервиз упоминается в мемуарах князя И.М. Долгорукова за 1786 г. как «фарфоровый столовый сервиз с разными видами сельских охот». Существует еще одна легенда о том, что Екатерина II заказала этот роскошный сервиз на Мейсенской фарфоровой мануфактуре для охотничьего домика в Царском Селе. Факт впервые был опубликован С.Н. Тройницким в журнале для любителей искусства «Старые годы» за 1911 год. Доподлинно известно лишь одно: Охотничий сервиз был самым большим столовым сервизом XVIII в., выполненным в Мейсене в период с декабря 1766 по июль 1786 года по заказу Российского императорского двора, и состоял из 1000 предметов.

Свое название сервиз получил благодаря живописным охотничьим сценам, изображенным на каждом предмете. Над росписью этого грандиозного заказа работали 29 художников мануфактуры. Образцами для сюжетов послужили гравюры знаменитого художника Иоганна Иохима Ридингера, специально привезенные в живописную мастерскую мануфактуры. При создании Охотничьего сервиза были использованы многие художественные и технические достижения предприятия. Сервиз был значительно расширен на Императорском фарфоровом заводе в Санкт-Петербурге и состоял почти из 2000 предметов, что примерно в два раза больше саксонского оригинала. Охотничий сервиз был одним из самых любимых при царском дворе, дополнительные заказы были выполнены в царствования Екатерины II, Павла I, Александра I, Николая I, Александра II и Александра III. Этот знаменитый фарфоровый ансамбль в Гатчинском дворце всегда использовался только в особых торжественных случаях.

²⁶ Боханов А.Н. Указ. соч. С. 90; Тисдолл Э.П. Указ. соч. С. 224.

²⁷ Ирошников М., Процай Л., Шелаев Ю. Указ. соч. С. 10.

Самый благородный и ценный вид керамики – фарфор – был изобретен в Китае в VII веке, почти на две тысячи лет раньше европейского. Фарфор – это одно из многих и, пожалуй, самых величайших открытий, подаренных миру китайской цивилизацией.

Знакомство европейцев с китайским искусством произошло еще в XIII веке после знаменитого путешествия венецианского купца Марко Поло. В эпоху Великих географических открытий в начале XVI века был проложен морской путь в Китай. Благодаря торговой деятельности Ост-Индских компаний восточные товары заполнили зарубежные рынки. Китайский, а затем и японский фарфор (в Японии фарфор был изобретен только в XVII веке), стал предметом фанатичного коллекционирования и невероятного почитания. Многочисленные попытки разгадать «китайский секрет», активно предпринятые с конца XV века в Италии, Франции и Голландии, не увенчались успехом.

Европейский фарфор был открыт в начале XVIII века в Саксонии алхимиком Иоганном Фридрихом Беттгером (Johann Friedrich Böttger, 1682–1719) под руководством ученого Эренфрида Вальтера фон Чирнхауза (Ehrenfried Walther von Tschirnhaus, 1651–1708). По приказу курфюрста Саксонского и короля Польского Августа II Сильного, первая фарфоровая мануфактура была учреждена в 1710 году в Дрездене, и практически сразу переведена в неболь-

Охотничий сервиз называют визитной карточкой Гатчинского дворца, но сейчас его части находятся в разных местах. В царствование Александра III при формировании Музея фарфоровых и серебряных вещей императорского двора почти вся мейсенская часть сервиза (около 300 предметов) была перевезена в Эрмитаж. К 1917 г. в Гатчинском дворце находилось 2010 предметов этого сервиза.

Судьба гатчинского собрания ничем не отличается от участи коллекций других бывших императорских резиденций. В конце 1920-х гг. начались массовые изъятия произведений искусства в Госфонд и в «Антиквариат», их перераспределение в другие музеи (Эрмитаж, Музей императорского фарфорового завода, Музей керамики «Кусково»), а также продажа внутри страны и за рубеж. Сегодня в коллекции Гатчинского дворца находится 335 предметов из Охотничьего сервиза. (См.: Фомина С.С. Коллекция фарфора Гатчинского дворца // Гатчинский дворец. Интерьеры императорской резиденции в акварелях и фотографиях XIX – начала XX века. СПб.: Курорты Петербурга, 2007. С. 156–159; Фомина С.С. Мейсенский фарфор в собрании Гатчинского дворца // Антик. Инфо. 2008. № 62. С. 53–67; Fomina S. Meissener Porzellan in der Sammlung des Gatschina-Palastes. Keramos. 2008. oktober. 202. S. 75–82; Фомина С.С. Мейсенский фарфор в собрании Гатчинского дворца // Виноградовские чтения в Петербурге. Фарфор XVIII–XIX вв. Предприятия. Коллекции. Эксперты. СПб., 2010. С. 94–123)

шой городок Мейсен, сникавший впоследствии мировую славу². Мануфактура располагалась в крепости Альбрехтсбург, где Беттгер фактически был пленником Августа Сильного.

Курфюрст Саксонии был покровителем искусств и страстным собирателем фарфора. Начало самой большой и значимой коллекции фарфора в Северной Европе было положено в 1700 году, к концу царствования Августа Сильного в 1733 году она насчитывала около 35000 предметов. Это огромное собрание было помещено в экзотичный Японский дворец, оформленный под бдительным руководством курфюрста в самом центре Дрездена³.

Колоссальные траты привели к тому, что Август Сильный на протяжении всей своей жизни остро нуждался в новых крупных денежных поступлениях. В начале XVIII века широкую популярность получила идея существования некоего философского камня, с помощью которого можно было получать золото из простых металлов. Курфюрст Саксонии, как и большинство его современников, был одержим этой мистификацией. Известный в это время алхимик Иоганн Фридрих Беттгер провозгласил себя обладателем тайны философского камня, за что и поплатился свободой.

Опыты по получению золота, которые Беттгер начал в 1701 году, закончились только в 1709 году открытием другого золота – «белого», так часто называли в то время этот дорогостоящий материал.

Фарфор занимал очень важное место в убранстве резиденций русских царей и знати. Мода на украшение парадных и жилых интерьеров такими хрупкими и изящными произведениями искусства пришла в Россию из Европы в эпоху Петра I. Поначалу это были изделия дальневосточного художественного ремесла, которые поступали в Россию большими партиями не только из Европы, но и торговыми караванами через Кяхту и Тобольск.

С открытием европейского фарфора собрания начали постепенно пополняться произведениями искусства, изготовленными на Мейсенской Королевской фарфоровой мануфактуре⁴.

² Pietch U. Meissen and its impact. Interrelationships between Meissen other European factories in the XVIII century 1710 until present. Fascination of fragility Masterpieces of European porcelain. Dresden, 2010. P. 11.

³ Triumph of the Blue Swords. Meissen Porcelain for Aristocracy and Bourgeoisie. 1710–1815. Dresden, 2010. P. 12.

⁴ Впервые мейсенский фарфор в собрание российских императоров попал в 1728 году. Это был ответный дар Августа Сильного на преподнесенных от Российского импера-

В современном собрании Гатчинского дворца следует выделить небольшую, но очень значимую коллекцию раннего мейсенского фарфора, состоящую из очень редких памятников.

Самым ранним произведением искусства из гатчинского собрания, созданным на Мейсенской Королевской фарфоровой мануфактуре, является кофейник, изготовленный в 1710-е годы, в период Беттгера. Кофейник сделан из каменной массы, декорирован черной глазурью и росписью золотом.

Каменная масса была открыта Беттгером предположительно на рубеже 1707 и 1708 годов и явилась итогом многолетних химических опытов. Беттгер назвал ее «яшмовым» фарфором, так как этот керамический материал визуально напоминал полудрагоценный камень. «Беттгеровская» каменная масса (позже исследователи дали ей такое наименование) могла переносить высокотемпературный обжиг в печах и обработку на шлифовальных станках.

Несомненно, что прототипом для этого значимого открытия послужила китайская керамика, изготавливаемая в провинции Исин еще со времен правления династии Тан (618–907), подобные предметы находились в коллекции Августа Сильного.

Тонкостенные, но весьма прочные произведения искусства лаконичных форм, по аналогии со стеклянной посудой их можно было декорировать резьбой, гравировкой и полировкой. Эти техники были хорошо известны в Саксонии и Богемии, и мастеров не нужно было специально обучать. Шлифовщики

торского двора белых медведей и песцов. 17 ноября 1726 года министр Августа Сильного граф Эрнст Кристоф фон Мантойфель писал саксонскому посланнику в Петербурге Пьеру Ле Форту: «Королю хотелось бы иметь одного или двух белых медведей, очень больших и красивых... а также несколько песцов. В случае, если такие звери обитают в Петербурге и окрестностях, постарайтесь их достать и в клетках на санях доставить в Митаву или через море в Данцинг». Животные очень быстро были найдены в зверинце императрицы Екатерины I в Москве и в прекрасном состоянии привезены в Варшаву. Уже 24 апреля 1727 года Мантойфель снова писал Ле Форту: «В обмен вы очень скоро получите фарфоровые предметы, которые будут изготовлены специально для ее Величества царицы». Но 17 мая 1727 года императрица скончалась, и драгоценный фарфор было решено преподнести дочери Екатерины I – будущей императрице Елизавете Петровне. С этого забавного случая можно говорить о начале длительных отношений Мейсенской Королевской фарфоровой мануфактуры и Российского императорского двора. В царствование императрицы Екатерины II Россия стала самым крупным заказчиком саксонского фарфора. (Boltz C. *Eisbaren und Polarfuche: 6 Kasten Sachsishes Porzellan // Keramos*. 1995. № 148. S. 3; Burg T. *Porcelain and politics – saxson-russian relations in the XVIII century as reflected in diplomatic gifts Meissen for the Czars*. Dresden, 2004. P. 11.)

и полировщики стекла сначала начали селиться в Дрездене и его окрестностях, но уже к 1710 году в Мейсене и Дрездене в штате были свои мастера.

Изделия из «беттгеровского» фарфора в основном повторяли формы серебряных европейских сосудов или воспроизводили образцы китайского фарфора.

Форма кофейника из гатчинского собрания была разработана придворным ювелиром Августа Сильного – Иоганном Якобом Ирмингером (Johann Jacob Irmingier, 1635–1724). Творческое вдохновение Ирмингер черпал из работ серебряных и золотых дел европейских мастеров и восточного керамического искусства.

Специалисты считают, что подобные формы появились под влиянием работ английских гугенотов и восточных керамистов, причем не только Китая и Японии, но и ближнего Востока. Четырехгранная форма тулова кофейника заимствована у китайских бутылей для sake, несомненное восточное влияние угадывается в ломаной форме ручки, форме крышки (напоминает пагоду) и рельефном основании носика в виде рыбы⁵.

На начальном этапе становления мейсенского фарфорового производства (1710–1719) мастера заимствовали не только восточные формы, но и способы декорирования произведений искусства.

Кофейник из гатчинской коллекции покрыт черной глазурью и расписан золотом. Украшение цветными глазурями относится к самым древним техникам декорирования фарфора и восходит к правлению династии Тан. Стремление имитировать почитаемые в Китае драгоценные и полудрагоценные камни способствовало появлению монохромов зеленого, бирюзового и красного цветов.

Отдельную группу составляли монохромы, украшенные глазурью под названием «черное зеркало» («black mirror»). Черная глазурь напоминала знаменитые восточные лаковые изделия, которые наряду с фарфором занимали важное место среди экспортной продукции Китая и Японии. В начале XVIII века в Европе появились первые лаковые интерьеры, в убранство которых очень органично вписывался фарфор с черной глазурью.

Интересно отметить, что производство изделий из каменной массы, покрытых черной глазурью, было прекращено после смерти Беттгера. Поэтому встретить такие раритеты в музейных собраниях мира можно крайне редко.

⁵ The Dresden porcelain collection. China. Japan. Meissen. Dresden, 2006. P. 81.

Большинство ранних произведений искусства, выполненных на Мейсенской Королевской фарфоровой мануфактуре в Гатчинском дворце до 1941 года, находились в интерьерах Арсенального каре. Кофейник входил в убранство Китайской галереи⁶, где наряду с дальневосточным фарфором были представлены работы европейских мастеров в стиле «китайщина» или «шинуазри» («chinoiserie») как его принято называть за пределами России.

На раннем этапе работы Мейсенской Королевской фарфоровой мануфактуры подражать изысканной и нарядной продукции Китая и Японии технологически оказалось очень сложно. На протяжении почти десяти лет Бетгер не мог освоить надглазурную полихромную роспись, производство кобальтового фарфора началось только с 1717 года.

Эксперименты и научные изыскания мейсенских мастеров по открытию надглазурной полихромной росписи увенчались успехом только к 1720-м годам с приходом на Мейсенскую Королевскую фарфоровую мануфактуру химика и художника Иоганна Грегора Херольда (Johann Gregorius Höroldt, 1696–1775), возглавившего живописную мастерскую, что ознаменовало начало так называемого «живописного» периода деятельности мануфактуры (1720–1733). Благодаря Херольду в арсенал мейсенских мастеров была постепенно введена палитра из шестнадцати красок.

Китайский и особенно японский фарфор, так как его было гораздо меньше на европейском рынке, по-прежнему ценился гораздо дороже саксонских оригиналов – это послужило причиной для нашумевшей истории с явно криминальным подтекстом.

В 1729–1730 годах директор Мейсенской мануфактуры граф Генрих фон Хойм вступил с французским негодантом Родольфом Лемером в сговор, суть

⁶ Основное поступление восточного фарфора в гатчинское собрание связано с созданием в середине XIX века, под руководством архитектора Романа Ивановича Кузьмина, знаменитой Китайской галереи. По приказу Николая I, в Гатчинский дворец было перевезено свыше двух тысяч предметов восточного фарфора. Несмотря на появление в этот период большого количества интерьеров в восточном стиле, Китайская галерея поражала современников неординарностью решения архитектурной отделки и богатством представленной коллекции. Дальневосточный фарфор начал собирать еще первый владелец дворца граф Григорий Григорьевич Орлов, для размещения произведений декоративно-прикладного искусства Китая и Японии по проекту Антонио Ринальди была оформлена Китайская комната. С переходом дворца в статус императорской резиденции коллекцию регулярно пополняли венценосные владельцы и члены царской семьи. (Фомина С.С. Восток в коллекции фарфора Гатчинского дворца. СПб., Союз-Дизайн, 2009. С. 1)

которого заключалась в том, что по распоряжению Хойма саксонский фарфор в подражание японскому выпускался без марки или с надглазурной маркировкой, которую можно было легко удалить азотной кислотой. Подобную продукцию Лемер продавал во Франции как японскую, но окончилась эта история довольно быстро и очень печально. Большая партия товара была арестована и отправлена затем на хранение в Японский дворец Августа Сильного. Лемера выслали на родину, Хойм был заключен в тюрьму и несколько лет спустя покончил жизнь самоубийством.

Неожиданно оказалось, что сам Иоганн Грегор Херольд был непосредственным участником этой скандальной истории. В 1732 году некий контролер Мейсенской мануфактуры Адам Готфрид Нох (Adam Gottfried Nohr) и горничная Херольда Катарина Нитцхнер (Katharina Nitzschner) (получила за преступление три недели тюрьмы) дали показания против Херольда. Несмотря на то, что такие махинации не могли быть устроены без главы живописной мастерской, имя Херольда не фигурировало в обвинительных заключениях по делу Хойма-Лемера⁷.

В гатчинской коллекции представлено поистине уникальное блюдо из знаменитого сервиза «Желтый лев» с инвентарным номером Японского дворца Августа Сильного и надглазурной маркой в виде двух скрещенных мечей, что указывает на принадлежность раритета из собрания Гатчинского дворца к печально знаменитой партии контрабандного товара.

Сервиз «Желтый лев» по легенде был первым саксонским придворным столовым сервизом. На самом деле на предметах сервиза был изображен тигр, но по европейской традиции именно лев являлся символом королевской власти.

История появления на рубеже примерно 1729–1730 годов больших мейсенских фарфоровых ансамблей связана с сервизами «Желтый лев» и «Красный дракон» (дракон тоже символ высшей власти). Это было время начала знаменательного перехода фарфоровой посуды от камерных сервировок к парадным, так как, несмотря на дороговизну «белого золота», до середины XVIII века европейская знать для больших сервировок предпочитала использовать позолоченную серебряную посуду.

Живописный декор этого ансамбля являлся прямым заимствованием композиций японского фарфора какиемон, очень редкого типа фарфора страны восходящего солнца. Произведения искусства этого направления отличала

⁷ Triumph of the Blue Swords... P. 24.

своеобразная ассиметричная манера построения композиции, подчеркивающая необыкновенную белизну фарфора и создающая иллюзию движения в пространстве.

Сервиз «Желтый лев» пользовался большой популярностью при дворе, и всегда был чем-то особенным для Августа Сильного. Примерно в 1730 году в Японском дворце специально для его размещения была отведена «Столовая комната». В 1736–1737 годах обеденный сервиз с таким рисунком был отправлен в качестве подарка Йоханасу Липски (Johannes Lipski, 1690–1746), епископу Краковскому, который короновал Фридриха Августа II королем Польши⁸.

Блюдо из сервиза «Желтый лев» до 1941 года находилось в убранстве Китайской галереи. Согласно документам Гатчинского дворца это редкое произведение считалось работой Мейсенской мануфактуры XIX века, благодаря исследованиям последних лет памятник был переатрибутирован.

Постепенно мастера Мейсена отошли от практики копирования китайских и японских образцов и стали создавать оригинальные художественные произведения «шинуазри» («китайщины»), отражавшие общее восприятие всего восточного. В начале XVIII века в представлении даже просвещенного европейца такие страны, как Индия, Китай и Япония чаще всего определялись в одно идеализированное понятие о Востоке, его традициях и культуре.

Среди ассортимента мануфактуры особую популярность получили фарфоровые предметы, расписанные забавными «китайскими сценами». К группе таких произведений искусства относится раритет гатчинского собрания – кофейник из коллекции императрицы Александры Федоровны (супруги Николая I).

Подобная форма сосуда для кофе также была разработана придворным ювелиром Августа Сильного Иоганном Якобом Ирмингером, со временем прочно вошла в ассортимент мануфактуры и получила название «мейсенский кофейник». Ирмингер по большей части отдавал предпочтение работам английских гугенотов и являлся автором множества керамических форм, но такие кофейники, благодаря пластическим качествам материала, хорошо получались именно из фарфора, а не из каменной массы⁹.

Живописный декор кофейника из гатчинского собрания, выполненный на высочайшем профессиональном уровне, передает особенность творческого

⁸ Triumph of the Blue Swords... P. 95.

⁹ Triumph of the Blue Swords... P. 174–175.

почерка мейсенских мастеров, заключавшийся в несколько гротесковой с непередаваемым юмором манере подачи образов.

Образцами для сюжетных композиций послужили рисунки из сборника, созданного Иоганном Грегором Херольдом, в состав которого вошли работы самого мастера и художников, работавших на Мейсенской Королевской фарфоровой мануфактуре. В 1922 году этот редкий памятник был впервые опубликован коллекционером Георгом Вильгельмом Шульцем (Georg Wilhelm Schulz) в честь которого в научном обращении получил название «Кодекс Шульца». Оригиналы рисунков хранятся в Музее художественного ремесла в Лейпциге.

Творческую фантазию Херольда питали впечатляющие издания о Китае и Японии, вышедшие во второй половине XVII века. В первую очередь это были богато иллюстрированные отчеты Яна Ниехофа (Jan Nieuhof, 1618–1672), Атанасиса Кирхера (Athanasius Kircher, 1601–1689) и Олферта Даппера (Olfert Dapper, 1635–1689) с изображениями ландшафтов, экзотичной архитектуры и местного населения.

Граверы Иоганн Кристоф Вейгель (Johann Christoph Weigel, 1654–1726), Петрус Шенк (Petrus Schenk, 1660–1711) и Даниэль Маро (Daniel Marot, 1661–1752) использовали эти иллюстрации при написании образцов художниками Мейсенской мануфактуры для создания ими своих собственных рисунков на фарфоре.

Иллюстрации с великолепно одетыми «китайцами», причудливыми зданиями, экзотическими животными и растениями приводили в загадочный и странный мир далеких стран. Сказочные персонажи участвовали в чайных церемониях, беседовали, совершали прогулки в красочных повозках, ходили под зонтиками и даже ловили рыбу и раков. Идеализированный нереальный мир заключал в себе утопическое стремление к земному счастью.

Сборник, составленный Херольдом в период с 1723 по 1724 год, состоял из 124-и страниц и содержал более тысячи индивидуальных эскизов, позже он был добавлен несколькими офортами. При воплощении на фарфоре жанровые сцены были или полностью скопированы, или только брались за основу при создании новых рисунков.

Помимо сюжетных композиций кофейник из гатчинского собрания украшен разнообразными орнаментальными декорами, введенными в обращение саксонскими художниками и заимствованными затем керамистами других стран: арабесковой и гротесковой росписью золотом, живописью «индиански-

ми» цветами (от названия Ост-Индских компаний), люстровой росписью фиолетового цвета в секторах¹⁰.

Кофейник с «китайскими сценами» до 1941 года находился в убранстве Столовой императора Николая I и императрицы Александры Федоровны. С середины XIX века ранние произведения искусства из фарфора посудных форм становились украшением интерьеров, особенно оформленных в стиле второе рококо.

Значительный прорыв в производстве мейсенского фарфора был связан с именем выдающегося мастера Иоганна Иохима Кендлера (Johann Joachim Kändler, 1706–1775) – самого яркого и талантливого мастера «скульптурного» периода Мейсенской мануфактуры (1733–1756). Именно в этот период были заложены основы пластического стиля легендарного предприятия.

Кендлер создал знаменитые серии «Комедия дель арте», «Четыре стихии», «Времена года», «Части света», изображения пантеона олимпийских богов и католических святых, многочисленные пасторальные фигурки и группы. Фарфоровая скульптура органично вписывалась и стала неотъемлемой частью дворцовых интерьеров XVIII века.

Знаменитый мастер возглавлял производство шикарных парадных сервизов для двора Августа Сильного, монархов и высшей знати других государств. Одним из самых ответственных и сложных заказов было исполнение крупноформатных фигур животных и птиц для украшения сада при Японском дворце. Кендлер был неповторимым мастером в области фарфоровой скульптуры.

Редкие произведения искусства гатчинской коллекции из убранства комнат императрицы Марии Александровны выполнены по моделям не только самого Иоганна Иохима Кендлера, но и ведущих мастеров Мейсенской Королевской фарфоровой мануфактуры: Иоганна Готлиба Кирхнера (Johann Gottlieb Kirchner, 1706–1768), Иоганна Фридриха Эберлейна (Johann Friedrich Eberlein, 1695–1749), Иоганна Готлиба Эдера (Johann Gottlieb Ehder, 1716/1717–1750), Питара Рейнеке (Peter Reinecke, ?–1738).

Шкатулки и коробочки в виде фигур куропаток, плодов лимона, персика, граната, капусты и артишока наглядно демонстрируют преемственность восточных образов в создании мейсенской фарфоровой пластики. В Китае такие произведения искусства, выполненные из каменной массы, преподносились на праздники и имели определенный символический смысл. Например,

¹⁰ Ляхова Л.В. Мир Запада и миф Востока. Запад и Восток в тематике раннего мейсенского фарфора. Каталог выставки. СПб.: Издательство ГЭ, 2007. С. 23.

плод граната олицетворял пожелание многочисленного потомства, пион – богатство, персик – долголетие.

Подобные предметы в XVIII веке были обязательной частью сервировки в качестве «масленок», позже в эпоху историзма они использовались как шкатулки и коробочки, становясь наравне с мелкой фарфоровой пластикой неотъемлемой частью украшения жилых и парадных помещений Гатчинского дворца.

Появлению и развитию техники рельефного декора в работах мейсенских мастеров в первую очередь способствовала восточная художественная традиция. На протяжении нескольких веков в Китае были разработаны основные разновидности рельефного декора: низкого и высокого рельефов, получаемых методом отливки в формах, и скульптурного, выполненного отдельно и довольно часто вылепленного вручную и «приклеенного» к предмету с помощью жидкого фарфора. Широкое распространение получили фигурные навершия на крышках ваз и различных сосудов (хватки).

Особую декоративность восточные мастера придавали формам ручек, носиков и оснований у чайников, сосудов для вина, вазочек и чашек в виде всевозможных плодов, цветов и представителей фауны. В работах мастеров Мейсена заимствование и творческая фантазия нашли свое воплощение в многочисленных формах ручек и хватков посудных форм, а также лепных украшений, изображающих плоды и цветы.

На предметах знаменитых фарфоровых ансамблей, таких как «Желтый лев», «Андреевский сервиз», хватки и ручки были выполнены в форме фигур куропаток, плодов артишока и лимона.

Постепенно, к середине XVIII века, саксонские произведения искусства стали играть равную с восточным фарфором роль в убранстве интерьеров. Но наибольшее значение имел индивидуальный художественный почерк Мейсенской фарфоровой мануфактуры, оказавший огромное влияние на развитие мирового керамического искусства.

После Великой Отечественной войны фарфор, входивший в убранство утраченных интерьеров Гатчинского дворца, представляется вниманию посетителей на постоянных и временных выставках как отдельное художественное явление. Коллекция регулярно пополняется благодаря целенаправленной закупочной деятельности музея¹¹.

¹¹ Настоящая статья посвящена ранним произведениям Мейсенской Королевской фарфоровой мануфактуры из исторической части коллекции фарфора Гатчинского дворца.

О некоторых подносных изданиях императору Александру III

Все члены семьи Романовых в соответствии со своими пристрастиями и интересами имели книжные собрания. В 60-х годах XIX века императорские библиотеки были выделены в особое ведомство, независимое от остальных дворцовых служб. К началу царствования Александра III главной в составе этого ведомства оставалась Собственная Его Императорского Величества библиотека в Зимнем дворце, завещанная сыну Александром II. Ее основу составляли материалы, относящиеся к истории царской семьи; отчеты различных ведомств; военная литература¹. В Царскосельской библиотеке, размещавшейся в Александровском дворце, находились иллюстрированные издания, альбомы, гравюры и беллетристика. В 1881 году к ним было присоединено книжное собрание Аничкова дворца. Через год, по высочайшему повелению, была образована библиотека для русских и иностранных журналов в Гатчинском дворце². В декабре 1885 года для ее размещения приспособили одну из гостиных третьего этажа центрального корпуса дворца. Периодические издания были доставлены из Александровского и Зимнего дворцов. Впоследствии журналы выписывались не только для императора с императрицей, но и для их детей. После смерти государя это собрание называлось в документах Гатчинской библиотекой императора Александра III³. Здесь хранились исторические, художественные, научно-популярные, военные газеты и журналы, приложения к ним, альманахи, сборники научных обществ. Большая их часть была на русском и французском языках. Имелись издания и на английском, немецком, испанском, итальянском и шведском языках. К осени 1902 года их количество

¹ В течение 1881 и 1882 годов, по духовному завещанию императора Александра II, принадлежавшая ему в Зимнем дворце библиотека, за исключением военного отдела, а также альбомов и гравюр, была передана великому князю Владимиру Александровичу.

² Щеглов В.В. Собственные Его Императорского Величества библиотеки и арсеналы. Краткий исторический очерк. 1715–1915 гг. Пг., 1917. С. 66–69.

³ Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. 1881–1917. СПб.: Союз-Дизайн, 2006. С. 142.

составляло 4039 томов. Помимо периодических и повременных изданий здесь можно было найти всевозможные альбомы. Некоторые из них были подарены императору и императрице. Так, в 1882 году известный русский книгопечатник и издатель Герман Гоппе⁴ «в знак глубочайшей преданности поднес Государю императору, Государыне императрице, а также Государю Наследнику цесаревичу по экземпляру изданного им альбома “Всероссийской Промышленно-Художественной выставки в Москве 1882 года”»⁵. В альбоме даны изображения главнейших видов выставки, павильонов, витрин, отдельных выставленных предметов с их описаниями. Выставка, длившаяся четыре месяца, представила плоды художественной, промышленной и мануфактурной деятельности народов империи за двенадцать лет, прошедших с последнего подобного смотра 1870 года в Санкт-Петербурге. Ее посетило огромное количество людей. В сентябре 1882 года для осмотра выставки прибыл в Москву император Александр III. Среди многочисленных павильонов особое внимание монарха привлекла экспозиция художественного отдела. Сопровождавший его распорядитель отдела академик М.П. Боткин вспоминал свой разговор с императором: «Его величество выразил особенное удовольствие видеть впервые собранным такое количество русских произведений. Здесь я сказал Его Величеству: как было бы хорошо в Петербурге иметь отдельный музей русских произведений. Государь ответил: “да, необходимо”, надо собрать отовсюду, также и картину Иванова, “Явление Христа народу”»⁶. Именно по инициативе Александра III, на основе его коллекций и был создан в Санкт-Петербурге Русский музей⁷.

⁴ Герман Дмитриевич Гоппе (1836–1885) – издатель и книгопечатник, основатель крупной издательской фирмы – «Книгоиздательство Герман Гоппе» (1867–1914) в Петербурге. Одним из первых стал издавать печатное издание нового типа – иллюстрированный еженедельный журнал для семейного чтения «Всемирная иллюстрация» (1869–1898). В Гатчинской библиотеке императора Александра III хранились выпуски этого журнала за разные годы.

⁵ РГИА. Ф. 472. Оп. 27. Д. 72. Л. 258.

⁶ Балагуров Н.В. Александр III и художественный отдел Всероссийской выставки 1882 года в Москве: на пути к музею национального искусства // Научные труды. Вып. 35: Вопросы теории культуры / Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина при Российской академии художеств. СПб., 2015. С. 176.

⁷ Задуманное Александром III осуществил его сын – император Николай II, подписав в апреле 1895 года Высочайший Указ «Об учреждении Русского Музея Императора Александра III». В 1898 году состоялось торжественное открытие музея для посетителей.

Так как Гатчина при Александре III снова стала императорской резиденцией, и государь с семьей проводил здесь много времени, то не случайно, что в его личных комнатах на антресольном этаже Арсенального каре хранилось большое количество книг. Об этом свидетельствуют музейные описи 1920–1930-х годов и довоенные фотографии. Здесь были издания на русском, французском и немецком языках по разным отраслям знания. Многие книги покупались по распоряжению Александра III и Марии Федоровны в книготорговых магазинах Петербурга. Денежные документы с 1881 по 1894 год, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве, пестрят счетами книжных магазинов М.О. Вольфа, К.Л. Риккера, Г. Шмицдорфа, торгового дома «Н. Фену и К». В то же время, императорской семье присылали официальные издания государственные учреждения, а также свои книги подносили те или иные авторы. Адьютант и личный друг Александра III граф Сергей Дмитриевич Шереметев вспоминал: «... Не менее своеобразен был прием Э. Барсова⁸, подносившего свои «причитания». По окончании приема в кабинете, когда Барсов уходил, Государь сел за письменный стол и начал по обыкновению перелистывать поднесенную ему книгу. Увидев это, Барсов остановился в дверях, стал в позу и ходульно по обычаю своему произнес неожиданное славословие. Государь крайне удивленный и думая, что Барсов уже вышел, обернувшись, увидел восторженного импровизатора и, сидя в креслах, в ответ на все его изречение произнес одно слово «Мерси!». Эта сцена не без комизма... Подносили ему свои книги П.И. Савваитов, пр[офессор] Ягич, Н.П. Барсуков, Г.Ф. Карпов»⁹.

Александр III проявлял всегда большое внимание и интерес к изящным искусствам. Он оказывал покровительство многочисленным историко-культурным и художественным институтам, коллекционировал предметы декоративно-прикладного искусства, а также русскую и западноевропейскую живопись. В его книжных собраниях было большое количество книг по искусству. Так, например, в рабочем кабинете Александра III в Гатчинском дворце хранились следующие издания: «Очерки по истории древнерусского зодчества» В.В. Сулова; «Памятники деревянного церковного зодчества... XVII и XVIII вв.» А.Н. Виноградова; «Каталог выставки предметам, привезенным вели-

⁸ Барсов Елпидифор Васильевич (1836–1917) – русский фольклорист, исследователь древнерусской письменности, этнограф, историк.

⁹ Шереметев С.Д. Мемуары. М.: Индрик, 2001. С. 540.

ким князем... Николаем Александровичем из путешествия на Восток в 1890–1891 гг.»; «Каталог музея Императорского фарфорового завода...»; «Сборник византийских и древнерусских орнаментов, собранных князем Г.Г. Гагариным» и др. Многие издания были подносными.

Так, например, альбом князя Г.Г. Гагарина¹⁰ был отправлен в Гатчину в декабре 1887 года государственным секретарем А.А. Половцовым при следующей записке: «Прошу у Вашего Императорского Величества позволения представить первое художественное издание Штиглицкого рисовального училища. Кн. Г.Г. Гагарин постоянно собирал образцы византийского орнамента, могущие служить основанием для русского церковного архитектурного украшения. С этой точки зрения, настоящий альбом будет не только интересен, но и действительно полезен. Типографское выполнение имевшейся в виду задачи доказывает, что и у нас могут быть делаемы порядочные иллюстрированные издания и притом гораздо дешевле, чем за границу... В таком же смысле пишу письмо с приложением книги императрице»¹¹. В ответ Половцов получил от государя следующую телеграмму: «Императрица и я искренно благодарим Вас за присланную книгу, издание действительно художественно и исполнено отлично»¹².

Александр Александрович Половцов был учредителем и председателем Императорского Русского исторического общества, которое было основано по желанию цесаревича в 1866 году. Заседания общества проходили, как правило, в Аничковом дворце, в его знаменитой библиотеке. Великий князь, а затем император принимал деятельное участие в собраниях, а также в подготовке к изданию томов «Сборника Императорского Русского исторического общества». В них были опубликованы материалы по истории России, относящиеся к царствованию Петра Великого, Анны Иоанновны, Екатерины II, Александра I и Николая I. Половцов регулярно подносил императору вновь выходящие тома. Александр III был лично знаком с выдающимися русскими историками и филологами – В.О. Ключевским, С.М. Соловьевым, Ф.И. Буслаевым, Н.К. Шильдером. Генерал от инфантерии Н.А. Епанчин писал в воспоминаниях: «Госу-

¹⁰ Князь Григорий Григорьевич Гагарин (1810–1893) – русский художник-любитель, исследователь искусства, архитектор, обер-гофмейстер двора Его Императорского Величества, вице-президент Императорской Академии художеств.

¹¹ Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. Т. 2. 1887–1892. М: ЗАО «Центрполиграф», 2005. С. 69.

¹² Там же.

дарь любил русскую историю, и на этой почве между Ним и Н.К. Шильдером установились весьма близкие, можно сказать дружеские, отношения. Государь приглашал к Себе Шильдера совершенно запросто, по вечерам, когда все дела были кончены, и они беседовали по вопросам русской истории. Шильдер привозил документы, рукописи, которые они изучали вместе...»¹³.

В 1869 году учитель географии Гатчинского Сиротского института Иван Киприянович Куприянов издал небольшое сочинение, посвященное основательнице данного учебного заведения – «Краткий очерк жизни Ея Императорского Величества блаженной памяти Государыни Императрицы Марии Федоровны» (СПб., 1869). «Сочинитель руководствовался идеею, что многие тысячи воспитывающихся и призреваемых детей в заведениях, основанных Императрицею, не знают ничего о жизни своей благодетельницы, и по этой причине, быть может, это краткий очерк удостоится счастья быть признанным полезным как чтение для детей в заведениях, основанных щедротами императрицы Марии Федоровны»¹⁴. 24 октября 1869 года во время Высочайшего присутствия в Гатчинском дворце составленный Куприяновым очерк жизни императрицы был поднесен государю наследнику Александру Александровичу. Его Императорское Высочество милостиво принял этот труд и объявил автору благодарность¹⁵. В конце царствования Александру III было подарено еще одно сочинение, посвященное супруге Павла I. В 1892 году историк Е.С. Шумигорский издал 1-й том биографии императрицы Марии Федоровны. Труд был удостоен Академией наук Уваровской премии и поднесен императору. Автору было пожаловано 3000 рублей из собственных сумм императрицы на продолжение этого сочинения, а также дано разрешение для работы над 2-м томом пользоваться некоторыми рукописями, письмами и дневниками, хранящимися в библиотеках Зимнего и Гатчинского дворцов, в том числе копией дневника статс-секретаря Марии Федоровны Г.И. Вилламовым. Она была сделана в 1889 году и находилась в рабочем кабинете Александра III в Гатчине¹⁶. Здесь же хранились две книги Николая Ивановича Кутепова: «Памятная записка о положении дела по составлению «Сборника материалов, касающихся истории великокняжеской, царской

¹³ Еланчин Н.А. На службе трех императоров. Воспоминания. М.: Наше наследие, 1996. С. 178.

¹⁴ РГИА. Ф. 491. Оп. 2. Д. 1969. Л. 2.

¹⁵ Там же. Л. 1–3.

¹⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 42. Д. 2217. Л. 4.

и императорской охот в России» (Гатчина, 1891–1893) и «Великокняжеская и царская охота на Руси с X по XVI вв. Т. 1» (СПб., 1894)¹⁷.

Генерал-майор Николай Иванович Кутепов с сентября 1885 года заведовал хозяйственной частью Императорской охоты, располагавшейся в Гатчине. Был он ктиторм церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы в Егерской слободе. По его инициативе осенью 1898 года в Гатчине состоялось открытие народной библиотеки Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III, членом которого он был. Главным делом Кутепова стало написание и издание серьезного исследования, посвященного истории охоты. Именно ему, как заведующему хозяйственной частью Императорской охоты, было дано поручение от императора написать обзор придворных охот во всей полноте их исторического охвата, т.е. от X до начала XX века. Он провел огромную исследовательскую работу, изучив большое количество материалов, посвященных истории царских охот, в различных российских архивах и библиотеках. В 1893 году Кутепов издал «Памятную записку...», где привел развернутый план содержания своего труда за временной период до XVII века включительно, дал полный перечень всех изученных материалов. Она была издана в переплете темно-зеленого цвета; в середине передней крышки – тисненый золотом императорский двуглавый орел, сжимающий в лапах два охотничьих рога, в нижнем правом углу также золотым тиснением выполнена надпись: «1891–1893 год. Г. Гатчина». В 1893–1895 годах в типографии Главного управления уделов в Санкт-Петербурге история царских охот, написанная Н.И. Кутеповым, впервые вышла в свет. Это издание было малотиражным и не имело иллюстраций. Оформление переплета издания Главного управления уделов аналогично переплету «Памятной записки». Форзацы выполнены из светлой муаровой бумаги¹⁸, обрез покрыт позолотой. Из украшений в тексте использованы только скромные типографские концовки. Затем, уже с высочайшего одобрения, в типографии Главного управления уделов 1-й том был отпечатан скромным тиражом в 35 экземпляров. В мае 1894 года Кутепов преподнес пробное (и потому малотиражное) издание готового

¹⁷ В 1896–1911 гг. 4 тома книги Н.И. Кутепова вышли в Экспедиции заготовления государственных бумаг. Книга считается одним из «самых честолюбивых» русских изданий конца XIX – нач. XX вв. В ее создании принимали участие художники К.В. Лебедев, А.П. Рябушкин, И.Е. Репин, Н.С. Самокиш, В.И. Суриков, В.М. Васнецов, Ф.А. Рубо и др.

¹⁸ Муар – плотная шелковая ткань с волнообразными цветовыми переливами. Форзац – лист (или несколько листов), соединяющий книжный блок с верхней крышкой переплета и выполняющий защитную функцию.

текста императору, за что удостоился монаршей благодарности¹⁹.

В кабинете императора имелись и другие подносные издания по истории и литературе: «Материалы для жизнеописания графа Никиты Петровича Панина» (СПб., 1890); «Архив князя Ф.А. Куракина» (СПб., 1890); «Девизы высочайше утвержденных гербов российского дворянства...» (СПб., 1891); «Полное собрание сочинений П.А. Вяземского» (СПб., 1882); «Стихотворения А.Н. Майкова» (СПб., 1888). Многие книги были украшены золочеными обрезами и белыми муаровыми форзацами. Граф Сергей Дмитриевич Шереметев вспоминал: «Следя за литературой и читая ежедневно вслух Императрице, он [Император] не пропускал новых писателей. Семья Достоевского может засвидетельствовать о его попечении. Он придавал большое значение Достоевскому. Конечно, восхищался он Л. Толстым до его поступления в философы... В разное время доставлял я ему различные стихотворения, ему не известные, большей частью не напечатанные. Так, в руках его были «диссонансы» Б. Алмазова, стихотворения Соболевского и проч. По мере выхода в свет подносил я ему Полное собрание сочинений Князя П.А. Вяземского. Он дорожил памятью о нем и нередко вспоминал о разговорах с ним. Издания Общества любителей древней письменности также подносились ему...»²⁰. В собрании Александра III были произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, А.Н. Островского, И.А. Гончарова. В феврале 1889 года И.А. Гончаров через братьев императора Александра III – великих князей Сергея Александровича и Павла Александровича – преподнес императору только что вышедший девятый том своего полного собрания сочинений. Во время личной встречи император подарил писателю богатую серебряную чернильницу с просьбой «как можно больше писать»²¹.

В период правления Александра III в России произошел большой религиозный подъем. Были возрождены соборы епископов, увеличилось число епархий, монастырей, храмов, улучшилось материальное положение духовенства, развивалось издательство духовно-нравственной литературы. В зна-

¹⁹ Аксенова Г.В. Русская книжная культура на рубеже XIX–XX веков. М.: Прометей, 2011. С. 8–10.

²⁰ Шереметев С.Д. Указ. соч. С. 572–573.

²¹ Кудрина Ю. С высоты престола. Император Александр III и императрица Мария Федоровна. М.: Русский мир, 2013. С. 373.

чительной степени церковная политика Александра III находилась под влиянием его воспитателя и наставника Константина Петровича Победоносцева. Обер-прокурор Святейшего Синода часто ходатайствовал перед императором за служителей церкви, просил о помощи церковным школам, библиотекам, братствам, рекомендовал и подносил ему те или иные издания. Так, в одном из писем он сообщал императору о иеромонахе Троице-Сергиевой лавры Никоне и его труде: «В прошлом году... Никон предпринял... написать общедоступное житие преподобного Сергия и издать его в роскошном виде, со всем старанием. Книга эта только что появилась в свет, прекрасно напечатанная, с картинками и виньетками, изображающими церкви и древности Троицкой лавры. Иеромонах Никон просит меня поднести эту книгу и троицкие листки Вашему Императорскому Величеству. Почитаю то и другое достойным Вашего внимания...»²².

В личных комнатах Александра III и Марии Федоровны в Гатчинском дворце хранилось большое количество разнообразных нотных изданий. Некоторые из них были подарены теми или иными композиторами или музыкальными деятелями. Император всегда проявлял большой интерес к музыке, и она часто звучала в его дворцах. С осени 1882 года во время воскресных завтраков в Арсенальном зале Гатчинского дворца играл «Придворный музыкантский хор». Он был сформирован 30 августа 1882 года, в день тезоименитства Александра III, повелением Его Императорского Величества в Санкт-Петербурге. Его начальником стал воспитанник Пажеского корпуса, полковник, барон Константин Карлович Штакельберг²³. На следующий день, 31 августа, в Петергофе состоялся первый концерт Придворного духового оркестра. В сентябре был сформирован струнный оркестр во главе с капельмейстером Г.К. Флиге²⁴, и первое его выступление произошло при обеде в

²² Победоносцев К.П. Письма к Александру III. Т. 2. М.: Новая Москва, 1926. С. 89.

²³ Он организовал также музей музыкальных инструментов и прекрасную нотную библиотеку.

²⁴ Флиге Герман Карлович (1829–1907) – немецкий и российский дирижер и композитор. С 1848 по 1878 г. стоял во главе организованного им садового оркестра, концертировавшего в немецких городах. В летние сезоны 1870–1875 и 1878–1879 гг. выступал со своим оркестром в Санкт-Петербурге, в Демидовом саду и в Озерках. С 1882 г. поступил на службу капельмейстером в Придворный хор; одновременно дирижировал в придворных музыкальных кружках. Автор большого количества композиций и переложений.

Арсенальном зале Гатчинского дворца 25 декабря 1882 года²⁵. Репертуар оркестра был разнообразный. Наряду с развлекательной и салонной музыкой музыканты исполняли серьезные произведения как зарубежных, так и русских композиторов. Иногда в программы концертов включали произведения капельмейстеров оркестра: Г. Флиге и Г. Варлиха. Так, в день рождения Александра III, 26 февраля 1883 года, в Аничковом дворце Придворный музыкантский хор сверх программы исполнил марш Г.К Флиге, сочиненный им ко дню священного коронования Их Императорских Величеств²⁶. Партитура данного сочинения позже была лично представлена императору в Гатчине, одобрена и принята им. За поднесение Их Императорским Величествам коронационного марша Герману Флиге была объявлена высочайшая благодарность²⁷. В книжном собрании Марии Федоровны в Гатчинском дворце также имелись произведения Германа Карловича, посвященные и преподнесенные императрице. В белом муаровом переплете с золоченой тисненой надписью хранились рукописные ноты вальса для фортепиано «la Salle d' Arsenal».

Поводом для подношений книг часто служили юбилейные даты или знаменательные события. Огромное количество музыкальных произведений и стихотворений, в том числе сочиненных крестьянами, было поднесено императору по случаю его коронования в 1883 году. Правда, многие из них не были приняты в виду их несовершенства. Известные писатели и историки дарили только что изданные труды. Некоторые из них делали это из года в год. Так, например, историк Н.П. Барсуков, каждый год, начиная с 1888 года, представлял императору тома книги «Жизнь и труды М.М. Погодина». После смерти Александра III подношения делались вдовствующей императрице²⁸. Бывали случаи, когда принимались произведения начинающих авторов или любителей. Из архивных документов узнаем, что студент медицинского факультета Аркадий Александрович Полубояринов 31 мая 1886 года «имел счастье» лично поднести Их Императорским Величествам написанное им его первое

жений, относящихся к жанру легкой музыки.

²⁵ См.: Хухка И.А. Музыкальная жизнь Гатчинского дворца при императоре Александре III // «Музыка все время процветала»: Музыкальная жизнь императорских дворцов. Материалы научной конференции. СПб.: Свое издательство, 2015. С. 243–258.

²⁶ Коронация Александра III и Марии Федоровны состоялась 15 мая 1883 года.

²⁷ РГИА. Ф. 500. Оп. 1. Д. 35. Л. 5.

²⁸ РГИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 378. Л. 54.

музыкальное произведение в память посещения Александром III и Марией Федоровной Императорского Московского университета. «При этом я был ошачастливлен, – писал он позже, – столь милостивым приемом Их Величеств, что воспоминание о нем, конечно, не изгладится у меня до конца дней моих»²⁹. В благодарность ему были пожалованы золотые часы с именной подписью и цепочкой. Уже после смерти Александра III он подарил Марии Федоровне «Коронационный марш» и пьесу для фортепиано «Мечта», посвященную Ея Величеству государыне императрице³⁰. Очень часто те или иные издания подносились авторами или издателями по случаю императорского визита. Так, например, раскрашенная акварелью «Карта Кубанской области с показанием работ, исполненная межевыми чинами Кубанского казачьего войска с 1870 по 1888 г.» в зеленой бархатистой папке с золотым тиснением была поднесена во время пребывания Александра III в Екатеринодаре (Краснодаре) во время его большого путешествия на Кавказ в сентябре–октябре 1888 года³¹.

Подносные книги, как правило, отличались великолепным полиграфическим исполнением и имели роскошные переплеты, для изготовления которых использовались лучшие материалы: бархат, шелк, сафьян³². В особых экземплярах на внутреннюю сторону крышек, в качестве дополнительного украшения, наклеивались дублюры³³ из муара, атласа или кожи. Нередко при оформлении переплетов применялось блинтовое³⁴ или конгревное³⁵ тиснение, а иногда золото, серебро, кость или разноцветные эмали. В подарочных экземплярах важным дополнительным элементом книги был футляр, в котором издание подносилось членам императорской семьи. Книга и футляр должны

²⁹ РГИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 378. Л. 51.

³⁰ Там же. Л. 52–53.

³¹ Собрание чудное сокровищ книжных. Библиотеке Эрмитажа 250 лет: Каталог выставки. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. С. 185.

³² Сафьян – кожа из козьих шкур растительного дубления, слабопрожированная и ярко окрашенная.

³³ Дублюра (от фр. *doublure* – подкладка) – особо оформленная внутренняя сторона крышки переплета, украшенная в различных декоративных техниках с применением различных материалов (кожи, пергамента, атласа, муара и др.).

³⁴ Блинтовое тиснение – плоское бескрасочное тиснение надписей или украшений на книжных переплетах, производимое горячим прессом.

³⁵ Конгревное тиснение – полиграфический способ создания рельефно-выпуклого изображения путем локального сжатия материала.

были составлять по стилю единое целое. Многие такие издания были выпущены небольшим тиражом. 26 октября 2007 года на аукционе «Гелос» был выставлен на продажу экземпляр № 1 (из пяти) сочинения И. Циона «Нигилизм и анархия» (Nihilisme et Anarchie. Paris, 1892), напечатанный на японской бумаге, из библиотеки Александра III в Аничковом дворце. Он переплетен в синий марокеновый переплет мастерской Champs с гербом России на обеих крышках³⁶. В фонде редкой книги ГМЗ «Гатчина» хранится экземпляр № 3 (из пятнадцати) сочинения Николая Нотовича «Император Александр III» (L'empereur Alexandre III. Paris, 1893). Издание одето в темно-коричневый сафьяновый переплет; верхняя крышка украшена золототисненым изображением государственного герба; верхний обрез позолочен; имеется футляр.

Переплеты для подносных сочинений часто изготавливали лучшие мастера этого дела. Например, коричневый марокеновый³⁷ переплет книги «Императорский Эрмитаж. Каталог картинной галереи: Ч. 1. Итальянская и испанская живопись» (СПб., 1889) был выполнен одним из лучших переплетчиков конца XIX – начала XX века Эдуардом Ро (E. Rau). Издание из личной библиотеки Александра III, на обороте верхней крышки его экслибрис, тройной золотой обрез, ляссе³⁸, форзацы из бумаги «под павлинье перо». В годы Великой Отечественной войны этот каталог наряду со многими другими предметами книжного собрания Гатчинского дворца был вывезен за границу. В 2007 году сотрудники Росохранкультуры обнаружили его на одном из интернет-аукционов. Владелец книги, гражданин США, по просьбе американских властей вернул ее в Россию. Так, спустя много лет она снова оказалось в Гатчинском дворце.

В заключение данного небольшого обзора, хотелось бы отметить, что в библиотеках Александра III было большое количество подносных изданий. Эти книги уникальны тем, что у каждой из них своя история, изучение которой помогает приоткрывать новые страницы в жизни как дарителей, так и владельцев.

³⁶ <http://seslavinsky.ru/articles/knigi-iz-imperatorskikh-i-velikoknyazheskikh-bibliotek-v-chastnykh-bibliofilskikh-sobraniyakh/> (Дата обращения 13.09.16).

³⁷ Марокен – тисненный сафьян.

³⁸ Ляссе – тканая или плетеная тесьма, лента, шнур, прикрепляемая к верхней части книжного блока (корешку, капталу, переплетной крышке и др.) и вводимая внутрь блока в качестве закладки.

Августейшие амазонки Гатчины: верховой гардероб императрицы Марии Федоровны

Гатчинская резиденция с ее живописными парками и прозрачными озерами была одним из излюбленных мест пребывания Марии Федоровны¹. Наиболее часто она бывала в Гатчине вместе со своим державным супругом в период его правления с 1881 по 1894 годы. Известно, что в это время именно Гатчину она указывала своим основным местом жительства, а столицу относил к временному пребыванию.

Императрица и ее державный супруг бывали в Гатчинской резиденции ежегодно с начала марта до конца мая и с начала октября до конца декабря². В это время Гатчинский дворец был центром загородной жизни для августейшей фамилии и ее ближайшего окружения. Совершенно особенный образ жизни, схожий с деревенским, отмечали многие посетители резиденции³.

Наиболее приближенные из гатчинских гостей сопровождали женщин августейшей семьи в их развлечениях, среди которых конные прогулки занимали не последнее место. Ближайшим окружением особ женского пола августейшей фамилии были фрейлины. Количество их разнилось от нескольких персон до нескольких десятков. Так, бессменной фрейлиной и компаньонкой Марии Федоровны была Екатерина Сергеевна Озерова; единственной или одной из двух – при Малом дворе наследника цесаревича Александра Александровича, и в числе двух сотен прочих – при Большом дворе⁴. Екатерина Сергеевна осталась спутницей Марии Федоровны и в бытность ее вдовствующей императрицей⁵.

¹ Зарин А.Е. Любимые местопребывания русских государей. М., 1913. С. 126; Свечин М.А. Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964. С. 38.

² Рождественский С.В. Столетие города Гатчины. 1796–1896. Т. 1. Исторические сведения. Гатчина, 1896. С. 256.

³ Балаева С.Н. Записки хранителя Гатчинского дворца. СПб.: Искусство России, 2005. С. 560.

⁴ Придворный календарь на 1879 год. СПб., 1879. С. 265; Придворный календарь на 1881 год. СПб., 1881. С. 262; Придворный календарь на 1884 год. СПб., 1883. С. 245–255.

⁵ Придворный календарь на 1895 год. СПб., 1895. С. 201.

Мария Федоровна, согласно общему мнению, была прекрасной наездницей; ее близкие отмечали, что она обожала лошадей⁶. Искусству верховой езды она предавалась часами. «Императрицу Марию Федоровну я знал еще, когда она была супругою моего командира гвардейского корпуса, наследника цесаревича Александра Александровича, – вспоминает генерал от кавалерии, начальник офицерской кавалерийской школы В.А. Сухомлинов, – императрица же была прекрасной наездницей и к верховой езде относилась с любовью. Во время лагерного сбора под Красным Селом, когда я был начальником офицерской кавалерийской школы, мне часто приходилось встречать Марию Федоровну на прекрасной кровной лошади с одним только рейткнехтом (*рейткнехт* – нижний чин, солдат, который ухаживает за офицерскими лошадьми – Б.Ш.), в окрестностях Дудергофа, Тайц и других пунктах, в значительном расстоянии от дворца»⁷.

По словам графа С.Д. Шереметева, «цесаревна наслаждалась верхом, скакала через рвы и канавы, брала препятствия, с трудом за нею угонялись»⁸. Это подтверждали и лица свиты государя, которые рассказывали, что «во время кавалерийского учения на Военном поле Цесаревна, желая переехать через поле к Государю Императору, очутилась уже на половине пространства, когда командовали “марш, марш в атаку”. Вся кавалерия массою поскакала по направлению к Цесаревне. Для того чтобы не быть раздавленной и в то же время успеть подъехать к Государю, Ее Высочество сильными ударами хлыстом заставила лошадь скакать наискось поля, но быстрее кавалерии и под конец ловким движением повернула лошадь и как вкопанная встала возле Его Величества. Очевидцы говорили мне, что они с трудом удержались от восторженного “ура”»⁹.

В искусстве верховой езды Мария Федоровна намного превосходила женскую часть семьи Романовых, среди которых, однако, было немало хороших наездниц. Одной из них была великая княгиня Мария Павловна-младшая. Так, известно, что она была единственной дамой, осмелившейся сопровождать

⁶ Зимин И.В. Взрослый мир императорских резиденций. Вторая четверть XIX – начало XX в. Повседневная жизнь российского императорского двора. М.: Центрполиграф, 2011. С. 78.

⁷ Сухомлинов В.А. Воспоминания // Литература русского зарубежья. Антология: в 6 т. Т. 1, кн. 2. 1920–1925. М., 1990. С. 68.

⁸ Цит. по: Зимин И.В. Взрослый мир императорских резиденций... С. 78.

⁹ Корнева Г.Н., Чебоксарова Т.Н. Любимые резиденции императрицы Марии Федоровны в России и в Дании. 2-е изд., доп. и испр. СПб.: Лики России, 2010. С. 148.

шведского короля Густава V на лосиной охоте¹⁰. Не отличной¹¹, но все же неплохой наездницей была и близкая семье Александра III великая княгиня Мария Павловна-старшая. Она, как и Мария Федоровна, предпочитала верховую езду многим другим развлечениям. «19 марта [1914], среда. В 10 с четвертью отправилась в Царское [Село] на манеж, где должен был состояться парад гвардейских драгунов, чьим шефом является теперь М[ария] П[авловна]. На ней была военная униформа, и вся она прямо-таки сияла от удовольствия, что играет первую скрипку», – отмечала Мария Федоровна в своем дневнике¹². «Помню, как она скакала галопом с кавалеристами, а мы изо всех сил старались не отставать на наших маленьких пони», – вспоминает великий князь Кирилл Владимирович, ее сын¹³. Однако первой кавалеристкой среди женщин семьи Романовых называли именно Марию Федоровну.

Следует заметить, что в искусстве верховой езды Мария Федоровна превосходила и мужа¹⁴; причем Александр III не вполне одобрял это увлечение супруги¹⁵. Однако именно во время его Высочайшего пребывания в Гатчине были построены служебно-конюшенные здания для придворно-конюшенной части. До этого и служебно-конюшенные должности, и дворцовые лошади размещались частью по казармам, манежам и конюшням Кирасирского Ее Императорского Величества полка, частью по постройкам дворцового ведомства. Комплекс, состоящий из трехэтажных флигелей с сараями для экипажей, конюшнями и другими служебными помещениями строился в течение четырех лет в 1890–1893 годы¹⁶. Чуть ранее, в 1887–1889 годах, силами дворцового ведомства проводился масштабный ремонт конюшен Кирасирского Ее Императорского Величества полка, где размещались в том числе и собственные лошади Марии Федоровны.

¹⁰ Гауке К.Ш., Юнгрен А. История одной беглянки // Наше наследие. 1999. № 48. С. 66.

¹¹ [Романова] Ксения Александровна. Письмо Оболенской А.А., 11/23 августа 1893 г. Из Кронштадта в Либаву // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. Т. 14. М., 2005. С. 474–475.

¹² Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы). М.: Вагриус, 2005. С. 29.

¹³ [Романов] Кирилл Владимирович. Моя жизнь на службе России. СПб.: Лики России, 1996. С. 41.

¹⁴ Хорватова Е.В. Мария Федоровна. Судьба императрицы. М.: АСТ-Пресс, 2006. С. 49.

¹⁵ Сухомлинов В.А. Указ. соч. С. 68.

¹⁶ Рождественский С.В. Указ. соч. С. 273–274.

Интересно, что императрица, не вполне довольствуясь ими, обращалась и к офицерским лошадям. Ф.А. Оом, бывший секретарем при великом князе цесаревиче Александре Александровиче и при его невесте, описывает один такой показательный случай. «Цесаревна была замечательно смелая и вообще отличная наездница. Однажды при осмотре лошадей конюшни Цесаревича ей понравилась особенно киргизская лошадь, поднесенная Его Высочеству. Но на ней мог ездить один только берейтор, – рассказывает он, – цесаревна хотела непременно попробовать лошадь и, несмотря на уверения, что этакая проба опасна, ее высочество приказала ее оседлать и села на нее. И что же? Лошадь повиновалась и под легкую и умелую ручкою ее выделявала все требуемые аллюры»¹⁷.

Случай этот был далеко не единичным. Так, в собрании ЦГАКФФД имеется верховой фотопортрет Марии Федоровны, сделанный в 1890-х годах в польском городе Спала¹⁸. Военный историк С.А. Панчулидзеv атрибутирует этот портрет как «Государыня Императрица Мария Федоровна на “Волтижере” скаковой конюшни кавалергардских офицеров»¹⁹. (ил. 1).

Возвращаясь к спутникам августейших «гатчинских затворников», заметим, что не менее часто, чем придворные служители, ими были гостившие здесь представители Малых дворов. Особенно часто в Гатчине гостили братья Александра III: Владимир, Сергей и Павел с супругами и детьми²⁰. Бывали здесь и гости, принадлежащие к верхушке общества: высшие чины двора, министры с женами, и прочие, имевшие проезд ко двору²¹. В Гатчине и хозяева, и гости много катались на лодке и в колясках, гуляли по паркам и по лесу; зимни-

¹⁷ Корнева Г.Н., Чебоксарова Т.Н. Указ. соч. С. 148.

¹⁸ ЦГАКФФД. П. 216. Фотоальбом «Пребывание членов императорской фамилии в Спале».

¹⁹ Панчулидзеv С.А. История кавалергардов. 1724–1799–1899. По случаю столетнего юбилея Кавалергардского Ее Величества государыни императрицы Марии Федоровны полка: в 4 т. Т. 4. СПб., 1912. С. 347. Учитывая, что кавалергардские конюшни комплектовались лошадьми по определенной схеме, можно уточнить масть лошади – гнедую с отметиной, и принадлежность лошади ко 2-му эскадрону. (См.: Горохов Ж. Русская императорская гвардия. М.: Рейтар, 2006. С. 30). Отметим, что с собственными лошадьми путешествовали как офицеры, так и августейшая фамилия; это обычай был распространен и в России, и в монарших домах Европы. Так, австрийская императрица Елизавета Баварская, известная своей любовью к верховой езде, ежегодно выезжала на охоту в Англию с парой собственных лошадей. (См.: Тисдолл Э.П. Императрица Мария Федоровна: Датская принцесса на русском троне. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. С. 137).

²⁰ Рыженко И.Э. Александр III в Гатчине. СПб.: Лики России, 2011. С. 65.

²¹ Например, см.: ЦГАКФФД. П. 155. Сн. 12–18.

ми развлечениями были катания на коньках по льду гатчинских озер и санные катания. Верховом выезжали преимущественно летом²².

Летние платья для верховой езды – амазонки – во второй половине XIX – начале XX века обыкновенно представляли собой льняной или габардиновый костюм из жакета и амазонской юбки; при этом жакет и юбка не всегда составляли пару (ил. 2). Длина жакета варьировалась в зависимости от типа юбки, надетой к нему, однако в сидячем положении полы грамотно скроенного жакета всегда едва доходили до седла²³.

Такой костюм дополнялся удобным в ношении котелком или соломенным канотье. Принадлежность к августейшей фамилии, несмотря на свободу гатчинской жизни, не всегда позволяла Марии Федоровне ношение этой неформальной одежды, согласно сложившемуся этикету в области костюма для верховой езды, более уместной для сельской или дачной местности. Тем не менее сохранились фотографии, где она позирует именно в нем²⁴.

Несколько чаще конные прогулки совершались Марией Федоровной в так называемых формальных амазонках покроя «фрак»²⁵. Так называлось строгое платье из темной материи, скроенное точно по фигуре, затянутой в корсет (ил. 3)²⁶. Платье отличалось от прочих гладким английским лифом, который представлял собой «...тип гладкого лифа с удлиненным передком пол, спинка имеет фасон фрака»²⁷.

Основными моментами, на которые обращали внимание при выборе формальной амазонки, были элегантность, уместность и следование модным тенденциям. Требование безупречной изысканности, но при этом простоты и безукоризненной посадки по фигуре, было здесь особенно важно. Такая в высшей степени элегантная амазонка, прототипом для создания которой послужил мужской фрак, считалась образцом безупречного вкуса. Она предназначалась

²² Кашук Л.А. Гатчина XVIII – начала XX века. Владельцы, фавориты, события. СПб.: Паритет, 2010. С. 386.

²³ Шапиро Б.Л. Женщина в седле: История костюма для верховой езды. М.: ООО «Ленанд», 2016. С. 9–12

²⁴ ЦГАКФФД. П. 587. Сн. 54.

²⁵ ЦГАКФФД. П. 216. Сн. 7.

²⁶ Амазонка (лиф, юбка и панталоны) // Модный свет. 1887. № 17. С. 182; Лиф для амазонки // Модный свет. 1886. № 11. С. 121.

²⁷ Орехова А.Н. Общедоступное и иллюстрированное руководство для самообучения кройки и шитья дамских и детских платьев, верхних вещей, белья и корсетов. М., 1913. С. 98.

светским этикетом для ношения исключительно среди высшего общества. Однако несмотря на это формальная амазонка подходила далеко не для всех случаев загородной повседневной и праздничной жизни царственных всадниц.

Спецификой гатчинской резиденции были многочисленные события войсковой жизни: смотры, маневры, учения, высочайшие парады. Женская часть августейшей фамилии обыкновенно присутствовала на военных мероприятиях в роли наблюдательниц, располагаясь на плацу или на балконе среднего этажа Гатчинского дворца, а также выезжая на местность в экипажах или верхом.

В «царские дни» (так назывались табельные праздники) и в дни официальных торжеств в Гатчине проводились парады, в которых принимали участие и женщины семьи Романовых, бывшие в должности почетного шефа полка. К самым грандиозным воинским торжествам, проходившим в Гатчине, относился праздник Лейб-гвардии Кирасирского Ея Величества полка, который отмечался ежегодно 9 мая. Церемония, в которую входили верховые скачки через барьер, проходила на плацу перед Гатчинским дворцом в присутствии высочайшей фамилии²⁸ и – непременно – шефа полка.

Обязанности почетного шефа «синих» гатчинских кирасир с 31 мая 1880 года исполняла Мария Федоровна²⁹. Участие вдовствующей императрицы в судьбе полка продолжалось и после его перемещения в 1917 году за пределы России (где он стал полковым объединением), вплоть до ее кончины в 1928 году³⁰. По словам представителей полка, августейшее шефство «составляло для полка эпоху»³¹ и оценивалось «драгоценнее всех милостей»³².

Мария Федоровна была шефом еще нескольких подразделений русской армии: Лейб-гвардии Кавалергардского Ее Имени полка³³, Гвардейского экипажа, 11-го уланского Чугуевского Ее Имени полка, 2-го лейб-драгунского Псков-

²⁸ Рыженко И.Э. Указ. соч. С. 63.

²⁹ Список шефов особ императорского дома и высокопоставленных лиц начальствовавших полком и числившихся по спискам полка // Марков М.И. История Лейб-гвардии Кирасирского Ее величества полка. СПб., 1884. С. 6.

³⁰ Мундирное платье по форме Кирасирского полка // Музей костюма: альбом-путеводитель / Государственный музей-заповедник «Павловск»; авт.-сост. Н.М. Вершинина. СПб.: ЛИК, 2014. С. 96–97.

³¹ Марков М.И. Указ. соч. С. 483.

³² Там же.

³³ Панчулидзе С.А. Указ. соч. С. 331.

ского Ее Имени полка, 15-го драгунского Переяславского Императора Александра III полка и 11-го Восточно-Сибирского стрелкового Ее Имени полка³⁴.

Полковые праздники Мария Федоровна встречала в шефских мундирных платьях³⁵, цвет и форменное шитье которых полностью соответствовало парадным офицерским мундирам, присвоенным подшефным полкам; однако такое платье изготавливалось в соответствии с особенностями женской фигуры и не имело знаков различия. В женском варианте к мундиру были добавлены вытачки для бюста, а мужская поясная одежда, присвоенная полку – чакчиры, шаровары или рейтузы – заменялась юбкой амазонки. Причиной такой замены стал сложившийся обычай, согласно которому должность шефа полка накладывала обязанность принимать парад, проходя во главе его верхом на лошади (что, впрочем, исполняли не все амазонки дома Романовых).

Сохранилось всего два шефских платья, принадлежащих Марии Федоровне³⁶. Их мундиры имеют между собой много схожего. Оба они выполнены из белого сукна. Покрой – однобортный приталенный с баской (колет), без карманных клапанов. Окат рукавов отделан белой выпушкой из основного материала. Спинка украшена шлицей с выпушкой прикладного цвета и четырьмя гербовыми пуговицами.

Борт, огибающий воротник-стойку, закрыт галуном, выполненным в цвет приборного металла с шелковыми полосками-просветами цвета прикладного сукна. Мундирное платье по форме Кавалергардского полка декорировано серебряно-красным галуном; мундирное платье полка «синих кирасир» – золотым галуном со светло-синими просветами. Пуговицы кавалергардского мундира высеребрены, кирасирского – позолоченные; оба варианта пуговиц гербовые. Манжеты колета, украшенные двумя гербовыми пуговицами, посаженными на галунные петли, изготовлены из прикладного сукна³⁷. Колет дополняется белыми короткими замшевыми перчатками.

Оба мундирных платья Марии Федоровны состоят из колета и юбки. Покрой юбки предполагает потайной карман в боковом шве и небольшой трен; в отличие от юбки амазонки, здесь наибольшая длина трена приходится на

³⁴ Зимин И.В. Указ. соч. С. 73.

³⁵ Горохов Ж. Указ. соч. С. 61.

³⁶ Зимин И. В. Указ. соч. С. 74.

³⁷ Клочков Д.А. Обмундирование, снаряжение и вооружение Российской императорской армии. 1914–1917: Гвардейская тяжелая кавалерия. М.: Русские витязи, 2015. С. 237–238.

середины центрального шва спинки³⁸. Подол юбки обшит галуном, соответствующим форме полка.

Сохранилось значительное количество фотопортретов Марии Федоровны в этих мундирах. Участие в военных парадах и смотрах доставляло Марии Федоровне истинное удовольствие: «25 марта [1914]. Сегодня отправилась на Гвардейский конный парад, на котором я так давно не была. Погода прекрасная», – пишет она в своем дневнике³⁹.

Посещала она и знаменитые ежегодные карусели подшефного Кавалергардского полка, проходившие в честь полковых праздников. «20 марта [1914]. В 9 часов вечера я и Мария отправились на *caoussel*, устроенную кавалергардами. Все также прошло прекрасно и невероятно весело», – записала Мария Федоровна в своем дневнике⁴⁰.

По случаю одного такого праздника среди ее вещей появился веер с надписью на экране «Карусель Кавалергардского Ея Величества полка 1886». Художественное решение веера более чем символично. Экран-плие выполнен из атласной ткани алого цвета, который был прикладным для полка; надпись – серебряная – цвета полкового приборного металла. Правую лицевую пластину украшает серебряная императорская корона, левую – полковой знак в виде Мальтийского креста. Полудужка (кольцо для кисти) выполнено в виде шпору, а сама кисть – в виде кавалерийского офицерского темляка⁴¹. Следует отметить, что этот веер, как и некоторые другие из принадлежащих Марии Федоровне, имел преимущественно мемориальное значение.

Сохранились описания кавалергардской карусели, проходившей 23 марта 1886 года: «Каждый год в манеже, где офицеры упражняются зимой, они устраивают карусель, в которой занято двенадцать или четырнадцать дам и джентльменов. Манеж был изящно декорирован шлемами, кирасами, флагами, растениями и т. д., но самым прекрасным был ковер. По краям огромного открытого пространства – земляной бордюры шириной, пожалуй, десять футов; все остальное было покрыто чем-то, производившим впечатление индийского ковра с широкой каймой. Один угол казался загнутым, и, хотя я знала, из чего был сделан ковер,

³⁸ Орехова А.Н. Указ. соч. С. 96–97.

³⁹ Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы)... С. 30.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Императорские веера из Эрмитажа. Веера из собрания Государственного Эрмитажа. СПб.: Славия, 1997. С. 52–53.

я с трудом осознавала, что он не настоящий. Говорят, он был сделан из цветных опилок, но они должны были быть смешаны с чем-то скрепляющим вместе, в противном случае композиция не сохранила бы свои четкие контуры. Земля в центре была коричневато-желтой, но фигуры были разноцветными, как и бордюры. Конечно, он был сразу же испорчен копытами. Присутствовало, я полагаю, две-три сотни приглашенных, – пишет очевидица этого праздника, – императрица и императорская семья занимали балкон в конце здания. Когда все собрались, и прибыла императорская семья, дверь в противоположном конце манежа, ведущие к конюшням, открылись и выехали два трубача на белых конях. Вообще полковые лошади гнедые и очень красивые. Затем появились четыре офицера в великолепной алой с серебром форме в медных касках с огромными орлами наверху. Затем выехали всадники – дамы, конечно, в костюмах для верховой езды и шелковых шляпах, офицеры в белой с серебром форме на алых чепраках. Они проехали полпути, когда протрубили трубы. По приближении к императорской семье половина всадников направилась в одну сторону, другая – в другую; дамы кланялись императрице, офицеры обнажали в салюте свои шпаги. Вслед за тем оркестр заиграл полонез, который был исполнен всадниками; затем трубачи и четыре офицера удалились. Передвижения выполнялись под очень красивую музыку. Танцевали кадрили и разные другие танцы, которые были весьма грациозны и прелестны. Выступления продолжались почти два часа⁴².

В этой карусели члены императорской семьи участвовали только лишь в качестве зрителей, в отличие от каруселей, проводимых ими самостоятельно. Здесь следует отметить, что в России с начала XIX века карусели потеряли характер воинских соревнований, превратившись по преимуществу в пышные костюмированные конные танцы. Участники и участницы кадрили разделялись на несколько отрядов (собственно кадрили); каждая кадрили имела свое название, согласно ее тематике подбирались богато украшенные костюмы, стилизованные под рыцарские или этнические⁴³.

⁴² Плешков В.Н. Петербург глазами американцев. Придворные балы и карусель. 1886, 1887 годы. Из писем Алмиры Ван Несс Лотроп // История Петербурга. 2002. № 6 (10). С. 27–32.

⁴³ Шапиро Б.Л. «...Соблаговолили выезд иметь верхами»: августейшие амазонки гатчинской резиденции // Дворцы и события. К 300-летию Большого Петергофского дворца: сб. статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф». СПб., 2016. С. 231.

Со временем пышные костюмы сменились на более строгие, согласно смене моды с французского на английский стиль (ил. 4). Отличительным признаком изысканного английского стиля в верховой одежде была, прежде всего, сдержанность в цветовом и декорационном решении, а растущая популярность стиля привела к тому, что черный цвет стал практически единственным вариантом для по-настоящему элегантной амазонки.

С 1870–1880-х годов костюмом для карусели становится формальная амазонка. Она дополняется головным убором – высоким или полувысоким, смотря по моде, шелковым глянцевым цилиндром (ил. 5). Образцом стиля для головных уборов всадницы были мужские шляпы, однако во всех случаях высота женского цилиндра была менее чем у аналогичного мужского⁴⁴. Цилиндр для карусели убирался газовым шарфом (так называемой вуалью). Согласно моде, шарф подбирался контрастного цвета, часто белый, и, вразрез с требованиями безопасности, длинный – до талии всадницы, или даже ниже. Цвет шарфа также мог повторять цвет амазонки⁴⁵.

Подобные наряды представлены в достаточном количестве на фотопортретах Марии Федоровны. Это как самые ранние ее снимки, сделанные еще в бытность цесаревной, так и более поздние, относящиеся к периоду правления Александра III и ко времени ее вдовства⁴⁶.

Карусели, как и высочайшие парады и смотры войскам, в Гатчине проводились преимущественно весной и, реже, осенью. В эти мероприятия включались смотры различных воинских подразделений и выпускников военных корпусов. Особенным был день 9 мая, когда после смотра «синих» гатчинских кирасир во внутреннем дворе Арсенального караула проводился смотр егерям Императорской охоты. Егеря представлялись августейшей семье в парадной форме, верхом и со сворой собак⁴⁷.

Известно, что с течением времени Гатчина все более и более приобретала охотничью специализацию. Ко времени переезда сюда Александра III с супру-

⁴⁴ Шапиро Б.Л. Женщина в седле: История костюма для верховой езды... С. 62–64.

⁴⁵ Там же. С. 67.

⁴⁶ Это конные фотопортреты 1870-х гг. «Kejserinde Dagmar til hest» из Королевской библиотеки Дании. Id: 504002, № 1960–968/499; Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы)... С. 224; 1880-х гг.: Императрица Мария Федоровна. Жизнь и судьба: Каталог выставки / Подгот. С.В. Мироненко и др.; авт. ст. Л.Б. Арчакова и др. СПб., 2008. [без стр.]; 1890-х гг.: ЦГАКФФД. П 216. Сн. 7. и т.д.

⁴⁷ Рыженко И.Э. Указ. соч. С. 101.

гой Гатчина уже имела репутацию центра императорской, в том числе и конной, охоты. В ней Мария Федоровна принимала самое живое участие, что было не вполне характерно для женщин Российского императорского дома. Известно, что особенно тяготела к такому виду досуга императрица Елизавета Петровна. Она полубила конную охоту еще в бытность цесаревной, с восемнадцати лет, под влиянием Петра II, которому постоянно сопутствовала в его непрерывных охотничьих поездках⁴⁸. Страстной любительницей верховой соколиной охоты была Екатерина II; она часто бывала в Гатчине именно с этой целью. Мария Александровна, супруга Александра II, напротив, в конных охотах участия не принимала, оставаясь дома с детьми. Большинство представительниц семьи Романовых придерживалось середины, изредка присутствуя на охоте в качестве зрителей⁴⁹.

Мария Федоровна же, по воспоминаниям, была не только отличной наездницей, но и метким стрелком⁵⁰. Сохранился фотоснимок, на котором изображена конная группа охотников, среди которых и две прекрасные дамы. Это императрица и ее старшая дочь великая княжна Ксения Александровна⁵¹. Снимок датируется 1894 годом, и обе амазонки – и Мария Федоровна, и ее дочь – одеты в соответствии с верховой модой того времени, которая гласила, что «все швы спины делаются рельефными с двойной строчкой, как у мужских платьев. Этот фасон самый модный в настоящее время»⁵². Их одежды имеют «воротник, лацкан и галстук мужские»⁵³, а в целом «лиф, имеющий мужской покрой, считается в настоящее время самой последней новостью; его делают с длинной баской»⁵⁴.

Таким образом, можно утверждать, что к концу второй трети XIX века одежда для всадниц обрела в целом устойчивые формы, основой которых послужил мужской костюм. Предложенный анализ верхового гардероба императрицы Марии Федоровны дополняет красочными деталями не только историю российского костюма, но и событийную историю дворцовых резиденций Российского императорского дома в целом и Гатчинской резиденции в частности.

⁴⁸ Кутепов Н.И. Царская охота на Руси: Исторический очерк: В 4 т. 2-е изд. СПб., 1896–1911. Т. 3: Императорская охота на Руси, конец XVII и XVIII век. СПб., 1902. С. 80.

⁴⁹ Шапиро Б.Л. «...Соблаговолили выезд иметь верхами»: августейшие амазонки гатчинской резиденции... С. 231.

⁵⁰ Корнева Г.Н., Чебоксарова Т.Н. Указ. соч. С. 148.

⁵¹ ЦГАКФФД. П. 587. Сн. 47.

⁵² Хроника моды // Вестник моды для портних. 1894. № 12. С. 118.

⁵³ Амазонка // Модный свет. 1894. № 16. С. 160–161.

⁵⁴ Новейшие моды. Амазонка с длинным лифом и баской // Модный свет. 1903. № 10. С. 98.

М.Е. Шеметова

Мебельное убранство комнат Николая I в Арсенальном каре Гатчинского дворца

Русские самодержцы не диктовали моду, а следовали ей и обставляли свои личные апартаменты со скромностью, подобающей не столько императору, сколько деятельному, но «заурядному» дворянину.

О. Семенов¹

В 1828 году Гатчинский дворец после смерти вдовствующей императрицы Марии Федоровны был передан по завещанию ее третьему сыну, императору Николаю I.

В первую очередь Гатчинский дворец для Николая I был связан с памятью об отце, императоре Павле I. В первый раз маленького великого князя привезли в Гатчину еще в младенческом возрасте, на свадьбу старшей сестры, великой княжны Александры Павловны с австрийским эрцгерцогом Иосифом. Но нужно отметить, что детские годы, проведенные в Гатчине Николаем Павловичем, и воспоминания о них были не всегда приятными и радостными.

В своих записках Николай I пишет о зиме 1809 года, когда «Матушка решила остаться зимовать в Гатчине, и с тем вместе учение наше приняло еще более важности: все время почти было обращено на оное»².

Воспитатель, генерал М.И. Ламздорф, часто сурово наказывал упрямого и независимого великого князя. Николай не любил естественные и гуманитарные науки, но великолепно разбирался в артиллерии и инженерном ремесле. Мария Федоровна одно время предполагала отправить великих князей Николая и Михаила Павловичей в Лейпцигский университет, но это не встретило должного одобрения у императора Александра. Именно с 1809 года преподавателями великого князя Николая Павловича становятся профессора Ф.П. Аде-

¹ Семенов О. Русская мебель позднего классицизма. М.: Трилистник, 2003. С. 59.

² Николай Первый и его время. Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков / Сост., вступ. ст. и коммент. Б.Н. Тарасова. М.: Олма-Пресс, 2000. С. 82.

лунг, А.К. Шторх, В.Г. Кукольник, М.А. Балугьянский, Л.Ю. Крафт, военные инженеры, полковники Джанноти и А.И. Маркович. Изучение русской истории не пошло дальше элементарных уроков Н.И. Ахвердова, оборвавшихся к тому же к 1816 года на эпохе Иоанна Грозного и Смуты; всеобщей – дальше уроков воспитателя дю Пюже. Наоборот, на преподавание точных наук и военного искусства было обращено, по-видимому, гораздо больше внимания³.

В 1814 году великий князь во время своего заграничного путешествия знакомится со своей будущей супругой, прусской принцессой Фредерикой Луизой Шарлоттой Вильгельминой Прусской. Первого июля (день рождения Александры Федоровны) в церкви Зимнего дворца состоялось бракосочетание. Первые дни после свадьбы новобрачные жили в Аничковом дворце, а затем переехали в Павловск.

У Николая Павловича и Александры Федоровны было четверо сыновей и три дочери: цесаревич Александр, великие князья Константин, Николай и Михаил, великие княжны Мария, Ольга и Александра. Любимцем отца, пользовавшимся его безграничным доверием, был первенец цесаревич Александр Николаевич (17.04.1818–01.03.1881) – будущий император Александр II.

Обычно императорская семья приезжала в Гатчину летом, в конце июля, когда праздновался день тезоименитства императрицы Марии Федоровны. В это же время устраивались военные учения и маневры. Александра Федоровна с дочерьми занимались благотворительными делами, посещали Сиротский институт, основанный Марией Федоровной, и госпиталь. Для царских детей Гатчина прежде всего была местом отдыха и развлечений. Как писала в своих воспоминаниях Ольга Николаевна, дочь Николая I и Александры Федоровны: «Переезд на июль в Петергофский Летний Дворец и, наконец, из-за маневров, Гатчина или Ропша с ураганом светских обязанностей: приемы, балы... Мы видели эту блестящую жизнь, конечно, в своем детском понимании, или когда мы сопровождали Родителей, или же, в свободные часы, на подоконниках и слушая доносившуюся к нам музыку»⁴.

Но в 1844 году от чахотки умирает великая княгиня Александра и ее новорожденный сын. Стремясь отвлечься от горьких воспоминаний о люби-

³ Полиевктов М.А. Николай I. Биография и обзор царствования. М.: Издательство М. и С. Сабашниковых, 1918. С. 10–12.

⁴ Николай Первый и его время... Т. 2. С. 239.

мой дочери, Николай I с семьей пробыли в Гатчине целых два осенних месяца. Становится очевидным, что дворец не отвечает требованиям комфортной жизни, ведь здесь не было отопления (с наступлением холодов во дворце было холодно), помещения имели запущенный вид. Требовал ремонта и Центральный корпус дворца. Император пришел к выводу, что Гатчинский дворец нуждается в серьезной реконструкции.

Все это было поручено Роману Ивановичу Кузьмину, к тому времени уже признанному архитектору. Тонкий стилист, несколько лет изучавший в Турции и Греции памятники византийского церковного зодчества, в Риме Кузьмин также занимался реставрацией форума Траяна. После возвращения в Россию Р.И. Кузьмин получает должность старшего архитектора при Гоф-интендантской конторе в Министерстве императорского двора. Среди его сохранившихся работ такие, как футляр Домика Петра I; Фрейлинский дом на Елагином острове; дом И.О. Утина на Конногвардейском бульваре; некоторые постройки в Кронштадте, а в Москве – здание Ярославского вокзала⁵.

Перед Кузьминым была поставлена непростая задача перестроить боковые каре дворца и создать в них апартаменты для семьи императора в Арсенальном каре и многочисленные служебные помещения и квартиры в Кухонном каре. Строительство проходило с 1845 по 1858 год.

В 1846 году Кузьмин представил императору проект Арсенального каре, работы по перестройке начались в 1847 году. Через пять лет, в 1852 году, были закончены работы по наружной отделке Арсенального каре. Кузьмину удалось достичь архитектурного единства с центральной частью дворца, повысить высоту каре за счет увеличения высоты первого и третьего этажей.

В результате этой грандиозной реконструкции Арсенальное каре стало главным корпусом дворца, к которому подъезжали через внутренний двор Арсенального каре, к нижнему вестибюлю Мраморной лестницы, откуда можно было попасть в новые парадные интерьеры Арсенального каре. Арсенальный зал стал самым просторным помещением Гатчинского дворца, и из него можно было пройти в анфиладу комнат – личные комнаты императора и императрицы.

Изучение дел Гатчинского дворцового правления указывает на то, что Роман Иванович Кузьмин являлся основным автором проектов по переделке,

⁵ Петрова О.В. Виртуоз «умного выбора». 200 лет со дня рождения архитектора Р.И. Кузьмина. СПб.: Союз-Дизайн, 2011. С. 48.

а в дальнейшем и чистовой отделке Арсенального каре. Занимался Кузьмин и обстановкой комнат, а также выбором из старых запасов Гоф-интендантской конторы мебели. Вообще вся сумма на чистовую отделку Арсенального каре на начало 1851 года равнялась 529893 руб. 94 коп. На меблировку же всего Арсенального каре по «Высочайше утвержденной» смете 28 апреля 1851 года отпускалось 183584 руб. 65 коп.⁶

Анфилада комнат, в которых располагались император Николай I и Александра Федоровна, выходили окнами в Голландские сады и занимали восточную часть каре. Параллельно комнатам императорской четы находилась Готическая галерея с окнами, обращенными во внутренний двор Арсенального каре.

По окончании работ для императора обустраивают четыре комнаты на первом этаже Арсенального каре – Большой военный кабинет, Малый угловой кабинет с выходом в Собственный сад, а также несколько вспомогательных помещений – приемную, камердинерскую и две передних.

Интерьер личных комнат Николая I отражал прежде всего его характер – любовь к строгому порядку, сдержанность и неприхотливость. По контрасту комнаты императрицы Александры Федоровны были оформлены очень нарядно, в стиле неорококо, с обитыми тканями стенами и изящной лепкой. В таком же стиле была подобрана и мебель.

Мебель из личных комнат императора Николая I выполнена в ампирином стиле, или же стиле «бидермейер». Красного дерева, строгих, лаконичных форм, в основном она сделана в мастерских Г. Гамбса и П.П. Гамбса в 1820-е и 1850-е годы. Как писал В.К. Макаров в своей статье «Мебель XIX века»: «Более простая мебель стиля «Ампир» – жилых, непарадных комнат, – из красного дерева и карельской березы (Россия), с легкой резьбой или совсем без нее – удобна и красива своими идущими от античных образцов формами. От нее к формам мебели стиля Бидермейер переход был легок»⁷.

Имя Генриха Гамбса, изделия его мастерской были самым непосредственным образом связаны с Гатчинским дворцом. Огромное количество заказов на мебельное убранство императорских дворцов свидетельствует о возможностях мастерской и его организаторском таланте.

⁶ РГИА. Ф. 491. Оп. 2. Д. 1203. Л. 9.

⁷ НВА ГМЗ «Гатчина». № 20. Бюллетень № 10 за 1940 г. Макаров В.К. Мебель XIX в. С. 4.

Генрих Даниэль Гамбс родился в маркграфстве Баден-Дурлах 25 августа 1761 года, в семье потомственных столяров. В 1780-е учился в Нейвиде у знаменитого Давида Рентгена и попал в Санкт-Петербург, сопровождая мебель, закупленную у Рентгена Екатериной II. В марте 1795 года как купец 2-й гильдии мастер открывает на Фонтанке, в районе Калинкина моста, «между английской пивоварней и госпиталем», мебельную мастерскую. Спонсором в данном случае выступает австрийский торговец Ионафан Отт, который являлся также ее совладельцем.⁸

В этом же году мастер открывает магазин на Невском проспекте. Через некоторое время мастерская Г. Гамбса начнет делать заказы для императрицы Марии Федоровны. Мебель по проектам В. Бренны и А.Н. Вороникина будет в дальнейшем украшать личные комнаты императрицы в Павловском дворце.

Очень качественная столярная работа отличала мебель его мастерской. Бронзовый декор также не уступал по качеству. Исследования последних лет привели к открытию, что бронзу Гамбсу поставлял его соотечественник, Фридрих Бергенфельдт⁹.

Со вступлением на престол императора Александра I в жизни мастера начинается новый период. Императрица Елизавета Алексеевна становится его постоянной заказчицей и оказывает ему покровительство. Ширится круг и других сановных заказчиков. Г. Гамбс начинает сотрудничать с ведущими столичными архитекторами – А.Н. Вороникиным и В. Бренной. Его мастерская принимает участие в меблировке помещений императорских резиденций, выполняет также заказы – подарки для членов царской семьи и иностранных монархов.

В этот же период мебельщик становится родоначальником стиля «русский жакоб». Он также ввел моду на напольные зеркала «псише», до этого неизвестные в России. В 1802 году в мастерской Гамбса по проекту Вороникина выполняется заказ императора Александра I – изготовленное в подарок прусской королеве Луизе нарядное зеркало-псише, вдохновленное образцами

⁸ Мастерская Генриха Гамбса // http://www.lignaur.ru/pages.htm?id_page=588 (Дата обращения 04.10.2016).

⁹ Ф. Бергенфельдт (1768–1822) бронзовщик, поставщик двора его Величества, Фридрих Бергенфельдт приехал в Россию почти одновременно с Гамбсом, открыл мастерскую и магазин у Аничкова моста. Соотечественники и ровесники Гамбс и Бергенфельдт некоторое время очень плодотворно сотрудничали; мебель Гамбса 1810-х годов украшала прекрасная по качеству и своеобразная по форме и тематике бронза Бергенфельдта. (Сычев И. Русская бронза. М.: Трилистник, 2003. С. 75–76).

французской мебели. Впоследствии напольные зеркала прочно вошли в убранство парадных и жилых интерьеров. В частности, в его мастерской было изготовлено напольное зеркало-псише в комплекте мебели для приданого великому князю Николаю Павловичу, будущему императору Николаю I.

В 1809 году Г. Гамбс получает российское подданство, а в 1810 – титул «придворного механика».

Затем наступает спад деятельности мастерской в связи с Отечественной войной 1812 года и экономическим кризисом. Но после 1815 года мастерская Г. Гамбса возобновляет работы и получает большие заказы от императорского двора и столичной знати.

В 1817 году должно было состояться бракосочетание великого князя Николая Павловича, будущего Николая I, с прусской принцессой Шарлоттой. К этому событию Гамбс получает заказ на изготовление приданого для молодоженов.

В 1830-е годы мастерская Г. Гамбса превратилась в фабрику с солидным штатом мастеров. Об этом свидетельствует факт, что около ста тридцати сотрудников мастерской наградили медалями за возобновление убранства Зимнего дворца после пожара 1837 года.¹⁰

После смерти Генриха Гамбса в 1831 году фирма переходит к его сыновьям – Петру (1802–1871) и Эрнсту Фердинанду (1805? –1849).

Меняется и название – с «S-Petersbourg. Henry Gambs Magazin de Meubles» на «Ebeniste-Mecanicien de la Cour a St. Petersburg» («Краснодеревцы-механики петербургского Двора»)¹¹.

В 1840–1850 годы мастерская, или, скорее, уже фабрика, делает удобную мебель из орехового дерева, изогнутых форм, обитую штофом, ситцем или стеганой кожей. Именно такая мебель составляла обстановку Гатчинского дворца. Мода на подобную мебель распространилась не только на императорские резиденции, но также и в усадьбах, городских особняках дворян и купечества. Гамбсы следили за всеми веяниями мебельной моды и последовательно работали во всех популярных стилях конца XVIII – середины XIX века: от екатерининского и павловского (знаменитые бюро и столики) до николаевских

¹⁰ Мастерская Генриха Гамбса. // http://www.lignaur.ru/pages.htm?id_page=588 (Дата обращения 04.10.2016).

¹¹ Там же.

неоготики и бидермейера (стулья, кресла и диваны). Все это, в сочетании с высочайшим качеством, оставило изделия фирмы Гамбс практически вне конкуренции.

На мебели фирмы Гамбсов почти нет клейм. Известны два изделия с клеймом (в виде печати), воспроизводящим штамп на счетах фирмы, а следовательно, относящимся ко времени после 1831 года: рамка для миниатюр (клеймо – на оборотной стороне) в собрании музея-заповедника «Петергоф» и секретер в коллекции Государственного исторического музея в Москве. Металлическая бирка с датой и именем создателя имеется также на бюро Гамбса из собрания Государственного Эрмитажа¹².

Скорее всего, в 1860-х годах фабрика Гамбсов прекратила существование.

Мебель Г. Гамбса не только отражала изменение стилей, но надолго определила уровень этого вида декоративно-прикладного искусства в России,

«...С термином «гамбсова мебель» у современников будут прочно ассоциироваться ореховые, словно литые вещи в стиле рококо; однако, в конце 1820-х гг. фирма по-прежнему активно разрабатывала ампирные формы. Именно такая корпусная мебель, когда «снаружи просто, а внутри искусно скрытые ящики», работы «превосходной и прочной» была представлена ею на Первой публичной выставке российских мануфактурных изделий 1829 г.»¹³.

Меблировка новых комнат императора Николая I в Арсенальном каре во многом складывалась из достаточно старых вещей мастерской Г. Гамбса. Основная группа мебели в этих комнатах оказывается «старой» – изготовленной еще в мастерских старшего Генриха Гамбса между 1821 и 1824 годами. Например, бюро из Большого военного кабинета, красного дерева, с золочеными бронзовыми накладками, украшенное по верхнему карнизу шестью антиквизированными профилями, смотрящими друг на друга, боковые шкафики которого украшены золочеными накладками в виде лиры с растительным орнаментом. Боковые выдвижные ящики также украшены золочеными профилями. Бюро изготовлено в мастерской Генриха Гамбса в 20-х годах XIX века и поступило в Гатчинский дворец в 1850-е годы по распоряжению Николая I. Извест-

¹² Мастерская Генриха Гамбса // http://www.lignaur.ru/pages.htm?id_page=588 (Дата обращения 04.10.2016).

¹³ Гусева Н.Ю. Мебель николаевского ампира // В тени «больших стилей». Материалы VIII Царскосельской научной конференции. СПб., 2002. С. 153.

но предписание о допущении Р.И. Кузьмина к осмотру сложенной в Главном корпусе дворца мебели Арсенального и Кухонного каре «для выбора из оной, то которая признана будет Вами нужною к помещению в Кухонном флигеле по отстройке оного. Но выбора сего не делать из мебели бывшей в Арс[енальном] каре в собственных комнатах Гос[ударя] Императора, Гос[ударыни] Имп[ератрицы], наследника Цесаревича, Цесаревны и Вел[икой] Кн[язны] Ольги Н[иколаевны], работы Гамбса»¹⁴.

Ирина Константиновна Янченко в своей «Работе над каталогом мебели» пишет: «Такая мебель “смягченного” ампира в интимных, не парадных комнатах делалась обычно из красного дерева или карельской березы (в России), без бронзы, с легкой плоской резьбой, размеры ее обычно давались уменьшенными по сравнению с парадной обстановкой того же времени. Именно с этой мебелью интимного периода связываются формы мебели стиля “бидермейер” первого периода. В этот 2-й период развития стиля “бидермейер”, отбрасывая все обязательные для ампира архитектурные членения, отказавшись от всяких архитектурных композиций с колоннами, пилястрами и фризами, создавали вещи, которые могут свободно расставляться в любой обстановке. Все построение вещи подчинялось, прежде всего, требованиям удобства, рационального использования ее в бытовой обстановке. Главное внимание уделялось соотношению между высотой и шириной предмета с тем, чтобы добиться возможной устойчивости и покояности мебели. Единственным украшением этой солидной, совершенно лишенной декоративности мебели, обычно из красного дерева, являлась прекрасная полировка поверхности. (Пример: «новая» мебель Гамбса в личных комнатах Николая I)»¹⁵.

Известны «кондиции» на меблировку комнат Николая I и Александры Федоровны, когда Р.И. Кузьмин разбил все работы на три категории: исправление старой мебели, привезенной из Таврического дворца; добавление новой по образцам старой мебели из Гатчины; изготовление новой по рисункам Кузьмина.

Вообще меблировка Арсенального каре очень тесно увязана со складами старой мебели Таврического дворца. Построенный в 1783–1789 годах по проекту архитектора И.Е. Старова для князя Г.А. Потемкина, Таврический

¹⁴ РГИА. Ф. 491. Оп. 2. Д. 886. Л. 11.

¹⁵ Янченко И.К. Работа над каталогом мебели // Культура и искусство в эпоху Николая I. Материалы научной конференции. СПб.: Фирма «Алина», 2008. С. 242–243.

дворец предназначался только для торжественных приемов. Но после смерти Потемкина перешел в казну в счет погашения долгов князя. Известно также, что помощники Потемкина Гарновский и Грибовский вывезли все убранство дворца, включавшее в себя скульптуру, картины и мебель. Полиция перехватила похищенное имущество, и в 1797 году по указу императора Павла I Гарновского и Грибовского судили. Все захваченное имущество было передано в Михайловский замок. Таврический дворец был передан под казармы Конногвардейского полка.

Таврический дворец находился в ведении Гоф-интендантской конторы и был превращен в склад старых вещей, переданных из других дворцов.

Вместе с Гамбсом при выполнении особо крупных заказов, таких как для Коттеджа в Петергофе или заново отстроенном Эрмитаже, работает и А.И. Тур. Нужно отметить, что открывший в 1811 году мебельную фабрику Андрей Иванович Тур (1790–1866) завоевал прочные позиции на мебельном рынке столицы. Братья Гамбсы и Тур работали и над меблировкой Арсенального каре в Гатчинском дворце.

Кузьмин и «мебельный фабрикант» Тур в 1847 году отобрали мебель для Арсенального каре из Таврического дворца. В архиве имеются несколько ведомостей этой отобранной мебели, отпущенной по распоряжению Гоф-интендантской конторы «назначенной для первого этажа, для антресольного и бельэтажей»¹⁶.

В исторической коллекции Гатчинского дворца остались несколько предметов из обстановки комнат Николая I в Арсенальном каре. Прежде всего, кроме вышеупомянутого бюро, сохранились также три кресла и стул из Большого военного кабинета Николая I, работы мастерской братьев Гамбс, 1850-х годов, со съемными сиденьями и сплошной боковой рамой, со скромной резьбой растительного характера. Уцелел после эвакуации 1941 года и ящик для дров из кабинета императора.

Как говорилось выше, мебель в комнатах императора полностью отражала его характер и соответствовала его склонности к порядку и не любви к роскоши. Если проанализировать описи комнат, то, например, в Малом военном кабинете, или Башенном, была простая строгая мебель красного дерева, три полужакфа, два стола с зеленым сукном, мягкая мебель была обита зеленым

¹⁶ РГИА Ф. 491. Оп. 2 Д. 107. Л. 6.

простеганным сафьяном и состояла из кушетки, 4 кресел и 4 стульев. В статье Янченко делается акцент на особое практическое значение этой мебели для сидения из Башенного кабинета: «Гладкая плоскость обвязки спинки красного дерева прерывается сквозным овальным прорезом... практическое значение этого “захвата” для руки... именно на такого рода изделиях Гамбса можно вполне оценить славу у современников его как “литой мебели”»¹⁷.

Присутствовал и каминный экран прямоугольный, с закругленным верхом, на 4-х львиных лапах, на подставке, обитый с лицевой стороны зеленым канаусом¹⁸.

Следующим помещением была камердинерская, обставленная мягкой мебелью, также обитой зеленым сафьяном, но девять стульев были уже другого типа, со сквозной, выгнутой спинкой с резьбой. Имелся комод с мраморной доской, диван и столик со срезанными углами, а также ящик для дров и плетельница. Самым декоративным предметом в этой комнате был изысканный столик немецкой работы 20-х годов XIX века с круглой стеклянной столешницей, покрытой живописью: на фоне, имитирующем дерево, разбросаны белые, красные, кремовые полевые розы с зелеными стеблями и листьями. Столешница поддерживается ножкой в виде пучка каннелированных колонок с 3 резными кронштейнами растительного рисунка у основания и верхней части. Каждая пара кронштейнов связана витой колонкой, ножка и кронштейн простого дерева. Стол в стиле неоготики, модной в это время. Столик этот сохранился и находится сейчас в ГМЗ «Павловск».

Нужно отметить, что Г. Гамбс и сыновья еще в 1820-х годах начинают изготавливать мебель в неоготическом стиле. Эта мебель появляется позже в Царском Селе, петергофском Коттедже, Мавританской ванной императрицы в Зимнем дворце. Неоготическая мебель Гамбса, по эскизам О.Р. Монферрана, производила сенсацию, о чем писали комментаторы Первой мануфактурной выставки, состоявшейся в Петербурге в 1829 году, для которой Гамбс изгото-

¹⁷ Янченко И.К. Указ. соч. С. 263.

¹⁸ Канаус – разновидность старинной шелковой ткани с полотняным переплетением нитей. Материалу свойственна мягкость, гладкая ровная поверхность, устойчивая структура и одинаковый вид с лицевой и изнаночной стороны. Особенностью сырьевого состава является использование от 3 до 10 коконных шелковых нитей, сложенных вместе продольно и склеенных серицином. Еще одна особенность – материал одинаков с лицевой и изнаночной стороны.

вил мебель в этом неостиле. За свои изделия фирма получила большую серебряную медаль и высокую оценку современников. Один из корреспондентов столичного журнала писал: «Мебельное мастерство, особенно в здешней столице, доведено до совершенства, преимущественно же перед всеми отличается придворный механик Гамбс... Маленькие ширмы, весьма чисто выработаны; кресла, и стулья в готическом вкусе украшены ореховым деревом; произведения новые, работа превосходная»¹⁹. Целый ряд предметов был приобретен с выставки императорской четой.

Третье помещение – это Приемная императора Николая I. Стулья были обиты малиновым сафьяном, имелся прямоугольный стол на 4 ножках со столешницей с закругленными краями, комод с доской белого мрамора, стол с откидными полами. Этот стол изображен на акварели Э.П. Гау 1877 года. У правой стены виден диван, типичный «николаевский ампир», прямоугольный, с высокой спинкой, резьбой растительного орнамента и локотниками, украшенными резьбой в виде пальмовых листьев и лиры. Имелось трюмо с подзеркальником красного дерева, состоящее из 2-х частей: подзеркальник со столешницей фигурного очертания на 2 резных кронштейна и прямоугольное зеркало в раме с закругленными углами и резным верхом.

У приемной была передняя комната, в которой находилась простая мебель ясеневое дерева, которая состояла из двух стульев, стола, настенного зеркала, гардероба с медными ручками и полушкафа.

И, наконец, Большой военный кабинет Николая I, где кроме 4 кресел, 6 стульев, обитых зеленым сафьяном, находился диван с прямой спинкой и шестью ножками, письменный стол, украшенный резьбой, со срезанными углами, два полушкафа, 2 настенных прямоугольных зеркала, каминный экран, обитый зеленым шелком в складочку, бюро, которое было описано ранее, а также умывальник, или умывальный шкаф, приделанный к стене, с фарфоровой раковиной, расписанной по желтому фону синими и красными цветами. Там же находилась складная походная кровать императора, с железной спинкой, обтянутая замшей.

По сметам на меблирование Арсенального каре 1851 года по поводу «Большого кабинета» имеется приписка, что мебель на оную комнату «име-

¹⁹ Мастерская Генриха Гамбса // http://www.lignaur.ru/pages.htm?id_page=588 (Дата обращения 04.10.2016).

ется в наличии и помещена временно в Кухонное каре», и «на половину Государя императора вдобавок к наличной потребно предметов вновь: диван большой – 1, шкаф для книг – 1», в приемную «потребно вдобавок стульев – 4, прямой стол – 1, экран – 1, ящик для дров – 1». В камердинерскую требовалось добавить: «диван длиной 3 аршина, стол прямой – 1, экран – 1, ящик для дров – 1, плевательный ящик – 1». В Малый кабинет доставлена была «новая мебель красного дерева, обитая сафьяном; письменный стол – 1, кресло перед столом – 1, кушетка – 1, шкаф для книг – 1, стульев – 3, кресел – 4, конторка – 1, экран – 1, ящик для дров 1». В переднюю: «новая мебель ясеневое дерева, стульев плетеных – 3, зеркальная рама со столом – 1, вешалка – 1», вторая «передняя в сад – вешалка ясеневая – 1»²⁰.

Интерьер комнат Николая I и Александры Федоровны в Арсенальном каре в полной мере отвечал требованиям той эпохи, ведь «свободное расположение мебели – вот то, что разительно отличало быт николаевского времени от предыдущего царствования. Предметы обстановки словно обрели трехмерность восприятия, “оторвались” от стен, в неразрывном единстве с которыми они раньше воспринимались. Если в эпоху классицизма даже у дворцовой мебели, рассчитанной на конкретное место в парадном интерьере, тыльная сторона отделялась подчас небрежно, как бы вчерне, то с усилением романтических тенденций, когда мода стала намного демократичнее, любое мебельное изделие обрело самоценность и всестороннюю тщательность отделки. Стремление расположить предметы “уголками” или “зонами”, несомненно, привело к утрате той самой архитектурности, и обретению мягких круглящихся форм, о которых не раз упоминали исследователи»²¹.

В декоративно-прикладном искусстве, как и на всем искусстве николаевского времени, отразились личные художественные вкусы императора Николая I. Но все эти изменения отражали прежде всего, глубокий процесс внутренней перестройки, который происходил в это время в русском обществе.

²⁰ РГИА. Ф. 491. Оп. 2. Д. 886.

²¹ Н.Ю. Гусева. Указ. соч. С. 154.

А.Э. Шукурова

Новые документы: «Чертеж галереи Арсенального каре с показанием теперешнего размещения картин»

Значение портретных галерей в мировом искусстве переоценить трудно. Портрет является уникальным тем уникальным жанром изобразительного искусства, который напрямую связывает человека и историю. Поэтому начиная со времен Средневековья каждый человек, претендовавший на благородство происхождения, просто обязан был иметь собрание портретов предков, которое зримо свидетельствовало о его высоком статусе и правах. В первую очередь это, конечно, относилось к аристократическим семействам и владельческим домам. Стены замков и дворцов покрывались полотнами с изображениями славных предшественников, которые служили укреплению престижа той или иной династии, обозначению ее особого статуса и места на династическом ландшафте Европы. Многие из этих коллекций существуют и поныне уже как музеи.

Позже получил распространение другой тип портретных собраний, где ведущая роль отдавалась уже не правящим особам, но представителям науки и культуры, которые прославились не благородством происхождения, но своими трудами. В качестве примера собрания такого рода можно привести Галерею Даниэля (Daniel Gallery) в Королевском замке в Турине. Эта часть дворцового комплекса была отделана в 1684 году, однако картины появились там только в 1840 году, когда по желанию герцога Карла-Альберта¹ зеркальная поверхность стен была покрыта портретами знаменитых уроженцев Савойи.

Самый же известный пример коллекции портретов, собранной именно по историческому, а не семейно-династическому принципу, является, безусловно, Лондонская национальная галерея. Она была основана в 1856 году, дабы увековечить память «британцев прошлых эпох», начиная со времени Тюдоров.

¹ Карл-Альберт Савойский (итал. Carlo Alberto di Savoia; 1798–1849) – представитель младшей, Кариньянской ветви Савойского дома, король Сардинского королевства в 1831–1849 годах.

В России же первым официальным портретным собранием правящей династии считается Романовская галерея Зимнего дворца в Санкт-Петербурге, основанная Екатериной II. Нам она более известна в том виде, который она приобрела после реконструкции, произведенной в правление Николая I. Вообще значение самого Николая I как инициатора сохранения исторической памяти явно еще недооценено. Поэтому нам кажется очень интересным показать его деятельность по устройству портретной коллекции в Гатчинском дворце именно в контексте сохранения семейной и государственной памяти.

Известно, что Гатчинский дворец стал собственностью Николая I после смерти его матери, вдовствующей императрицы Марии Федоровны. При нем же была произведена перестройка под руководством академика архитектуры Р.И. Кузьмина, в результате которой были полностью реконструированы два боковых каре. Кухонное по-прежнему отводилось для хозяйственных служб и квартир. В Арсенальном каре разместились апартаменты августейшей семьи, лиц ближнего придворного круга и представительские помещения. Это были не только привычные парадные лестницы, гостиные, приемные и т.д. Здесь появилась особая форма приемного покоя – портретная галерея. Формально это были коридоры, которые связывали анфилады жилых комнат с внутренним двором. На деле же каждый такой интерьер нес свою определенную функцию, выраженную в том числе и в архитектурно-декоративном убранстве, и в картинном оформлении.

На каждом этаже Арсенального каре была своя экспозиция портретов.

Первый этаж: Готическая, которая примыкала к комнатам Николая I и Александры Федоровны.

Антресольный этаж: коридор с портретами «Преображенской серии»².

Бельэтаж: Китайская и Портретная.

² К сожалению, пока мы не располагаем документами, которые позволили бы точно установить, в каком именно коридоре антресольного этажа находились эти портреты. В первые годы существования Гатчинского дворца-музея у главного хранителя В.К. Макарова была идея сделать эту серию основой экспозиции портретов в 3 этаже Центрального корпуса, отвести им отдельный зал. Этой задумке не дано было осуществиться, поскольку в 1930-е гг. «Преображенская серия» была поделена между Третьяковской галереей и Русским музеем. Своеобразным исполнением мечты В.К. Макарова можно назвать выставку «Петр Первый. Время и окружение», которая проходила в Михайловском замке в 2015–2016 гг. В рамках этой экспозиции в одном зале были собраны портреты «Преображенской серии» из ГРТ и ГРМ.

1. Неизвестный художник.
Портрет графини А.Д. Дивьер.
Утрачен в годы Великой
Отечественной войны

2. Неизвестный художник,
копия с оригинала Г. Риго.
Портрет графа П.И. Ягужинского.
Утрачен в годы
Великой Отечественной войны

Внешний вид и особенности оформления Готической и Китайской галерей нам знаком, они были запечатлены на акварелях Э.П. Гау, сохранились фотографии периода музеефикации. Что касается Портретной галереи бельэтажа Арсенального каре, то, к сожалению, пока мы не можем точно судить об ее архитектурном убранстве.

Более того, нам трудно судить и о том, как были развешаны портреты. Из описей XIX века мы можем узнать общее число картин, их номера по II Отделению Императорского Эрмитажа, самую общую атрибуцию, иногда – размеры. Но точно сказать, как именно были развешаны портреты на той или иной стене, невозможно, поскольку тут необходимо учитывать, например, изгибы коридоров, наличие лестничных площадок и т.д.

Поэтому трудно переоценить важность документа, который хранится в фонде чертежей ГМЗ «Гатчина»: «Чертеж Галереи Арсенального Каре с показанием теперешнего размещения картин» (ГДМ-837-ХП)³.

Это чертеж, на котором показана развертка двух стен коридора, с указанием дверных проемов, пилястр и развески картин с номерами в масштабе формата.

Итак, в первую очередь следовало ответить на два вопроса:

1. Какая часть «галереи» изображена на чертеже? Ибо портретная галерея начиналась от верхней площадки Лестницы Ея Величества и через Медвежью лестницу доходила до Мраморной лестницы.

2. Выверить номера картин на чертеже с известными нам описями и таким образом прояснить состав портретов.

При сличении с чертежом середины XIX века «План бельэтажа этажа Арсенального каре» (ГДМ-193-III) можно с большой достоверностью утверждать, что на интересующем нас документе изображена часть Портретной галереи, которая отделяла театр от комнат великих князей Николая и Михаила Николаевичей, то есть была заключена между Медвежьей и Мраморной лестницами.

На чертеже обозначена 71 картина: 37 и 34 соответственно по двум стенам коридора. Поскольку учет картин по номерам Императорского Эрмитажа

³ Автор статьи сердечно благодарит С.А. Астаховскую, которая любезно указала на этот документ.

происходил до 1925 года, то сличать картины лучше всего по последней полной описи картинного собрания Гатчинского дворца, датированной 1894 годом (далее – опись Ливена)⁴.

Важно отметить, что по номерам описи Ливена возможно не только определить персонажей портретов, но и «подтвердить» эту атрибуцию размерами полотен. Конечно, в рамках одной статьи трудно дать полную характеристику даже части этого собрания, но позволим себе остановиться на наиболее важной информации, которую мы можем почерпнуть из рассматриваемого нами документа.

В зависимости от размеров картины располагались в простенках, либо в один ряд, либо в два, исключение составляет портрет принца Иосифа, сына императрицы Марии-Терезии, который взойдет на престол Австрии как император Иосиф II⁵. Видимо, на стене напротив находились портреты его брата и двух сестер, принцессы Марии-Христины⁶, будущей дофины Франции Марии-Антуанетты⁷ и принца Леопольда, будущего Тосканского герцога⁸. Все четыре парадных портрета были написаны в рост, видимо, в натуральную величину, и принадлежали кисти знаменитого австрийского портретиста М. ван Мейтенса-мл. К слову сказать, больше портретов иностранных правящих особ среди портретов в этой части галереи нет (не считая изображения герцога Людвига Гессен-Гомбургского, но он, скорее всего, присутствует здесь как генерал русской службы). Поэтому мы можем сделать предположение, что этот конец коридора обращен к Медвежьей лестнице, на площадке которой, по сведениям В.К. Макарова, продолжались «австрийские» портреты⁹.

⁴ Опись картинам, рисункам и литографированным портретам, находившимся в Гатчинском дворце. Арсенальное каре. 1894 г. // РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 1499. Л. 449–481.

⁵ М. ван Мейтенс-мл. Портрет принца Иосифа. Г-40054. Утрачен в годы Великой Отечественной войны.

⁶ М. ван Мейтенс-мл. Портрет принцессы Марии-Христины. Г-40055. Утрачен в годы Великой Отечественной войны.

⁷ М. ван Мейтенс-мл. Портрет принцессы Марии-Антуанетты. Г-40057. Утрачен в годы Великой Отечественной войны.

⁸ М. ван Мейтенс-мл. Портрет принца Леопольда. Г-40053. Утрачен в годы Великой Отечественной войны.

⁹ Макаров В.К. Еще один портрет работы Помпео Баттони // Старая Гатчина. 1923. № 2. Научный архив ГМЗ «Гатчина». Д. 699. Л. 4–4 об.

Остальные портреты – государственные и военные деятели, связанные с историей нашей страны, конца XVII и всего XVIII века. Интересно отметить, что, не считая двух австрийских принцесс, в галерее было представлено только три женских образа: родственницы светлейшего князя Меншикова, его жена¹⁰, дочь¹¹ и сестра¹².

Далее при развеске портретов хронологический принцип соблюдался не очень строго. Видимо, определенную сложность создавал разноразмерность в форматах картин, которые подбирались в первую очередь по принципу исторической значимости и иконографической достоверности. Поэтому неудивительно, что портрет голштинского генерала на службе Петра III¹³ соседствовал с портретом боярина П.И. Потемкина, посла в Лондоне¹⁴.

Портреты кисти Д.Г. Левицкого из серии «Владимирских кавалеров» (например: И.А. Ганнибала¹⁵, графа И.А. Игельштрома¹⁶, графа И.Г. Чернышова¹⁷) перемежались с портретами «птенцов гнезда Петрова», которые специально копировались по приказу Николая I в Кусково.

В целом по составу портретов рассматриваемая нами часть Портретной галереи Арсенального каре более всего походит на Готическую. Во-первых, здесь нет портретов членов семьи Романовых и их ближайших родных. Во-вторых, иностранных персонажей мало. Четыре «австрийских» портре-

¹⁰ Неизвестный художник. Портрет княгини Д.М. Меншиковой. Г-42051. Ныне в ГМЗ «Павловск».

¹¹ Неизвестный художник. Портрет княжны М.А. Меншиковой. Г-40005. Ныне в ГМЗ «Павловск». Интересно отметить, что этот портрет был зафиксирован еще в «Каталоге картин» императрицы Марии Федоровны, то есть он относится к раннему периоду формирования гатчинской коллекции живописи.

¹² Неизвестный художник. Портрет графини А.Д. Дивьер. Г-42050. Утрачен в годы Великой Отечественной войны. Интересно, что рядом находился портрет супруга Анны Даниловны, графа А. Дивьер, который, видимо, выбыл из коллекции дворца около 1920-х гг.

¹³ Г.К. Преннер. Портрет барона Левена. ГДМ-91-III.

¹⁴ Г. Неллер. Портрет боярина П.И. Потемкина. С 1920-х гг. в Государственном Эрмитаже.

¹⁵ Д.Г. Левицкий. Портрет И.А. Ганнибала. ЦХ-2023-III. Ныне в ГМЗ «Павловск».

¹⁶ Д.Г. Левицкий. Портрет Ингельштрома. ЦХ-2218-III. Ныне в ГМЗ «Павловск».

¹⁷ Д.Г. Левицкий. Портрет И.Г. Чернышова. ЦХ-2217-III. Ныне в ГМЗ «Павловск».

та, послы иностранных держав (например, маркиза П.-Г. Лопиталья¹⁸, графа В. Эстергази¹⁹ и графа Лобковича²⁰) и иностранцы на русской службе. Основная составляющая – опора трона, представители высшей аристократии России, как по древности происхождения (Долгорукие, Ромодановский, Шереметьев), так и по личным заслугам (Шафилов, Ягужинский). Каждая эпоха была представлена по-своему. Поэтому неудивительно, что частично портреты дублируют друг друга. Другое дело, что в Готической галерее специально заказанные копии подбирались по формату, размеру. Более того, даже оформление рам было задумано и исполнено в едином ансамбле с интерьером. Вместе с тем, если есть точные сведения, что подбор портретов для Готической галереи осуществлялся под личным контролем императора, то вполне возможно, что и остальные галереи он не оставлял своим вниманием.

К сожалению, Портретная галерея Арсенального каре не была полностью музеефицирована. О несомненном достоинстве Гатчины как «портретного музея» писали и А.Н. Луначарский, и граф В.П. Зубов, первый директор Гатчинского дворца-музея, и А.Н. Бенуа²¹. У В.К. Макарова была идея полностью использовать комнаты, прилегающие к «театральному коридору» для грандиозной экспозиции портретов²². К сожалению, часть помещений Арсенального каре отошла Военному ведомству, поэтому планы по формированию портретной экспозиции пришлось свернуть. Часть портретов была использована в залах 3 этажа Центрального корпуса, известной нам по предвоенным фотографиям, а также на выставке придворного костюма 1941 года.

Изучение портретных галерей, конечно, требует еще более тщательного и кропотливого исследования. И особенно важность этих исследований очевидна в последние годы, когда в обществе значительно возрос интерес к историческому прошлому нашей страны. Более того, сейчас, когда особенно остро ощущается потребность в создании национальной портретной галереи, опыт Гатчинского дворца может оказаться весьма актуальным.

¹⁸ Л-Ж-Ф. Лагрене-ст. Портрет маркиза де Лопиталь. ИЭ № 1376. Ныне в ГТГ.

¹⁹ П.А. Ротари. Портрет графа В. Эстергази. ЦХ-2167-III. Ныне в ГМЗ «Павловск».

²⁰ А.П. Антропов, копия с оригинала П.А. Ротари. Портрет графа Лобковича. ЦХ-2236-III. Ныне в ГМЗ «Павловск».

²¹ Бенуа А.Н. Мои воспоминания. М.: «Захаров», 2003. Т. 1. С. 409.

²² Макаров В.К. Гатчинский дворец в 1924 году // ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1187. Л. 265.

Гатчина и ее владельцы в немецкоязычных источниках 1790-х – 1830-х годов

С каждым годом пополняются и обновляются наши знания о Гатчине. Открываются новые детали жизни в Гатчинском поместье его владельцев. Исследователи находят и вводят в широкий научный оборот неизвестные ранее документы, которые подтверждают или опровергают считавшейся истинной до определенного времени ту или иную точку зрения.

Большой объем текстовых источников, как на русском языке, так и переводных, в частности, с немецкого языка, связанных с Гатчиной и в первую очередь с ее дворцово-парковым ансамблем, стал достаточно доступным после выхода в свет трех томов сборника «Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях»¹.

Предлагаемые ниже переводы немецких текстов газетных и журнальных статей, записок путешественников, сообщений очевидцев-современников, статей научно-популярных изданий, кажется, еще мало известны широкому научному сообществу русскоязычных исследователей. Описания в них Гатчины и имевших в ней место событий относятся к разным периодам: ко времени владения поместьем великим князем Павлом Петровичем, его супругой, вдовствующей императрицей Марией Федоровной; и царствования императора Николая I.

Две заметки о Гатчине и ее «человеколюбивом» владельце, великом князе и престолонаследнике Павле Петровиче, были напечатаны в конце 1795 и начале 1796 годов в «Анналах новейшей теологической литературы и истории церкви». Этот еженедельный журнал выпускался в нескольких немецких городах с 1789 по 1797 годы по инициативе профессора Иоганна Матфея Хассенкампа, евангелического теолога, ориенталиста и математика. В соответствии с тематикой журнала речь в обеих заметках идет преимущественно о религиозной и благотворительной (медицинской, образовательно-воспитательной) жиз-

¹ Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. XVIII век. СПб.: Издательство Сергея Ходова, 2006; Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. 1801–1881. Союз-Дизайн, 2007; Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. 1881–1917. СПб.: Союз-Дизайн, 2008.

ни Гатчины, причем главный ее устроитель, великий князь Павел Петрович, восхваляется самым высоким слогом.

Являясь периодическим изданием, «Анналы» относительно оперативно, с учетом скорости распространения информации в то время, отражали происходившие события в мире. Так, в одной из заметок приводится описание праздника, милостиво устроенного «перед дворцом в Гатчине» великим князем для местных финских жителей за несколько месяцев до выпуска интересующего нас номера журнала. Довольно хорошо известен другой документ, описывающий сельский праздник у Приоратского дворца в 1822 году, проходивший по инициативе и при участии вдовствующей императрицы Марии Федоровны². Зачинателем идеи подобных праздников, исходя из журнальной заметки 1795 года, мог быть Павел.

Описание праздника в июле 1795 года дается практически в репортажном стиле, это позволяет предположить, что написал его очевидец, имя которого, к сожалению, не указано. Судя по слогу, использованным выражениям и частично схожему материалу двух заметок, этим автором, возможно, являлся пастор Иоганн Георг Лампе, который с 1783 года был назначен проповедником Санкт-Петербургской немецкоязычной общины Св. Петра при Петрикирхе (Лютеранская церковь Святых Петра и Павла). Его именем подписана вторая заметка в «Анналах», которую он написал специально для журнала. В целом эти два сообщения перекликаются, дополняя друг друга деталями.

Еще одна статья о великокняжеской Гатчине появилась в «Листке объявлений Всеобщей литературной газеты» в октябре 1795 года. Сооснователей «Всеобщей литературной газеты», выходившей с 1785 по 1849 годы, был Кристоф Мартин Виланд, поэт, переводчик, один из «четырех светил» веймарского классицизма. Гете и Шиллер также сотрудничали с изданием. В качестве приложения к нему дважды в неделю выходил «Листок объявлений». Подобного типа газеты, помимо спроса и предложения частных лиц, публиковали также правительственные постановления, судебные решения, всевозможные извещения, торговые новости, денежные курсы, списки прибывших чужеземцев, прогнозы погоды, театральные и книжные анонсы, рецензии, стихи и т.п.

Сообщение о Гатчине в «Листке» от 10 октября 1795 года, повествующее об июне того же года, составлено, видимо, безымянным немецким пу-

² См., например: Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. 1801–1881... С. 139–141.

тешественником, лично посетившим поместье престолонаследника, которого он, как это было и в предыдущих заметках, также высокопарно восхваляет. Его восхищают воспитательные, образовательные и медицинские заведения, учрежденные великим князем с помощью своих верных и деятельных помощников, кроме этого корреспондент радуется неожиданной встрече в Гатчине со своими соотечественниками.

Автор других записок нам известен. Это Кристиан Иероним Юстус Шлегель, родившийся в герцогстве Саксен-Веймар в Йене и умерший в России, в Санкт-Петербурге. Он совершил ряд путешествий по Российской империи в период с 1796 по 1817 год, первое – вместе со своим братом. Оно состоялось летом 1796 года и в записках Шлегеля обозначено как «Путешествие из Польши в Санкт-Петербург». На пути следования лежала и Гатчина. Пребывание в ней было непродолжительным, однако оно интересно упоминанием гатчинской мельницы, которую Шлегель называет «эрмитажем», как место работы великого князя. Любопытен также эпизод ночного прибытия в Гатчину, раскрывающий некоторые негативные детали «гостиничного дела» в посаде.

Следующий по времени текст, посвященный Гатчине, имеет совершенно другой характер: это описание города, дворца и парка в географической хрестоматии «Новейшее строение и народоведение» от 1807 года. Составитель упоминает «городок Ингербург» и его построенные в «готическом стиле» дома. Дворец с башнями представляется ему также готическим, рыцарским замком. Такое восприятие Гатчинского дворца начало развиваться еще в XVIII веке, подобное сравнение встречается у некоторых современников-очевидцев павловского времени³.

Составитель хрестоматии в целом и, в частности, описания Гатчины в ней, Теофил Фридрих Эрманн, использовал сведения из других доступных источников, причем относящихся к разным годам существования Гатчинского дворца. Так, говоря о боковых «вспомогательных зданиях», т.е. каре, он отмечает, что они одноэтажные, хотя они были надстроены еще в царствование Павла I. А также, что оба каре и дугообразные флигели были пристроены по желанию императора, поскольку главное трехэтажное орловское здание не вмещало всю императорскую семью, хотя флигели и каре относились к изначальному проекту А. Ринальди и были возведены при первом владельце двор-

³ См., например: Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. Т. 1. СПб.: Наука, 2004. С. 119; Campenhausen B. Auswahl topographischer Merkwürdigkeiten des St. Petersburgischen Gouvernements. B. 1. Riga, 1797 // Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. XVIII век... С. 158.

ца. Из этого можно сделать вывод, что подобное мнение, наряду с исторически верным, бытовало уже тогда, а не только в конце XIX или середине XX века, как отмечено в некоторых источниках⁴.

Авторы предыдущих текстов, очевидно, не имели возможности посетить Гатчинский дворец, описывая его лишь внешне или используя общие данные других источников. Графу Фридриху Вильгельму фон Бисмарку такое право было предоставлено. Этот вюртембергский генерал-лейтенант, дипломат, военный писатель посетил Санкт-Петербург и его пригороды в июне-июле 1835 года по приглашению самого императора Николая I. Основной целью этой поездки было знакомство с организацией вооруженных сил в Российской империи, чему Бисмарк посвящает, разумеется, большую часть своих записок. И как человек военный, граф даже при описании архитектурных достопримечательностей обращает внимание на военные детали. Так, он отмечает «фортификационный участок» перед Гатчинским дворцом, а в самом дворце как самое интересное для себя – «оружейный кабинет» с редчайшими образцами.

Почти все авторы предлагаемых текстов чрезвычайно благосклонно пишут о России, ее правителях, владельцах Гатчинского дворца, в частности, о цесаревиче Павле Петровиче. И если некоторые из них были, так сказать, заинтересованными, зависимыми от обстоятельств или своего положения лицами, то анонимы, похоже, вполне искренне выражали свое восхищение.

В заметках не так много действительно новой для нас информации о Гатчине, но они интересны деталями, подробностями, отношением их авторов к предмету описания, они дают представление о том, как воспринимались Российская империя, ее правители, престолонаследник Павел в немецких землях.

В предлагаемых переводах мы постарались сохранить авторский слог, оригинальное разделение текстов на абзацы, а также характерные черты немецкого языка, как, например, многочастные сложные предложения. Переводы сделаны максимально близко к оригинальному тексту и дополнены примечаниями⁵.

⁴ Столетие города Гатчины. 1796–1896. Т. 1. Исторические сведения / Под ред. С.И. Рождественского. Гатчина: Гатчинское дворцовое управление, 1896. С. 14.

О заблуждении некоторых исследователей середины XX века, касательно этого вопроса упоминается в: Спащанский А.Н. Григорий Орлов и Гатчина: история фаворита императрицы и его загородного имени. СПб.: Коло, 2010. С. 157.

⁵ Автор благодарит Э.З. Хуцураули за помощь в идентификации и переводе отдельных слов и выражений: четыре из шести оригинальных текстов напечатаны готическим шрифтом.

Annalen der neuesten theologischen Litteratur und Kirchengeschichte: Siebenter Jahrgang. Rinteln, In der Expedition der theol. Annalen; Leipzig, In Commiss. bei Joh. Ambros. Barth; Frankfurt, In Commiss. bei Joh. Chr. Hermann. 1795. S. 780–782.

Анналы новейшей теологической литературы и истории церкви: седьмой год. Ринтельн, в экспедиции теол. анналов; Лейпциг, в комисс. Иог. Амброс. Барта; Франкфурт, в комисс. Иог. Хр. Германна. 1795. С. 780–782.

Сорок девятая неделя

Сообщения

Гатчина под Санкт-Петербургом октября 1795 года.

Наш выдающийся и человеколюбивый великий князь и престолонаследник, который большую часть года проводит в этом своем поместье⁶, во время пребывания здесь занимается только благими делами, человеколюбивыми учреждениями. Уже год назад здесь был заложен прекрасный просторный госпиталь с русской церковью, и этот госпиталь не только для военных, но все подданные гатчинских владений могут направиться туда, если захотят⁷. Военный сиротский дом принимает осиротевших детей военных чинов⁸. Для протестантов и католиков, служащих великого князя и других жителей Гатчины и всего округа на средства Его Императорского Высочества выстроен

⁶ Если в начале владения Гатчиной великим князем Павлом Петровичем и позднее, уже в императорский период, Гатчинский дворец использовался для летне-осеннего проживания, то в конце царствования своей матери цесаревич действительно преимущественно пребывал в Гатчине, выезжая оттуда в Санкт-Петербург, Царское Село на некоторые праздники и торжества.

⁷ Подробнее о госпитале см.: Sampenhause V. Указ. соч. С. 171; Столетие города Гатчины... С. 11, Приложение 1, С. 3–4; Федорова В.В. При деревне Гатчина госпиталь // Старая Гатчина. СПб.: Лига, 1996. С. 69–78.

⁸ Подробнее о военном сиротском доме см.: Столетие города Гатчины... С. 11–13.

молельный дом, и для обеих вероисповеданий великий князь оплачивает проповедников⁹. Протестантское религиозное и школьное образование находится под надзором достойного управляющего Гатчиной, господина статского советника барона фон Борка¹⁰, который, привлекая господина пастора Лампе¹¹ в Санкт-Петербурге, назначает проповедников и школьных учителей, устраивает богослужения, определяет обучение в школе и т.д. В мае месяце этого года господином пастором Лампе здесь же было учреждено образовательно-воспитательное заведение для мещан¹². Его Императорское Высочество подарили для этого очень красивый дом, оплачивают учителей, и дети, число которых уже за 40, получают бесплатное обучение. Также на низший класс народа, на эту обычно такую униженную нацию – финских крестьян, распространяется человеколюбивая заботливость этого превосходного князя. Будущий властелин величайшей империи в Европе посещал убогие лачуги этих так сильно презираемых людей, при виде их отвратительной от грязи и дыма еды этот по-настоящему благородный князь сказал господину барону фон Борку, который его сопровождал: «Это необходимо, это нужно с божьей помощью исправить». Чтобы подбодрить живущих там в нечувствительности и отупении финнов, он использует все средства; и, между прочим, подарил находящимся в гатчинских владениях финским общинам черное, отделанное серебром, покрывало, которым покрывают гроб каждого доброго и беспорочного хозяина и которое по-фински называют покрывалом чести¹³.

29 июля этого года по велению Его Императорского Высочества для финских общин был дан праздник, который для них должен был быть очень

⁹ Подробнее о церкви, ее организации и пр. см.: Столетие города Гатчины... С. 8–9.

¹⁰ Карл Астафьевич фон Борк управлял Гатчинской волостью в 1793–1795 годах.

¹¹ Иоганн Георг Лампе (1775–1813) – немецкий лютеранский теолог, пастор. С 1781 по 1783 годы служил в Архангельске, затем в Санкт-Петербурге в Петрикирхе.

¹² То, что исполнителем желания великого князя Павла Петровича учредить училище в Гатчине был именно Лампе, мы узнаем в этой и следующей заметке, напечатанной в «Анналах».

¹³ В финском языке подобное погребальное покрывало обозначается несколькими словами: «arkkuvaate» и «arkkupeite», буквально означающими «гробовая ткань, покров, полотнище», и «raaivaate» – это покрывало, полотнище, которым покрывают покойника на носилках или на котором несут гроб в могилу. Зажиточные семьи, как правило, имели собственные подобные покрывала, бедные брали его в аренду в приходе общины. Автор благодарит за предоставленную информацию О.В. Гусарову.

трогательным и приободряющим. Были назначены 5 наград для тех, кто отличился в своем хозяйстве старательностью и благонравным поведением. Эти 5 наград были розданы в названный день с большой торжественностью. Перед великокняжеским дворцом в Гатчине был сделан из еловых деревьев большой круг, от этого круга шли аллеи, в которых были накрыты столы для крестьянства. Число собравшихся крестьян мужского пола составляло более 800. Оба финских проповедника общин возглавляли собравшееся крестьянство. Господин статский советник барон фон Борк, как управляющий Гатчиной, шел с великокняжеской военной и статской прислугой впереди. И вот торжество было открыто речью одного из финских проповедников, затем, под звуки труб и литавр, господином бароном фон Борком от имени Его Императорского Высочества были розданы награды, и после награждения другой финский проповедник воодушевил финское крестьянство к благодарности и доброму поведению. После чего все крестьяне уселись за столы, те пятеро, которые получили награды, за отдельный стол, за который сел также господин статский советник фон Борк наряду с другими знатными особами, чтобы отметить этих добрых финнов, получивших награду. После окончания трапезы крестьяне со своими семьями танцевали на большой площади до 10 часов вечера. Так закончился праздник, который человеколюбивый князь дал беднейшим и до сих пор, к сожалению (!), презреннейшим из своих подданных.

С добрыми пожеланиями человеколюбивому, уважительному князю крестьяне вернулись в свои лачуги. В будущем этот праздник будет повторяться ежегодно.

**Annalen der neuesten theologischen Litteratur
und Kirchengeschichte: Achter Jahrgang.
Rinteln, In der Expedition der theol. Annalen;
Leipzig, In Commiss. bei Joh. Ambros.
Barth; Frankfurt, In Commiss. bei Joh. Chr. Hermann.
1796. S. 93–96.**

**Анналы новейшей теологической литературы
и истории церкви: восьмой год. Ринтельн,
в экспедиции теол. анналов; Лейпциг,
в комисс. Иог. Амброс. Барта; Франкфурт,
в комисс. Иог. Хр. Германа.
1796. С. 93–96.**

Шестая неделя

Сообщения

Санкт-Петербург, ноября 1795 года

Ваш призыв – сообщать Вам по случаю отсюда новые, касающиеся церкви и школы известия, побуждают меня к этому письму. Наш человеколюбивый великий князь и престолонаследник во время пребывания в своем загородном замке в Гатчине так много и благородно занимается осчастливливающими человечество заведениями, что познакомиться с замечательными заведениями этого выдающегося сына великой Екатерины – определенно должно доставить радость каждому чувствительному сердцу.

Уже 5 лет назад он назначил для жителей-лютеран Гатчины, которые являются отчасти служащими великого князя, а отчасти проживающими там мешанами, проповедника, которого по Его велению я должен был представить общине. Об этом также и Вы давали в свое время известие в Ваших теол. анналах. Теперь Его Императорское Высочество велел выстроить там очень красивый молельный дом, в котором местные католики и протестанты совместно проводят богослужения. Обеим общинам это прекрасное здание с большим пространством для домов проповедников и школ было подарено без какого-либо платежа. В собственноручно подписанном Его Им. Выс. дарственном письме одновременно назначен патроном евангелической общины господин барон

фон Борк, который, привлекая евангелическое духовное лицо в Санкт-Петербурге (которым меня милостиво назначил Его Им. Выс.), организует литургии, надзирает над церковью и школами и должен следить за тем, чтобы поддерживалось и отправлялось целесообразное и разумное богослужение. В начале этого года прежний лютеранский пастор Гатчины и Павловска, господин Францен¹⁴, был уволен, и на его место назначен господин Мейнтель¹⁵, уроженец анспакской области¹⁶. Последний по велению Его Им. Выс. был представлен 22 апреля в Павловске, загородном дворце великой княгини, местной общине. Во время этого события мне посчастливилось, что Его Им. Выс. очень долго со мной беседовали, и я получил в подарок две золотые табакерки¹⁷.

Человеколюбивому великому князю было не достаточно удовлетворить потребность взрослых, близких по религии, иностранцев, я получил от него еще поручение основать в Гатчине учебное заведение. Для этого учебного заведения великий князь подарил очень красивое здание и сам оплачивает учителей. Число детей насчитывает уже сейчас, а школа открылась только в мае месяце, более 40. Все они получают бесплатные уроки религии, русского, французского и немецкого языка, правописания и счета, географии и истории, рисования, естествознания, насколько это нужно для восхищения творениями Божьими и ослабления суеверия. Детей женского пола обучают рукоделию. В штате 3 учителя, и господин Мейнтель три раза в неделю дает уроки религии. Помимо этих благотворительных заведений, в Гатчине устроен красивый и рациональный госпиталь. Сиротский дом принимает детей покойных офицеров и солдат, также и здесь принято уже свыше 40 детей. Даже финских крестьян гатчинских владений, этот обычно так униженный и презираемый народ, пе-

¹⁴ Конрад Фридрих Францен служил проповедником Гатчинского прихода с 1790 по 1795 годы.

¹⁵ Иоганн Кристиан Мейнтель сменил Францена и служил в Гатчине до 1811 года.

¹⁶ Имеются в виду, видимо, земли с центром в городе Анспак (в настоящее время – Ной-Анспак) в земле Гессен в Германии.

¹⁷ Спустя несколько лет пастор Лампе сделал Павлу ответный подарок. В коллекции Гатчинского дворца-музея хранится обелиск из слоновой кости с благодарственной надписью на латинском и немецком языках императору Павлу I за начало военной кампании под командованием А.В. Суворова против французских революционных войск (ГДМ-361-Х). Судя по подписи, присутствующей на обелиске, он был изготовлен по заказу (или собственноручно?) пастором Лампе и преподнесен императору в сентябре 1799 года.

кущийся о благе человека великий князь старается подбодрить. С этой целью он установил ежегодно награды, которые вручаются на общественном сельском празднике тем, кто отличается как хороший работающий хозяин (см. Теол. анналы. 1795. С. 780–782). Финские проповедники получают от великого князя одобрение и поощрение за все то, что они делают для блага и улучшения этого народа. Не правда ли? Они благословляют вместе со мной этого благородного князя, который умеет сделать такими занятиями свое загородное пребывание приятнее и радостнее, тогда как другие охотой или другими увеселениями более разрушают, чем строят.

Известно ли вам здешнее больничное заведение, я не знаю. Поэтому прилагаю полное сообщение об этом учреждении*¹⁸.

Лампе, пастор Петрикирхе в Санкт-Петербурге.

¹⁸ В сноске издатели «Анналов» извиняются перед читателями, что не могут напечатать из-за большого размера данное сообщение, однако надеются, что, возможно, найдется какое-либо другое издание, которое сможет его опубликовать.

**Intelligenzblatt der allgemeinen
Literatur-Zeitung vom Jahre 1795. Numero 117.
Sonnabends den 10ten October 1795. S. 942–943.**

**Листок объявлений «Всеобщей литературной газеты» за 1795 год. Номер
117. Суббота 10-го октября 1795 года. С. 942–943.**

Из наблюдений путешественника (?)¹⁹. Петербург июня 1795 года. Употребительное зрелище видеть князя, который, поддерживаемый верными знающими деятельными слугами, заботится и трудится для человеческого блага так серьезно и с такой любовью. Эта радость выпала на мою долю в мое пребывание в Петербурге, когда я среди прочего посетил также загородный дворец великого князя и престолонаследника Павла Петровича. Здесь я нашел почти что маленький город и, вопреки моим ожиданиям, маленькую колонию немцев. Все, что я здесь увидел, усилило мое почтение к князю. Я нашел очень красивый и рациональный госпиталь, маленький военный сиротский дом, также процветающее учебное заведение для мещанских детей, со вкусом устроенный молельный дом для протестантской и католической общины, построенный полностью на средства князя и подаренный общинам на вечные времена. Для обеих общин князь оплачивает проповедников и предоставляет им жилье и все прочие удобства. Для школы Он подарил довольно милое здание, оплачивает учителей, и все дети пользуются обучением бесплатно. В этой школе, которая будет связана с пансионом, детей обучают религии, русскому, немецкому и французскому языкам, истории, естествознанию и географии, письму и счету, рисованию и т.д. Некоторые из двадцати детей, которых я здесь встретил, были немцами. Кроме того, я нашел здесь также весьма образцовое пожарное заведение²⁰; в каждой относящейся к гатчинскому округу деревне заботятся о бедных и больных; также закладываются прядильные школы. Нынешний управляющий Гатчиной, статский советник барон фон Борк – особенно деятельный и знающий человек, который всемерно старается поддерживать человеколюбивые замыслы своего князя и живет в беспрестанных трудах. За медицинскими заведениями следит лейб-медик великого князя, доктор Фрейганг,

¹⁹ В оригинальном тексте стоит следующее сокращение: «А. В. ein. Reisenden».

²⁰ Подробнее об организации пожарного дела см.: Столетие города Гатчины... С. 22, 25, 74–75.

человек многих талантов и знаний, о которых свидетельствует заложенный им в Гатчине госпиталь²¹. При нем находятся еще врач, штаб-хирург и несколько суб-хирургов²², аптекарь, которые стоят под надзором господина доктора Фрейганга. Церковные и школьные дела находятся на контроле господина барона фон Борка, которого великий князь сделал с 20 сентября прошлого года церковным патроном обеих общин. С привлечением лютеранского духовного лица в Санкт-Петербурге, господина пастора Лампе при Петрикирхе, статский советник фон Борк управляет всеми церковными и школьными делами. Недавно новоизбранный пастор Мейнтель, превосходный молодой человек, уроженец ансбахской области, был представлен пастором Лампе общине в Гатчине в третье воскресенье после пасхи 23 апреля и 27 апреля общине в Павловске, в церкви загородного дворца великой княгини, где он поочередно с Гатчиной должен проповедовать. Во время этого события пастор Лампе получил в подарок от Его Имп. Высочества золотую табакерку²³.

Вид Гатчины улучшается день ото дня. Кто видел ее несколько лет назад и посетит снова, почти не узнает ее больше. Насколько сильно великий князь заботится о своей Гатчине, настолько же сильно старается так похожая на него супруга усовершенствовать свой загородный дворец в Павловске <...>.

²¹ Сведение о том, что Иван Федорович (Иоганн Готлиб) Фрейганг (1755–1815) непосредственно участвовал в учреждении госпиталя, встречается нам впервые. Подробнее о штате госпиталя см.: Георги И.-Г. Описание Российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб., 1996. С. 506–509; Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. XVIII век... С. 132.

²² Под штаб- и суб-хирургами имеются в виду штаб-лекарь и подлекари, в современном понимании – фельдшеры.

²³ Сведения автора, касающиеся последних указанных дат, количества подаренных пастору табакерок, разнятся с сообщением самого Лампе, что может служить хорошим примером того, как быстро происходит искажение информации, ведущему впоследствии к возможным историческим ошибкам и заблуждениям.

Ch. H. J. Schlegel. Reise aus Polen nach St. Petersburg, Erfurt und Gotha, 1818. In der Hennings'schen Buchhandlung. S. 73–76.

Х.И.Ю. Шлегель. Путешествие из Польши в Санкт-Петербург. Эрфурт и Гота, 1818. Книжный магазин Хеннингса. С. 73–76.

Гатчина

Была ночь. Мы остановились у одного немецкого трактира – маленького низкого домика из дерева – где всего за несколько часов, пока не рассветет, потребовали с нас всего лишь за одну комнатенку (так как кровать и еду мы не просили), не помню уже сколько рублей. Так что наш извозчик поехал к русскому постоялому двору. Мы не стали выходить, велели загнать кибитку под навес и проспали в ней оставшиеся ночные часы.

Рано утром около шести часов мы осмотрели в Гатчине столько, сколько было возможно за короткое время, которое нам позволил извозчик. Городок маленький, и в нем в основном деревянные дома. Но дворец великого князя*²⁴ из массивного камня велик, великолепен и достоин такого выдающегося князя. Построены великолепные мосты, а на широкой площади недалеко от дворца возвышается в небо обелиск из белого камня, который ломают в этой местности²⁵.

Променады в английском саду красивы, в основном очень простые. В середине – большое озеро с несколькими каскадами, рядом большой зверинец с прорубленными в густом лесу аллеями. Также я увидел превосходную оранжерею, где в большом количестве имелись персики, абрикосы²⁶. В конце озера находится имеющий форму мельницы эрмитаж, где часто работает великий

²⁴ В сноске автор помечает: Павел, впоследствии – император.

²⁵ Имеется в виду Коннетабль, возведенный К.А. Пластининым в 1793 году из черницкого камня.

²⁶ Видимо, имеется в виду Лесная оранжерея (В. Бренна (?), К.А. Пластинин. 1794–1796). Однако в XVIII веке в имении существовал еще «внутренний сад с оранжереями», впоследствии – Большие оранжереи. Подробнее см.: Гатчинский парк. Путеводитель / Сост.: Кустова Т.А., Фарафонова А.Н. СПб.: Галерея, 2011. С. 75–77.

князь²⁷. На письменном столе мы видели бумагу, чернильницу и перо, оставшиеся с прошлой осени. Когда Екатерина покидает Царское Село, он уезжает из Павловска и проводит осень, по крайней мере, ее часть, в Гатчине.

Деревня этого же имени населена финнами. К гатчинской области относятся около 4000 крестьян, с которыми великий князь обращается крайне заботливо. Я читал его собственное, касательно этого распоряжение надзирателю над ними, которое делает его сердцу чрезвычайно много чести²⁸.

Отсюда мощеная дорога ведет в Царское Село. Мы встретили, примерно на половине пути, мост из гранита – прелюдию тех, что мы ожидаем увидеть в Санкт-Петербурге²⁹.

Царское Село³⁰

Уже за четыре–пять верст оно сразу бросается в глаза всякому, кто едет этой дорогой. Кажется, что оно находится на возвышенности, так как путь от Гатчины к концу немного понижается, но в самом конце снова идет вверх.

Все здесь больше дышит жизнью и величием. Гатчина – это место пребывания двух сердец, которые, вдали от шума, хотят наслаждаться друг другом.

В Царском Селе хочется еще наслаждаться собой и блистать, и часть этого наслаждения состоит в блеске! <...>.

²⁷ Судя по указанному местоположению, вероятно, имеется в виду лесопильная мельница на границе Гатчинского парка, построенная во времена Г.Г. Орлова на реке Пильной (Колпанке). На более значительном расстоянии находились две мукомольные мельницы в Пудости (см.: Столетие города Гатчины... С. 32–33, 82–82). Сведение о том, что Пильная мельница являлась местом уединенной работы великого князя, встречается нам впервые. Тот факт, однако, что Павел нередко отдыхал, обедал на местных мельницах, хорошо известен. См., например, автора XIX века И. Ферри де Пиньи, который отмечает, что мельница – это «место, исполненное воспоминаний, посещается всеми, осматривающими Гатчину» (И. Ферри де Пиньи. Поездка в Гатчину (письмо в редакцию) // Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. 1801–1881... С. 200).

²⁸ Возможно, имеется в виду один из документов, упорядочивающих жизнь Гатчинского посада и составленных Павлом в 1793 году: «Наказ...», «Регламент...» и «Инструкция...». Подробнее см.: Столетие города Гатчины... Приложения 3–5. С. 7–15.

²⁹ На старой Гатчинской дороге, соединявшей Царское Село и Гатчину, еще в орловское время было построено два моста. Один из них, трехарочный, с облицовкой из гранита, через реку Ижору. Он был разрушен во время Великой Отечественной войны. Возможно, этот мост и имеется в виду.

³⁰ Мы предлагаем здесь также часть текста о Царском Селе, поскольку в его начале автор указывает некоторые факты о дороге между двумя резиденциями и сравнивает их.

**Neueste Länder- und Völkerkunde.
Ein geographisches Lesebuch für alle Stände.
Dritter Band. Rußland. Aus Quellen dargestellt
von Theophil Friedrich Ehrmann. Weimar, im Verlage
des geographischen Instituts, 1807. S. 339–341.**

**Новейшее строно- и народоведение.
Географическая хрестоматия для всех сословий.
Т. 3. Россия. Составитель Т.Ф. Эрманн.
Веймар: издательство географического
института, 1807. С. 339–341.**

Гатчина, при одноименном городе, у Дудергофских гор и Ижоры, примерно в 6 с половиной милях³¹ юго-юго-западнее Санкт-Петербурга, на большой Смоленской дороге, была построена князем Григорием Орловым, которому императрица Екатерина II подарила после своего прихода к власти значительную часть гатчинского округа. После его смерти она выкупила ее у наследников и отдала своему сыну и преемнику Павлу I.

Почти на два часа от дворца³² большие каменные ворота на прекрасном, хорошо содержимом шоссе отмечают начало гатчинской области³³, которая вместе с прилегающими к дворцу селениями насчитывает около 7000 жителей.

Прежде, чем добираться до дворца, проезжаешь через узкую улицу городка Ингербург, который состоит из нескольких связанных друг с другом построенных в готическом стиле каменных домов и который словно упирается в город Гатчину, в конце которого находится дворец, который, если смотреть со стороны сада, со своими обеими усеченными башнями имеет готический, похожий на старый рыцарский замок, облик.

Среднее главное здание, имеющее три этажа, было отстроено уже в 1770 году упомянутым князем Орловым из красивого, цвета сена пудостско-

³¹ Немецкая миля, так же, как и старая русская, равна примерно 7,5 километрам, т.е. указанное расстояние составляет почти 49 километров. В других источниках XVIII–XIX века расстояние варьируется обычно от 40 до 50 километров (верст).

³² Т.е. примерно на северо-востоке.

³³ Имеются в виду Мозинские ворота на старой Гатчинской дороге. На всем своем протяжении она была шоссирована, т.е. засыпана мелким камнем, песком и утрамбована.

го известняка. В среднем этаже находятся великолепные, со вкусом меблированные комнаты вдовствующей императрицы, которой теперь принадлежит дворец, к которому ее супруг, император Павел I, имел очень большое пристрастие. Также он велел, поскольку главное здание было слишком мало для всей императорской семьи, пристроить к нему два дугообразных, изогнутых в сторону дворцового плаца флигеля, которые связывают главное здание с двумя одноэтажными вспомогательными зданиями, каждое из которых с четырьмя одинаковыми башнями на углах образует обширный квадрат. Великолепная колоннада из пепельно-серого мрамора образует со стороны двора на втором этаже упомянутых флигелей двойной коридор, ниши которого украшают бюсты римских императоров³⁴. В квадрате с левой стороны находятся дворцовый театр, рюст-камера, манеж и квартиры конюшенных служащих, а также управляющего Гатчиной. Раньше здесь размещалась также библиотека великого князя Константина³⁵. В квадрате по правую руку – дворцовая церковь, квартира коменданта и других относящихся ко двору лиц и дворцовые кухни.

Сады очень просторны и красивы. Природа так много сделала для этой приятной, холмистой, пронизанной Ижорой местности, что искусству лишь немного нужно было помочь, чтобы со вкусом приукрасить ее³⁶. Английские участки парка чрезвычайно разнообразны и разбиты в лучшем вкусе. Везде

³⁴ Как отмечалось в предисловии, составитель данной статьи указывает данные, относящиеся к разным периодам существования Гатчинского дворца. Открытые колоннады, украшенные бюстами «разных великих мужей», являлись изначальным элементом архитектурного облика Гатчинского дворца. К 1797 году они были переделаны, и в итоге появились две закрытые галереи, получившие в XIX веке название Греческой и Оружейной. Подробнее см.: Спащанский А.Н. Указ. соч. С. 144; Петрова О.В. Архитектурная графика XVIII века из собрания Гатчинского дворца: Научный каталог. СПб.: Издательство Сергея Ходова, 2006. С. 7, 27, 33.

³⁵ Также и здесь составитель дает частично искаженную информацию. После смерти Павла I большая часть Гатчинской библиотеки, а именно бывшее книжное собрание барона И.А. фон Корфа, размещавшееся в Арсенальном каре, о котором идет речь, согласно завещанию императора перешла его сыну великому князю Константину Павловичу и в 1802 году была перевезена в принадлежащий ему Мраморный дворец. Подробнее см.: Семенов В.А. Библиотеки Гатчинского дворца// Гатчина. Императорский дворец. Третье столетие истории. СПб.: Ленарт, 1994. С. 415.

³⁶ Если автор имеет в виду, что река Ижора пронизывает именно территорию Гатчинского парка, то он, как это часто встречается в источниках XVIII, XIX веков, ошибается. Ижора протекает в нескольких километрах от дворца, по северной, северо-западной границе Орловой рощи.

прекрасная, кристальной чистоты вода, которая, несмотря на свою глубину, прозрачна до самого дна. К многочисленным достопримечательностям этих садов относится также живописное озеро, в котором располагается остров любви с посвященным ей храмом.

Город Гатчина примечателен своими разными полезными и благотворительными заведениями, относящимися к нему. К ним принадлежат: прекрасный госпиталь с более чем сотней кроватей для местных и пришлых больных, бесплатная школа, основанный вдовствующей императрицей воспитательный дом на 600 воспитанников³⁷, фарфоровая фабрика, суконная³⁸ и шляпная мануфактура, сукновальня и пр. Также и здесь есть совместный лютеранский и католический молельный дом. Ночью город освещается фонарями на столбах.

Направо от дворца расположена слобода Мариенбург.

³⁷ Подробнее о воспитательном доме см.: Столетие города Гатчины... С. 115–116.

³⁸ Подробнее о суконной фабрике см.: Столетие города Гатчины... С. 33–34, 80–81.

Friedrich-Wilhelm Graf von Bismark.

Die Kaiserlich Russische Kriegsmacht
im Jahre 1835 oder meine Reise
nach St. Petersburg. **Karlsruhe: Creuzbauer'sche
Buchhandlung. Druck von W. Hasper, 1836. S. 215–217.**

**Ф.-В. Бисмарк. Российские императорские
военные силы в 1835 году,
или Мое путешествие в Санкт-Петербург.
Карlsruhe: Книжный магазин Кройцбауера.
Печать В. Гаспера. 1836. С. 215–217.**

<...> 19 июля я встретил двор в Гатчине, которая находится в сорока двух верстах или шести немецких милях от Санкт-Петербурга³⁹, в том прекрасном дворце, где много лет пребывала императрица Мария, супруга императора Павла и мать императора Николая, а также императора Александра. Приветливый город этого же названия, где стоят в гарнизоне подразделения гвардии⁴⁰, придает этой резиденции повышенный интерес. Парк представляет собой буковую рощу⁴¹ и позволяет понять, как императрица, удалившись от мира, могла здесь жить в философском одиночестве, воспитывая своих младших детей и посвятив себя прекрасной профессии благодетельной матери.

Вода в просторных озерах парка удивительно чистая и прозрачная, так что можно увидеть дно.

Французская актерская труппа, приписанная к Санкт-Петербургу и имеющая несколько хороших членов, по вечерам ставила в дворцовом театре

³⁹ Данный перерасчет верст в мили остается для нас неясным. См. сноску 31.

⁴⁰ С 1822 года в Гатчине был расквартирован Лейб-гвардии Кирасирский Ее Величества полк. В более позднее время в Гатчине дислоцировались также Лейб-гвардии 4-й стрелковый Императорской Фамилии полк и Собственный Его Императорского Величества железнодорожный полк.

⁴¹ Автор, вероятно, ошибается: по нашим сведениям, в Гатчинском парке никогда не высаживали буки.

маленькие пьесы⁴², после чего ночью трапезничали и невероятно весело завершали каждый день бодрыми играми. Гатчинский дворец имеет для этой цели достопримечательный зал⁴³, который содержит приготовления ко многим таким играм, там все продумано, среди прочего имеется маленькая катальная горка, которая служит причиной самых комичных сцен.

Самое интересное во дворце для меня, кстати, оружейный кабинет, в котором имеются редчайшие образцы оружия, особенно восточного происхождения⁴⁴.

Перед дворцом имеется фортификационный участок, который, украшенный старыми артиллерийскими орудиями – редкими образцами, создает грандиозно-воинственный вид⁴⁵.

Дворец очень протяжен и с двумя квадратными флигелями является одной из крупнейших резиденций, которая со своими водными и парковыми участками, фазанниками и зверинцами и пр. очень разнообразна.

⁴² Театр в Гатчинском дворце появился при великом князе Павла Петровича. Начиная с того времени, традиционно свои представления на его сцене давали русская, немецкая, итальянская и французская драматические и оперные труппы. Подробнее см.: Ананьев А.А. «Здесь велика охота до спектаклей, одни репетиции и показы»: Представления в Гатчинском дворцовом театре в царствование императора Павла I. Репертуар Гатчинского дворцового театра. 1786–1800 годы // «Музыка все время процветала...»: Музыкальная жизнь императорских дворцов. Материалы научно-практической конференции. СПб.: Свое издательство, 2015. С. 15–39, 296–321.

⁴³ Арсенальный зал.

⁴⁴ Под оружейным кабинетом автор, очевидно, имеет в виду Оружейную галерею, где с 1823 года разместился Гатчинский арсенал. Подробнее см.: Родионов Е.А. Коллекция оружия Гатчинского дворца. Т. 1: Оружие России, Османской империи и стран Дальнего Востока. Научный каталог. СПб.: ООО «АВ-Студия», 2012.

⁴⁵ Первое упоминание о пушках на плацу перед Гатчинским дворцом относится к 1795 году. Был ли к этому времени бывший орловский парадный двор с газонами и подъездными дорогами уже превращен в плац, ограниченный бастионной стеной-парапетом, или его преобразование только началось, нам неизвестно. Ров, вероятно, существовал еще при первом владельце дворца.

На «Ситуационном плане расположения дворца и парка в Гатчине» 1810-х годов великого князя Николая Павловича (?) и на акварели А.Ф. Чернышева «Вид на Гатчинский дворец» 1846 года различимы 13 орудий. На акварели Г.С. Сергеева «Парад перед Гатчинским дворцом» 1798 года и на гравюре К.К. Шульца по рисунку И.Я. Мейера «Дворец в Гатчине со стороны двора» около 1845 года видно также, что над пушками закреплены двускатные крыши-капели. Подробнее см.: Родионов Е.А. Указ. соч. С. 17, 23–24.

Приложение II

Приложение составлено Г.И. Сергеевой, автором статьи «А.В. Половцов и его исторические исследования «меморий» Петра Великого», на основе архивных материалов, хранящихся в фонде Половцовых НИОР РНБ. Очерк (путеводитель) о Галерее Петра I находится в Ф. 601. Д. 141. Половцовы. «Материалы о Петре Великом». (Записи А.В. Половцова, относящиеся к пребыванию Петра I в Гол.). 23 августа 1894 г. – 27 августа 1897 г. 122 л. Орфография публикации приводится по тексту оригинала.

**Фрагмент путеводителя (очерка) А.В. Половцова
о Галерее Петра Великого в Эрмитаже и о необходимости
создания в Петербурге музея в честь императора Петра I¹**

Л. 68

«В Петербурге, этом создании Великого Петра, не существует до сих пор, к сожалению, чтобы не сказать к стыду нашему, одного центрального монументального музея, в котором были бы сосредоточены, собраны все вещественные памятники, напоминающие великого творца столицы. За границу, в Германии, например, все крупные деятели, начиная от Фридриха Великого до маленького героя Тироля Андреса Хофера все увековечены музеями, в которых собраны все реликвии, до мелочей, напоминающие почитаемого деятеля. Это благоговение, Pietät, которым окружают память дорогих народу людей, производит как нельзя более отрадное впечатление и на иностранцев, а на соотечественников производит разумеется крайне облагораживающее и душу возвышающее действие. Попытки в этом роде замечаются и у нас, так напр. в Петербурге существуют музеи Пушкина и Лермонтова (в Александровском лицее и Николаевском кавалерийском училище), хотя к сожалению мало доступные и сравнительно мало посещаемые и музей Достоевского в Историческом музее в Москве; впрочем, музей Достоевского обязан своим существованием исключительно инициативе вдовы писателя. Будем надеяться, что Великий Петр рано или поздно, например, хотя бы к приближающемуся двухсотлетию

¹ НИОР РНБ. Ф. 601. Д. 141. Л. 68–78.

Петербурга дождется своего исторического музея и постараемся пока, хотя и с затратой значительного количества времени и сил разыскать в разных музеях Петербурга разбросанные по ним вещественные памятники деятельности и личности великого Преобразователя.

Обыкновенно в публике думают, что «Галерея Петра Великого» в Эрмитаже включает в себе все наиболее важное из сохранившихся после Петра вещей. Это мнение совершенно неверное. В Музеях Артиллерийском, Морском и многих других хранятся предметы несколько не менее важные, чем те, которые собраны в «Галерее». Но тем не менее обзор музеев, имея целью идти «по следам Великого Петра» следует начать непременно с Галереи его имени.

Галерея Петра Великого. Как в нее попасть?

Очень просто. Императорский Эрмитаж, в котором она находится, доступен всякому ежедневно, кроме больших праздников и пятницы от 11 ч. утра до 3 часов зимой и 4 часов летом; закрыт Эрмитаж бывает лишь в течение Июля и Августа, для ремонтных работ, да и то не безусловно: для приезжих вход доступен и в это время, по четвергам. При входе надо спросить билет для пропуска в Галерею. Билеты эти бесплатны и выдаются от 11 ч. до 1 ч., но впуск по ним продолжается до закрытия Эрмитажа. Каталога Галереи не издано, но далее читатель найдет все нужные ему при посещении Галереи сведения [здесь на полях рукой А.В.П. дата «15 Ноября 1894» – Г.С.].

Л. 69 об.

Вот мы вошли в Галерею. Она тянется широким коридором впереди нас. С левой стороны ряд больших окон и около них множество больших и малых предметов, из которых больше всего бросается в глаза ряд больших станков. С правой руки тянутся шкапы, между ними тоже разнообразные предметы, над ними ряд портретов. Глаза разбегаются.

С чего же начать, чтобы уловить главное и потом лишь перейти к мелочам?

Лучше всего пройдемте вперед, к середине галереи и остановимся у того стеклянного шкапа, где виднеется лошадь.

Против окна, под балдахином, сидит на кресле большая, в натуральную величину, фигура самого Петра. С нее необходимо начать обзор Галереи. Эта фигура очень интересна во многих отношениях. Не следует смотреть на нее как на художественное произведение. С этой точки зрения в ней можно найти много недостатков. Грудь слишком впалая, ноги чересчур тонки и т.п. Но лицо все таки настолько похожее, что где бы вы ни увидели эту фигуру и

Л. 70

в каком бы она ни была плане, вы бы немедленно сказали, что это портрет Петра Великого. Но главный интерес представляет история происхождения этой фигуры и ее одяние.

Сделана эта фигура из дерева (лицо же и руки из воску) Графом де Растрелли, Бартоломео Франческо, вскоре после смерти Императора. Этого графа Растрелли не следует смешивать с его знаменитым сыном, графом Варфоломеем Варфоломеевичем де-Растрелли, обер-архитектором (р. 1700 г. ум. после 1770 г.), строителем многих превосходных церквей и дворцов в Петербурге и других городах России. Автор рассматриваемой нами статуи – его отец, граф Бартоломео Франческо Растрелли, скульптор, литейщик, механик и архитектор, нанятой в Париже Лефортом, который представил его Императору Петру I во время пребывания его в Кенигсберге (1716 г.?). Умер он в Петербурге в 1744 г., при Императрице Елизавете Петровне.

Об этой статуе сложились две легенды. Рассказывают, что Петра Великого

Л. 70 об.

просили разрешить сделать после его кончины восковую статую его в натуральную величину. Он согласился на это, но когда кто то из присутствовавших прибавил, что не повелит ли Его Величество статую эту устроить так, чтобы она имела движение и могла подниматься, Петр Великий воскликнул: «Подниматься! Для кого? Не лучше ли друзья мои, оставить ее в покое; поелику подлинник во всю жизнь беспокоился».

Если это предание верно, то едва ли можно допустить, чтобы статуе все таки сделали приспособление к вставанию.

Другая легенда о статуе прямо противоположна первой и тоже касается вопроса о вставании. Очень распространен рассказ, будто прежде статуя вставала, но с тех пор, как одна женщина при виде вставшей статуи упала в обморок, было запрещено заводить механизм и заставлять фигуру вставать.

Эта легенда – безусловная выдумка. Ни в Галерее Петра Великого, ни в

Л. 71
Кунсткамере, где статуя находилась до 184... [в тексте пропуск – Г.С.] года она не поднималась. По крайней мере, в 1800 году в описании Кабинета Петра Великого, унтер-библиотекарь Академии Наук Осип Беляев писал, что «он спрашивал о том у многих достоверных людей, по 50 и более лет при

Академии Наук служивших; однакож никто того не видел и не запомнит, чтобы статуя сия когданибудь в Кунсткамере поднималась».

Казалось бы после этого, что вывод ясен: никаких приспособлений к движению в статуе сделано не было и рассказ о резолюции Петра Великого правдоподобен.

Но этому выводу противоречит следующее место из старинного Кунсткамерского журнала о передаче 14 Июля 1732 года статуи в Кунсткамеру. При подробном описании самой статуи и одетого на ней платья сказано: «корпус весь из дерева, которой имеет движение, как кому пожелается». Основываясь на этих словах Беляев склонялся к тому мнению,

Л. 71 об.

что первоначально в статуе все таки были сделаны приспособления к движению, но «при переносе ее в Академию Наук, все способствовавшие к движению ее пружины были разрушены, и она поставлена в Кунсткамеру (через 7 лет после смерти Петра Великого) в таком точно положении, в каковом ныне (т.е. в 1800 году) мы ее видим».

О том, были ли заменены фигуре какие-либо остатки прежних пружин в 184... г. [пропуск в тексте – Г.С.] при переносе ее в Эрмитаж ничего не известно и никого из очевидцев этого перенесения не осталось в живых.

После всего сказанного, мнение Беляева остается наиболее правдоподобным.

Теперь рассмотрим самую фигуру Петра Великого в подробностях.

Лицо сделано из воску, повидимому с маски, снятой тотчас после кончины императора, по крайней мере в приведенном уже нами журнале 1732 года говорится о голове фигуры: «персона блаженный памяти Е.И.В.

Л. 72

Петра Первого, деланная из воску Графом Разстреллиемъ, которая сформована с натуральной Его Величества Особь».

Два экземпляра маски с почившаго Императора лежат в ящиках по обе стороны фигуры и всякий может сравнить их с головой статуи.

Разумеется есть разница, но все таки очень правдоподобно, что граф Растрелли взял маску в основание своего произведения. Беляев приводит даже следующие подробности: «щеки на ней представлены несколько впальми, особливо со стороны левой. Но сия ошибка, говорит г. Штелин, чаятельно произошла от того, что мертвое тело, упругости не имеющее, при снимании фор-

мы, гипсом было придавлено, а при вынимании воска поправить того или не догадались, или может быть и нельзя уже было».

В высшей степени любопытно, что парик, надетый на голову воскового изображения Петра Великого, состоит из собственных волос Императора. Во время похода в Персию в 1722 году ввиду сильных жаров Петр остриг свои длинные черные волосы и приказал сделать из них парик причем сетка, служащая основой парика была сплетена не из разноцветного шелку, как это обыкновенно делалось, а из белых, красных и зеленых довольно грубых ниток. Рассказывают, что днем Император носил большую шляпу, а по вечерам, когда становилось холодно и в сырую погоду надевал этот самый сделанный из собственных волос парик.

Голубой мундир, в который одета статуя, напоминает важный момент в жизни Петра. Этот самый мундир был одет на нем в Москве 1724 года, при короновании Императрицы Екатерины Алексеевны.

Кафтан и камзол из голубого градетура украшены серебряною вышивкою, очень затейливого рисунка. По преданию вышивка эта сделана собственноручно Императрицею Екатериною с помощью камер-юнгфер.

Л. 73

Петр Великий отличался как известно неприхотливостью в отношении костюма любил однако хорошее белье; об этой особенности его напоминает нам очень тонкое голландское полотно, из которого сделана сорочка и тонкия кружева, повязанные вокруг шеи и кружевные манжеты.

Красные чулки на ногах фигуры – точная копия, так как подлинные пунцовые чулки стали настолько ветхими, что их пришлось несколько времени тому назад спрятать и заменить точным снимком.

Башмаки подлинные, которые носил покойный Император; они не подбиты гвоздями, потому что Петр не любил обуви, подбитой гвоздями, как портящей полы.

Через плечо фигуры висит голубая лента первого ордена в России св. Апостола Андрея Первозванного, учрежденного Петром Великим(*)

(*) [сноска в тексте – Г.С.] Орденом этим сам Император Петр Великий был удостоен лишь в 1703 году за взятие с боя, при устьях Невы двух шведских военных кораблей. Орден был возложен на Императора в походной церкви, по окончании благодарственного молебна, Генерал-Адмиралом и Канцлером Графом Головиным, первым кавалером этого Ордена. Портрет Графа Головина висит [текст обрывается – Г.С.].

Л. 73 об.

в звании капитана бомбардирской роты 10 марта 1699 года.

На груди вышита звезда Ордена св. Андрея. На португее из голубого градетура висит изящный кортик. Эфес его сделан из китайской зеленой яшмы и украшен яхонтами; конец его изображает конскую голову, у которой во лбу вставлен продолговатый алмаз, а глаза и уста состоят из мелких яхонтов. Чаша и оправа эфеса золотые с изображениями знамен, барабанов, стрел и т.п.

В ножнах кортика сделано приспособление для вилки и ножики, которые там и находятся.

Про этот кортик существует следующая легенда. Подарен он был Петру Великому Польским Королем Августом II в 1707 году и Петр его постоянно носил. Петр подарил королю в обмен превосходную русскую саблю, которую король, будучи в стесненных обстоятельствах вынужден был подарить Шведскому Королю Карлу XII. После Полтавской победы Петр нашел эту саблю среди вещей Карла, доставшихся русским. Петр приказал Графу Головину и Барону Шафирову, бывшим свидетелями этой находки, содержать ее втайне. При свидании с Королем Польским Августом, вскоре после этого, в Торуне, Петр заговорил о кортике, сказал, что он его всегда носит при себе и пожалел, что не видит на Короле своей сабли. Август извинился, что забыл ее в Дрездене, но прибавил, что очень дорожит подарком царя.

– Ежели сие правда, заметил на это Петр, то я прошу вас принять от меня другую, и с этими словами приказал подать Королю Августу старую саблю.

Л. 74 об.

Легенде этой противоречит, как будто бы, клинок кортика, на котором с одной стороны изображен двуглавый орел со скипетром и державою и с надписью Olonez (Олонец), а на другой военный корабль с пометою: 1720, но легко допустить, что первоначальный клинок мог испортиться и в 1720 г. заменен новым.

При взгляде на этот кортик невольно вспоминаются слова поэта:

«Не ты ли под Лесным,
Не ты ли под Полтавой
В деснице громоносной был?
Не тыль сверкая вечной славой
Пути к ней Россам проложил?» (*)

Кресло, на котором посажено изображение Петра Великого – подлинное кресло Императора. При устройстве в конце сороковых годов Галереи Петра

Великого существовало предположение заменить это простое кресло троним Императрицы Елисаветы Петровны

(*) [сноска в тексте – Г.С.] «Стихотворение Н. Иванчина-Писарева «К кортику Петра Великого» (Вестн. Европы. 1813 г. ч. LXXI. Изд. Мих. Каченовского). Хотя тут говорится о другом кортике, но приведенные слова с большим основанием могут быть применены к эрмитажному кортику».

Л. 75.

Но затем предположение это было оставлено и старое историческое кресло, удивлявшее своей простотой еще посетителей Кунсткамеры, попрежнему служит сидалищем статуи [рядом на полях пометка А.В.П. «23 Янв. 1895» – Г.С.].

Балдахин из красного бархата сделан вновь в 1848 году при устройстве Галереи Петра Великого. В так называемом Кабинете Петра Великого, в Кунсткамере, навес был менее глубок, т.е. не на столько выдавался вперед и самый рисунок был иной [рядом на полях пометка рукой А.В.П. «24 Янв. 1895» – Г.С.].

Вензель, состоящий из двух перекрещенных латинских букв Р, вытканый золотом на задней стенке [здесь зарисовка А.В.П. вензеля – Г.С.] сделан также в 1848 году. На балдахине в Кунсткамере его не было, как видно на граюре, приложенной к описанию Беляева.

При устройстве нового балдахина предполагалось первоначально употребить для этого исторический балдахин с трона Императрицы Елисаветы Петровны но это предположение не могло быть осуществлено так как оказалось, что балдахин этот употреблен на выжигу [? – Г.С.] (л. 48) [так в текст – Г.С.], зеленая же парча с серебром исчезла неизвестно куда (л. 55 и 59).

Л. 75 об.

В бывшей Кунсткамере с обеих сторон изображения Петра Великого в двух нишах, помещались: Полтавский мундир, простреленная при Полтаве шляпа, шпага, колет и другия принадлежности мундира. В настоящее время эти вещи находятся в Артиллерийском музее, где мы их и увидим. Они были переданы туда еще до устройства Галереи Петра Великого, до 1837 г.

Вместо этих предметов с обеих сторон статуи находятся две маски, снятые с только-что усопшего Императора, одна гипсовая, другая [текст обрывается – Г.С.] и две картины, изображающие Петра Великого на смертном одре, работы [текст обрывается – Г.С.].

Наиболее удачная из этих двух картин левая, где усопший лежит прямо против зрителя. Над этой картиной помещается портрет Петра в латах. Это копия другая [текст обрывается; на полях, рядом рукой А.В.П. пометка «26 января 1895» – Г.С.].

Л. 76

Теперь обратимся к окну, к большому стеклянному ящику или шкапу, в котором находятся чучела нескольких животных, лошади и три собаки.

Прежде всего обращает на себя внимание лошадь. Это тот самый знаменитый конь, который носил Петра Великого в Полтавском сражении.

Помните у Пушкина:

...Идет. Ему коня подводят.
Ретив и смирен верный конь.
Почуя роковой огонь
Дрожит, глазами косо водит
И мчится в прахе боевом
Гордясь могучим седоком.

Да, это знаменитая Лизетта, увековеченная и в живописи известным русским баталистом Александром Коцебу в его картине «Полтавский бой», находящейся в Зимнем дворце. Картина эта очень распространена во всевозможных снимках, даже лубочных. Безчисленное множество народа никогда и не слышавшее имени живописца, видело и знает эту картину по большой копии ея, висящей на стене аудитории Педагогического музея в Соляном городке в Петербурге. Слева ряд опущенных шведских знамен, а справа вдоль лесной опушки скачет на светло-бурой Лизетте Петр, окруженный «птенцами гнезда Петрова».

Л. 76 об.

На Лизетте Петр был не только в Полтавском сражении, но и при Пруте и будто-бы сделал ней, по словам Беляева, весь Персидский поход.

Первое, что бросается в глаза, это сравнительно малый рост лошади, т.е. сравнительно с огромным ростом Петра. Тут же рядом стоит деревянный прут, длиною в сажень, на котором сделана пометка роста Императора. До сажени не хватает всего 2-х вершков! Сравнительно с подобным ростом Лизетта несколько мала. Беляева в 1800 году это не особенно поражало; он говорит только: «станом тонковата и не высока, но впрочем складом своим весьма стройна и уютна».

При переустройстве в 1837 году Кабинета Петра Великого на это обстоятельство обратили внимание и в «Описи предметам, сохраняющимся при Императорской Академии наук (в здании Кунсткамеры), в отделении называемом: Кабинет Петра Великого» (1844 г.) сочли нужным сделать следующее примечание: «Несоразмерность роста лошади, в сравнении с фигурою Государя, объяснялась при починке чучелы в 1837 году: это произошло от дурной ея набивки; ибо внутри оказался еще большой запас кожи, который по ветхости там и оставлен» (стр. 32).

Л. 77

За отсутствием каких либо других точных данных приходится довольствоваться этим объяснением, хотя при подробном разсматривании чучелы немудрено догадаться где именно была сделана ошибка. Высыхание и сжатие кожи с течением времени, при неудовлетворительной набивке, разумеется тоже имеет известное значение. Вероятно, впрочем, что Лизетта вообще была небольшого, сравнительно, роста и заслужила любовь царя не ростом, а своей выносливостью и другими, так сказать внутренними достоинствами.

Петр купил Лизетту, по преданию, в Риге, где случайно увидел ее в курене у маркитантов. Она понравилась ему и он заплатил за нее 100 голландских червонцев, дав в придачу и бывшую при нем лошадь. О Лизетте сохранился целый ряд легенд. О выносливости ее рассказывали, что она могла в один день делать до 150 верст. Кроме того Беляев приводит об этой замечательной лошади следующие рассказы. Лизетта так любила Петра, что не видя его долго и случайно вырвавшись из стойла бегала по лагерю пока не отыщет своего хозяина. Когда ее подводили к Государю совсем оседланную, а он почему либо отлагал поездку и отсылал Лизетту обратно в конюшню, то она выказывала все признаки грусти, понуро опускала голову и казалась «печальною до такой степени, что слезы из глаз ея вытекали». Лизетта иногда входила в ставку Государя и ела из его рук, что он ей давал. Петр до такой степени доверял верности и твердости ея поступи, что переезжал на ней рвы и канавы на перекладинах не шире ея копыта. Если отбросить трогательныя «слезы», то в остальном, по мнению знатоков лошадиных характеров, нет ничего неправдоподобного.

Так или иначе, мы видим перед собою коня, который делил с Великим Петром много трудов и лишений и нес его в знаменательный день Полтавского боя 27 Июня 1709 года. Об этом красноречиво свидетельствует орчак, пробитый пулею при Полтаве. Вообще вся сбруя Лизетты и чепрак из зеленоватого

бархата те самыя, которыя были на ней во время Полтавского сражения. В Кунсткамеру чучело Лизетты было доставлено 19 Августа 1741 года с Конюшенного двора. Прилагаемый рисунок снят с гравюры Клауберга (рисовано Мейером), помещенный в книге Беляева. Здесь Лизетта изображена привязанною к столбу. На другом, оригинальном рисунке художник С.С. Соломко нарисовал лошадь в том самом виде, в каком она находится в настоящее время.

Лизетта окружена в стеклянном шкафу тремя собаками, принадлежавшими Петру Великому. Самая большая из них, датской породы – Тиран. Этот Тиран был с Петром во многих походах. Рассказывают, что этот верный пес носил к некоторым, наиболее приближенным вельможам, письма и приносил от них обратно ответы.

Имя собаки, лежащей налево, неизвестно. Говорят, что это мать третьей и наиболее интересной собаки, стоящей направо и носившей тоже имя, что и лошадь.

Рыженькая Лизетта, английской породы...» [здесь текст обрывается; на полях пометка рукой А.В.П. «31 янв. 1895» – Г.С.].

Биографические справки «гатчинцев»: художников и музейных деятелей, останавливавшихся в Кухонном каре в середине 1920-х годов, и их жизнь в Гатчинском дворце

Александр Николаевич Бенуа (1870–1960) – художник, историк искусства и художественный критик. Несмотря на то, что он не имел специального образования и окончил юридический факультет Петербургского университета, работал в Эрмитаже с 1918 вплоть до своей эмиграции в 1926 году; заведовал картинной галереей, являлся постоянным членом Совета Эрмитажа; обладал большим авторитетом в музейном и художественном мире. В феврале-октябре 1917 года А.Н. Бенуа работал в комиссии по делам искусств, организованной для охраны памятников культуры, вошел в Художественно-историческую комиссию Зимнего дворца, куда обращались коменданты пригородных дворцов; по просьбе А.В. Луначарского подготовил «Регламент комиссиям о дворцах», который стал своего рода инструкцией, которой следовало руководствоваться при установлении охраняемого статуса особо ценных объектов; вместе с Г.К. Лукомским составил проект использования и распределения зданий и помещений дворцового управления; в 1919–1921 годах состоял заведующим отделом «Искусство эпохи Возрождения» в Академии истории материальной культуры при Наркомпросе и участвовал в Государственном совете по заведению музеями и дворцами республики, контролировал деятельность музеев-дворцов; с 1918 года был членом Совета художественного отдела Русского музея, активно участвовал в музейных конференциях, на которых выдвигал свои принципы организации работы музеев.

Сложно сказать, в каких именно комнатах жила семья Бенуа в Гатчинском дворце, потому что строго на север (как отмечает сам Александр Николаевич) ориентирована только одна из башен Кухонного каре, окна двух при-

мыкающих к ней сторон выходят на северо-запад и северо-восток. Можно предположить, что речь идет о комнатах, выходящих окнами на Серебряный луг. До Октябрьского переворота их занимали дети великой княгини Ксении Александровны, а А.Н. Бенуа упоминает, что его внук Татан «даже спит в старинной прелестной детской кровати, я уверен, служившей когда-то Александру II»¹.

В настоящее время выявлено около пятидесяти акварелей, подписанных А.Н. Бенуа и выполненных им летом 1924 года. По-видимому, большую их часть он увез с собой за границу, рассчитывая продать. Некоторые были экспонированы на его выставке в Париже в 1925 году. До сих пор работы регулярно появляются на мировых аукционах и обнаруживаются у частных владельцев и в музейных коллекциях. Среди них значительное место занимают интерьеры комнат императора Александра II и его супруги императрицы Марии Александровны. Сам Бенуа так писал об этом: «Вообще же я начинаю втягиваться в Гатчину. Но, странное дело, меня больше всего чарует не XVIII век в ней, а сравнительно недавнее прошлое, особенно комнаты Александра II, в которых я теперь и рисую. В них исторические впечатления странно путаются с моими многими воспоминаниями детства, в котором такую заметную роль играл «царь». До него, казалось (благодаря службе и связям отца), было как-то совсем близко, это был «свой человек», правда, не бывавший у нас в доме, но заставлявший весь круг нашей семьи постоянно о нем говорить в тонах скорее благоговейных. И вот я теперь целыми часами сижу в самом святилище этого бога (и даже пользуюсь иногда «местом, куда уже ходил пешком»). В этих комнатах абсолютно тихо, ни с улицы ничего не докатывается, ни внутри никаких нет шорохов и тресков. Благодаря обивке из проклеенного глазированного картона, очаровательных рисунков и красок, нет и пыли, и все это вместе создает впечатление особой зачарованности, какого-то слишком явственного сна или стереоскопической фотографии, в которую удалось проникнуть»². Его акварели, написанные в достаточно свободной манере, без излишней детализировки, позволяют проникнуться духом этих комнат, ощутить спокойствие и как будто замершее в них время, а также увидеть и те изменения, которые привнесло в них время по сравнению с акварелями Э.П. Гау.

¹ Бенуа А.Н. Дневник. 1918-1924. М.: Захаров, 2010. С. 755.

² Там же. С. 770.

Бенуа чувствовал себя в Гатчине совершенно свободно. Иногда он ходил по дворцу в сопровождении кого-то из знакомых или В.К. Макарова, но чаще предпочитал делать это один: «Я сделал несколько набросков в “собственном саду” и во Дворце, куда я повадился ходить один, наслаждаясь тем, что могу спокойно и, предаваясь своим мыслям и настроениям, обозревать его как вздумается»³. В подписи к одной из акварелей он отмечал, что у него был даже ключ от музейных помещений Арсенального каре.

В.К. Макаров писал, что во дворце сохранялось несколько набросков гатчинских акварелей. Скорее всего, они или погибли в войну, или были увезены самим Макаровым. Так, известно, что в 1943 году у него сохранялась акварель, по-видимому, подаренная ему гостем, с изображением Большой террасы-пристани, Белого озера и вдали Павильона Венеры⁴ (в списке под номером 38).

Список выявленных работ А.Н. Бенуа, сделанных в Гатчине в 1920-х годах:

1. [Николай Бенуа на Сигнальной башне Гатчинского дворца]. 1920 (?). Бумага, акварель, карандаш. Продан на аукционе Sotheby's «Russian Paintings», Лондон, 25 ноября 2008, лот 563.

2. «В.К. Макаров и [нрзб.] гатчинцы сидя на крыше полуциркуля дворца смотрят на [нрзб.] парад. Июль 1924 года» [авторское название]. Бумага, карандаш. Опубликовано: Александр Бенуа размышляет. М.: Сов. художник, 1968.

3. [Анна Бенуа на третьем этаже Центрального корпуса Гатчинского дворца]. 1924. Бумага, карандаш, акварель. Продана на аукционе Sotheby's «An important Collection of works by Alexander Benois», Лондон, 29 ноября 2011, лот 807.

4. «La chambre que nous occupions pendant l'ete 1924 au palais Gatchina» [Комната, которую мы занимали летом 1924 года в Гатчине]. 1924. Акварель. 21x33 см. Продана на аукционе Couturier-de Nicolay, Франция, 1994, лот 2.

5. [Мраморная лестница. На обороте группа неустановленных лиц в лодке у Большой террасы-пристани]. 1924. Бумага, перо, карандаш, акварель.

³ Бенуа А.Н. Дневник. 1918–1924... С. 749.

⁴ Балаева С.Н. Записки хранителя Гатчинского дворца. 1924–1956. Дневники. Статьи. СПб.: Искусство России, 2005. С. 123.

24,3x31,8 см. США, Mead Art Museum at Amherst College, инв. № АС 2001.295.

6. [Туалетная императора Павла I]. 1924. Бумага, графитный карандаш, акварель, гуашь. 37x49 см. Продан на аукционе Sotheby's, 28 ноября 1991, лот 494.

7. [Кабинет императора Павла I]. Бумага, акварель. 26x16 см. Продана на аукционе Couturier-de Nicolay, Франция, 1994, лот 2b.

8. «La petite salle du trone au rez-de-chaussee du chateau de Gatchina» [Малый тронный зал на первом этаже Гатчинского дворца]. Бумага, акварель. 19x16 см. Продана на аукционе Couturier-de Nicolay, Франция, 1994, лот 3; вероятно, затем продана на аукционе Sotheby's «The Russian Sale», США, 1999, лот 220.

9. «Grande salle de l'Arsenal, lieu de reunion familiale» [Арсенальный зал, место семейных собраний]. Бумага, акварель. 23,5x16,5 см. Продана на аукционе Couturier-de Nicolay, Франция, 1994, лот 9.

10. «La chambre coucher de l'Imperatrice Alexandre Feodorovna» [Спальня императрицы Александры Федоровны]. Бумага, акварель. 21,5x15 см. Продана на аукционе Couturier-de Nicolay, Франция, 1994, лот 8.

11. «Cabinet de travail d'Alexandre II dans la tour carree de l'Arsenal» [Рабочий кабинет Александра II в башне Арсенального каре]. Бумага, акварель. 20x13,5 см. Продана на аукционе Couturier-de Nicolay, Франция, 1994, лот 4.

12. Кабинет императора Александра II. 1920-е. Бумага, карандаш, акварель, гуашь, красный мел. 30,6x46,8 см. США, Smithsonian Cooper-Hewitt, National Design Museum, инв. № 2007-27-77.

13. Интерьер Малиновой гостиной императрицы Марии Александровны. 1924. Бумага, графитный карандаш, акварель. 21,5x28,5 см. Продана на аукционе Sotheby's «The Russian Sale», США, 18 ноября 1999 года, лот 222.

14. «Le salon Framboise de l'Imperatrice Maria Alexandrovna» [Малиновая гостиная императрицы Марии Александровны]. Бумага, акварель. 29x20,5 см. Продана на аукционе Couturier-de Nicolay, Франция, 1994, лот 7.

15. [Гостиная императрицы Марии Александровны]. 1924. Бумага, карандаш, акварель. 30,5x41,9 см. Продана на аукционе Heritage Auctions «Signature European & American Art», США, лот 65044.

16. Спальня императрицы Марии Александровны. 1920-е. Бумага, карандаш, акварель, гуашь, красный мел. 31,5x42,5 см. Smithsonian Cooper-Hewitt, National Design Museum, инв. № 2007-27-76.

17. Будуар императрицы Марии Александровны. Бумага, графитный карандаш, акварель. 72x81 см (овал). Продана на аукционе Sotheby`s, 5 апреля 1990.

18. «Le boudoir vert d'eau de l'Imperatrice Maria Alexandrovna» [изумрудно-зеленый будуар императрицы Марии Александровны]. Бумага, акварель. 21,5x14 см. Продана на аукционе Couturier-de Nicolay, Франция, 1994, лот 5.

19. «Chambre de toilette de l'empereur Marie Aleksandrovna a Gatchina» [Ванная? императрицы Марии Александровны]. На обороте – карандашный набросок цветов, предположительно – фрагмент стеной обивки. 1924. Бумага, графитный карандаш, акварель, размывка. 31x46 см. Продан на аукционе Sotheby`s, 28 ноября 1991, лот 496.

20. Интерьер Гатчинского дворца. 1924. Карандаш. 37x49 см. Продана на аукционе Sotheby`s, США, 1991, лот 494.

21. Интерьер Гатчинского дворца. 1924. Мел. 31x46 см. Продана на аукционе Sotheby`s, США, 1991, лот 496.

22. [Дворик Приоратского дворца]. На обороте рисунок карандашом – Катя Серебрякова, стоящая на Горбатом мосту. 1920-е. Бумага, перо, карандаш, акварель. 20,2x29,1 см. Продана на аукционе Christie`s, Лондон, 6 июня 2016.

23. Приорат. Июнь 1920. Бумага, карандаш, акварель. 27,6x35,9 см. США, Mead Art Museum at Amherst College, инв. № АС 2001.213.

24. «Le prieure (vue exterieure)» [Приорат. Внешний вид]. Бумага, акварель. 29x19 см. Продана на аукционе Couturier-de Nicolay, Франция, 1994, лот 23. (возможно это № 22).

25. Приоратский дворец и парк. 21 июня 1924. Бумага, акварель. ГРМ, отдел рисунка.

26. «Interieur du Pavillon de Venus» [интерьер Павильона Венеры]. Бумага, акварель. 24,5x16 см. Продана на аукционе Couturier-de Nicolay, Франция, 1994, лот 19; вероятно затем продана на аукционе Sotheby`s «The Russian Sale», США, 1999, лот 220.

29. «Interieur de la maison du bouleau» [интерьер Березового домика]. Бумага, акварель. 20x17 см. Продана на аукционе Couturier-de Nicolay, Франция, 1994, лот 21; вероятно затем продана на аукционе Sotheby`s «The Russian Sale», США, 1999, лот 220.

30. Дворец. Гатчина. [Вид с пандуса на Арсенальное каре]. 1924. Бумага, акварель, графитный и красный карандаши. 24x31,4 см. ГТГ, РС-3500.

31. «Le Perron du chateau de Gatchina du cote parc» [подъезд к Гатчинскому дворцу со стороны парка]. Акварель. 32x23 см. Продана на аукционе Couturier-de Nicolay, Франция, 1994, лот 1.

32. «Perron donnant sur la jardin prive, chateau de Gatchina» [подъезд к Собственному саду, Гатчинский дворец]. Бумага, акварель. 21,5x15 см. Продана на аукционе Couturier-de Nicolay, Франция, 1994, лот 10.

33. «La statue de Flore (de nuit) dans le jardin prive, chateau de Gatchina» [Статуя Флоры в Собственном саду, Гатчинский дворец]. Бумага, акварель. 24,5x16,5 см. Продана на аукционе Couturier-de Nicolay, Франция, 1994, лот 11.

34. «La jardin prive ou intime de Gatchina vue des fenotres du chateau» [Вид на Собственный сад из дворцового окна]. Бумага, акварель. 22,5x17,5 см. Продана на аукционе Couturier-de Nicolay, Франция, 1994, лот 12.

35. «Vue sur les etangs prise des fenotres du chateau» [Вид на пруд из окна дворца]. Бумага, акварель. 26x15 см. Продана на аукционе Couturier-de Nicolay, Франция, 1994, лот 16.

36. Павильон Орла в Гатчине. 1924. Бумага, графический карандаш, смешанная техника (акварель). 16,6x21,5 см. Продана на аукционе Couturier-de Nicolay, Франция, 1994, лот 22; (затем, вероятно, на аукционе Sotheby`s «The Russian Sale», США, 1999, лот 223), затем на аукционе «Кабинет», Москва, 21 августа 2009.

37. Пруд в Гатчине с фрегатом Павла I (по фотографии 1880-х). Бумага, графитный карандаш, акварель. 15x20,5. Продана на аукционе Couturier-de Nicolay, Франция, 1994, лот 17; затем Sotheby`s «The Russian Sale», США, 18 ноября 1999, лот 221.

38. Белое озеро [Вид на Павильон Венеры с Большой террасы-пристанни]. 1920-е. Опубликовано: Макаров В.К., Петров А.Н. Гатчина. Л.: Искусство, 1974. Вкладка, ил. XIII. (Находилась в коллекции В.К. Макарова).

39. «La terrasse sur l'etang principal» [Большая терраса-пристань]. Бумага, акварель. 23,5x15 см. Продана на аукционе Couturier-de Nicolay, Франция, 1994, лот 15.

40. [Вид на Большую террасу-пристань со стороны Серебряного луга]. 1924. Бумага, карандаш, акварель. 15x23,5 см. Продана на аукционе Sotheby`s «The Russian Sale», США, 1999, лот 219.

41. Водоем. Гатчина. Май 1920. Бумага, акварель, белила, графитный карандаш, тушь, кисть. 25,8x46,9 см. ГТГ, РС-3499.

Композитор **Александр Константинович Глазунов** к 1920-м годам уже много лет был директором Петербургской, а затем Ленинградской консерватории, а в 1922 году стал народным артистом республики. Он уже не мог отдыхать летом в доме своего отца в Озерках, и в начале 1920-х годов останавливался в Гатчине (по-видимому, поначалу в съемном доме⁵), которую очень хорошо знал и куда приезжал еще до Октябрьского переворота в гости к М.А. Балакиреву. Исследователи его творчества Г. Некрасова и А. Васильев полагают, что композитор жил в Гатчинском дворце в летние месяцы с 1922 по 1926 годы. Однако сохранилось письмо, подписанное Александром Константиновичем, а также его супругой и секретарем Ольгой Николаевной Гавриловой и приемной дочерью Еленой, где они благодарят В.К. Макарова за гостеприимство и «чудесное житье, под стенами, вами охраняемыми», при этом упоминают, что являются гостями дворца два года⁶. Скорее всего, речь идет как раз о летних сезонах 1927 и 1926 годов. 1926 годом датирована подпись к одноактному балету «Барышня-крестьянка», экземпляр которого Глазунов подарил Макарову: «Дорогому, радушному хозяину Владимиру Кузьмичу Макарову на добрую память от душевно преданного ему и признательного гостя А. Глазунова, автора произведения, сочиненного в стиле, близком к эпохе создания Гатчинского дворца. Гатчина, 15/28 июля 1926 г.». Подтверждается это и приводимой Г. Некрасовой выпиской из неопубликованных записных книжек М.О. Штейнберга: «25 июня 1926 года. Днем был в консерватории у Глазунова – он уже в Гатчине»⁷.

По имеющимся у нее данным именно в Гатчине отмечались юбилейные торжества, в частности, шестидесятилетие со дня рождения, праздновавшееся 25 июля / 10 августа в 1925 году. Присутствовали на них и В.К. Макаров с супругой, однако нигде не указано, что это происходило именно в Гатчинском дворце. Другие воспоминания оставили о Глазунове композитор Юрий Александрович

⁵ Веревкина О. Глазунов в Гатчине // Гатчинская правда. 1965. 10 августа. № 112.

⁶ ОР РНБ. Ф. 187. Д. 1470. Письмо В.К. Макарову от 15 сентября 1927 года.

⁷ Некрасова Г.А. Размышления по поводу одной дарственной надписи // Музыкальная академия. 2002. № 4. С. 118.

Шапорин, который приехал к нему в Гатчину с какими-то документами, и его ученица Елена Павловна Никольская⁸. В этих записках маститый композитор выступает, по собственному выражению, в роли «чичероне». Он с большим удовольствием водил гостей по Гатчинскому парку: «Поднявшись к Гатчинскому дворцу (а по пути Глазунов очень интересно рассказывал мне подробности его сооружения, отмечал особенности архитектуры), он настолько увлекся ролью гида, что для разговоров о музыке у нас не осталось времени». Однако несмотря на прямое указание в тексте Е.П. Никольской, что Глазунов жил «на даче в Гатчинском дворце», в дальнейшем это не подтверждается, так как до дворца «идти нужно было за полтора километра», а в воспоминаниях Ю.А. Шапорина точное место жительства композитора вообще не указано. Впрочем, можно усомниться и в дате. Уже 15 июня А.К. Глазунов выехал в Вену, а известные опубликованные письма, датированные 28 мая и 6 июня⁹, отправлены из Ленинграда. По-видимому, Шапорин ошибся и описанный случай имел место в предшествующие годы¹⁰. Очень живо вспоминает его колоритную фигуру дочь Макарова, у нее в

⁸ К сожалению, фрагмент приведен в статье А. Васильева без ссылок, лишь с указанием, что воспоминания написаны 20 мая 1960 года: «Помню, одно лето Александр Константинович жил на даче в Гатчинском дворце. Он пригласил меня приехать к ним. И в один из летних солнечных и жарких дней я, наконец, решила поехать к Глазунову в гости в Гатчину. [...] Когда я подходила к калитке сада, то услышала голос Александра Константиновича. Он стоял около кустов шиповника, разговаривая с каким-то пожилым мужчиной и рассматривая их. Я вошла и тихо поздоровалась. Он повернулся и с доброй улыбкой поприветствовал меня, направляясь вместе к дому по аллее сада. За обедом А.К. сказал, что после пойдем осмотреть дворец, но так как Ольга Николаевна (экономка) любезно попросила меня сходить по хозяйственному делу, в чем я ей не могла отказать, осмотреть дворец мне так и не пришлось в связи с тем, что идти нужно было за полтора километра». (Васильев А. Круг общения Александра Константиновича Глазунова в Гатчине // Малоизвестные страницы истории Консерватории. Альманах. Вып. 11. СПб., 2012. С. 68).

⁹ Глазунов А.К. Письма, статьи, воспоминания. Избранное. М.: Гос. музык. изд-во, 1958. С. 385–387.

¹⁰ Васильев А. Указ. соч. С. 68: «Однажды, летом 1928 года, я, по поручению Союза музыкальных и драматических писателей, председателем которого был А.К. Глазунов, направился к нему в Гатчину с деловой бумагой. Получив его подпись, я уже откланивался, чтобы уехать, но Глазунов вдруг удержал меня и попросил остаться вместе с ним пообедать. После обеда Глазунов спросил меня: «Вы хорошо знаете Гатчину?» Я ответил, что в Гатчине я лишь второй раз, причем в первый был очень недолго. – Разрешите быть Вашим Чичероне. Я поблагодарил Александра Константиновича и тут оказался свидетелем его несколько странных сборов. Он поставил ногу на стул и начал что-то прилаживать у щиколотки (выяснилось, что это был шагомер), потом что-то долго прикреплял к своему жилету (оказалось, компас).

памяти осталась картина прогуливающегося по берегу Белого озера композитора, у которого «на плече гордо восседал любимый кот Мигузан». Уже в 1928 году композитор выехал в Вену и больше в Россию не вернулся.

Сергей Николаевич Казнаков (1863 – после 1930), искусствовед, работал в Эрмитаже с 1919 по 1921 годы, затем был арестован. Он также являлся одним из авторов «Старых годов» и написал большую подробную статью о «Павловской Гатчине» на основании камер-фурьерских журналов и других источников XVIII века. Как пишет А.Н. Бенуа: «Здесь гостит С.Н. Казнаков. Вчера он у нас завтракал, и потом вечером я с ним сидел у Макаровых, где он старался разобрать какие-то загадочные письма к Елизавете Алексеевне, найденные в особом небольшом портфельчике в столе у Александра III. Бедняжка совсем глухой, и надо ему орать в самое ухо, чтобы он что-нибудь расслышал. Прямая цель его приезда – определить изображенных на бесчисленных фото в комнате Александра III лиц, что он уже третий день производит»¹¹.

Николай Евгеньевич Лансере (1879–1942) был племянником А.Н. Бенуа и внуком известного российского архитектора Николая Леонтьевича Бенуа. Больше известный как талантливый архитектор, он был также и превосходным рисовальщиком. Особенно много среди его работ быстрых, выполненных за один-два сеанса, чаще всего акварельных. Свежие яркие краски прекрасно передают настроение, создавая образ музея, которым хотелось бы запомнить его и воссоздать.

Вооруженный этими точными приборами, он предложил начать наш путь. Проходя мимо грота с многократным эхо, он своими «Ого-го!» проиллюстрировал мне его акустические свойства. Когда мы проходили мимо прудов, он обратил внимание на прозрачность их вод. Действительно, стоя на берегу, мы ясно видели проплывающие стайки форелей. Поднявшись к Гатчинскому дворцу (а по пути Глазунов очень интересно рассказывал мне подробности его сооружения), он настолько увлекся ролью гида, что для разговоров о музыке у нас не осталось времени».

¹¹ Бенуа А.Н. Дневник. 1918–1924... С. 798–799.

Жизнь его была разделена между Санкт-Петербургом, где с другими членами большой семьи они жили в квартире деда Н.Л. Бенуа, и Нескучным, родовым имением в Белгородской губернии, куда часто выезжали на лето. Он знал также архитектуру Западной Европы, путешествовал, состоял в обществе «Мир искусства», публиковался в журнале «Старые годы». Хорошо представлял он и музейную работу, потому что почти десять лет работал в историко-бытовом отделе Русского музея, будущем Музее старого Петербурга.

Судя по имеющимся датам работ, Николай Евгеньевич работал в Гатчине в 1923 и 1924 годах, особенно плодотворно летом 1924-го. Рисовал он и интерьеры, выбирая для этого достаточно необычные ракурсы, не совпадающие с эталонными видами Э.П. Гау, и парковые павильоны. Почти каждая акварель датирована конкретным днем, и они представляют собой дневник пребывания художника в Гатчине. Написавшие о нем монографию Н.Н. Лансере и Г.А. Оль – дочь художника и дочь его коллеги и хорошего знакомого – отмечали, что «не проходило ни одного дня, когда бы он что-нибудь не зарисовал в своем карманном альбомчике, с которым никогда не расставался. <...> Эти альбомчики являются своеобразными графическими дневниками; если рассматривать их в хронологическом порядке, вся жизнь Н.Е. Лансере пройдет перед глазами зрителя»¹². К сожалению, далеко не все эти работы известны широкому зрителю. По-видимому, значительная их часть до сих пор хранится в семейном архиве Лансере.

После Великой Отечественной войны на два с половиной месяца (с 18 сентября по 1 октября) была открыта выставка, посвященная истории Гатчинского дворца. С.Н. Балаева в своем рабочем дневнике писала, что рядом с фотографиями были выставлены акварели Лансере, взятые в семье художника, которые «оживляли общий вид выставки»¹³. Светлые, яркие, они должны были напомнить о том времени, когда Гатчинский дворец был одним из самых интересных и самобытных пригородов Петербурга, и заявить будущее возрождение.

По-видимому, они создавали настолько яркий и заманчивый образ, что когда делалась следующая выставка, на нее вновь были взяты акварели Лансере. Впоследствии велись переговоры об их покупке, результат их неизвестен.

¹² Оль Г.А., Лансере Н.Н. Николай Евгеньевич Лансере. Л.: Стройиздат, 1986. С. 148.

¹³ Балаева С.Н. Указ. соч. С. 569.

В настоящее время во дворце хранится одна из акварелей Н.Е. Лансере, изображающая Большую террасу-пристань. Его работы хранятся в Государственном музее истории Санкт-Петербурга, ГМЗ «Петергоф», Нижнетагильском музее изобразительных искусств, появляются на международных аукционах.

В 1931 году архитектор был арестован по обвинению в шпионаже в пользу Франции, освобожден через четыре года, а затем вновь отправлен в исправительно-трудовой лагерь. В 1942 году он скончался в тюремной больнице.

Список выявленных работ Н.Е. Лансере, сделанных в Гатчине в 1920-х годах.

1. Гатчина. Интерьер одной из комнат дворца. [Большой военный кабинет императора Николая I] 20 августа 1924. Бумага, картон, акварель. 44,3x28 см. ГМИ СПб.

2. Желтый зал третьего этажа Центрального корпуса (с портретами героев войны 1812 года). Август 1924. Опубликовано: Оль Г.А., Лансере Н.Н. Н.Е. Лансере. Л.: Стройиздат, 1986. С. 44 (из собрания Н.Н. Лансере (?)).

3. Дворец. Интерьер [Башенный кабинет третьего этажа Центрального корпуса]. 1924.

4. Площадь в Гатчине перед дворцом. Сентябрь 1923. Бумага, картон, акварель. 30,5x48 см. НТМИИ (нижнетагильский музей), Г-298.

5. Площадь в Гатчине перед дворцом. 28 августа 1924 г. Продана на аукционе MacDougall Auctions «Шедевры русского искусства», 2011 (?).

6. Собственный садик Павла I. 16 сентября 1923. Картон, акварель, белила. 44,8x31,3 см. ГМИ СПб.

7. Гатчина. [Центральная площадка Собственного сада]. Июль 1924. Бумага, акварель. 44x30,5 см. ГМИ СПб.

8. Гатчина. Собственный садик Павла. 4 сентября 1924. Картон, акварель, белила. 42,5x28 см. ГМИ СПб.

9. Скульптура «Сатира» в Нижнем Голландском саду. 1924. Репродукция из неизвестного источника.

10. Вид на дворец с Серебряного озера. 18 августа 1924. Бумага, акварель, белила. 28,3x43,7 см. ГМИ СПб.

11. Вид Дворцового парка в Гатчине [Большая терраса-пристань]. 1924. Бумага, карандаш, гуашь. 19,2x26 см. ГМЗ «Гатчина», ГДМ-310-ХI.

12. Гатчина. Спуск к воде [Большая терраса-пристань]. 1924. Бумага, картон, карандаш, акварель. 45x29 см. ГМЗ «Петергоф», ПДМБ 520-гр.

13. Гатчина. Горбатый мостик. 18 и 19 августа 1924. Бумага, картон, акварель. 31x46 см. ГМЗ «Петергоф», ПДМБ 521-гр (из собрания Н.Н. Лансере).

14. Вид на Лесную оранжерею со стороны Оранжерейного пруда. 1924. Репродукция из неизвестного источника.

15. Лесная оранжерея. Август 1924. Опубликовано: Оль Г.А., Лансере Н.Н. Н.Е. Лансере. Л.: Стройиздат, 1986. С. 156 (из собрания Н.Н. Лансере?).

16. Интерьер Павильона Венеры. 1921 (?). Репродукция из неизвестного источника.

17. Павильон Орла. Август 1924. Опубликовано: Оль Г.А., Лансере Н.Н. Н.Е. Лансере. Л.: Стройиздат, 1986. С. 48 (из собрания Н.Н. Лансере?).

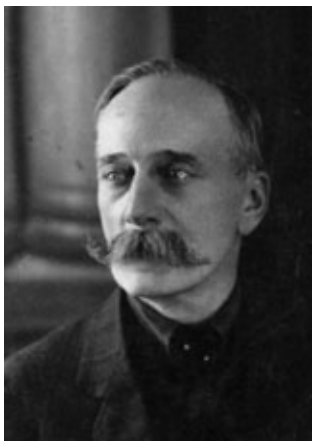
18. Трехарочный мост. 1924. Репродукция из неизвестного источника.

19. Приоратский дворец. 1923. Опубликовано: Оль Г.А., Лансере Н.Н. Н.Е. Лансере. Л.: Стройиздат, 1986. С. 153 (из собрания Н.Н. Лансере?).

Евгений Григорьевич Лисенков (1885–1954) – историк, археограф, искусствовед, библиограф и коллекционер. Учился он на историко-филологическом факультете Казанского университета и весьма активно публиковался в «Старых годах», одновременно начал работать в Эрмитаже в отделе гравюр, который впоследствии возглавил. Сотрудничал Лисенков также и с первым директором Гатчинского дворца В.П. Зубовым, в его Институте истории искусств он читал лекции по русской архитектуре XVIII–XIX веков, с 1924 года был действительным членом разряда истории изобразительных искусств Отдела западноевропейского искусства. Сложно сказать, проживал ли он в Гатчине или только приезжал проведать сослуживцев. О нем пишет в своих дневниках А.Н. Бенуа, вспоминая прогулку 7 июля со Шмидтом, его дочерью и ученицами Зубовского института: «Мы были приглашены на фэйф-о-клок на «пасху» и кулич (от первой я отказался, второй был кислый) в уютное обиталище (в антресолях Кухонного каре) этих дам. <...> Лисенков пространно рассказывал о скандалах, произошедших на двух докладах об Египте, прочитанных Н.И. Флиттнер в Общине художников. <...> Пробовали говорить и на загробные темы в связи с легендой о появляющемся в Гатчине привидении Павла»¹⁴.

¹⁴ Бенуа А.Н. Дневник. 1918–1924. С. 769.

Борис Николаевич Молас (1874–1938) – юрист по образованию, музейевед, в 1923–1924 – управляющий делами Конференции Академии наук, в 1924–1929 – заведующий секретариатом Академии наук. Дважды арестовывался, сначала по знаменитому «академическому» делу, затем за контрреволюционную агитацию, и был расстрелян: «Не буду описывать тебе 2ую часть Данта, через которую прохожу, но должен сознаться, что ничего подобного даже у старика флорентийца – мы превзошли».

Вот как характеризовала его Е.Г. Ольденбург: «Он очень сердечный человек, светски воспитан, с безукоризненными манерами, но не особенно умный от природы, и творческого начала в нем нет или очень мало; но оказывается и исполнительности не так-то много»¹⁵, академик Платонов давал ему другую характеристику: «Молас – человек, знающий все языки, натертый в обращении с европейцами, разносторонний и исполнительный»¹⁶.

Петр Иванович Нерадовский (1875–1962) – художник и историк искусства. Он начинал со своего участия в художественных выставках, в том числе организуемых «Миром искусства», в 1909–1933 годах работал в художественном отделе Русского музея, а впоследствии сотрудничал с Третьяковской галереей, Эрмитажем и Академией истории материальной культуры. В Гатчине он находился как представитель Русского музея, должен был изучать живописный портрет и вести занятия на семинаре для экскурсоводов.

¹⁵ «Мы не нищие...»: к истории 200-летнего юбилея Российской Академии наук (из дневника Е.Г. Ольденбурга) / Публ. М. Ю. Сорокиной. // <http://www.ihst.ru/projects/sohist/diary/Oldenburg.htm> (Дата обращения 11.10.16)

¹⁶ Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками: В 2 т. Т. 1: Письма С.Ф. Платонова, 1883–1930. М.: Наука, 2003. Письмо № 616.

Начиная с 1932 года его трижды арестовывали по обвинению в антисоветской агитации, после 1945 года жил в Загорске.

Андрей Андреевич Оль (1883–1958) – ленинградский архитектор, художник и педагог. Он учился в Институте гражданских инженеров в Петербурге, а затем стажировался в Финляндии, бывал в Норвегии и работал в стилистике «северного модерна». В конце 1910-х годов вместе с Н.Е. Лансере оказался в Ростове-на-Дону и вернулся в Петроград в апреле 1920 года. С Николаем Евгеньевичем у них сложились дружеские отношения, и впоследствии они многие проекты делали вместе. В Музее истории Санкт-Петербурга хранится акварель Н.Е. Лансере с изображением собственного сада, подписанная: «Милому Андрею Андреевичу на память от любящего Н. Лансере». По-видимому, речь идет именно об А.А. Оле.

В 1923–1928 годах он заведовал архитектурно-строительным отделом Объединения государственных электростанций «Электропоток» и возглавлял архитектурно-проектировочный отдел акционерного общества «Промстрой». В 1924 году он тоже оказался в Гатчине и писал акварели в интерьерах дворца. Дочь Макарова Вера вспоминала, что «он рассказывал, что работая над своей акварелью [в Аванзале – А.Ф.], услышал музыку и в зал вошли дамы в платьях XVIII века. От Александра Николаевича Бенуа – он, конечно, был там – Андрей Андреевич Оль узнал, что поразившее его зрелище было маскарадом, своеобразной практикой для будущих экскурсоводов»¹⁷. Именно тогда им были выполнены хранящиеся в Государственном музее истории Санкт-Петербурга акварели с видами Приоратского дворца, Павильона Орла, пейзажные

¹⁷ Добровольская (Макарова) В.В. Бенуа в Гатчине. Воспоминания // НА ГМЗ «Гатчина», № 2466. Л. 2.

зарисовки и интерьер третьего этажа Центрального корпуса. Работы датированы и поэтому можно установить, что архитектор находился в Гатчине в июне и июле 1924 года. Упоминает их в своем дневнике и В.К. Макаров. В 1943 году он пишет о выставке «рисунков по пригородам», на которой были представлены акварели Оля – Макаров называет «Аванзал», а также виды двух комнат третьего этажа Главного корпуса¹⁸.

Список выявленных работ А.А. Оля, сделанных в Гатчине в 1920-х годах.

1. Гатчина. Приоратский дворец. 20 июля 1924. Бумага, акварель. 29x42,2 см. ГМИ СПб, Инв. № I-Б-622-ра.
2. Гатчина. Бельведер. [Павильон Орла ?]. 1924. Бумага, акварель. 32x38 см. ГМИ СПб, инв. № I-Б-676-ра.
3. Гатчинский дворец. Интерьер [вид из Овального в Башенный кабинет на третьем этаже Центрального корпуса]. 1924. Бумага. Акварель. 32,3x35 см. ГМИ СПб, инв. № I-Б-677-ра.
4. Дерево (Гатчина). 19 июня ? г. Калька, карандаш. 26,5x38 см. ГМИ СПб, инв. № I-Б-4872-п.

Зинаида Евгеньевна Серебрякова (1884–1967), сестра Николая Евгеньевича Лансере. Она также относилась к младшему поколению «Мира искусства». После смерти отца они с братом жили в квартире деда в Петербурге, а на лето часто выезжали в Нескучное. Там же Зинаида Евгеньевна проводила летние месяцы, когда вышла замуж и родила детей. Однако в 1918 году усадьба была сожжена, а спустя год умер ее супруг Борис Анатольевич Серебряков. В ноябре 1920 года Серебрякова с семьей вернулась в Петроград в старую квартиру их деда. Оставалась в городе она не слишком долго. В конце августа 1924 года она покинула Россию и навсегда уехала во Францию.

¹⁸ ОР РНБ. Ф. 1135. № 54. Макаров В.К. Дневник. Л. 150 об.

Г.И. Тесленко (коллега по Археологическому музею при Харьковском университете, где недолго работала Серебрякова) в 1921 году приехала в ней в гости и писала, что «в материальном отношении Серебряковым жилось трудно, очень трудно. По-прежнему котлеты из картофельной шелухи были деликатесом на обед», и «она с тоской жаловалась, что не видит выхода из положения»¹⁹. В письмах этого времени упоминается также, что у нее болела мать, и нужно было кормить четверых детей. В такой ситуации выехать за город, где можно было достать еду, а за детьми в том числе присматривали и имевшие большее благосостояние Бенуа, было успешным выходом.

В списке тех, кто выполнял научные работы для дворца, конечно, З.Е. Серебрякова не значилась, так как не состояла на государственной службе и отказалась от преподавания в Академии художеств, однако ее младшая дочь Катя уехала в Гатчину вместе с семьей Бенуа и постоянно жила в Гатчинском дворце. А сама Зинаида Евгеньевна периодически навещала ее.

До этого Зинаида Евгеньевна бывала в Гатчине вместе с братом в 1922 и 1923 годах, так как некоторые работы датированы именно этим временем. В 1924 году были написаны интерьер одной из комнат Александра II, Белое озеро в Гатчинском парке, портреты Наташи Лансере и Веры Макаровой. Именно об этом портрете сохранила самые теплые воспоминания Вера Макарова, в коллекции которой он и хранился. А.Н. Бенуа писал об этом так: «Зина кончила портрет Верочки и поднесла его родителям. Последние были скорее смущены. Прелестно переданное выражение «юной вакханки», действительно составившее главный шарм прелестного подростка, особенно озадачило отца, который, видимо, все еще считает ее за бебе»²⁰.

Скорее всего, пастелей было больше, но современники отмечали, что Серебрякова часто безжалостно уничтожала не понравившиеся ей работы. Даже спустя сорок лет, в письме к В.П. Князевой она писала про пастель с видом на Карпин мост с террасы Собственного сада: «Как жаль, что я не могу исправить непомерно длинную ногу на рисунке “Катя в Гатчине” – это была одна секунда, что Катя пробежала и умчалась»²¹.

¹⁹ Зинаида Серебрякова. Письма. Современники о художнице / Авт.-сост. В.П. Князева. М.: Изобразительное искусство, 1987. С. 236.

²⁰ Бенуа А.Н. Дневник. 1918–1924... С. 798.

²¹ Князева В.П. Зинаида Евгеньевна Серебрякова. М.: Изобразительное искусство, 1979. С. 215.

Список выявленных работ З.Е. Серебряковой, сделанных в Гатчине в 1920-х годах

1. Гатчина, интерьер [Гостиная императора Александра II]. 1924. Бумага, пастель. 38,8x61 см. Частное собрание, выставлялась в Москве в галерее «Новый Эрмитаж», выставка «В интерьере», 2006 год.

2. Мостик в Гатчине [Катя Серебрякова на балконе-террасе Собственного сада, в перспективе виден Карпин пруд и мост]. 1923 (?). Бумага, пастель. 47,5x61 см. ГРМ, Ж-6710.

3. Гатчина. 1921–1923. Бумага, пастель. 62,5x47,5 см. Архангельский областной музей изобразительных искусств.

4. Терраса в Гатчине. 1922–1923. Бумага, пастель. 61x44 см. Собрание Л.М. Розенфельда, Ленинград (в 1979 году). (Упомянуты: Князева В.П. Зинаида Евгеньевна Серебрякова. М.: Изобразительное искусство, 1979. С. 230).

5. Белое озеро в Гатчинском парке. 1924. Бумага, пастель. 47,8x62,9 см. ГРМ, ЖБ-1994.

6. Портрет Наташи Лансере (дочери Н.Е. Лансере) с кошкой. 1924. Бумага, пастель. 62x44 см. Собрание Н.Н. Лансере, Ленинград (в 1986).

7. Портрет Веры Макаровой. 1924. Бумага, пастель. 62,1x48 см. Собрание В.В. Добровольской, Ленинград (в 1986 г.).

8. Этюды Гатчины. 1922. Бумага, акварель, пастель. Собрания Л.Г. Лойцянского, Л.М. Розенфельда (в 1979). (Упомянуты: Князева В.П. Зинаида Евгеньевна Серебрякова. М.: Изобразительное искусство, 1979. С. 230).

9. Этюды Царского Села и Гатчины. 1920–1924. Бумага, пастель. Собрание Т.Б. Серебряковой, Москва (в 1979). (Упомянуты: Князева В. П. Зинаида Евгеньевна Серебрякова. М.: Изобразительное искусство, 1979. С. 238).

Джемс Альфредович Шмидт (1876–1933) начал свою работу в Эрмитаже в 1899 году после окончания Лейпцигского университета, в 1923–1930 годах исполнял обязанности заведующего Картинной галереей, был постоянным членом Совета Эрмитажа и Комиссии по делам музеев и охраны памятников искусства и старины. Кроме того, он являлся сотрудником отделения изобразительных искусств Института истории

искусств, где занимался Западной Европой; входил в круг авторов, публиковавшихся в «Старых годах».

В Гатчине он бывал неоднократно. В 1918 году Шмидт занимался разбором рисунков из коллекции императора Павла I в его библиотеке, в 1923 году проводил в Гатчине свой отпуск, а в 1924 читал лекции на Гатчинском семинаре для экскурсоводов и занимался изучением голландских и фламандских картин. Вот как характеризовал его в своем дневнике А.Н. Бенуа: «Он вовсе не дурак, он поразительно начитан. Он кладезь разнородных (немецких) знаний, но скучен он все же невообразимо!». Впрочем, по прошествии более десяти лет, в эмиграции, он вспоминал его как профессионала и специалиста, говоря о продажах картин из Эрмитажа: «Думается мне, что скончался этот замечательный ученый и беззаветно преданный делу человек не от каких-либо иных причин, а именно от чувства гнетущей тоски, которая должна была им овладеть при виде оскверненного места, бывшего для него самым священным на всем свете»²².

При этом надо отметить, что находился Шмидт в Гатчине совсем в непростое время, здесь он занимал квартиру вместе с женой и ее матерью, а в Петрограде оставалась его дочь Магда, которая была арестована 14 июля 1924 года. Ей было всего двадцать три года, она была обвинена в шпионаже и отправлена в лагерь на Соловки, где пробыла полтора года, после чего лагерь был заменен высылкой. Ученый не дожил до 1938 года, когда был арестован и расстрелян его сын Герберт.

²² Бенуа А.Н. Эрмитаж по-советски // Бенуа А.Н. Художественные письма. 1930–1936. М.: ГАЛАРТ, 1997. С. 164.

Содержание

<i>В.Е. Андреев.</i> Архитектурные родственники (ретроспективный взгляд на Гатчинский и Мраморный дворцы).....	3
<i>Ю.Я. Арбатская.</i> Удельные имения «Ливадия» и «Массандра» в эпоху императора Александра III (1881–1894).....	16
<i>И.Е. Барыкина.</i> Проблема формирования правительственной программы в царствование Александра III.....	27
<i>О.В. Белоусова.</i> Описание заседаний Русского исторического общества в дневниках графа С.Д. Шереметева.....	38
<i>Н.М. Вершинина.</i> История коллекции мундирных платьев императрицы Екатерины II из собрания Государственного музея-заповедника «Павловск»	48
<i>И.В. Зимин.</i> «Я разрешилась сыном...» Рождение детей в императорской семье	58
<i>Т.Д. Исмагулова.</i> Два директора Российского Института истории искусств – (граф В.П. Зубов и Ф.И. Шмит): о проблемах экспозиции Гатчинского дворца-музея.....	69
<i>М.О. Карташев.</i> Императорский электромобиль Columbia в Политехническом музее	80
<i>Н.В. Кольчицына.</i> Необычное увлечение семьи Александра III.....	91
<i>Г.Н. Корнева, Т.Н. Чебоксарова.</i> Круг общения Александра Полковцова.....	100
<i>М.О. Логунова.</i> Кончина и погребение императора Александра III.....	112
<i>В.А. Никишин-Голандский.</i> Загадки Думской башни.....	125
<i>О.В. Новикова.</i> Портрет первого владельца Гатчинского дворца Князя Г.Г. Орлова работы М.-А. Колло (к истории создания и бытования)..	144
<i>Т.Ф. Паршкова.</i> Строительство Дворцовой фермы в Гатчине.....	152
<i>А.Н. Пермякова.</i> Гатчинская мыза «доорловского» времени: история пожалований в первой половине XVIII века	165
<i>Е.А. Родионов.</i> История и география Германии по коллекции оружия Гатчинского дворца	177

<i>М.М. Сафонов.</i> Павел I: черты к портрету	186	
<i>Г.И. Сергеева.</i> А.В. Половцов и его исторические исследования «меморий» Петра Великого	199	
<i>Н.А. Силантьева, В.Н. Яранцев.</i> Семиотика Белого зала.....	218	
<i>С.И. Соловьева.</i> Детство и юность великих князей. Педагогика в царской семье в XIX веке.....	231	
<i>Ю.В. Трубинов.</i> Саркофаг или «палатка»? Последний путь княгини Орловой.....	245	
<i>А.Н. Фарафонова.</i> Гатчинский дворец-музей. 1920-е	260	
<i>В.В. Федорова.</i> Тайна Орловского домика.....	278	
<i>И.Ф. Фоменко.</i> Судьбоносный визит принцессы Алисы Гессенской в Крым.....	288	
<i>С.С. Фомина.</i> Ранний мейсенский фарфор в собрании Гатчинского дворца.....	299	
<i>И.А. Хухка.</i> О некоторых подносных изданиях императору Александру III	310	
<i>Б.Л. Шапиро.</i> Августейшие амазонки Гатчины: верховой гардероб императрицы Марии Федоровны.....	321	
<i>М.Е. Шеметова.</i> Мебельное убранство комнат Николая I в Арсенальном каре Гатчинского дворца.....	332	
<i>А.Э. Шукурова.</i> Новые документы: «Чертеж галереи Арсенального каре с показанием теперешнего размещения картин»	344	
<i>Приложение I.</i>		
<i>А.А. Ананьев.</i> Гатчина и ее владельцы в немецкоязычных источниках 1790-х – 1830-х годов	351	
<i>Приложение II.</i> Фрагмент путеводителя (очерка) А.В. Половцова о Галерее Петра Великого в Эрмитаже и о необходимости создания в Петербурге музея в честь императора Петра I.....		370
<i>Приложение III.</i>		
<i>А.Н. Фарафонова.</i> Биографические справки «гатчинцев»: художников и музейных деятелей, останавливавшихся в Кухонном каре в середине 1920-х годов, и их жизнь в Гатчинском дворце	380	

Гатчинский дворец в истории России
Материалы научной конференции 1–3 декабря 2016 г.

Подписано в печать 31.10.2016.

Бумага офсетная, мел. Печать офсетная.

Гарнитура «Times New Roman».

Заказ № 1611001. Тираж 1000 экз.

Оригинал-макет разработан и подготовлен к печати ООО «Союз-Дизайн»

192148, Санкт-Петербург, ул. Седова, д. 13 А, оф. 426.

Генеральный директор: А.В. Лужецкий

Корректор: Е.О. Кудина

Верстка: М.В. Титова

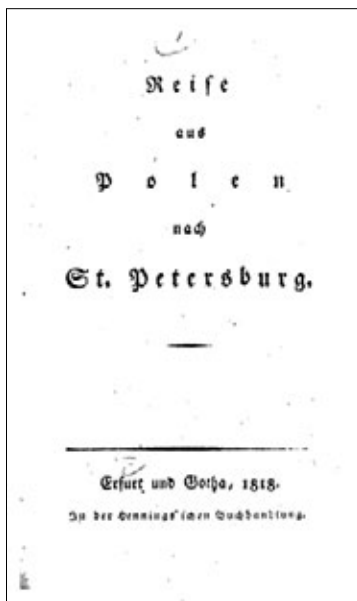
Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт»,
192007, Санкт-Петербург, Лиговский пр., д 201, лит. А, пом. 3Н.

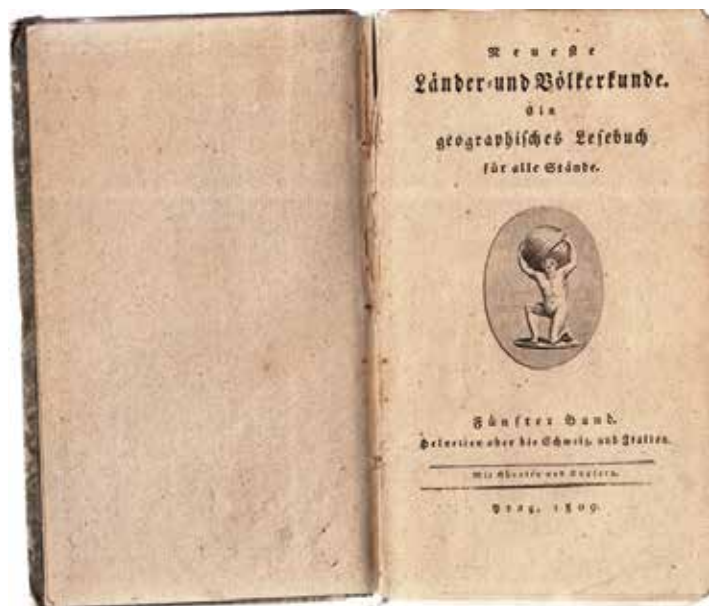
1. Титульный лист журнала «Анналы новейшей теологической литературы и истории церкви» за первый квартал 1796 года

2. Титульный лист «Листка объявлений Всеобщей литературной газеты». 1797. № 87

3. Титульный лист книги К.И.Ю. Шлегель. «Путешествие из Польши в Санкт-Петербург», 1818

4. Титульный лист издания «Новейшее страно- и народоведение. Географическая хрестоматия для всех сословий». 1809. Т. 5

5. Титульный лист книги Ф.-В. Бисмарка «Российские императорские военные силы в 1835 году, или Мое путешествие в Санкт-Петербург». 1836

1. Вестибюль Мраморного дворца с барельефом А. Ринальди.
Фото Ю.В. Трубинова

2. Проходная Гатчинского дворца с барельефом А. Ринальди

3. Подлинный циферблат Часовой башни Мраморного дворца.
Фото Ю.В. Трубинова

4. Восстановленный механизм часов Мраморного дворца

5. Часовая башня Гатчинского дворца.
Фото Ю.В. Трубинова

6. Часовая башня Мраморного дворца.
Фото Ю.В. Трубинова

1. Р. Альт. Оранжерея в Ливадии. 1863

2. Р. Альт. Малый дворец. 1863

3. Розовая пергола в Ливадийском парке. Фото Ю. Арбатской. 2014

4. Дворец Александра III в Массандре. Открытка. 1900-е

5. Массандра. Аллея роз. Фото П.И. Веденисова. 1907

1. Платье по форме Лейб-гвардии
Измайловского полка императрицы
Екатерины II.
Шелковая ткань, форменный
галун, обтянутые золоченой медью
костяные пуговицы. Россия, 1770-е

2. Инвентарная табличка. Металл. Россия, середина XIX века

1. Граф Валентин Платонович Зубов
в костюме «под Онегина».
Фотография из семейной коллекции
его дочери, Анастасии Валентиновны Беккер
(урожд. графини Зубовой). Ок. 1910

2. Федор Иванович Шмит. Фотография 1910-х.
Публикуется впервые

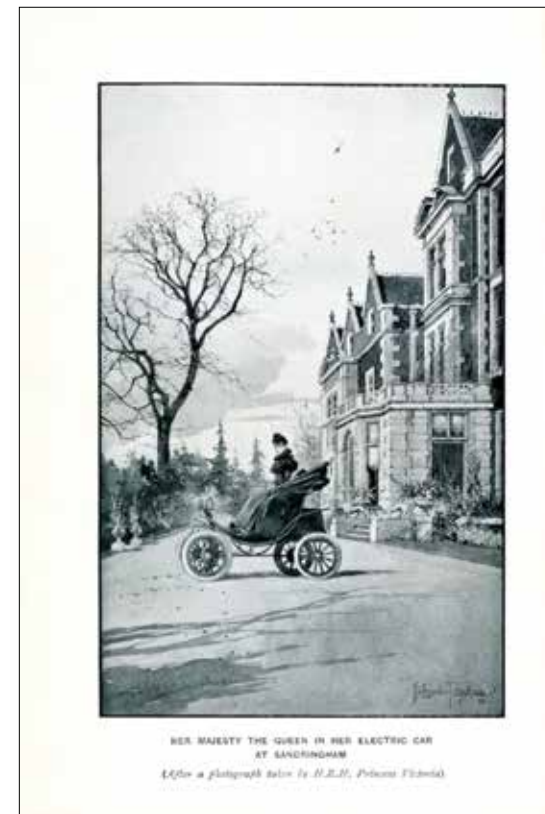
3. Федор Иванович Шмит.
Шарж ученого секретаря РИИИ Н.Э. Радлова.
Кон. 1920-х

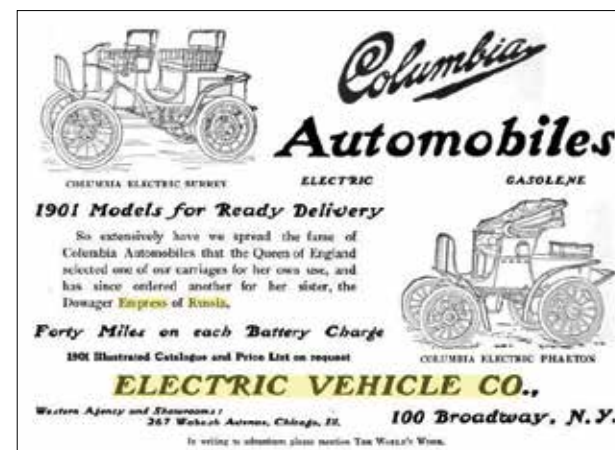
4. Монография Ф.И. Шмита «Музейное дело». Экземпляр Библиотеки Академии наук (Санкт-Петербург)

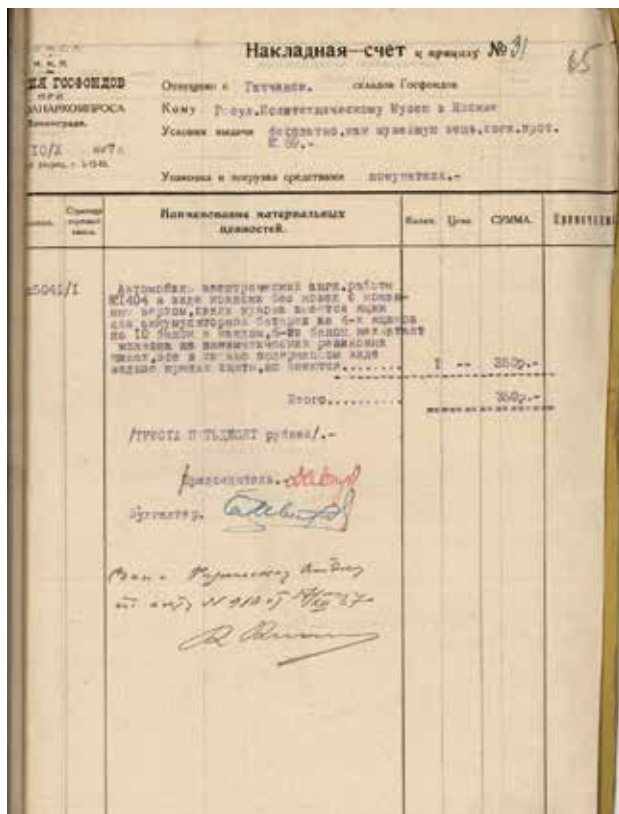
5. Гатчинский дворец. Аванзал. Портрет Павла I С. Тончи

1. Королева Александра в Сандрингеме. Фото 1901

2. Реклама в газете. 1901

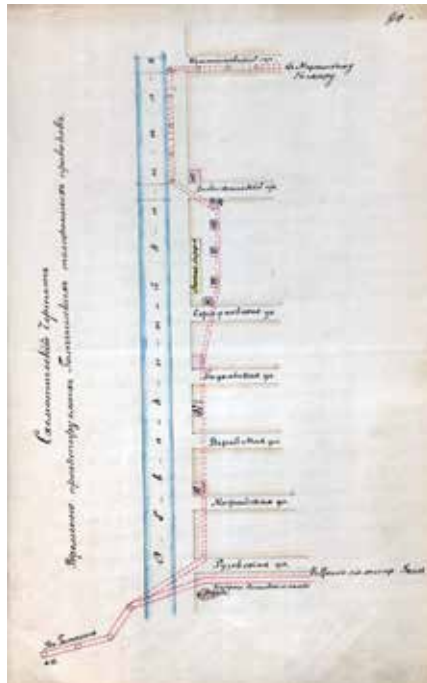
3. Накладная. 1927

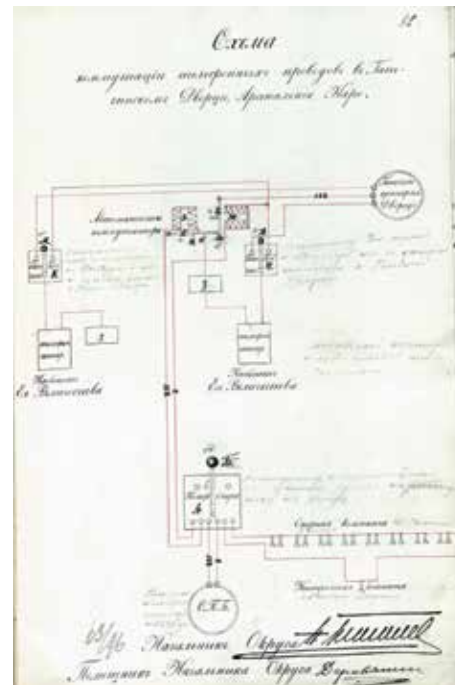
4. Электромобиль императрицы Марии. Фото 2007

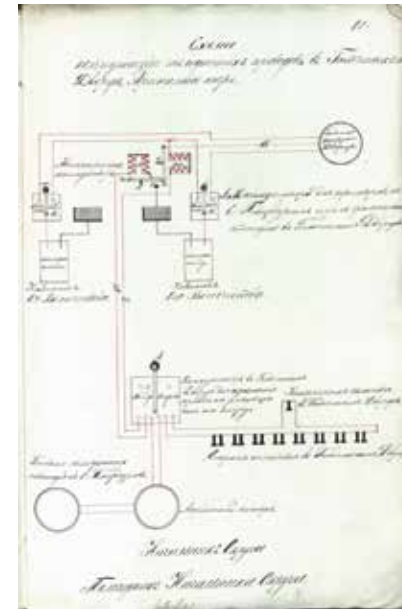
5. Электромобиль королевы Александры.
 Фото 2012

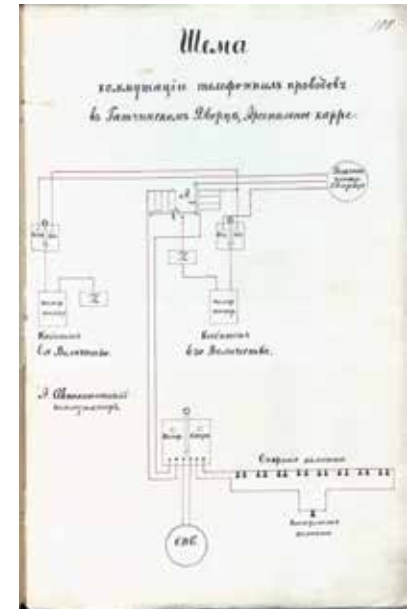
1. Ф. 1209. Оп. 22. Д. 153. Л. 80

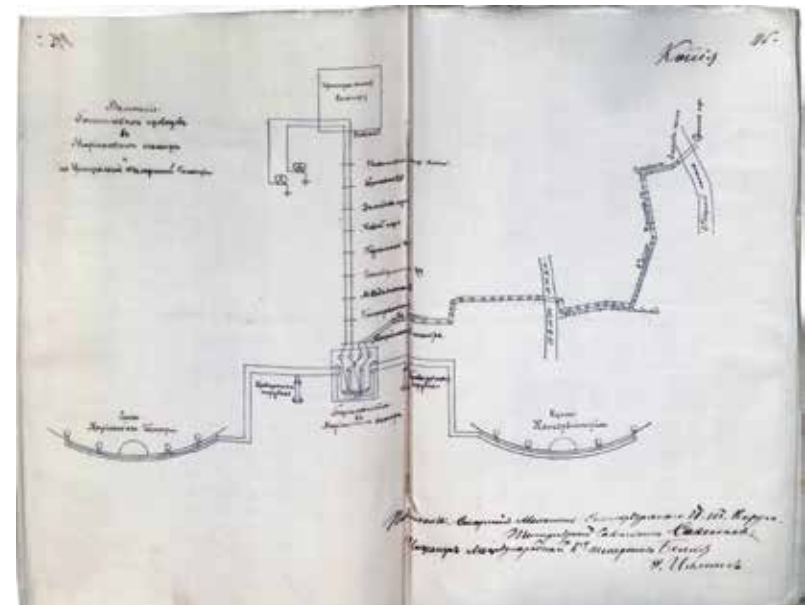
2. Ф. 1209. Оп. 22. Д. 153. Л. 82

3. Ф. 1209. Оп. 22. Д. 153. Л. 83

4. Ф. 1209. Оп. 22. Д. 153. Л. 108

5. Ф. 1209. Оп. 22. Д. 153. Л. 115

1. А.А. Половцов
Фотография. 1870–1880-е

3. Великий князь Михаил Николаевич.
1890–1900-е

2. М.А. Зичи. Последнее заседание Общего собрания Госсовета в здании Эрмитажа в 1884 г. 1885

4. Рисовальная школа барона Штигица в Соляном городке.
Гравюра М. Рашевского с рис. И. Сулова

5. Дом в имении Половцовых Рапти в Лужском уезде

1. М. Зичи. Вынос тела Александра III из Малого дворца в Ливадии

2. Траурное шествие. Санкт-Петербург. Знаменская площадь

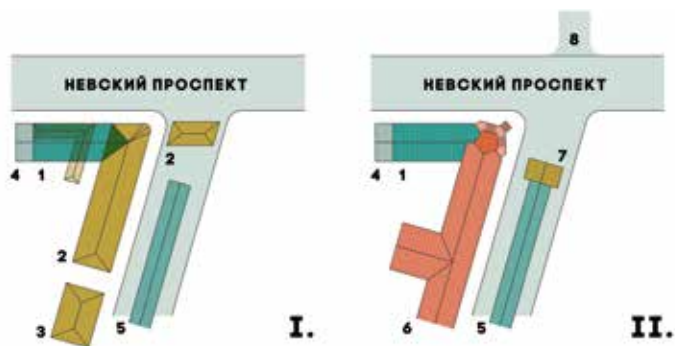
3. Катафалк Александра III в Петропавловском соборе

4. Могила Александра III в Петропавловском соборе. Фото. Конец XIX века

1. Слева направо (фрагменты): Петропавловский собор. Литография А. Дюрана. 1839; Л. Ж. Жакотте; Г.Л.-П. Регаме. Вид Невского проспекта и Городской Думы. 1850; лист из альбома «Виды Санкт-Петербурго-Московской железной дороги». 1851

2. План застройки угла квартала (перекрёсток Невского проспекта и Думской улицы); I. – 1790-е, II. – 1800-е; цифрами отмечены: 1 – Серебряные ряды (Д. Кваренги, 1784–1786) на месте деревянных (1750-е), 2 – каменные лавки (1750-е), 3 – Гильдейный дом (1750-е), 4 – Дом купца Д.В. Кулаева (1766), 5 – Перинные ряды (Д. Кваренги, 1797–1798), 6 – Городская дума (Д. Феррари, 1799–1802), 7 – Портик (Л. Руска, 1805–1806), 8 – Михайловская улица (1819–1825)

3. I. План юго-восточной части укреплений с тремя бастионами Адмиралтейства (сер. XVIII века); II. План внешней стены и башен северного фасада Гатчинского дворца

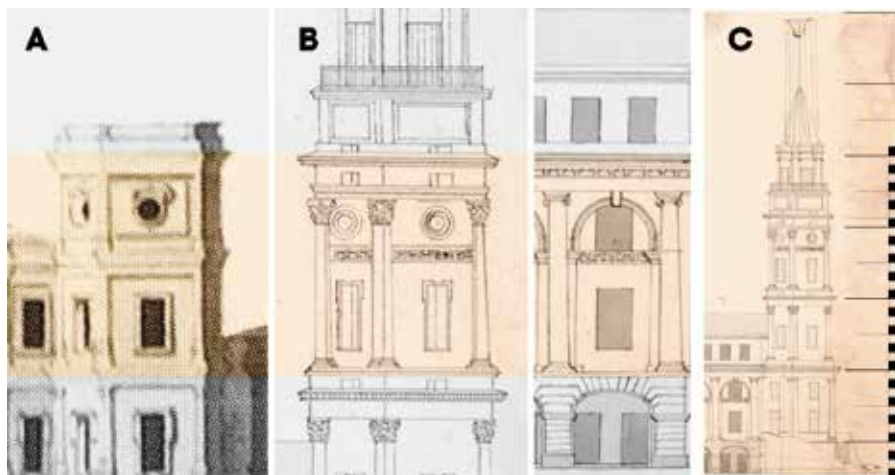
4. Воспроизведённый вид башен на период первой половины XIX века (слева направо): Сигнальная башня Гатчинского дворца. Фото 2000-х [Заретуширован надстроенный Р.И. Кузьминым 4-й ярус – В.А.Н.-Г.]; Башня Городской Думы. Фото 1890-х [Заретушированы семафор и деревянный ярус В.И. Беретти – В.А.Н.-Г.]

5. Слева направо (фрагменты): Г. Л. Лори. Вид со стороны парка на дворец в Гатчине. 1753. ГЭ; Б. Патерсен. Невский проспект у Гостиного двора. 1799–1801

6. I. План Сигнальной башни Гатчинского дворца;
II. План Думской башни

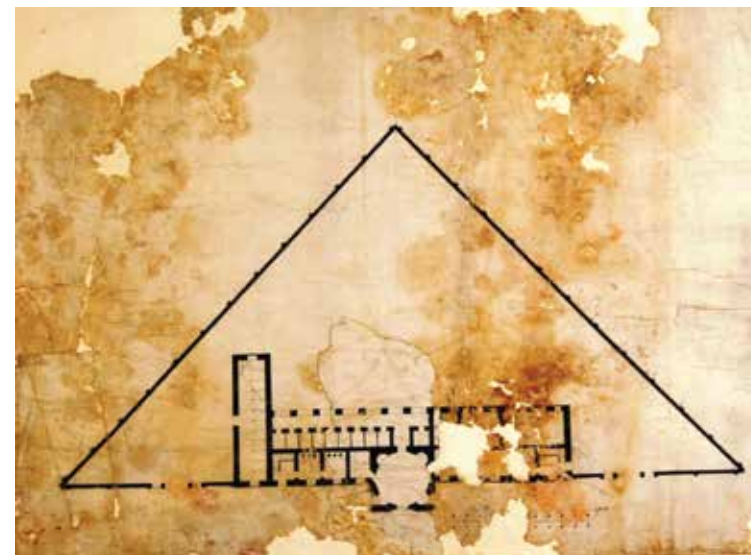

7. Обзор пропорций.

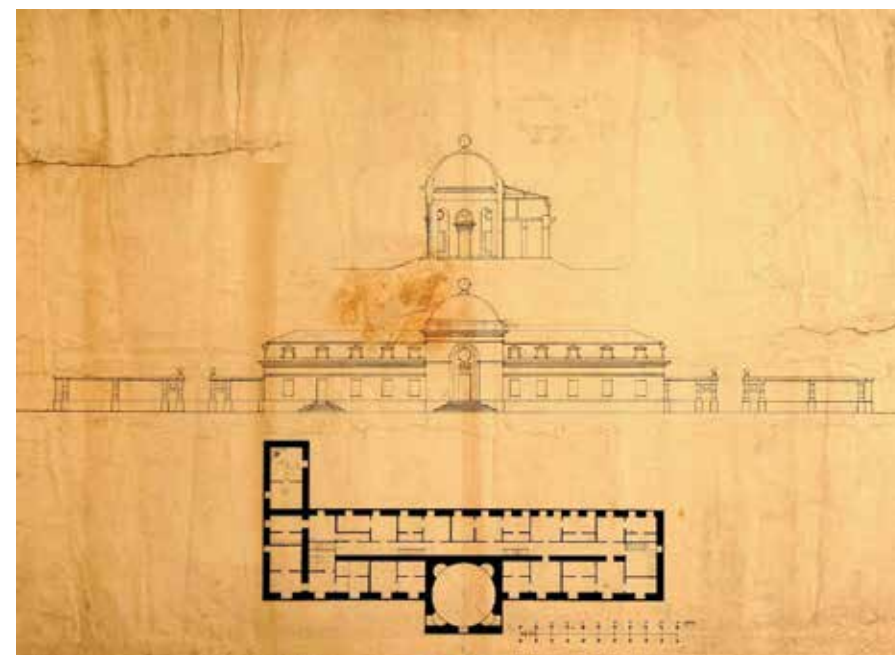
A-B – сопоставление 3-го и 4-го ярусов башни Гатчинского дворца и 3-го яруса Думской башни;
B – сопоставление 3-го яруса башни и части фасада здания Думы (до перестройки);
C – вертикальные пропорции Думской башни (1 минимальное деление = 30 вершков)

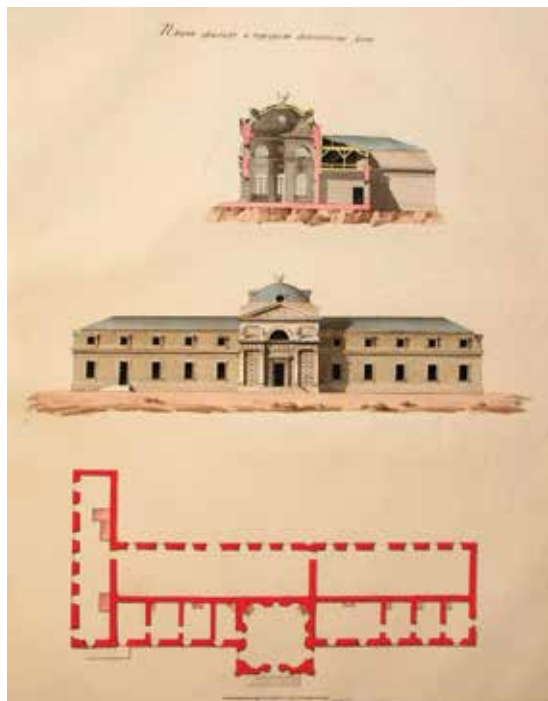
8. Слева направо: Сигнальная башня Гатчинского дворца, башня Городской Думы.
Фото В.А.Н.-Г., 2016

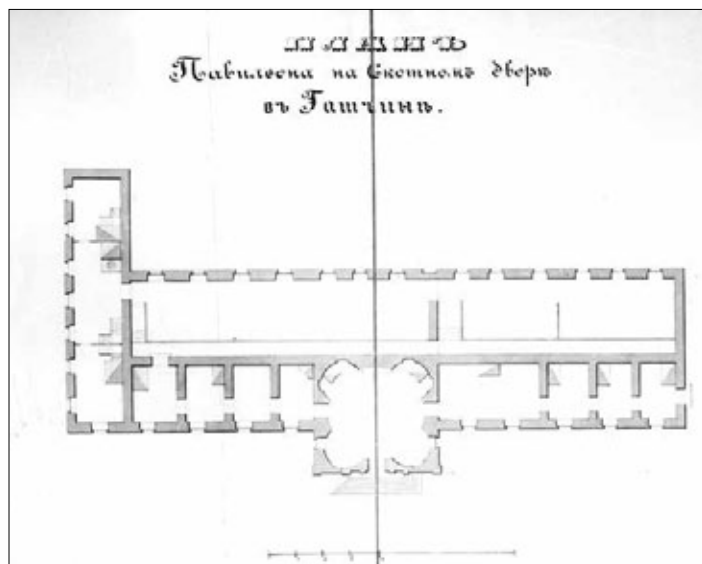
1. Неизвестный автор. Проект плана Дворцовой фермы в Сильвии. 1790-е. ГДМ-57-ХII

2. Неизвестный автор. Проект Дворцовой фермы (план, фасад, разрез). 1790-е. ГДМ-56-ХII

3. План, фасад и профиль Фазанного дома. I-й Кушелевский альбом. ГДМ-39-ХI

4. План павильона на Скотном дворе в Гатчине. Конец XVIII – XIX вв. РГИА

5. Шестаков С.О. Фасад дворцовой фермы в Гатчине. 1885. ГДМ-1234-ХII

6. Сенной сарай. 1949. Научный архив ГМЗ «Гатчина»

7. Жилой дом. Фото К. Иванова. 2015

И. Я. Меттенлейтер. Панорама Гатчинского парка. 1793. ГМЗ «Гатчина»

1. Граф Генрих Брюль

2. Граф Август Кристоф фон Вакербарт

3. Князь Гюнтер I
Шварцбург-Зондерсхаузенский

4. Ландграф Фридрих III
Яков Гессен-Гомбургский

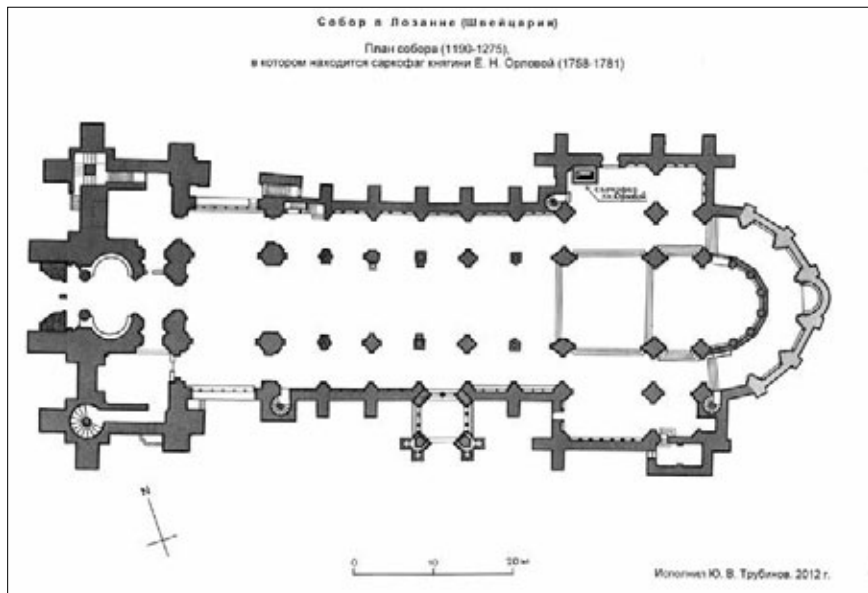
5. Герцог Людвиг-Рудольф Брауншвейг-Вольфенбюттельский

1. И.А. Берсенева. Портрет княгини
Е.Н. Орловой. Гравюра.
1783. (Ровинский Д.А. Одиннадцать
гравюр работы И.А. Берсенева с заметкой
о его жизни. СПб., 1886. Табл. 1)

2. Лозанна. Вид собора из центра города. Фото Ю.В. Трубинова. 2011

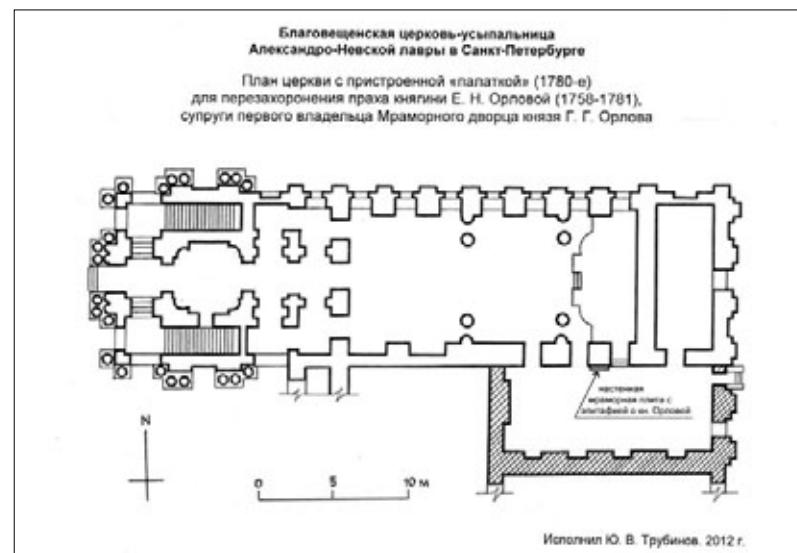
3. Лозанна. Кафедральный собор. План собора с расположением саркофага Орловой.
Чертёж Ю.В. Трубинова. 2012

4. Лозанна. Кафедральный собор. Саркофаг Орловой.
Мастера: М.-В. Брандуан, Ж.-Ф. Доре, Ж.-Б. Трои. 1781–1784. Фото Ю.В. Трубинова. 2011

5. Санкт-Петербург. Благовещенская церковь Александро-Невской лавры.
Фото Ю.В. Трубинова. 2011

6. Санкт-Петербург. Благовещенская церковь. План церкви с «палаткой» и расположением «надгробной» плиты Орловой. Чертёж Ю.В. Трубинова. 2012

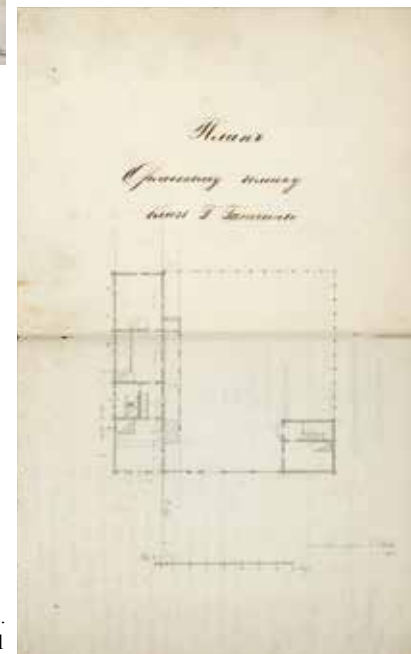
7. Санкт-Петербург. Благовещенская церковь. «Надгробная» плита Орловой в интерьере «палатки». Мрамор. 1783. Фото Ю.В. Трубинова. 2012

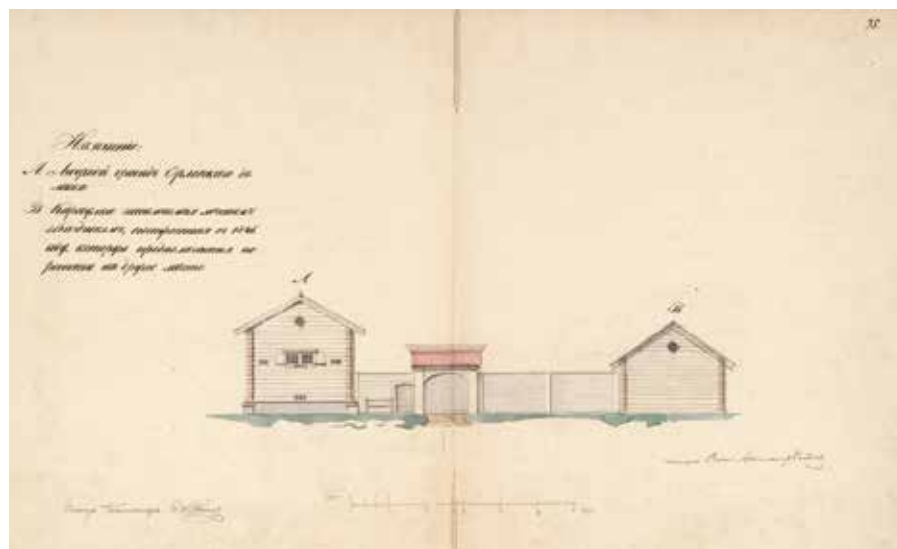
8. Памятный медальон с надписью в честь княгини Е.Н. Орловой. Бронза, золочение. 1780-е. Фото Ю.В. Трубинова. 2012

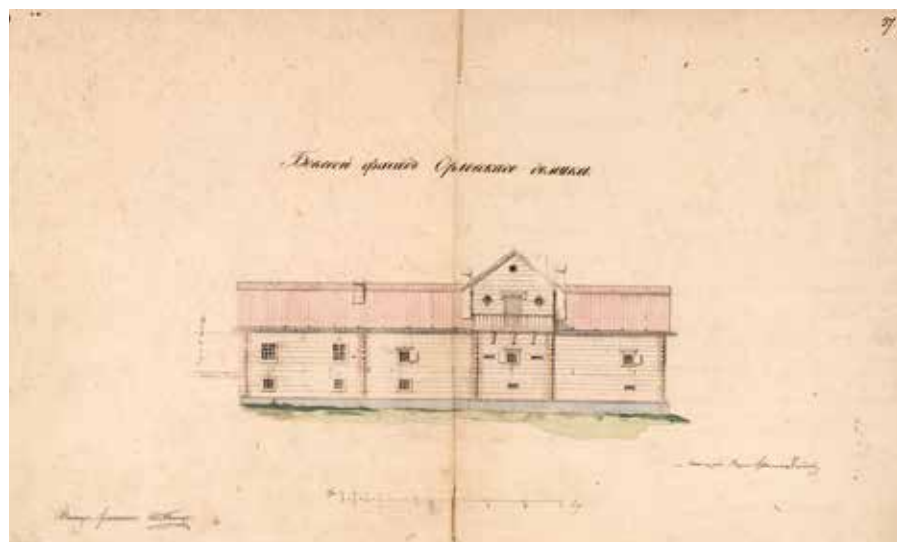
1. РГИА. Ф. 478.
Оп. 1. Д. 104. Л. 18 об.-19

2. РГИА. Ф. 478.
Оп. 1. Д. 104. Л. 20 об.-21

3. РГИА. Ф. 478. Оп. 1. Д. 104. Л. 34 об.-35

4. РГИА. Ф. 478. Оп. 1. Д. 104. Л. 36 об.-37

1. Вид на Дармштадт

2. Алушта. Гора Чатыр-Даг

3. Алушта. Тополевая аллея

4. Встреча принцессы Алисы наследником цесаревичем Николаем в Алуште. 10 октября 1894

1. Кофейник.
Саксония. Мейсенская Королевская
фарфоровая мануфактура.
Каменная масса; черная глазурь,
роспись золотом.
1710-е. ГМЗ «Гатчина»

2. Блюдо из сервиза
«Желтый лев».
Саксония. Мейсенская
Королевская фарфоровая
мануфактура.
Фарфор; надглазурная
полихромная роспись,
позолота.
1729–1730. ГМЗ «Гатчина»

3. Кофейник с «китайскими сценами». Саксония. Мейсенская Королевская фарфоровая мануфактура. Фарфор; надглазурная полихромная роспись, роспись золотом, люстр, рельеф. 1725–1735. ГМЗ «Гатчина»

4. Масленки в виде фигур куропаток и плода граната. Саксония. Мейсенская Королевская фарфоровая мануфактура. Фарфор; надглазурная полихромная роспись, рельеф. Середина XVIII века. ГМЗ «Гатчина»

5. Масленка в виде плода лимона. Саксония. Мейсенская Королевская фарфоровая мануфактура. Фарфор; надглазурная полихромная роспись, рельеф. Середина XVIII века. ГМЗ «Гатчина»

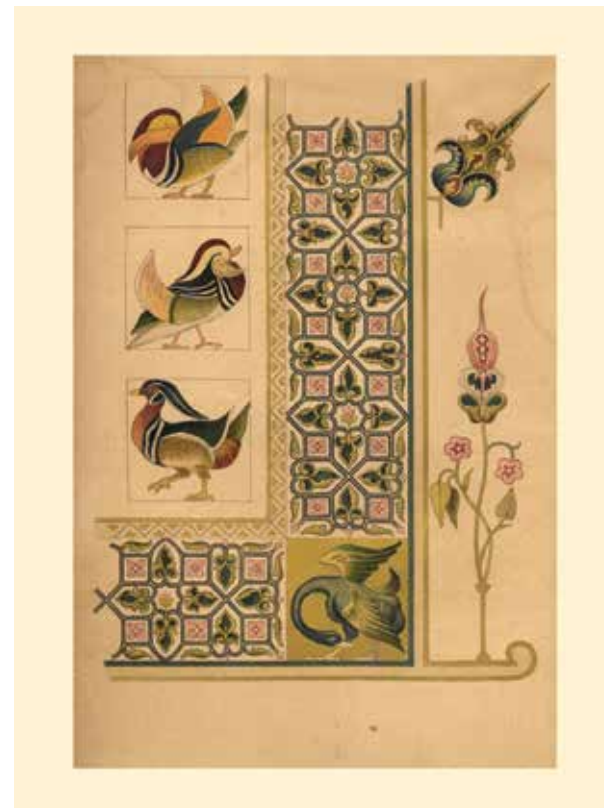
6. Масленка в виде плода артишока. Саксония. Мейсенская Королевская фарфоровая мануфактура. Фарфор; надглазурная полихромная роспись, рельеф. Середина XVIII века. ГМЗ «Гатчина»

1. Рабочий кабинет Александра III в Гатчинском дворце. Фотограф М.А. Величко. Вторая половина 1930-х. НВА ГМЗ «Гатчина»

2. А.А. Половцов.
<http://www.istmira.com/uploads/post/18150-117.jpg>

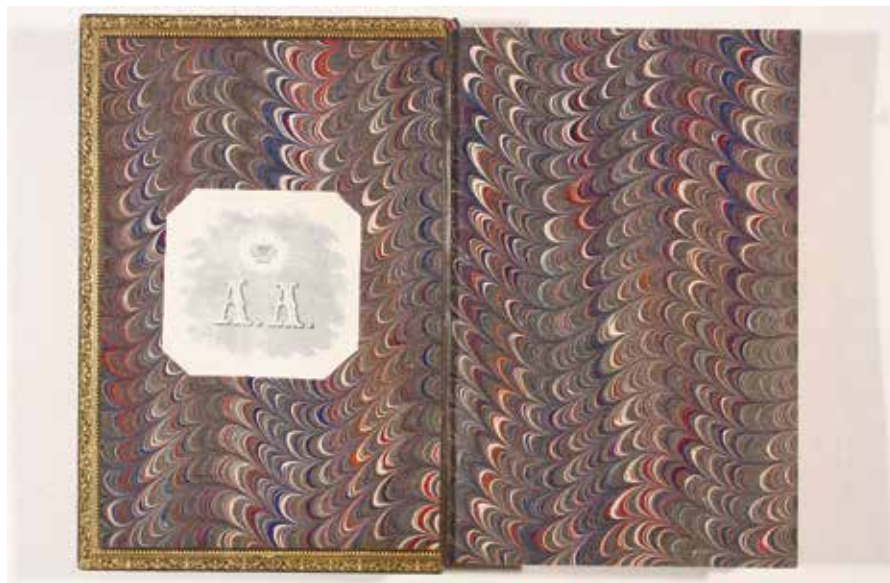
3. Иллюстрация из книги Г.Г. Гагарина «Сборник византийских и древнерусских орнаментов». СПб., 1887. http://books.totalarch.com/files/gallery-gagarin_02.jpg

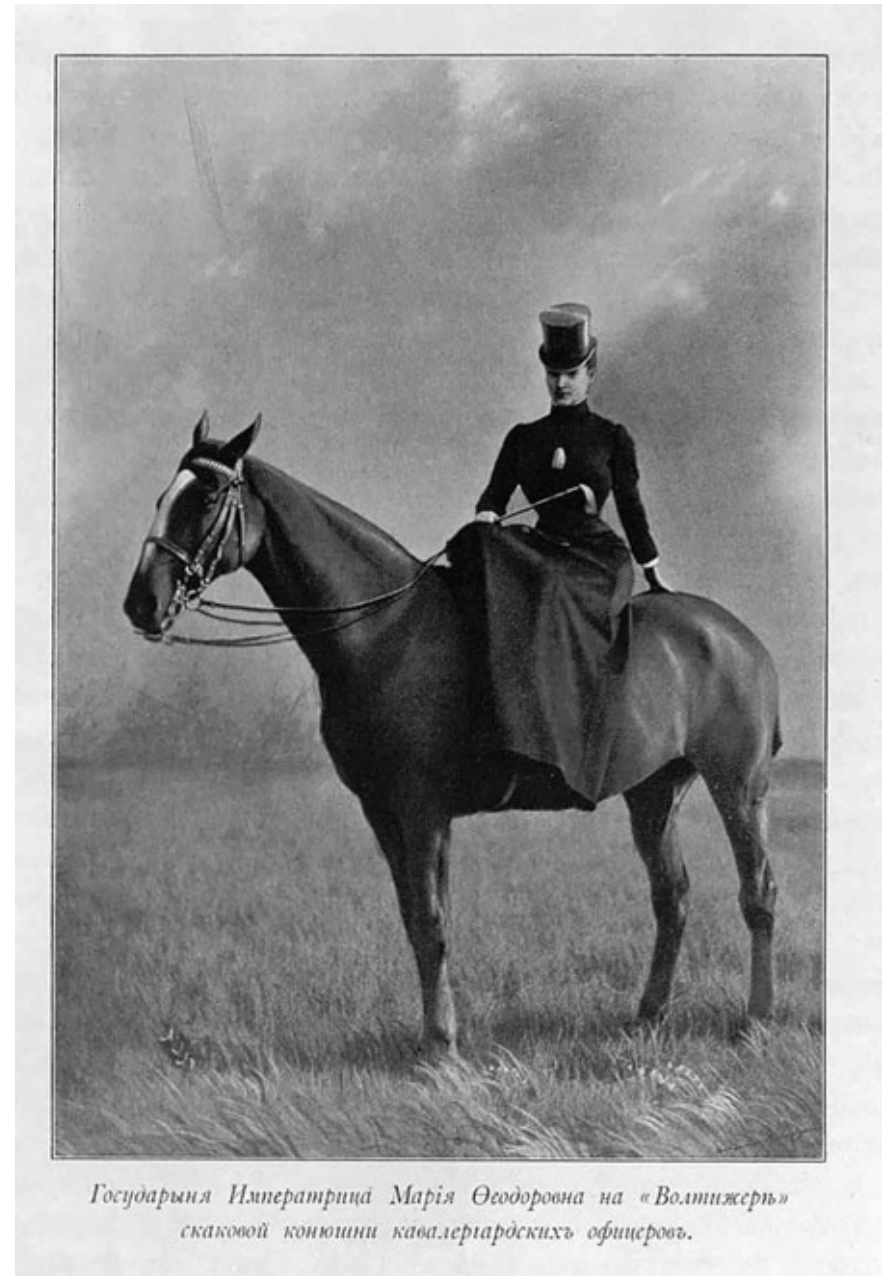
4. Н.И. Кутепов.
Фото из книги: «Лавры, монастыри и храмы на святой Руси». СПб., 1909

5. Титульный лист 1-го тома труда Н. Кутепова об охоте. ГДМ-64-XV

6. Форзацы с экслибрисом Александра III из книги «Императорский Эрмитаж...». СПб., 1889

1. Мария Федоровна на Волтижере

2. Летняя амазонка

3. Амазонка-фрак

4. Английская амазонка

5. Головные уборы

1. М. Скогги.
Портрет архитектора
Р.И. Кузьмина

2. Э. Гау. Большой военный кабинет Николая I

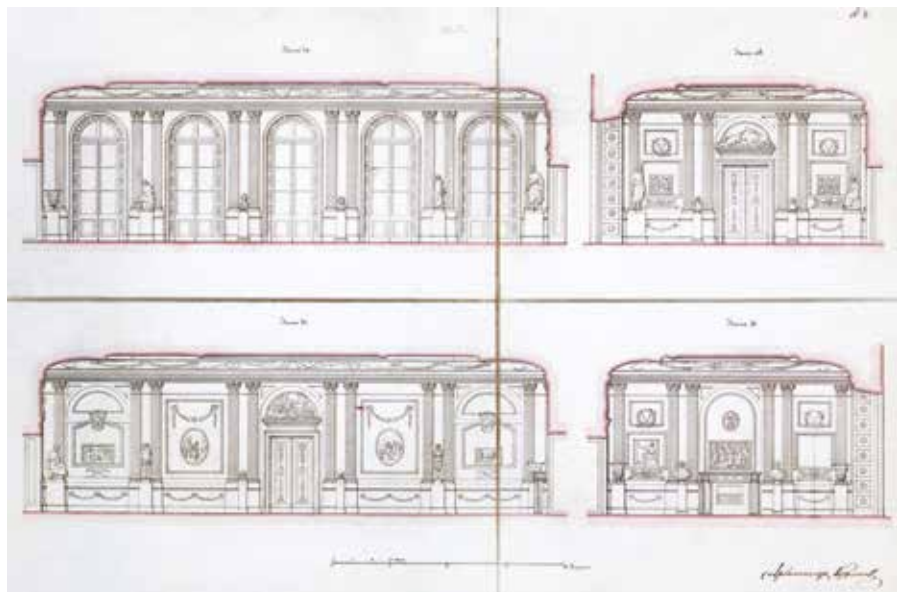
3. Э. Гау. Приемная Николая I. 1808

4. Э. Гау. Башенный или угловой кабинет Николая I. 1807

5. Клеймо мастерской сыновей
Г. Гамбса Петра и Эрнста

1. Белый зал. Разрезы. 1854 (?). Р.И. Кузьмин. ГДМ-182-ХП, ГМЗ «Гатчина»

2. Александр над телом Дария. Рельеф Белого зала. Научный архив ГМЗ «Гатчина»